

А. Н. Приходько

КОНЦЕПТЫ И КОНЦЕПТОСИСТЕМЫ

Монография

Днепропетровск
Издатель Белая Е. А.
2013

УДК 81'42
ББК 81.001.3
П 77

*Печатается по решению Ученого совета
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара
(протокол № 6 от 27.12.2012 г.)*

Рецензенты:

Карасик В. И., д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета;

Огуй А. Д., д-р филол. наук, проф. кафедры германского, общего и сравнительного языкознания Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича;

Шевченко И. С., д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

Ответственный редактор:

Коротун О. В., канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Приходько А. Н.

П 77 Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Днепропетровск: Белая Е. А., 2013. – 307 с.

ISBN 978-617-645-094-8

Книга посвящена изучению одного из актуальных вопросов лингвокогнитологии – онтологической сущности (лингво)концептов и их системной организации в ракурсе когнитивно-дискурсивной парадигмы знания. Особый узел проблематики составляют такие аспекты, как концептивная семантика, типология концептов, их доминанты, механизмы и техники объективации, системная организация концептосферы. Отдельно рассматриваются такие подсистемы, как концептополя и дискурсивные конфигурации концептов, описание которых осуществляется под углом зрения лингвосинергетики, а также пути и способы трансфера концептов и трансформации концептосистем.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов, студентов филологических специальностей гуманитарных вузов.

**УДК 81'42
ББК 81.001.3**

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	7
1. КОНЦЕПТ: ИДЕАЛЬНОЕ, МАТЕРИАЛЬНОЕ, МЕРНОЕ	11
1.1. КОНЦЕПТ КАК МНОГОМЕРНОЕ МЕНТАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.....	12
1.1.1. Эпистемология концепта	12
1.1.2. Основные параметрические свойства концепта	20
1.1.3. Концепт в лингвокультурных дескрипциях	30
1.1.3.1. Концепт в монолингвальном ракурсе	30
1.1.3.2. Концепт в полилингвальном ракурсе	37
1.2. ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ТАКСОНОМИЯ КОНЦЕПТОВ	45
1.2.1. Типы концептов	46
1.2.2. Классы и подклассы концептов	51
1.2.3. Базовые концепты и их концептографическая фиксация	58
1.2.4. Концепты и антиконцепты	66
1.3. СЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ	77
1.3.1. Концепт и знак: апелляция vs. (ре)презентация.....	77
1.3.2. Вербальная объективация концептов	82
1.3.3. Вербальная субъективация концептов	85
1.3.4. Невербальная версификация концептов. Визуализация	94
2. КОНЦЕПТ В РАКУРСЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	98
2.1. МЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ	99
2.1.1. Менталитет и ментальность	99
2.1.2. Ценностные ориентиры и концептуальные доминанты этноса	106
2.2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ.....	112
2.2.1. Абсолютные телеономы ARBEIT и FREIZEIT	113
2.2.2. Абсолютные валоративы FLEISS и SPARSAMKEIT	119
2.2.3. Регулятивные валоративы PFLICHT и PÜNKTlichkeit	128
2.3. ТЕЛЕОНОМНЫЙ ВАЛОРАТИВ «ORDNUNG» КАК МЕРНАЯ ЕДИНИЦА НЕМЕЦКОГО ЭТНИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА	137
2.3.1. Лингвокультурная специфика концепта ORDNUNG	138
2.3.2. Социокультурная значимость концепта ORDNUNG	145
2.3.3. Порядок и беспорядок в немецкой лингвокультуре в сопоставлении с русской и украинской	157

3.	СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОКОРПУСА	168
3.1.	КОНЦЕПТОСФЕРА КАК СИСТЕМНО УПОРЯДОЧЕННАЯ СОВОКУПНОСТЬ КОНЦЕПТОВ	169
3.1.1.	К понятию концептосферы	169
3.1.2.	Основные типы концептосистем	172
3.2.	КОНЦЕПТОПОЛЕ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ	176
3.2.1.	Концептополе микроуровня	177
3.2.2.	Концептополе макроуровня	182
3.2.3.	Концептополевая организация идеи СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА	188
3.3.	ДИСКУРСИВНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ КОНЦЕПТОВ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ	195
3.3.1.	Концепт и дискурс: диалектика взаимодействия	195
3.3.1.1.	Дискурсивно релевантные типы концептов	196
3.3.1.2.	Концептология дискурса vs. дискурсология концепта	203
3.3.2.	Концептуальное пространство дискурса: паттерн «концепты в дискурсе» ..	211
3.3.2.1.	ДКК, обусловленные средой общения	213
3.3.2.2.	ДКК, обусловленные модусом общения	219
3.3.2.3.	ДКК, обусловленные стилем общения	228
3.3.3.	Дискурсивное пространство концепта: паттерн «концепт в дискурсах»	238
4.	ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТОСИСТЕМ И ТРАНСФЕР КОНЦЕПТОВ	249
4.1.	Самоорганизация концептосистем: статика и динамика	249
4.2.	Трансфер и мера транслированности концептов	257
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	266
	БИБЛИОГРАФИЯ	277

С П И С О К УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ И СИМВОЛОВ

А б б р е в и а т у р ы

Д	– дискурс
ДКК	– дискурсивная конфигурация концептов
З	– знак
К	– концепт
КД	– концептуальная доминанта
ККС	– концептуальная картина мира
КП	– концептополе
КСФ	– концептосфера
ЛСГ	– лексико-семантическая группа
НЭМ	– немецкий этнический менталитет
ННЗ	– немецкая народная загадка
ПМД	– постмодернистский дискурс
ПС	– психическое состояние
ФЕ	– фразеологическая единица
ФС	– физическое состояние
ЯКМ	– языковая картина мира

С и м в о л ы

≡	– эквивалентность
≠	– неэквивалентность
≈	– смысловая близость
←, →	– направление трансформационных преобразований
*	– неотмеченность явления
⊃ ⊆	– операторы импликации (включения)
∈	– оператор принадлежности

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лингвоконцептология – относительно новая область междисциплинарного знания, которая возникла в конце XX ст. и уже зарекомендовала себя как жизнеспособная научная дисциплина с вполне определенным объектом, четко очерченной предметной областью и устоявшимся исследовательским аппаратом. Прорастая на пересечении лингвокогнитологии, лингвокультурологии, лингводискурсологии и других родственных дисциплин, лингвоконцептология старается по-новому взглянуть на такие извечно актуальные проблемы, как система и структура языка, язык и знание, язык и мышление, язык и его пользователь.

Выполненная в русле данных представлений о языке, культуре и человеке, данная монография является в определенной степени исправленным, дополненным и актуализированным переизданием предыдущей книги автора «Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики» (Запоріжжя: Прем'єр, 2008). Необходимость нового издания стимулировалось, прежде всего, осознанием того факта, что за этот довольно небольшой промежуток времени и в самой лингвистике, и в лингвоконцептологии появилось немало оригинальных работ и просто свежих идей.

В связи с этим возникла настоятельная необходимость что-то переосмыслить, а что-то пересмотреть и даже исправить. Так, на фоне уже в определенной степени устоявшихся постулатов когнитивно-коммуникативной лингвистики автор счел целесообразным отказаться от главы «Когнитивно-дискурсивная парадигма». По этой же причине и в связи с постепенным «ускользанием» из предметного поля лингвистики пришлось отказаться и от раздела об этосе и путях его стереотипизации в национальных картинах мира.

Вместо этого была пересмотрена, исправлена и расширена глава, посвященная дискурсивным конфигурациям концептов, в частности в тех ее положениях, которые касаются диалектики взаимодействия концепта и дискурса, модуля и стиля общения. Значительные изменения произошли и в главе, посвященной концептополю и проблеме иерархического устройства когнитивно-семантических пространств.

Автор надеется, что и в такой своей редакции книга окажется полезной для специалистов и всех интересующихся соответствующей проблематикой и что она сможет стимулировать полет научной мысли тех, кто работает в области лингвоконцептологии и лингводискурсологии.

В В Е Д Е Н И Е

На изломе тысячелетий четко оформилась ориентация научной мысли на конвергентное изучение когнитивных и коммуникативных аспектов деятельности. Синтез этих двух функций с позиций лингвофилософских взглядов на структуру и функции языка определяет в основных своих чертах интегральную когнитивно-дискурсивную (когнитивно-коммуникативную) парадигму лингвистики, которая рассматривает речевую деятельность на фоне внутренних ментальных процессов и признает язык универсальной формой концептуализации действительности и рационализации опыта, выразителем априорного знания о мире.

Это предопределяет повышенный интерес к изучению языковых единиц не только в единстве их когнитивных свойств и дискурсивных параметров, но и под углом зрения новых языковедческих дисциплин, развившихся в лоне когнитивно-коммуникативной парадигмы знания: лингвосемиотики, лингвофилософии, лингвопрагматики, лингвокультурологии, лингвосинергетики и пр. Но ни одна из этих областей не может претендовать на абсолютную автономность. Каждая научная дисциплина решает свои задачи, привлекая наработки сопредельных областей и, в свою очередь, поставляя полезный материал для других сфер знания. Интенсивными темпами растёт число междисциплинарных исследований, отличающихся комплексным рассмотрением объекта, систематизирующих и обобщающих данные разных наук о нем, устанавливая его специфичность в определенной науке и общенаучный статус в целом.

За счет такой кооперации выигрывает и вся лингвистика: она расширяет свой эпистемический кругозор, обогащается новым знанием, прирастает новыми идеями, процедурами и техниками анализа. В результате этого на передовые позиции выдвигается изучение таких моделей репрезентации знаний, как картина мира, сценарий, фрейм, стереотип, концепт и т. п. Среди них наиболее востребованным и в то же время наиболее спорным оказывается центральное понятие лингвокогнитологии – концепт. «Концептуальный бум» [Сусов 2006: 15] последних десятилетий делает нас свидетелями возникновения кардинально новой области языкознания – лингвоконцептологии, стремящейся переосмыслить структуру и семантику языковых единиц в измерениях этно-, социо- и (суб)культурных категорий.

Методологическим фундаментом лингвоконцептологии остается триада «форма – содержание – функция», но интерпретируемая в интер- и мультидисциплинарной

перспективе. Это означает, что лингвоконцептология поворачивается к каждой из частей данной триады разными гранями, находит свой собственный и оригинальный способ перекинуть мостик между формой и лингвосемиотикой, между содержанием и лингвокогнитологией / лингвокультурологией, между функцией и лингвопрагматикой / лингводискурсологией. Радиальные векторы, расходящиеся в разные стороны от данного центра научной рефлексии, образуют концентрические круги знания, которые и являются питательной средой и двигателем лингвоконцептологии, но наиболее тесно она взаимодействует с лингвистической, а точнее – с лексической семантикой.

Время от времени в научной общественности раздаются голоса о том, что лингвоконцептология дублирует объект и предмет лингвосемиотики с использованием новой терминологии – в частности, того же термина «концепт», который будто бы обозначает то же самое – архисему, или прототипичное имя той или другой ЛСГ (например, ДОБРО, ВРЕМЯ, СЧАСТЬЕ, РАБОТА). На самом же деле лингвоконцептология – это не смена вывески на лаборатории лингвистической семантики, а новый поворот в ее научном осмыслении, в котором отражается процесс познания на новом витке эволюционной спирали языкознания.

По сравнению с традиционной семантикой лингвоконцептологический подход к изучению, интерпретации и систематизации материала согласно В. И. Карасику отличается:

- *направленностью на расширение и углубление общегуманитарного знания, а потому такой подход обладает значительно большей объяснительной силой (экпланаторностью) относительно универсальных и этноспецифичных характеристик культуры, языкового сознания, сценариев коммуникативного поведения, путей и способов трансфера знания;*

- *привлечением в сферу описания методологического потенциала и данных других наук, содействующих интегративному пониманию структуры и системы языка в диалектическом единстве анализа и синтеза;*

- *рассмотрением семантики языковых единиц под углом зрения этно-, социо- и (суб)культурной перспективы, расширяющих горизонты научных поисков и творческих находок;*

- *пополнением исследовательского аппарата языкознания инновационными методами, приемами и процедурами, обогащением его новым эмпирическим материалом, пригодным для дальнейшего использования в других областях лингвистического знания.*

Будущий относительно молодой областью языкознания, лингвоконцептология все еще находится на стадии своего становления. Вопреки своей определенности

с целью, объектом, предметом и методами, которые уже зарекомендовали себя во множестве специальных исследований, посвященных разработке теоретических положений и прикладному описанию концептов, лингвоконцептология имеет еще немало белых пятен, поставленных, но неразрешенных задач, спорных и даже остродискуссионных проблем. Ее бескрайнее поле открывает широкие перспективы для исследовательской инициативы и полета научной фантазии.

Сегодня амплитуда прикладного использования термина «концепт», наверное, достигла своего апогея. Сейчас без преувеличения можно говорить о «концепт/ив/ной экспансии» лингвистики, для которой он стал в определенной мере «лакомым» объектом изучения, что имеет не только положительные, но и отрицательные последствия. Последние связаны, во-первых, с подменой концепта смежными или близкими лингвистическими феноменами, с отождествлением концепта и понятия, концепта и значения, а концептологии – с лексикологией. Во-вторых, некоторые лингвисты – специалисты в области далеких от концептологии дисциплин (даже те, кто давно потерял научную форму) – вдруг возомнили себя специалистами именно в области концептологии, что не лучшим образом сказывается на самом концепте и методах его изучения. Эти и другие моменты стали главным стимулом в создании настоящей книги.

Настоящее исследование как раз и посвящено одному из малоизученных вопросов лингвокогнитологии – онтологической сущности, лингвокультурной значимости, системной организации и социодискурсивной актуализации ее основной единицы – концепта – под углом зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы, что предполагает сфокусированность внимания на потенциальных и реализационных свойствах, которые, соответственно, объективируются в языке (системе) и субъективируются в речи (дискурсе). Оба свойства как раз и образуют предмет рефлексии и задают общую архитектуру данной книги.

В *первой главе* освещаются методологические вопросы лингвоконцептологии и ее основной единицы – концепта – как многомерного ментального образования в единстве его понятийной, перцептивно-образной и ценностной составляющих. Здесь же решается проблема лингвокогнитивной таксономии концептов: выделяются их типы, классы и подклассы. Особое внимание уделяется вербальным и невербальным техникам «овнешнения» концептов: объективации, субъективации, профилизации и т. п. Решение таких задач требует углубления когнитивно-семантических представлений относительно феномена «концепт» и позволяет пересмотреть существующие взгляды на его природу и сущность.

Во *второй главе* постулируется идея этнокультурной маркированности (лингво)концепта, которая решается через определение таких культурно релевантных

явлений, как ментальность, менталитет, национальная идентичность и т. д. На их базе разрабатывается теория концептуальных доминант, находящая свое дальнейшее освещение на примере немецкого этнического менталитета. Особое внимание при этом уделяется комплексному описанию телеономного валоратива ORDNUNG с последующим сопоставлением его с украинским и русским аналогами. Здесь постулируется идея о центральном месте концепта в конституировании ценностной картины мира.

В *третьей главе* фокус внимания перемещается на системную организацию концептосферы – упорядоченную совокупность концептов определенного этноса. Исходя из того, что концепт является продуктом дискурса, выделяются и описываются два типа концептосистем – концептополя и дискурсивные конфигурации концептов. При этом первые рассматриваются как способ организации когнитивно-семантических, а вторые – социодискурсивных пространств.

В *четвертой главе* концепты интерпретируются в параметрах стабильности и изменчивости – синхронной статики и социокультурной динамики. Специальный параграф посвящен проблеме трансфера концептов и мере их транслированности.

Предложенный когнитивно-дискурсивный взгляд на феномен «концепт» в рамках системологии не может претендовать на полноту и совершенство. Знание человека всегда относительно и не может абсолютно адекватно отображать систему явлений объективного мира, а потому любая концепция, теория или парадигма остается в определенной мере извечно несовершенной, и в тот же время понимание этой истины является мощным стимулом для поиска новых путей, подходов и методов познания объектов эпистемической рефлексии.

Г л а в а 1

КОНЦЕПТ: ИДЕАЛЬНОЕ, МАТЕРИАЛЬНОЕ, МЕРНОЕ

Проблема связи языка и мышления всегда занимала одно из центральных мест в лингвистике. На современном этапе развития науки благодаря возрастающей интеграции со смежными науками, появилась возможность по-новому взглянуть на эту фундаментальную проблему. До середины XIX ст. проблема взаимосвязи языка и мышления рассматривалась преимущественно в философском аспекте. В языкознании первым, кто поставил эту проблему во главу угла, был В. Гумбольдт, который выдвинул предположение об основополагающем влиянии умственной деятельности на деятельность речевую. Язык, по В. фон Гумбольдту, – это не просто инструмент для выражения мысли, но еще и средство ее формирования, оказывающее влияние на сам процесс мышления.

Одновременно с теоретическими разработками проблем лексического значения в психологии велись работы в области природы речемыслительной деятельности человека. В 1930–50-е гг. Л.С. Выготский провел серию экспериментов, в результате которых была подтверждена гипотеза о диалектическом единстве языка и мышления у взрослого человека и доказан факт их взаимного влияния: внутренняя речь влияет на умственные процессы, а умственно-познавательная деятельность, в свою очередь, формирует лингвокогнитивные структуры, являющиеся основой речевой деятельности.

Однако не только опыт когнитивной лингвистики свидетельствует о давних корнях лингвоконцептологии. Косвенным образом концепты изучались и в философии, и в лингвистике. Семасиологическое и ономасиологическое направления в лексикологии, исследование понятийных категорий, изучение лексико- и функционально-семантических полей, поиски «семантических примитивов» (А. Вежбицкая) как когнитивной первоосновы естественных языков позволили выработать соответствующий методологический инструментарий и накопить огромный и разнообразный языковой материал для осознания путей и способов ментального освоения мира человеком.

Лингвофилософия с ее извечным вопросом о соотношении языка и мышления, лингвокогнитология с ее рефлексиями относительно знания и сознания, лингвосемантика с ее изысканиями в области значения и смысла, лингвокультурология с ее поисками универсального и этноспецифичного – все они стали,

в сущности, той стартовой площадкой, на которой концепт получил путевку в научную жизнь. Приблизительно с 90-х гг. прошлого столетия в русской лингвистической мысли началась его активная широкоформатная эксплуатация. За это время «концепт» как бывший аналог «понятия» сузил свой объем и расширил свое содержание. Наполнившись дополнительными свойствами, он стал сначала «культурным концептом», потом «лингвокультурным концептом» и, в конце концов, – «лингвоконцептом» в качестве родового термина для понятия, значения, смысла, представления, образа.

Учитывая это, актуальным представляется выяснение вопросов относительно онтологической сущности концепта как конститутивной единицы лингвоконцептологии, таксономии концептов, техник «овнешнения» и пр.

1.1. КОНЦЕПТ КАК МНОГОМЕРНОЕ МЕНТАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

1.1.1. Эпистемология концепта

Проблема человеческого начала в языке стала на рубеже XX–XXI ст. одной из центральных в лингвистике. К процессам, происходящим в ней сегодня, несомненно, можно отнести постепенное, но последовательное изменение научной парадигмы, вызванное осознанием той истины, что язык нельзя постичь без учета фигуры ее творца и ее пользователя. Эта фигура является одновременно и фигурой наблюдателя, который становится главным объектом когнитивно-коммуникативного изучения речевой деятельности.

Тем не менее, существует и принцип обратимости позиции наблюдателя. Его суть заключается в том, что при рассмотрении какого-либо объекта выбор перспективы может быть изменен, вплоть до обратного. Диалектика подсказывает: объект всегда богаче суммы тех признаков, свойств и параметров, которые в нем обнаруживает субъект. Если язык отображает особое видение мира, то и отражение в нем позиции наблюдателя отвечает общей субъективности отраженных и закрепленных в нем смыслов: одно и то же явление может быть истолковано и описано по-разному, с использованием разных языковых средств, что, в свою очередь, предусматривает наличие разных деталей, нюансов, признаков, способствующих накоплению знания.

Феномен «знание» является не только объектом изучения эпистемологии, но и одним из главных объектов интереса когнитивной лингвистики. Его постижение

через концептуальные структуры сопряжено с новым подходом к уяснению таких сугубо лингвистических понятий, как «значение», «смысл», «понятие», «категория» и, конечно же, «концепт».

Будучи вместе с тем основной единицей и концептологии, и лингвокультурологии, концепт отличается неоднозначностью и противоречивостью своего толкования. Этот факт отражается уже в том, что и сам термин «концепт» не является устоявшимся и единственно возможным для обозначения ментальных образований. Нередко его употребляют синонимически наряду со «стереотипом», «архетипом», «прототипом», «ментефактом», «символом», «гештальтом», «культуремой», «логоэпистемой» и пр. Такой терминологический разброс свидетельствует не столько об отсутствии единства точек зрения относительно природы и функций концепта, сколько о богатстве его признаков и свойств, снова и снова открываемых субъектом-исследователем.

Этой же причиной можно объяснить и тот факт, что феномен «концепт» все еще не нашел своего однозначного и непротиворечивого определения. Даже такой авторитетный источник, как «Краткий словарь когнитивных терминов» дает довольно размытую его дефиницию («оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996: 90]), в котором одна неопределенная абстракция объясняется через другие, еще менее определенные абстракции. Это касается и почти классического толкования концепта известным когнитологом Моникой Шварц как «элементарной ментально организованной единицы, выполняющей функцию хранения знаний о мире в абстрактном формате» [Schwarz 1996: 55].

Наиболее активно ученые подчеркивают в концепте такие его признаки, как знание, культура, психология, оценка, которые ложатся в основу той или другой дефиниционной модели (исчерпывающий обзор см. [Шевченко 2006]).

Дефиниционная модель «*концепт* ≡ *эпистемическое образование*» базируется на осознании информационных истоков знания и опыта человека, являющихся синтезом эмпирической, логической, гносеологической, когнитивной и пр. видов его активности. Ср.: К – «все, что мы знаем об объекте» [Телия 1996: 40]; К – это то, что «реконструируется через свое языковое выражение и внеязыковое знание» [Телия 1996: 97]; К – это «сведения о том, что индивид знает, думает, воображает об объектах; то содержание, которое представляют когнитивно базисные подсистемы мысли и знания» [Павиленис 1983: 241]; К – «своеобразные кванты знания, которыми человек оперирует в процессе мышления» [Шафиков 2007: 16]; К – «некоторое представление некоторого знания (пред-знания)

в его обобщенном виде» [Прохоров 2009: 154]; К – «культурно-обусловленное знание об объекте, феномене, событии» [Филатова 2005: 207]; К – «коллективное знание, преломленное через личный опыт и эмоционально-оценочное переживание, объективируемое в материальных продуктах деятельности социальных институтов (культуры, искусства, литературы, СМИ и пр.), которое в процессе социализации овладевается, присваивается и тем самым субъективируется, становясь реальной формой сознания индивида» [Мартинюк 2009: 34].

Дефиниционная модель «*концепт* \equiv (*психо*).*ментальное образование*» предполагает его понимание как продукта сознания – высшей формы отображения действительности в психике человека. Эта модель основывается на ментальных и/или психических ресурсах сознания, памяти и мозга, ментального лексикона, картины мира. Ср.: К – «базовая единица ментальной репрезентации» [Clausner 1999: 2]; К – «мысленное образование, которое замещает в процессе мышления огромное множество предметов одного и того же рода» [Лихачев 1997: 281]; К – «дискретная содержательная единица коллективного сознания, которая отображает предметы реального или идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин 1998: 28]; К – «ментальное образование, которое представляет собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизированные фрагменты опыта» [Карасик 2005: 61]; К – «целостный комплекс, который включает в себя не только чистый смысл, но и связанные с ним проявления ментальности (стереотипов мысли), воли и эмоций» [Бардина 2009, с. 10].

Наиболее последовательно специалисты отстаивают понимание концепта в дефиниционной модели «*концепт* \equiv (*этно*).*культурное образование*» («этно-концепт»). Оно базируется на осознании той роли, которую играет национальная культура в жизни социума, и отражает представление о том, что концепт является точкой пересечения между миром культуры и миром индивидуальных смыслов. Ср.: К – «концентрированное выражение духовно-эмоционального опыта определенного этноса» [Голубовська 2004: 92]; К – «сгусток культуры в сознании человека, то, при посредничестве чего человек сам входит в культуру» [Степанов 1997: 40]; К – «своеобразный культурный ген, который входит в генотип культуры» [Ляпин 1997: 16]; «культура – это совокупность концептов» [Маслова 2004: 149], «ментефакт культурного пространства», «максимально абстрагированная идея культурного предмета» [Красных 2003: 266, 269].

Рассматривается объект нашего внимания и в модели «*концепт* \equiv (*прагма*).*регулятивное образование*», отражающей интенциональный характер использования ментальных сущностей в дискурсе. Речь идет об их способности

регулировать и направлять коммуникативное поведение, определять этноспецифические нормы, стратегии и стереотипы общения [Абрамова 2007; Долец 2001; Леонтович 2005; Тер-Минасова 2000]. Ср.: «Концепт – это сложившаяся совокупность правил и оценок элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении» [Прохоров 2009: 159].

Наиболее последовательно специалисты отстаивают понимание концепта в модели «*концепт* \equiv *аксиологическое образование*», которая основывается на феномене «духовная ценность»: общественные представления о добре и зле, красоте и уродстве, любви и ненависти, правде и неправде, справедливости и несправедливости и пр. Вовлечение этих категорий в орбиту анализа концепта позволяет говорить о «ценностных доминантах культуры» (В. И. Карасик), «терминах духовной культуры» (Ю. С. Степанов), «экзистенциальных смыслах» (Н. А. Красавский), что в конце концов определяет степень идентичности концептов для всех членов лингвосоциума.

Нередко исследователи рассматривают концепт синтезированно, объединяя в одной дефиниции, по меньшей мере, два из вышеупомянутых признаков, и говорят о многослойной сущности концепта. Независимо от того, приверженцем какой точки зрения является тот или иной лингвист, он не останавливается на каком-то одном свойстве концепта. В конечном итоге ведущим признаком последнего признается определенное идеальное начало (знание, информация, психика, ментальность) – своеобразный энергетический ореол, перекидывающий мостик между национальным языком и национальным мировосприятием. А. Вежбицкая пишет, что концепт – это «объект из мира «Идеальное», имеющий имя в языке и отображающий культурно обусловленные представления человека о мире «Действительное» [Вежбицка 1999: 18].

Тем не менее, идеальный характер концепта в комплексе с его ведущими признаками позволяет считать его явлением синкретического порядка. Наиболее удачно это подчеркнуто в определении концепта как дискретного ментального образования, являющегося базовой единицей мыслительного кода человека, который владеет относительно упорядоченной внутренней структурой, представляет собой результат познавательной деятельности, несет комплексную, энциклопедическую информацию о предмете / явлении, которое оно отображает, об интерпретации этой информации общественным сознанием, а также об отношении сознания к этому предмету или явлению [Рудакова 2005: 14].

Вполне закономерно, что идеально-синкретическое восприятие феномена неизменно приводит к пониманию того факта, что не менее важным параметром концепта является его материальное начало – языковое воплощение. Очевидно, именно этот факт обусловил уточнение концепта как «бита этнокультурной информации, которая отражает мир национального восприятия предметов и понятий, обозначенных языком» [Манакин 2004: 23]. Органичное единство таких начал концепта, как «знание» и «(этно)культура», в контексте их оязыковления подчеркивает и С. Г. Воркачев: «...концепт – это культурно маркированный вербализированный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму; единица коллективного знания, которая имеет языковое выражение и которая отмечена этнокультурной спецификой» [Воркачев 2001: 47–48].

Не в меньшей мере концепт отражает знания и представления относительно материальных объектов, так как охватывает их конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки. «Концепты – своеобразные культурные гены, которые входят в генотип культуры и, вероятно, определяют феноменологическую поверхность культуры, ее фенотип. Это интегративные, функционально-системные, многомерные (по меньшей мере, трехмерные) идеализированные формообразования, которые, самоорганизуясь, опираются на понятийный (или псевдо- или допонятийный) базис и закрепляются в значении какого-либо знака: научного термина, слова (словосочетания) или более сложной лексико-грамматико-семантической структуры или невербального предметного (квазипредметного) образа или предметного (квазипредметного) действия...» [Ляпин 1997: 16–17].

Еще одно важное свойство концепта – множество способов языковой апелляции к нему (*входов в концепт*), т. е. возможность его выражения с помощью единиц разных уровней – лексем, фразеологизмов, словосочетаний, предложений (*интразона*, по Г. Г. Слышкину). С другой стороны, и сама знаковая единица может отсылать к разным концептам, что позволяет создавать утонченные языковые фигуры, основанные на амбивалентности: загадки, эвфемизмы, подтексты, намеки, насмешки и т. п. (*выходы из концепта, экстразона*).

Указанные свойства концепта будут неполными без учета других его свойств, обнаруженных специалистами в ходе пытливых исследовательских поисков, которые на основании обобщения существующего опыта сформулировали и обосновали такие дополнительные характеристики концепта, как комплексность бытования, ограниченность сознанием носителя, условность и нечеткость, изменчивость, сложноструктурированность, трехуровневое языковое воплощение [Алимурадов 2004; Слышкин 2004; Степанов 1997 и др.]. Примером такой характеристики

концепта является «магистраль» Ю. Е. Прохорова [2009: 154–159], предложившего целый перечень определений концепта в виде своеобразного экстракта из собственных размышлений о нем.

Метаязыковое именование (нейминг) концептов представляет собой особую проблему. А. Вежбицкая настаивает на обязательном наличии у концепта имени [Вежбицка 1999: 18], И. Я. Стернин и М. В. Пименова – на его рассеянности среди языковых знаков [ВКЛ 2005: 9], а А. Филатова – на необязательности однозначной привязки концепта к своему имени [Филатова 2005: 207]. И это не случайно, так как одним из важнейших следствий семантической многомерности концепта является его внутренняя расчлененность – «дискретная целостность смысла» [Ляпин 1997: 19]. В этом смысле концепт первичен, а его имя – вторично. Первичность концепта и вторичность его имени является важной методологической предпосылкой данной работы.

Мысль о том, что в языковом сознании сначала появляется концепт, а уж затем ему подыскивается имя, весьма убедительно показал Борис Акунин на примере одного явления, всегда существовавшего в русской культуре. Сформулировав его (явление) как комплекс человеческих качеств, состоящих из стремления к саморазвитию, из обладания чувством собственного достоинства, самоуважением, ответственностью, выдержкой и мужеством, из уважительного и эмпатичного отношению к другим людям¹, он лишь спустя некоторое время сумел подобрать для него имя – АРИСТОНОМИЯ. Далее писатель Акунин показал мастер-класс, которому могли бы позавидовать многие концептологии, отменного концептуального анализа этой ментальной единицы.

Исследователю не всегда легко определиться с дилеммой, как нужно именовать тот или иной концепт, оказавшийся в фокусе внимания: языком его интериоризации или языком его вербализации. Если исходить из того, что концепт суть психо-лингво-культурный феномен, то, соответственно, и его отражение в другой лингвокультуре будет иным.

Представляется, что здесь нужно оперировать тем именем, которое ему присвоено в соответствующем языке. Так, для английского языка корректнее было бы именовать объект анализа не термином «концепт ГАРМОНИЯ» [Луньова 2006], а «концепт HARMONY», не «концепт СТРАХ» [Борисов 2005], а термином «концепт FEAR», не «концепт ЗЛОЧИНЕЦ» [Горобец 2007], а «концепт CRIMINAL», не «концепт ПРИВАТНОСТЬ» [Прохвачева 2000], а «концепт PRIVACY», не «концепт ВЛАДА» [Гайдученко 2009], а «концепт МАСНТ», не «концепт ВЛАСТЬ» [Чорновол-Ткаченко 2007], а «концепт POWER».

¹ Акунин Б. (Чхартишвили Г.). Аристонмия. – М.: «Захаров» 2012. – С. 280.

Неправомерно также употреблять имя концепта в родительном падеже, например: «концепт гнева», «концепт вежливости», «концепт работы», так как это вызывает нежелательные ассоциации, обнаруживающие в гневе, вежливости или работе какие-либо концепты. Корректным здесь будет именительный падеж: «концепт ГНЕВ», «концепт ВЕЖЛИВОСТЬ», «концепт РАБОТА». Примером корректного использования концептологической терминологии являются работы Г. Ф. Бенкендорфа («СОЦИАЛИЗМ / SOZIALISMUS как тоталитарно детерминированные концепты...») [2005], С. В. Вишаренко «Принципы структурирования концепта HONOUR...» [1999], К. В. Данилова («Англо-американские правовые концепты CRIME и PUNISHMENT...») [2005], Э. А. Мошиной «Сопоставительный анализ способов объективации концептов НАДЕЖДА и HOPE...» [2006] или О. В. Тарбаевой («Сопоставительный анализ концептов ДРУГ / FRIEND...») [2005].

Разноименования концептов, имеющие место в современных лингвокогнитивных исследованиях, нельзя считать исключительно виной молодых исследователей. Частично они обуславливаются и тем, что в сопоставительном языкознании остается не до конца решенной проблема «тождественности концепта»: чем же являются смыслы, получающие разные «физические воплощения» в разных языках, – отдельными семантическими сущностями или вариативными (ипостасными) реализациями какого-то единого глубинного смысла? Тем не менее бесспорным остается факт: если ментальные образования, обладающие общей концептуальной структурой, получают в разных языках разные вербальные ярлыки, то и именоваться они должны средствами того языка, который становится объектом анализа.

В сущности, корректность «ярлыкования» знакового тела концепта как раз и отличает его лингвокультурологическое понимание среди прочих толкований. Благодаря своему имени, которое должно совпадать с доминантой соответствующего синонимического ряда, концепт включается в лексико-семантическую (под)систему естественного языка, а его место в этой системе очерчивает контуры его значимости для того или иного лингвокультурного сообщества. При этом следует помнить одну истину: концепт «всегда будет намного глубже, сложнее и стереоскопичней, чем языковое значение соответствующего ему имени» [Филатова 2005: 207].

Приведенные точки зрения, на основании которых вырисовался комплекс базовых признаков концепта, лишь малая толика того, что открывается в нем или приписывается ему. Каждое определение освещает какую-то иную грань этого явления, что в конечном итоге способствует выработке целостного представления о нем. Однако несомненным является, во-первых, сам факт существования

феномена «концепт» в научной картине мира и, во-вторых, те его свойства, которые кроются за такими ключевыми словами, как «знание», «ментальность», «культура», «оценка». Эти феноменологические свойства концепта свидетельствуют о том, что когнитологи склонны подчеркивать его ментальные истоки и связывать их с представлениями о тех смыслах, которыми оперирует представитель определенного лингвокультурного коллектива в процессе своей речемыслительной активности в виде стереотипизированных квантов знания.

Тем не менее, ментальную гносеологическую природу имеет и *понятие*. Неслучайно в логике концепт и понятие отождествляются (ср.: «концепт – понятие» [ФС 1986: 217]). Очевидно, целесообразней связывать понятие с денотативным значением слова (когнитивное содержание), а концепт – с интерпретационным компонентом значения, чем подчеркивается универсальность понятия и специфичность концепта. Иными словами: «понятие (*intellectus*) является умственным явлением, связанным с рациональным знанием, а концепт (*conceptus*) – производное высокого духа, способное творчески воссоздавать смыслы» [Воркачев 2004: 16]; «...концепт – наглядно-образное представление символического характера, которое сохраняет структурную схожесть с объектом отображения и может рассматриваться как заменитель понятия» [Аскольдов 1997: 26].

Понятие и концепт должны соотноситься между собой гипо-гиперонимическим и вместе с тем асимметричным способом: основой концепта является понятие, но основой понятия не является концепт. Это наводит на мысль, что концепт должен быть этноспецифически окрашенным понятием с определенной этнопсихологической надстройкой. «Концепт – не понятие, а сущность понятия, явленное в своих содержательных формах – в образе, в понятии, в символе. Понятие является приближением к концепту. Концепт – это и ментальный генотип, и атом генной памяти, и архетип, и первообраз, и много еще чего» [Колесов 2004: 19].

Отмечая, что концепт является гиперонимически синтезирующим лингвоментальным образованием, которое пришло на смену образу, понятию и значению и включило их в себя в «снятом», сокращенном виде, С. Г. Воркачев называет его «законным наследником» этих семиотических категорий. Характеризуя гетерогенностью и многоаспектностью, концепт берет от понятия дискурсивность подачи содержания, от образа – метафоричность и эмотивность, а от значения – включенность своего имени в лексическую систему языка [Воркачев 2007: 42].

Вопреки тому, что этноспецифичность концепта не подлежит сомнению, его семантико-понятийная база имеет во многом общекультурный и наднациональный характер. Понятие становится лишь тогда концептом, когда оно валоризируется,

т. е. обростаёт определенными ценностными ассоциациями. Очевидно, именно это имел в виду Ю. С. Степанов [1997: 41], писавший, что концепт существует в ментальном мире человека как «пучок понятий, представлений, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово». Отталкиваясь от этой мысли, можно утверждать, что понятие базируется на категоризации, а концепт – на концептуализации мира. Первое является рационально-логическим феноменом и тем самым общечеловеческим достоянием, второе – когнитивно-оценочным, что отражает этноспецифическое постижение определенного фрагмента внеязыковой действительности.

1.1.2. Основные параметрические свойства концепта

Корреляция «универсальность понятия – специфичность концепта» является практически общепризнанной среди когнитологов, чего нельзя сказать относительно квалификации концепта как лингвоментального образования. Здесь существуют, по меньшей мере, два подхода, в пределах которых наблюдается предельно широкое и предельно узкое его понимание.

В *узком понимании* концепт возникает как феномен жизненной философии, как обыденный аналог мировоззренческих понятий, закрепленных в лексике естественных языков и обеспечивающих стабильность и преемственность духовной культуры этноса, т. е. как важнейшая культурно значимая категория внутреннего мира человека (В. И. Карасик, Н. А. Красавский, М. В. Пименова, З. Д. Попова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин и др.). В еще более узком понимании концепты понимаются как семантические образования, которые стоят за словом и не имеют однословных эквивалентов при переводе на другие языки [Нерознак 1998: 85].

В *широком понимании* концепт интерпретируется как наслоение ценностных коннотаций на значение слова, т. е. как любое вербализованное содержание, отмеченное в какой-то мере этнической спецификой. Например, КРУГ [Абакарова 2001], ЖЕЛАНИЕ [Алтабаева 2000], ДИККЕНС [Борисович 2006], ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ [Вальчук 2003], СМЕРТЬ [Граборова 2001; Хатунцева 1999], СИНИЙ ЦВЕТ [Григорук 2002], РИС [Ефимова 2000], ЛАБИРИНТ [Затеева 2001], ПИЩА [Злобина 2002], MARKETING [Карнауков 1999], MICROSOFT [Карпова 2006], КОВЕНТ-ГАРДЕН [Ликина 2006], ВОДА [Ломоносова 2007], ДЕНЬГИ [Мальцев 2002], ДОМ [Медведева 1998], ОКНО [Мякшева 1998], ВАМПИР [Онищук 2006], ОГОНЬ [Приходько Г. В. 2005], ХЛЕБ [Синячкин 2002; Мізін 2011], САЛО [Мізін 2011], КРЫША [Соболева 1999], ПУСТОТА [Суролина 1999], СЕКС [Чесноков 2006] и пр.

Очевидно, если задаться целью, то семантика практически любой лексической единицы может оказаться этноспецифической.

Наличие в лингвокогнитологии широкого и узкого толкований концепта обусловлено, вероятно, разным пониманием параметрического объема его свойств. В любом случае широкое толкование – это прямой путь к концептуальной квалификации всех единиц лексического корпуса языка, при котором возникает риск потерять лес за отдельными деревьями. Неосторожный экспансионизм является для лингвокогнитологии в определенной степени рискованным, ибо может привести к нивелированию основной ее единицы – концепта.

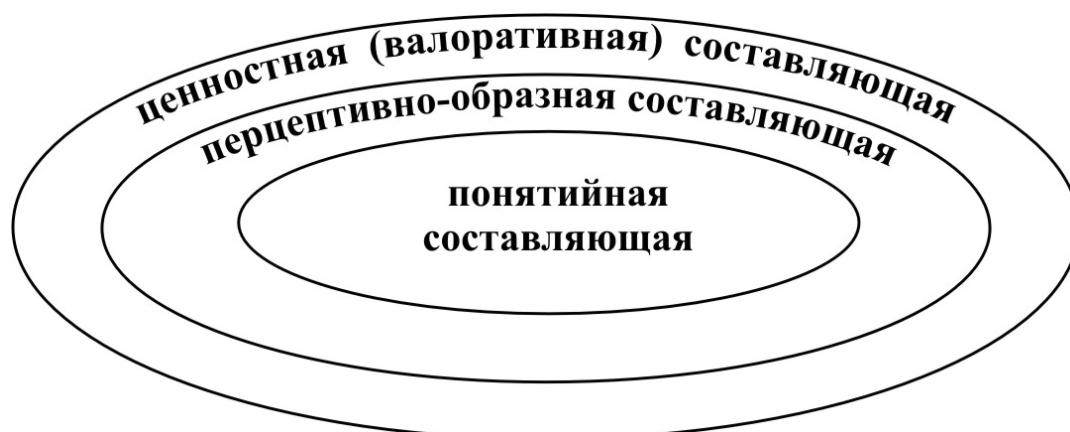

Рис. 1.1. Трехслойная структура концепта

В нашем понимании концепт представляет собой такой сложноструктурированный феномен, понятийное начало которого, проходя через сито этнопсихологической оценки, органично соединяется с лингвокультурным. Это полностью согласуется с близкой нам по духу точкой зрения С. Г. Воркачева, В. И. Карасика и Н. А. Красавского, с их пониманием концепта как многомерного ментального образования, в котором выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная прослойки [Воркачев 2005: 7; Карасик 2005: 73; Красавский 2001: 110]. В этом определении существенны как раз те «три кита», на которых держится все здание лингвоконцептологии (рис. 1.1) и которые целесообразно рассмотреть отдельно в виде таких составляющих, как основа концепта (субстрат), надстройка-1 (адстрат) и надстройка-2 (эпистрат).

Понятийный субстрат концепта отражает его денотативную соотнесенность с концептуальным референтом – минимальным самодостаточным участком ментального пространства, своеобразным когнитивным «сгустком». В этом смысле понятие и концепт коррелируют между собой гипо-гиперонимическим образом: в основе любого концепта лежит понятие – феномен логического, а потому и наднационального порядка. Однако не каждое понятие имеет свой

концептуальный коррелят. Так, *Birke* 'береза' в сознании немца и *бук* в сознании русского – просто понятия, а вот БЕРЕЗА для второго и ВУСНЕ 'бук' для первого – уже понятия концептуализированные. Концепт – этноспецифически окрашенное понятие.

Понятие – это единица семантического пространства логосферы, элемент упорядоченной совокупности значений конкретного языка. Оно включает в себя сравнительно небольшое количество семантических признаков (сем), связанных с функционированием соответствующей звуковой оболочки (лексемы). Семантика слова обеспечивает взаимопонимание в процессе коммуникации. Концепт же является единицей концептосферы – упорядоченной совокупности единиц мышления, которые включают все ментальные признаки того или другого явления, отображенного в сознании.

Понятие имеет когнитивно-семантический характер, так как оно состоит из сем, которые репрезентируют в речи определенные когнитивные признаки, образующие содержание концепта. Эти признаки, отображая определенные стороны внеязыковых объектов и явлений, имеют рефлексивный характер. Понятие является общеизвестной и коммуникативно значимой частью концепта, выступающей в виде означаемого. «Понятие – это то, о чем люди договариваются. Их люди конструируют для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности» [Демьянков 2001: 45]. По-видимому, понятийный субстрат концепта – это тот минимум его смыслового объема, который обычно фиксируется лексикографическими источниками.

Понятие является рационально-логическим феноменом, очевидно, общечеловеческой значимости, а концепт – ассоциативным, и как таковой он отображает специфику этнокультурного постижения определенного фрагмента мира. Понятия фиксируются в толковых и переводных словарях, тогда как их ассоциативные ряды – почти никогда. Это объясняется тем, что понятийная (содержательная) часть концепта по обыкновению совпадает с содержанием его воплощающей лексической единицы, тогда как перцептивная надстраивается над ней в виде некоего ореола, который сложно передать словами, но можно установить с помощью ассоциативного эксперимента. Последний позволяет говорить о более разветвленном устройстве концепта по сравнению с денотативной структурой слова, выстраиваемой по полювому принципу (ядро, периферия, интерпретативная зона).

Понятийный субстрат концепта являет собой фактуальную информацию – пропозициональное знание, опирающееся на языковую фиксацию (описание,

определение, дефиниция). Он может быть описан с помощью *дефиниционно-компонентного анализа* номинантов концепта. Поскольку главная функция словарной статьи заключается в том, чтобы в максимально компактном виде дать лексикографическую информацию о семантике слова, такой анализ позволяет установить базовую смысловую структуру концепта и особенности этноспецифической репрезентации лексического значения его имени. Считается, что в словарных дефинициях репрезентируются номинативный опыт научного и обыденного уровней сознания, последний из которых отмечен национально-культурной спецификой. Следовательно, такой анализ позволяет выявить не столько фактические черты и признаки концепта, сколько представления о нем обыденного сознания и характер его языковой объективации.

Итак, понятийный субстрат концепта, во-первых, отображает его информативную сущность в виде определенного набора дефиниционных признаков, а во-вторых, является тем ассоциатом, который связывает концепт с ядерной и ближне-периферийной зонами лексического значения слова, тогда как дальнепериферийный и интерпретативный ассоциаты – с его образно-перцептивным адстратом.

Перцептивно-образный адстрат – это те знания, образы и ассоциации, которые вызываются в сознании в связи с тем или иным денотатом. Он формируется на основании обобщенного образа / гештальта, в котором заложены индивидуальный опыт и коллективное знание. Симбиоз последних создает как бы ореол, окружающий соотносимое с концептом слово («ассоциативная аура концепта» [Воркачев 2004: 169]). В сущности, этот адстрат базируется на категории образности, т. е. на способности языковых единиц (вербализованных концептов) создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях внеязыковой действительности.

Между перцепцией (восприятие) и эйдосом (образ) устанавливаются коррелятивные отношения: восприятие – это отображение действительности органами чувств (зрение, слух, вкус, обоняние, тактильность), а образ – это характеристики предметов и явлений, воспринимаемых через ощущения. Можно предположить, что между ними пролегают еще несколько промежуточных звеньев, необходимых для формирования концепта, – ассоциация и представление, дифференциальные признаки которых еще до конца не выяснены. Таким образом, формирование концепта опирается, очевидно, на психокогнитивную схему *«ощущение – ассоциация – представление – образ»*.

Воспринимаемые объекты реального мира (перцепты) образуют в сознании человека ментальный образ соответствующего референта. Так, с помощью когнитивных операций мы можем вызвать образ *тополя* в единстве и разнообразии

его физических и идеальных параметров. Этот образ уже сформирован у нас на основе знаний, полученных перцептивным путем. И наоборот: слово *тополь* может вызвать ассоциации с вполне знакомым видом растительного мира, а тот, в свою очередь, – образ конкретного дерева.

Концепт входит в ментальный мир человека не только через ощущение, но и через интуицию. Часто человек знает концепт, хотя никогда не видел его референта (БОГ, ДУША, СЧАСТЬЕ). Иногда, чтобы понять концепт, его нужно пережить (СТРАХ, РАДОСТЬ, ЛЮБОВЬ), ибо концепты не только мыслятся, но и переживаются [Степанов 1997: 41]. Стало быть, для постижения концепта человеку приходится оперировать чувствами, представлениями, интуицией, чтобы выработать образ и оставить его в памяти. Чаще всего для обеспечения образности концепта необходим целый комплекс представлений / ассоциаций (хотя не каждое представление становится конструктивным элементом концепта).

Концепт вбирает в себя лишь некоторый инвариантный комплекс представлений, соотносимый с коллективным знанием этноса. Благодаря этому концепт формируется путем «сгущения образов», их преобразованием в своеобразный *эйдетический инвариант*, а потом через подключение оценочного импульса – в завершённое концептуальное образование на материальном носителе (семиотическом: вербальном или невербальном).

Образно-перцептивный адстрат концепта может формироваться за счет таких факторов, как внутренняя форма языковых единиц (ЗАКУСКА – «то, чем закусывают», ОТЛИЧНИК – «тот, кто отлично учится»), ассоциации, закрепленные в авторских или фольклорных прецедентных текстах (*Дамоклов меч* → олицетворение осознанной опасности), и когнитивно усвоенные прототипы. На последних двух целесообразно остановиться подробнее.

Перцептивно-образный ореол концепта представляет собой «преемственную память коллектива», которая поддерживает его в языковом сознании, где он может обретать разную степень выразительности, яркости, контрастности. По этому параметру можно анализировать и сравнивать разные концепты как внутри национальной концептосферы, так и путем сопоставления нескольких концептосистем: национальных, профессиональных, гендерных, индивидуальных и пр. Так, опрос 500 информантов РФ относительно концепта УКРАИНЕЦ показал, что его ассоциативное поле составляют такие парцеллы, как «толстый, сало, усатый, чуб, хохол, горилка, лысый, румяный, хитрый, жадный, в шароварах, веселый, похож на русского, черноглазый» и др. [Коротун 2010: 47–48].

В ассоциативной структуре концепта могут актуализироваться довольно противоречивые признаки, что является свидетельством принципиального различия

между концептом и значением его номинанта. Наличие противоречивых признаков в последнем невозможно. Неслучайно А. А. Залевская считает концепт «перцептивно-когнитивно-аффективным образованием динамического характера, объективно существующим в сознании человека» [Залевская 2001: 39]. Ассоциации нужно считать основным путем интериоризации концепта языковой личностью в силу того, что они представляют собой конфигурацию связей между разрозненными объектами действительности, неподконтрольную разуму. А. Н. Лук [1982: 15] писал, что даже между понятиями *небо* и *чай* существует смысловая связь, которую можно установить, например, так: *небо – земля, земля – вода, вода – пить, пить – чай*. Такая ассоциативная цепь является наглядной демонстрацией безграничных возможностей речемыслительной деятельности отдельного человека. В коллективном же сознании определенные ассоциации оказываются устойчиво закрепленными, типизированными. Такие ассоциативно-ментальные образы когнитивная психология квалифицирует как прототипы.

Главным постулатом теории прототипов является положение о когнитивной категоризации всей поступающей в мозг информации. Э. Рош [Rosch 1975] установила, что отнесение нового понятия к той или иной когнитивной категории происходит не просто на основании какого-нибудь заметного признака, но что сами эти признаки являются общими для абсолютного большинства подопытных. При этом существует зависимость таких признаков от того, носителем какого языка является информант: для носителей английского языка прототипичным эталоном (т. е. лучшим, наиболее совершенным представителем категории) для класса птиц является *robin* 'малиновка', для носителей же других языков таким эталоном может выступать другой представитель вида (например, *воробей* для русского). Нетрудно заметить, что в системе Э. Рош определяющим моментом процесса категоризации является прототипичность образа в пределах определенной лингвокультуры.

Идея прототипичности образа не ограничена лишь рационально-категоризирующей сферой сознания. Она является важной и для одинаковых концептуальных референтов, обозначенных в разных языках разными номинантами. В разных языках слова-соответствия иногда имеют неодинаковые ассоциации, так как, восходя к национальному культурному компоненту значения, они чаще всего неповторимы. Так, для иностранца украинские слова *верба, тополь, явор, калина* – названия деревьев и кустов, а для украинца они несут более глубокую информацию, так как имеют символическое значение, закрепленное и зафиксированное в фольклоре и поэзии. Из этого следует, что определяющим для формирования концепта является не алгоритм категоризации (прототип), а алгоритм перцептивно-образного мышления, образующий определенный эйдетический инвариант.

Формируясь рядом синхронных психокогнитивных операций (ощущение, переживание, представление, ассоциация, интуиция), эйдетический инвариант задает функциональную сущность концепта как носителя культурной информации. При этом не следует отбрасывать возможность существования концептов с *ослабленной образностью*. Поскольку образность концепта есть его способность создавать наглядно-чувственные представления относительно своих внеязыковых референтов, то безобразность концепта состоит в отсутствии в нем наглядно-чувственной основы – как, например, у высокоабстрактных сущностей (ВРЕМЯ, ПРАВДА, ДОБРО и др.). Поскольку же образная основа концепта может включать и разные ассоциации с конкретными предметами, ситуациями или лицами, т. е. с «эталонными» носителями этих свойств, то ослабленная образность не является тождественной ее отсутствию.

В неразрывном единстве с образностью находится и другая перцептивная ипостась концепта – *метафорическая*. Несмотря на то что когнитивная теория отрицает эйдемическую природу метафоры и утверждает ее извечно когнитивную природу, изначально свойственную человеческому мышлению (Дж. Лакофф и М. Джонсон), для процессов концептуализации важными оказываются обе ипостаси метафоры. При этом особое значение имеет принцип аналогии («философия аналогии» И. Канта), согласно которому метафора возникает при взаимодействии нескольких единиц номинации с целью использования свойств одного объекта по отношению к другому (А. Ричардс и М. Блэк), на острие которого и возникает метафорическая образность. Таким образом, концептуальная метафора – это перенос информации из одной области знания (область-донор, область-источник, source domain) в другую (область-реципиент, область-цель, target domain). При этом источник содержит знание об объекте (предмете, явлении, свойстве), используемом для обозначения другого объекта, а цель – знание об обозначаемом объекте.

Для концептологии особое значение имеют проблемы типологии метафор и их функционирования, моделирование путей и способов метафорических переносов при структурировании концептов, языковые (объективные) и речевые (субъективные) метафоры и пр.

Одним из основных методов, способствующих выявлению перцептивно-образного адстрата концепта, является так называемый *контекстуальный метод*. Он способствует синтагматической параметризации концепта в тексте / дискурсе – среде и форме существования лингвокультуры, а также выявлению путей и способов его субъективной речевой реализации, выражающейся в модификации семантики и приобретении им дополнительных коннотаций, не зафиксированных в лексикографических источниках.

Перцептивно-образная составляющая концепта связана с индивидуальным и коллективным опытом: «...гетерогенные единицы опыта и знания трансформируются в холистику образа» [Sucharowski 1996: 166], которая имеет особую энергетику. В зависимости от того, наслаиваются или не наслаиваются на такие образы ценностные коннотации индивидуального или этнокультурного порядка, мы говорим или не говорим о концепте.

Ценностный / валоративный эпистрат – главнейшая ипостась концепта, обусловленная отношением к нему, которое по определению должно быть положительным, так как опирается на те духовные импульсы, что оживают в сознании человека благодаря его принадлежности к тому или иному этно- и лингвокультурному коллективу. Эта составляющая концепта базируется на актуальности и оценочности. Актуальность реализуется в продуктивности использования языковых единиц, вербализующих концепт, – например, в частотности их употребления в реальной коммуникации, в т. ч. и в отношениях типа «стимул > реакция», «реакция > стимул». Аспект актуальности проверяется количественными методами, а оценочность – наличием валоративной составляющей в денотате языковой единицы, являющейся именем концепта, в присущих этой единице оценочных коннотациях, в ее сочетаемости с оценочными эпитетами. Наличие оценочного аспекта проверяется методами компонентного и контекстуального анализа.

Нередко валоративную ипостась концептов называют «переживаемостью», ведь концепты не только мыслятся, но и пропускаются через эмоции, становясь предметом симпатий и антипатий [Степанов 1997: 41]. Уподобляясь сентименту, концепт приобретает способность интенсифицировать духовную жизнь человека, вызывать положительные эмоции, изменять настроение и, оказываясь в фокусе мысли, даже изменять ритм и пульс [Воркачев 2007: 42].

Ценность и значимость концепта определяются еще и местом, которое занимает его имя в системе конкретного языка, куда входят также его этимологические и ассоциативные характеристики. Приобретая символичные черты, имя концепта входит в сознание через знаковый код языка и становится глубоко интериоризованным валоративом каждого члена лингвокультурного коллектива. Валоративная сторона концепта реализуется в единстве его этнопсихологического, социодискурсивного и лингвокультурного начал.

Этнопсихологическая ценность концепта – конгломерат знаний, образов и ассоциаций, вызываемых в сознании человека благодаря его принадлежности к тому или иному этническому сообществу и являющихся неотъемлемой частью национальной психологии – «коллективным подсознательным»

или «коллективным самосознательным», а сам концепт оказывается преисполненным той духовной энергетикой, которая излучает ауру национального мировоззрения («Weltbild der Muttersprache» [Weisgerber 1962: 25]). Последняя превращает концепт в определенного рода архетипический образ, который, обладая большой психической энергией, предопределяет модели мышления и регулирует априорные формы поведения. Этот образ связан с сакрализацией определенного участка жизненного мира человека, в результате чего фокус объективации концепта смещается с семантики его вербального носителя на его энергетически-информационную первооснову.

Социодискурсивная ценность концепта – это его функциональная прослойка, обусловленная теми знаниями, образами и ассоциациями, которые составляют жизненный мир человека в контексте коммуникативной культуры общества, не в последнюю очередь задаваемой и экономико-юридической традицией. В этом случае мы имеем дело с отрегулированными в веках нормами общественного бытия и поведенческих стереотипов – «культурными сценариями». Например, сценарии этнокультурного поведения немцев определяются такими феноменами, как *порядок, запрет, внимание, страх*, японцев – *извинение, оправдание, самоуничтожение, выраженность / невыраженность желаний* [Вежбицкая 1999], русских – *душа, тоска, судьба, авось* [Вежбицкая 1996]. Естественно, здесь можно и поспорить и относительно состава, и относительно количества сценариев, однако общая тенденция налицо.

Лингвокультурная ценность концепта – знания, образы и ассоциации, которые наслаиваются на понятие через знаковый код языка, а потому они суть глубоко интериоризованы у каждой языковой личности, ведь язык является «надстройкой нашей культуры» [Humboldt 1980: 43], а слово живет в ее глубинах, например, уже упомянутая нами БЕРЕЗКА – символ красоты, стройности, жизнестойкости, любви в русскоязычной картине мира [Лапотько 1999: 63], поддерживаемый фольклорной, песенной и лирической традициями. Более того, БЕРЕЗА – та самая метафора русской души, что сознательно или бессознательно понятна любому иностранцу. Неслучайно дебютный роман молодой немецкой писательницы Ольги Грязновой «Der Russe ist einer, der Birken liebt» / «Русский – это тот, кто любит березы» стал в Германии бестселлером 2012 г.

Концепт входит в оценочный кодекс той или другой лингвокультуры в отличие от понятия, которое становится лишь тогда концептом, когда оно валоризируется.

Часто провести границу между ассоциативной и валоративной составляющими концепта оказывается довольно сложно. Это касается не только национально

маркированной лексики, но и слов, обозначающих предметы и явления, распространенные во всех лингвокультурах. Классическим уже стал пример национально маркированного синкретизма оценочного отношения к одному и тому же референту со словами *хозяин, свадьба, молоко, солнце*, которые дают разные ассоциативные реакции в разных культурах. Слово *свадьба* у туркмен, в отличие от русских, ассоциируется не только с весельем, но и с потерей чего-то и соревнованиями, а *молоко* вызывает у них несвойственные нам радужные ассоциации. Слово *солнце* тоже обнаруживает разный эмоционально-оценочный статус: у туркмен оно связано с чем-то неприятным (*жара, жарко, скрыться, комната, парк*), у нас – с весьма положительной оценкой (*золотое, радость, кайф, глаза, мама*) [Кочерган 2006: 311]. Можно предположить, что у северных народов СОЛНЦЕ имеет высочайшую положительную оценку.

Сводя три валоративные составляющие воедино, можно, очевидно, говорить о духовной энергетике концепта. В. М. Манакин пишет: «Язык и слово являются информационно-энергетическим посредником и одновременно «золотым ключиком» к познанию общего устройства Вселенной, в которой информация и энергия первичны, а материя-сознание – вторичны. Сознание, материя и энергетическая информация сливаются в языке в единое целое, отражая общие закономерности строения человека, природы и Вселенной. Слово имеет как бы две ипостаси: массу и энергию, материю и энергетическую волну» [Манакин 2011: 93]. Эту двойную природу слова подметил еще В. фон Гумбольдт. Он писал, что в языке следует различать два принципа – внутреннее языковое сознание и звук. Внутреннее языковое сознание является тем принципом, который дает всему начальный импульс, а деятельность этого сознания зависит от энергии, с которой она влияет на звук и воплощает его в живое выражение мысли [Humboldt 1980: 227]. Он также подчеркивает, что эта энергия не может всюду обнаруживать одинаковую интенсивность, живость и регулярность.

Поддерживаемая здесь идея трехслойности концептов может быть воспринята так, что некоторые из них не следует признавать ментальными единицами, если они не отвечают всем трем критериям. Это так и в то же время не совсем так. Вряд ли можно причислить к категории концептов «семантические примитивы» – например, операторы неклассических модальных логик типа «желание» или «индифферентность». Тем не менее, они все же могут получить концептуальный статус, если их погрузить в культурный контекст, где они соответственно перевоплотятся – например, в СТРАСТЬ и РАВНОДУШИЕ. Впрочем, языковой

континуум, наверное, содержит множество единиц, которые при всей нашей фантазии не могут быть подвергнуты концептуализации. В. И. Карасик [2005: 71] вполне справедливо пишет, что в таких явлениях, как рус. *гипотенуза*, *каблук*, *насморк* непросто увидеть какое-либо концептуальное начало.

Однако отсутствие какого-то концепта в определенном лингвокультурном пространстве может быть объяснена не только объективными причинами. Нередко такие начала просто не фиксируются субъективной исследовательской мыслью. Так, казалось бы, в общечеловеческом понятии *время* нет никакого ассоциативно-образного и/или валоративного компонента, но, как считают специалисты, в нем оказывается немало этноспецифически окрашенных черт [Бондаренко Е. В. 2009; Грушина 2002; Дмитриук 2001; Мельникова 2005], в т. ч. и в разных национальных вариантах одного и того же языка [Юдина 2000], что позволяет считать ВРЕМЯ концептуально значимым фигурантом определенной лингвокультуры.

При таком подходе понятийный субстрат следует признать константой, а образ и ценность – переменными концепта. Понятие является рационально-логическим конструктом и тем самым общекогнитивным достоянием, а концепт – лингвокультурным, что отражает этноспецифическое постижение определенного фрагмента объективной действительности. Концепт представляет собой такой сложноструктурированный феномен, понятийное начало которого, проходя сквозь сито перцептивно-образных ассоциаций, органически соединяется с ценностной рефлексией. Итак, концепт – это не просто «схваченное» знаком понятие, а понятие *психо-лингво-социо-культурного* порядка с четко выраженной валоративной компонентой.

1.1.3. Концепт в лингвокультурных дескрипциях

Изучение концептов происходит обычно в двух ракурсах – моно- и полилингвальном, т. е. на материале одной (плоскость одного языка) или двух и больше лингвокультур (сопоставительная плоскость). Оба подхода одинаково важны для осознания общей картины культурно обусловленных и лингвально обозначенных ценностей, присущих тому или иному народу.

1.1.3.1. Концепт в монолингвальном ракурсе

Монолингвальная практика описания концептов сегодня наиболее распространена. Всестороннее описание одного концепта одного языка может осуществляться

как носителем языка, так и лингвистом-инофоном. Такой способ имеет как положительные, так и отрицательные моменты. В первом случае речь идет о возможности всестороннего и углубленного анализа одного представителя концептосферы этноса; во втором – о том, что открывается простор для субъективной интерпретации любого слова как концептуальной единицы, о чем предостерегает Г. Г. Воркачев [2007: 46], когда пишет, что концепты стали расти как трава на лугу.

Учитывая это, попробуем дать оценку нескольким концептологическим работам, придерживаясь такой логики изложения, которую открывает типологическая таксономия концептов в ее движении от общего к частному. В нашем случае это движение от концептов философских (англ. HARMONY) и теософских (англ. GOOD) к этноспецифичным (укр. ШЛЯХ) и далее – к эмоциональным (рус. СЧАСТЬЕ, нем. ANGST), которые можно найти в специальной литературе. В табл. 1.1 приведены основные параметрические признаки этих концептов согласно их трехслойному устройству.

Глубокий анализ теософского **концепта HARMONY** на материале английского языка предлагает Т. В. Лунева [Луньова 2006]. Поставив себе целью изучения способов его лексико-семантической объективации, она сумела вывести лингвокультурный алгоритм этого концепта в виде трехмерного ментального образования, где на понятийный компонент наслаиваются периферийные элементы / модусы: рационально-логический, перцептивно-образный и утилитарно-практический. Каждый из них, в свою очередь, имеет свои радиальные парцеллы нисходящих уровней абстракции. Тем самым доказывается системное устройство концепта HARMONY и синергетические истоки его объективации.

Системное понимание концепта HARMONY позволило Т. В. Луневой установить его комбинаторные возможности со свойством, мерой и носителем гармоничности. Образую таким способом ситуацию, этот концепт оказывается довольно гибкой ментальной единицей, ведущей себя в разных ситуациях по-разному, но не теряющей при этом своей инвариантной телеономной сущности.

Понятийной основой HARMONY является существование двух или нескольких объектов, лиц или качеств, воспринимаемых связанными между собой и являющихся одновременно подобными и различными. Реальные предпосылки гармонии связаны с математическим и нематематическим проявлениями гармоничности: первое описывается с помощью ключевых понятий «Золотая пропорция» и «числа Фибоначчи»; второе – бинарной связи.

Таблица 1.1. *Параметрические свойства концепта в монолингвальной плоскости*

Имя концепта	Основные параметры концепта		
	<i>понятийный субстрат</i>	<i>ассоциативный адстрат</i>	<i>валоративный эпистрат</i>
HARMONY /ГАРМОНИЯ/	связь, взаимозависимость, единство, соизмеримость в рамках подобного vs. разного как результат упорядоченности / завершенности	совокупность предпосылок гармоничности: существование объектов и их свойств, связанных между собой узлами подобности / различия	психологическое, эстетическое, этическое отношение; утилитарно-практическая и культурная значимость; стереотипные представления о гармонии
GOOD /ДОБРО/	мировоззренческая ценностная универсалия морального и утилитарного порядка, эталон и инструмент оценки	широкая аксиологическая категория, противостоящая злу и коррелирующая с высшим благом (в религиозной этике)	отношение в триаде базовых ценностей «истина – добро – красота»; моральный императив бытия
ШЛЯХ /ПУТЬ/	природное сухопутное пространство для движения; сфера целесообразности деятельности человека; идея движения вперед; жизненный цикл	топохронное представление о линейной величине и цепь контрастных периодов (взлеты – падения, горе – радость), о преодолеваемых трудностях	телеологическое отношение к способу достижения определенной цели (географическая точка) или намеченной цели (успех в чем-либо)
СЧАСТЬЕ	абстрактные сущности, опредмеченные в терминах эссенциальности	жанровые, визуально-образные, гендерные и возрастные ассоциации	телеономия счастья – то, ради чего стоит жить
ANGST /СТРАХ/	суммарное знание об эмоции страха (причина, время протекания, интенсивность, контроль)	генетически обусловленные и генетически приобретенные представления об эмоции страха	оценочное отношение субъекта к своему или чужому проявлению эмоции страха

Исследование структуры и комбинаторики концепта HARMONY позволило Т. В. Луневой установить, что отдельные его парцеллы могут быть смоделированы как модусы, и выделить среди них первичные (рационально-логический, иконично-образный), вторичные (фиктивный, аксиологический) и третичные (утилитарно-практический, культурно значимый). Каждый из модусов имеет ряд составляющих, которые могут быть представлены свернутым (схематизированным) или развернутым (детализированным) форматами знания.

В целом работа Т. В. Луневой намечает серьезные исследовательские перспективы. В частности, она близко подошла к пониманию необходимости изучения концептуальных единиц языка в их апелляции к социодискурсивной среде, в которой в совокупности с другими концептами они могут актуализировать скрытые от непосредственного наблюдения свойства и обогащаться новыми свойствами, а также образовывать концептуальные конфигурации, присущие

определенному дискурсу. Не менее интересным моментом может быть контрастивное изучение феномена ГАРМОНИЯ, возможно, также и в сопоставлении с его отрицательным коррелятом – антиконцептом ДИСГАРМОНИЯ.

Всестороннее описание теософского **концепта GOOD / ДОБРО**, который вместе со своим антагонистом ЗЛО определяет ценностные аспекты деятельности человека, предлагает И. В. Змиева [2006]. Семантическое пространство концепта GOOD располагается на аксиологической шкале, градуированной полюсами «хорошо» – «плохо», т. е. между зоной Норма (нейтральная оценка) как точкой отсчета и Идеалом (полюс положительной оценки).

Понятийный субстрат концепта GOOD определяется социальными, культурными и личностными критериями субъекта оценки, в которых реализуется репрезентативная, ориентационная, регулирующая, координирующая и дидактическая функции. Его же валоративный эпистрат позиционируется в триаде высших универсальных ценностей – ИСТИНА, ДОБРО, КРАСОТА, в которых пересекаются этическая и эстетическая оценки с их универсальной, моральной (духовной) и утилитарной (материальной) ипостасями и которые оказываются градуированными по высоте и силе. На верхних уровнях находятся духовные ценности (вневременные и надысторические), среди которых высочайшие – «абсолютные» христианские ДОБРО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ДОБРОДЕТЕЛЬ, ДОСТОИНСТВО. Нижние уровни занимают утилитарные ценности.

Примечание 1.1. Эзотерическая литература считает добро зонтиковой добродетелью в Звездном тетраэдре «красота – доверие – гармония – любовь – истина – мир» (женская модель); «мудрость – любовь – истина – сочувствие – смирение – единство» (мужская модель)².

Стереотипное представление о GOOD в англоязычной картине мира имеет социокультурный характер и осмысливается как соответствие норме или эталону. Оно отражает моральный императив и закладывает основы менталитета, а также определяет доминанты, соотносимые с христианской этикой и моралью.

К первичным средствам вербализации GOOD относятся слово *good* и его синонимы, которые представлены преимущественно прилагательными, реже существительными и наречиями, имеют ряд производных (*pleasing, kind, well behaved, virtuous, capable, healthy, useful, fine, suitable, valid, considerable, whole*), обладающих неполным набором значений, присущих слову *good*. Вторичные средства номинации концепта GOOD включают свободные и устойчивые словосочетания, пословицы, тексты.

² См., напр, Мильхиседек Д. Древняя тайна Цветка Жизни. – М.: София, 2006. – Т. 2. – С. 589.

Просканировав способы репрезентации концепта GOOD в дискурсе, И. В. Змиева получила данные более панорамного порядка, чем те, которые делают когнитологи на материале лексикографических источников, текстов и паремий [Лисицька 2001]. Она доказала, что процесс концептуализации идеи добра не является конечной точкой эволюции и что ее логическим продолжением является процесс их категоризации. Таким образом, удалось очертить всю феноменологическую цепочку в виде лингвофилософской триады «понятие – концепт – категория», хотя до гегелевского обобщения «Добро – это реализованная свобода, абсолютная конечная цель мира» [Гегель 1990: 172] она не дошла.

Предложенные И.В. Змиевой модели первичной и вторичной онтологизации концепта GOOD свидетельствуют о том, что полиапеллированность концепта GOOD, охватывая упорядоченную множественность определенных средств его вербализации, содержит в себе и алгоритм его использования в речи.

Монографическое исследование С. Г. Воркачева [2005: 218–221] показало, что специфика русского эмотивно-телеономного **концепта СЧАСТЬЕ** состоит, прежде всего, в его эссенциальной («сущностной») семантике, связанной с набором сформированных в социуме фелицитарных концепций природы – жизненных и теоретических – и сущности счастья. Соотношение «творческих» и «потребительских» фелицитарных концепций в определенной культуре представляет собой специфическую именно для этой культуры константу. К блоку «пассивно-потребительских» представлений о счастье относится эпикурейская, гедоническая и гармоническая концепции, а также идеи благосостояния, благополучия, владения, собственности. В блок «активно-творческих» представлений попадают концепции, обусловленные интенциональными факторами (желание, цель, воля, самореализация, деятельность), и те, которые ориентированы на поддержку межличностных отношений (семья, любовь, дружба, общение).

Эссенциальная семантика, подчеркивает С. Г. Воркачев, является решающей и для образной составляющей концепта СЧАСТЬЕ, представленной метафорой, с помощью которой языковое сознание опредмечивает абстрактные сущности. Этнокультурную значимость приобретают в русской лингвокультуре лишь те «вещественные коннотации» концепта, которые превращаются в символ, отсылающий к какой-нибудь фелицитарной концепции.

С. Г. Воркачев доказывает, что историческая семантика, воплощенная в культурной памяти имени концепта СЧАСТЬЕ, отражается на распределении ЛСВ и частеречных реализаций этого имени, а также принимает участие в становлении его синонимических и антонимических ассоциативных связей. Одним из эмфатизированных и стилистически возвышенных синонимов счастья является

БЛАЖЕННОСТЬ. Паралингвальную ауру концептов СЧАСТЬЕ и БЛАЖЕННОСТЬ составляют жанровые, визуально-образные, гендерные и возрастные ассоциации, благодаря чему осуществляется материализация «женского» и «мужского» счастья, различающаяся степенью осмысления, альтруизма и оптимизма / пессимизма.

Концепт ШЛЯХ³ / ПУТЬ в украинской лингвокультуре анализирует Т. В. Радзиевская [Радзієвська 1997], которая считает его одним из важных ценностных ориентиров человека в пространстве. Этот ориентир охватывает обширное когнитивно-семантическое пространство, в котором могут актуализироваться разнообразнейшие понятийно-дефиниционные признаки: часть естественной сферы, естественное пространство для передвижения, элемент «альтернативных» пространств, сфера целесообразной деятельности человека, событие (воплощение идеи движения вперед), жизненный цикл. Будучи частью естественной сферы, ШЛЯХ возникает как нерукотворный естественный объект ландшафта, который может переключать внимание с бытийной («патриархальной») на художественную и даже научную картины мира.

В обыденной картине мира ШЛЯХ является частью обжитого пространства, в пределах которого происходят не только разные события, но и движение человека вперед. ШЛЯХ может быть *пустим, заповненым* людьми, животными, транспортом – всем, что двигается. В данной картине мира ШЛЯХ возникает как что-то неизменное, вневременное, как что-то всегда существующее в природе. В своей бытийной ипостаси концепт ШЛЯХ определяется тем, что реализует не все присущие пространству параметры, поскольку не может быть осмысленным в терминах высоты и длины, а *довгий шлях* указывает лишь на продолжительность процесса движения во времени.

Системный анализ концепта ШЛЯХ привел М. В. Радзиевскую к необходимости его сопоставления с синонимическими лексемами *дорога* и *путь*. Все они воплощают результаты языковой концептуализации пространства и движения по-разному: *путь* и *дорога* толкуют их, соответственно, в предметном и функциональном планах, *путь* – метафорически как некоторую геометрическую линию. В системе *шлях – дорога – путь* первый номинант занимает «выделенную позицию», он функционально активен и репрезентирует концепт ШЛЯХ в динамическом состоянии. *Дорога* и *путь*, наоборот, занимают в этом когнитивно-семантическом пространстве стабильную позицию, они скорее статичны, тем не менее благодаря синонимическим связям «подтягиваются» к концепту ПУТЬ, подвергаются его влиянию и втягиваются в орбиту его функционирования.

³ От нем. *schlagen* 'бить', 'пробивать', 'делать просеку'.

Специальный раздел в своих «Семантических универсалиях...» А. Вежбицкая посвящает немецкому эмотивному **концепту** ANGST / СТРАХ [Вежбицкая 1999: 547–610]. Анализ философских, социальных, психологического аспектов этой эмоции позволил описать обобщенный прототип страха, который отражает его универсальную понятийную основу: страх – продолжительное или кратковременное эмоциональное переживание, присущее любому человеку независимо от его культурной принадлежности.

Ощущение страха материализуется комплексно, выступая в качестве его доминанты, и сопровождается отрицательными эмоциями «триады враждебности», отвращением, антиципацией боли. Страх может сопровождать переживание как положительных (любовь, радость, счастье), так и отрицательных (растерянность, стыд, позор) эмоций. Эмоциональное состояние, возникающее в результате одновременного переживания страха и удивления, получает в английском языке отдельное имя – *awe*, что в русском никак не отмечено. В языке, как правило, существуют два типа единиц – непосредственно описывающие переживание страха и выражающие его «наведение» (каузацию).

Эмоция страха подвергается градации по степени интенсивности, что сопровождается разными психосоматическими симптомами в комплексе с другими эмоциональными состояниями. Страх обуславливается не культурной традицией, а биологической природой человека. Тем не менее, в немецкой этнической психологии и интеллектуальной традиции часто фигурирует не собственно эмоция «страх» (*Furcht*), а неуловимая и непостижимая эмоция *Angst*, для которой в большинстве европейских языков нет эквивалента.

А. Вежбицкая считает, что истоки эмоционального концепта ANGST восходят к европейской Реформации XVI ст., а точнее – к духовному, культурному и языковому наследию Мартина Лютера («страх Лютера»). Сегодня концепт ANGST не только фигурирует в немецкой психологии, философии и теологии как объект научных изысканий, но и является неотъемлемым атрибутом повседневности каждого немца.

Примечание 1.2. Итог становления «страха Лютера» подвел датский философ С. Кьеркегор в трилогии «Страх и трепет (1843), «Понятие страха» (1844), «Болезнь смерти» (1849), где страх предстает как главная предпосылка появления индивида и приобретения свободы.

А. Вежбицкая доказывает, что не сама эмоция, а ее психолингвистическая рефлексия в виде концепта ANGST создана культурой и что границы между разными эмоциями (тревога, страх, беспокойство) очерчены позицией коллективного наблюдателя и конкретным языком. Это означает, что границы между разными

эмоциями хотя и являются реальными, тем не менее навязываются человеку определенными когнитивными сценариями, с которыми связано соответствующее слово – имя концепта. Очевидно, такие сценарии задаются не универсальной биологией человека, а культурой, которая формируется историей, религией и образом жизни. Это означает, что нем. *ANGST* и англ. *FEAR*, как и другие эмоции, имеют культурно обусловленную основу.

А. Вежбицкая подчеркивает, что слово *Angst* было в свое время заимствовано английским языком (*angst*), где оно не полностью совпадает по значению со своим немецким прототипом, а отражает лишь те его смысловые аспекты, которые особо важны с точки зрения англичанина, – амбивалентность и экзистенциальность соответствующей эмоции [Вежбицкая 1999: 547]. В этом смысле англ. *FEAR* коррелирует, скорее, с нем. *Furcht*, чем с *Angst*, основным номинантом эмоции страха.

Своим анализом немецкого концепта *ANGST* А. Вежбицкая фактически заложила основы сопоставительной концептологии.

1.1.3.2. Концепт в полилингвальном ракурсе

Полилингвальная (сопоставительная, контрастивная) практика описания концептов является одним из довольно перспективных направлений, так как путем сопоставления концепта одного языка с его эквивалентом / аналогом в другом проявляется та самая лингвокультурная специфика, что составляет своеобразную и неповторимую картину мира, которую создает каждый естественный язык.

Анализ опыта контрастивного изучения концептов целесообразно продолжить тем, на чем мы завершили их рассмотрение в монолингвальной плоскости, – концептом СТРАХ. Примером добротного анализа рус. СТРАХ и англ. FEAR в сопоставительной плоскости является исследование С.В. Заикиной, которая сосредоточила свое внимание на единицах вторичной номинации, воплощающих этот концепт в двух сравниваемых языках [Заикина 2000]. Среди 14 общих для них когнитивных метафорических моделей профилизации страха наивысшей частотностью отличается тождество «страх ≡ болезнь», с которого и начинаются межъязыковые расхождения. В частности, в русском языковом сознании страх-болезнь мыслится как практически неизлечимое заболевание с крайне тяжелыми последствиями, а страх-болезнь в английском является лишь легким неудобством.

На основе метафорических и символических образов, вызываемых психосоматическими и физиологическими симптомами переживания соответствующей эмоции, в двух сравниваемых языках происходит и паремиологическая

вербализация концептов СТРАХ и FEAR. Наиболее актуальными для английского языкового сознания являются семантические признаки «тремор», «понижение температуры», а для русского приоритетными признаками выступают «выражение глаз», «временная неспособность видеть, дышать, говорить», т. е. переживание страха вызывает более серьезные последствия. Осмысление страха в русской лингвокультуре осуществляется с помощью концепта ДУША: переживание страха представляет собой глубокое, мучительное чувство, задевающее душу.

Эмоциональная оценочность фразеологизмов, объективирующих концепты СТРАХ и FEAR, варьируется от минуса (осмысливается через ТРУСОСТЬ), к плюсу (осмысливается через ХРАБРОСТЬ), что в основном проявляется в описании поведенческих паттернов. Для англичанина страх – это практически непреодолимое переживание, с которым следует смириться и надеяться на счастливое спасение. Русскому предлагается прямо противоположное: активные действия, призванные если не помочь избавиться от страха, то хотя бы снизить его интенсивность. Более категорично вербализирует английский язык и осуждение по поводу трусливого поведения, тогда как русский проявляет к нему терпимость, хотя и относится довольно иронически к запоздалой храбрости.

Паремическая объективация страха в русском языке связана с более категоричными предписаниями, побуждениями и поучениями по поводу того, как себя вести в ситуации переживания страха, что достигается преферентным использованием императивных конструкций. В английском же языке чаще констатируется сам факт переживания страха, который отражается в более высокой частотности использования условных конструкций.

Как и А. Вежбицкая, С. В. Заикина также приходит к выводу, что и рус. СТРАХ, и англ. FEAR являются культурно релевантными. Это проявляется в их языковой закреплённости на лексическом, фразеологическом и синтаксическом уровнях, в разном количестве и разной семантической насыщенности средств объективации в обоих языках, а также в специфике их синтагматической сочетаемости, особенностях метафорического осмысления и паремийной интерпретации.

Для продолжения анализа обратимся к табл. 1.2, в которой приведены данные о концептах СЕРДЦЕ, ЗАКОН, СОБСТВЕННОСТЬ, УМЕНИЕ ЖИТЬ. Из этой таблицы следует, что концепты вполне убедительно могут быть описаны в триединстве очерченных выше параметров, однако в ней не хватает конкретных данных относительно валоративного освоения концепта в сравниваемых этнокультурах. Попробуем устранить этот недостаток с учетом того, что валоративный эпистрат – это отношение к нему массового этнокультурного сознания.

Таблица 1.2. *Параметрические свойства концепта в полилингвальной плоскости*

Имя концепта	Основные параметры концепта		
	<i>понятийный субстрат</i>	<i>ассоциативный адстрат</i>	<i>валоративный эпистрат</i>
СЕРДЦЕ vs HEART	центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка в левой стороне груди	символ переживаний, чувств, настроений человека	важнейшее место чего-н, средоточие; первичные аксиологические признаки
ЗАКОН vs LOW	кодифицированная норма права и морали, устанавливаемая и поддерживаемая властью	схема, отображающая предельно обобщенные образы разных норм морали и права	отношение к норме и государственной власти
СВОБОДА vs LIBERTY	возможность действовать по своему усмотрению, отсутствие ограничений, противовес рабству, зависимости	синкретичные образы (открытое пространство, ветер, море, птица, полет, дыхание)	приоритетная ценность жизни, подразумевающая возможность потери свободы и необходимость борьбы за нее
УМЕНИЕ ЖИТЬ vs SAVOIR VIVRE	телесная радость, вкус, жизненная мудрость, вежливость, галантность	удовлетворение земных нужд в общении, любви, пище, познании нового, понимании красоты и пр.	мажорное отношение к жизни как к источнику удовольствий, регулятив коммуникативного поведения
СОБСТВЕННОСТЬ vs EIGENTUM	безраздельное (имущественное) владение кого-то чем-то	место собственности в системе национальных ценностей	отношение к имущественному владению и нормам его сохранения

Концепты русской и английской этнокультур **СЕРДЦЕ** и **HEART** стали объектом внимания М. В. Пименовой [2007]. Их исследование базируется на всестороннем изучении понятийного ядра, ассоциативной ауры, ценностного субстрата и связанной с ними эйдемики, интериоризированных во внутреннем мире человека – представителе соответствующего лингвокультурного коллектива.

Предпосылкой исследования **СЕРДЦА** и **HEART** в русской и английской языковых картинах мира является постулат о том, что концепт объективируется множеством способов и, прежде всего, лексическими номинантами различного частеречного статуса (*сердце, сердечный, сердечно*), а признаки, задающие профиль концепта, – производными лексемами (*переусердствовать, усердие, мягкосердечие, жестокосердный, сердцебиение*), фразеологизмами (*заячьё сердце*), паремиями (*Сердце сердцу весть подает; Сердце не лукошко, не прошибешь окошко*), свободными и устойчивыми словосочетаниями (*сердце каменеет*) и даже предложениями (*Сердце, как следует, – сказал он, – все благополучно, все в порядке*). Представляется однако, что палитра вербальных средств, апеллирующих к концептам **СЕРДЦЕ** и **HEART**, может быть расширена и за счет невербалики

(ср. жест в виде приложенной к груди руки), графики (напр., красное сердечко – логотип украинских политических «кардиологов» – партии БЮТ).

С учетом многообразия средств апелляции знака к концепту и его категориальных характеристик автором разрабатывается и последовательно применяется специальная методика изучения концептов СЕРДЦЕ и HEART, предполагающая их анализ в несколько взаимодополняющих друг друга этапов. Они же составляют и алгоритм исследовательского метода, который позволил автору выстроить свою работу на положениях о взаимодействии взаимодетерминированности образного, понятийного и символического статуса концептов.

Первый этап анализа феноменов СЕРДЦЕ и HEART предполагает изучение мотивирующего признака, т. е. внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Положенный в основу номинации, этот признак служит прототипическим ядром будущего концепта, который в дальнейшем обрстет все новыми и новыми признаками.

На втором этапе анализу подвергаются образные признаки, появление которых восходит, очевидно, к тому времени, когда «человек предпочитал ставить веру выше знания, объяснять мир мифами, а не опытом <...>, систематизировать вещи не на основе их сущностных признаков, а на основе аналогического уподобления» [Никитин 2003: 58]. Определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующего лексического номинанта на данном этапе предполагает исследование концептуальных метафор и метонимии – «важного механизма, при помощи которого мы понимаем абстрактные понятия, относящиеся к сфере внутреннего мира человека, и рассуждаем о них» [Пименова 2004: 15].

Третий этап состоит в описании прагматических, валоративных параметров концепта, включающих прежде всего первичные аксиологические признаки (общая оценка – ‘хорошо’ / ‘плохо’, частная оценка – ‘субъект оценки’ / ‘объект оценки’, критерии оценивания), а также признаки имущества, возникающие в результате вторичного переосмысления и, соответственно, вторичной номинации. Валоративные признаки актуализируются как в виде коннотаций, так и в сочетаниях со словом-репрезентантом концепта.

На четвёртом и пятом этапах изучаются функциональные и категориальные признаки концептов СЕРДЦЕ и HEART, производится анализ и описание способов вторичной категоризации концепта в языковой картине мира.

Шестой этап предполагает выявление понятийных признаков концептов СЕРДЦЕ и HEART путем описания лексического значения их вербальных репрезентантов

и выделения семантических компонентов, релевантных для систематизации возглавляемых ими синонимических рядов. Для этого автор широко привлекает данные энциклопедических, этимологических, идеографических и диалектных словарей русского и английского языков. Нельзя не согласиться с тем, что понятийные признаки концептов могут быть выявлены также и на основе анализа синонимических побратимов слов *сердце* и *heart*, перечни которых зафиксированы в лексикографических источниках и могут быть дополнены контекстуальными или окказиональными субститутами.

Седьмой этап представляет собой анализ символических признаков концептов СЕРДЦЕ и HEART, восходящих к существующему / утраченному мифу или ритуалу. В виде метафоры, аллегии, аллюзии или культурного знака символические признаки сохраняют ранее бытовавшие представления о мироустройстве. Утраченные мифы подлежат реконструированию путем анализа стертых метафор. М. В. Пименова демонстрирует не только релевантность символических признаков как элемента концептуальной структуры, но и способность самого концепта выступать символом культуры.

Обширность выборки фактического материала, послужившего основой описания концептов СЕРДЦЕ и HEART, представляется достаточно репрезентативной для верификации положений, валидности и убедительности выводов. Среди прочих один из них весьма важен: «*Сердце* в сравниваемых картинах мира – центр нравственной жизни, средоточие чувств и эмоций, оно объединяет чувственное и рациональное, природное и культурное, мужское и женское. Новое время предлагает новые символы культуры. И метафорическая картина *сердца* пополняется техническими и социальными признаками (*сердце* – мотор, *сердце* – орган выбора на референдуме)» [Пименова 2007: 495]. Результаты сопоставительного изучения СЕРДЦА и HEART представляют особую ценность, поскольку эксплицируют участие концептуальных структур в формировании знаний, воспроизведении этнической ментальности и национального самосознания.

Отсканировав пути и способы репрезентации концептов СЕРДЦЕ и HEART в дискурсе – среде их бытования и актуализации, М. В. Пименова получила данные более панорамного порядка, чем те, которые по обыкновению делают когнитологи на материале лексикографических источников, текстов и паремий. Поднимаясь по дискурсивным ступенькам обобщения, она доказала, что процесс концептуализации не является конечной точкой эволюции мерных единиц менталитета и что его логическим продолжением является процесс категоризации. А это, в свою очередь, дает полное право ставить вопрос о категоризации и концептуализации как о двух взаимосвязанных когнитивных процессах.

То же самое относится и к **концептам** англ. **LOW** и рус. **ЗАКОН**: в британском языковом сознании он воспринимается как гарант свободы, в русском – как ее ограничитель. Еще более разительные результаты дает дискурсивный анализ: в английском паремийном фонде **LOW** фиксируется как сугубо положительный феномен, а его обыгрывание в юморесках базируется на несогласовании с действительностью; в русской же фразеологии **ЗАКОН** возникает как отрицательное явление, а в анекдотах – лишь как ситуативно согласованный с действительностью [Палашевская 2001: 3]. К этому можно добавить и наблюдение А. А. Мельниковой над лингвокультурной интериоризацией закона русским менталитетом. Сравнивая две пословицы – лат. *Dura lex, sed lex* / *Закон суровый, но это закон* и рус. *Закон – что дышло, куда повернешь – туда и вышло*, она констатирует такое сугубо русское отношение к закону, как «антилегализм», «правовой нигилизм», «глубоко укорененная традиция антиправовых предрассудков» [Мельникова 2003: 135].

О том, что для западного менталитета правосудие и справедливость сливаются в едином концепте, свидетельствует отсутствие для них разных имен: в английском, французском, испанском и итальянском языках для их обозначения используется лексема, производная от латинского *justitia*. В русском же языке этический и юридический аспекты правосознания кардинально разводятся, а концепт **СПРАВЕДЛИВОСТЬ** в паремиологии получает имя **ПРАВДА**, противопоставленное законности как чему-то формальному и внешнему по отношению к **СОВЕСТИ**, которая только и может быть действительно справедливым судьей [Grech 2003]. Русская паремиология передает крайне отрицательное отношение обыденного сознания к закону и к чиновникам, противопоставляет правосудие и суд совести, формальное право и правду-справедливость: *Где суд, там и неправда; В суд пойдешь, правды не найдешь; Все бы законы потонули, да и судей бы перетопили* [Воркачев 2003а: 51–52].

Подобное отношение к закону в русской ментальности связано с его традиционным ассоциированием в оппозиции «добро – зло»: источником добра является община (мир), а источником зла – государство, которое находится в постоянном конфликте с народом. Русская ментальность считает средством борьбы со злом отнюдь не закон, так как он устанавливается врагом-государством [Мельникова 2003: 137].

В результате исследования концептов фр. **SAVOIR VIVRE** и рус. **УМЕНИЕ ЖИТЬ**, осуществленного Е. В. Грабаровой [Грабарова 2004; ИМ 2005: 257–333], установлено, что первый является специфическим для французской лингвокультуры и лакунарным для русской. Их понимание в значительной мере отличается:

для русского характерно восприятие качества «умение жить» и субъекта-носителя этого качества в отрицательном аспекте в силу того, что «умение жить» трансформируется в «умение выживать»; француз же оценивает «умение жить» положительно, что связано с его национальным характером – врожденной склонностью к получению удовольствия во всех его проявлениях. Концепт SAVOIR VIVRE конкретизирует одну из доминант французской лингвокультуры – мажорное восприятие жизни.

Французский национальный характер довольно противоречив: с одной стороны, стремление к удовольствию, легкость, даже легкомысленность, порывистость, веселость, с другой – правила поведения в обществе (*le savoir-vivre*), которые выступают как определенного рода ограничители в достижении «радости жизни». Желание играть на публику и потребность в аудитории отражается и на отношении к таким человеческим качествам, как вежливость, тактичность, образованность. Апелляция к правилам хорошего тона, к умению вести себя в обществе не ассоциируется в русском языковом сознании с умением жить.

В свою очередь, в понимании SAVOIR VIVRE французской лингвокультурой отсутствует элемент «достижение цели». Эти расхождения можно объяснить отношением французов и россиян, принадлежащих к «разноориентированным» типам культуры, к феномену ВРЕМЯ: для первых характерен ориентир на настоящее (здесь и сейчас, жить одним днем), для вторых – более тесная связь с прошлым и будущим.

При определении «неумения жить» во французском менталитете акцентируется неспособность человека ладить с окружением, заикленность на себе (эгоизм, эгоцентризм), пассивность, неумение получать самому удовольствие от жизни и приносить радость другим, незнание или несоблюдение установленных в обществе правил поведения. В русском этническом сознании с «умением жить» связывает целый ряд антиценностей: подлость, предательство, подхалимаж, коварство, лживость и пр. «Неумение жить» ассоциируется у россиян с отсутствием цели в жизни и с «отрывом» от реальности. Такого человека часто жалеют, ему сочувствуют, думая, что он не сам виноват, а такова его судьба. Человеком, который не умеет жить, во французской культуре пренебрегают, обвиняют в эгоизме, невоспитанности – чертах характера, которые следует исправлять, так как они мешают себе и другим получать удовольствие от жизни.

Концепт SAVOIR VIVRE представляет собой кластерное образование, в котором выделяются такие смыслы, как способность получать удовольствие от жизни, организация своей жизни по правилам хорошего тона, умение выживать, умение создавать впечатление благополучного и счастливого человека,

направленность на высшие идеалы и ценности. Учитывая это, концепт SAVOIR VIVRE осмысливается в виде антиномии ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, а также в тесной связи с валоративами МОЛОДОСТЬ, ЛЮБОВЬ, ЗДОРОВЬЕ, ВКУС, ДРУЖБА, УВАЖЕНИЕ, ЮМОР. Типичная личность, которая умеет получать удовольствие от жизни здесь и сейчас, воплощена в концепте BON VIVANT / БОНВИВАН.

В составе концепта SAVOIR VIVRE выделяется четко осознаваемый франкофонами субконцепт LE SAVOIR-VIVRE – этикетное умение вести себя согласно требованиям света. Вежливость и тактичность, деликатность и тонкость в обращении воспринимаются франкоязычным сознанием как необходимые предпосылки социального успеха, как статусные знаки, выводящие на высокий уровень совершенства. Этот компонент в русском концепте УМЕНИЕ ЖИТЬ отсутствует, т. е. является лакунарным для русской лингвокультуры.

Согласно Е. В. Бабаевой **концепты СОБСТВЕННОСТЬ** в русской и соотносимый с ним **EIGENTUM** в немецкой лингвокультурах имеют разный аксиологический статус. В ценностной картине мира первой из них имеет место более высокая степень осознанности этого феномена и, соответственно, бóльшая поддержка индивидуальных усилий для умножения и сохранения собственности. Существенные различия относительно собственности сводятся к следующему: по сравнению с русской в немецкоязычной картине мира отношение к собственности занимает более важное место (больше поощряется учет собственности, существует более тесная зависимость между моральной оценкой человека и размером его собственности, более категорично осуждаются нарушения норм, связанных с отношением к собственности) [Бабаева 1997].

Попавшие в орбиту анализа концептуальные пары разных лингвокультур – СЕРДЦЕ и HEART, ЗАКОН и LAW, СОБСТВЕННОСТЬ и EIGENTUM, УМЕНИЕ ЖИТЬ и SAVOIR VIVRE – являются лишь малой толикой масштабных концептологических исследований. Так, например, оригинальный взгляд на два биосоциальных концепта МУЖЧИНА vs. MAN и ЖЕНЩИНА vs. WOMAN в украинской и английской лингвокультурах предлагает А. С. Бондаренко. Этот взгляд интересен тем, что в фокусе сопоставления оказываются не только межъязыковые феномены, но и внутри них еще и гендерные, в результате чего сравнение осуществляется не по двум, а по четырем параметрам [Бондаренко О. С. 2005: 132–133]. Следует отметить, что сегодня компаративная экспансия уже выходит за пределы парности. Так, есть опыт исследования концептивных триад (англ. PR, рус. ПИАР, укр. ПІАР [Ваніна 2011]), и не за горами выход на целые множества компаративных концептов в разных языках.

Вводя термин «концептология» для обозначения специального направления в семиотике концептов, Ю. С. Степанов [2001: 603] справедливо подчеркивал особую привлекательность исследований в этой области. Можно предположить, что в рамках контрастивного языкознания, которое приступило к разработке целых научных областей (сопоставительная фонетика / грамматика / лексикология), пришло время говорить о сопоставительной концептологии. Тем более что ее предмет в общих своих чертах уже вырисовался: пути и способы концептуального устройства разных лингвокультурных систем на фоне универсальных и этноспецифических категорий, семиозис концептосферы, идио- и социолектные, гендерные, возрастные и другие схемы реализации определенных концептуальных конструкторов в языке и речи.

1.2. ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ТАКСОНОМИЯ КОНЦЕПТОВ

Живое пульсирование концепта в триедином ритме «понятие – ассоциация – ценность» хотя и приближает нас к осознанию концептуального устройства языка, тем не менее не является исчерпывающим, а потому ставит исследователя перед необходимостью упорядочения эвристического ресурса, наработанного лингвокогнитологией. Существующие в литературе таксономии концептов в значительной мере ориентированы на языковые способы их репрезентации. Например, выделяются предметные, сценарные и качественные, антропомерные и конкретные концепты на основании частеречного критерия. Наиболее распространенными подходами к упорядочению концептов являются следующие:

- тематико-идеографический: например, эмоциональные [Красавский 2000], образовательные [Толочко 1999];
- дискурсивно-текстовый: например, концепты педагогического, религиозного [Карасик 2004], политического [Шейгал 2004] и др. дискурсов / текстов [Слышкин 2000];
- аксиологический: противопоставляются ценности индивидуальные (персональные, авторские), микрогрупповые (напр., в семье, между близкими друзьями), макрогрупповые (социальные, ролевые, статусные и др.), этнические и общечеловеческие; можно выделить также ценности цивилизационные (напр., ценности современного индустриального общества, ценности средневекового христианства) [Карасик 2004].

Другой подход к решению этой проблемы наметила М. Шварц. Она считает, что концептокорпус естественного языка состоит из двух сфер – концептов-категорий / *Typen-Konzepte* (несут информацию о классах объектов типа аристотелевских категорий ВЕЩЬ, КОЛИЧЕСТВО, КАЧЕСТВО, ПРИЧИНА, ПРОСТРАН-

СТВО, ВРЕМЯ (концепт ВРЕМЯ ↔ категория времени)) и концептов-символов, или идиоконцептов / Token-Konzepte (репрезентуют национально значимые образы в ментальном лексиконе человека) [Schwarz 1996: 88]. Категориальные концепты вербализуются как лексическим, так и грамматическим путем, культурные – только лексическим, поскольку они имеют характер субстанции, которая, в свою очередь, может мыслиться и конкретно, и абстрактно. Другой подход основан на степени абстракции образного компонента соответствующего ментального образования – от конкретной картинке к обобщенному мыслительному заместителю множества отдельных образов.

Особую проблему представляют концепты абстрактных имен. Парадокс заключается в том, что, постигая умом, человек затрудняется вербально эксплицировать их значение. Делая попытку разграничения абстрактных и конкретных концептов, А. П. Бабушкин пишет, что предметы материального мира реализуются в когнитивных структурах, являющихся в большей мере коллективными, тогда как концепты абстрактных имен более субъективны по своему характеру [Бабушкин 1996: 39]. Подобным образом размышляет и А. Вежбицкая, когда говорит, что слова типа *вкус, запах, зрение, слух* должны толковаться через слова *язык, нос, глаза, уши* [Вежбицкая 2001: 259].

Однако антиномия «конкретное – абстрактное» не является решающей в деле типологизации концептов, поскольку последняя является по своей сути феноменом более глобального масштаба, что кроется в таксономической упорядоченности концептов. Оперирование понятием *таксономия* необходимо для системного осознания лингвокультурных ценностей как отдельно этноса, так и всей цивилизации. Лингвофилософское понимание феномена «таксономия» предусматривает различение, по меньшей мере, двух ее сторон – типологии и классификации. Если первая выделяет сущностные свойства схожих явлений или объектов, относит их к какому-то типу или категории (по фамильной схожести, согласно Л. Виттгенштейну), то вторая объединяет их в один класс. Типологизация имеет дело с типами определенных лингвистических объектов, а классификация – с классами и подклассами [Кибрик 2003: 437]. Этот момент и обуславливает необходимость осмысления существующих взглядов на проблему системно-типологического устройства концептокорпуса языка.

1.2.1. Типы концептов

Так или иначе вопрос о типах концептов является важным и необходимым для системного понимания концептуального устройства той или иной лингвокультуры. Как и любой другой языковой феномен, концепт можно осмыслить в терминах

прагмасемантики, что допускает его интерпретацию как холистической единицы в единстве формальных, когнитивно-семантических, коммуникативно-прагматических и аксиологических свойств. Этот подход позволяет рассмотреть концептокорпус в рамках таких бинарных оппозиций, как «параметричность» – «непараметричность», «универсальность» – «специфичность», «регулятивность» – «нерегулятивность», «позитивность» – «негативность» (рис. 1.2).

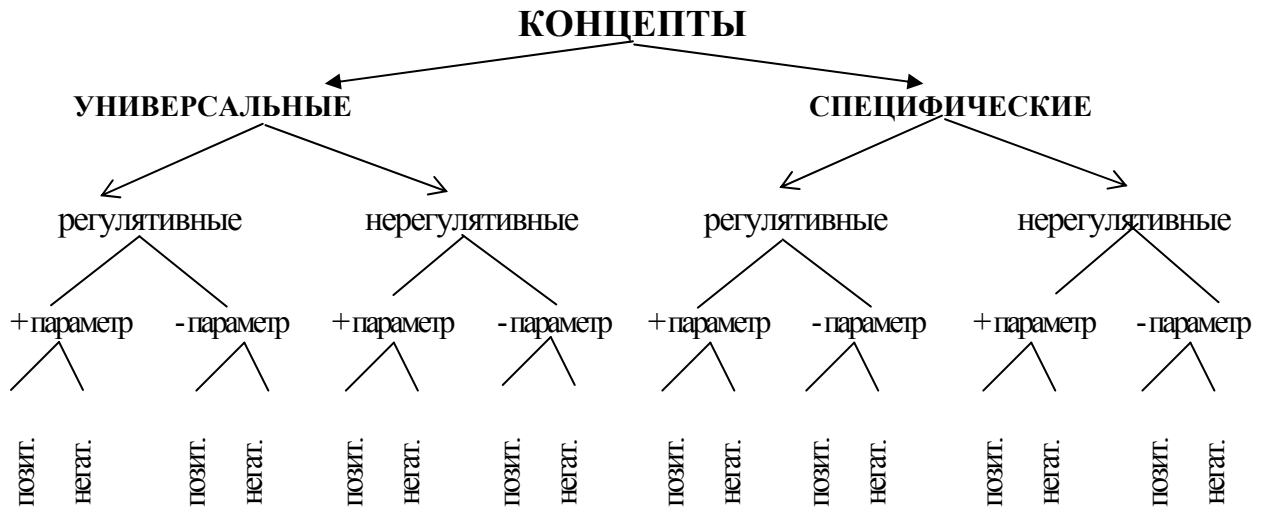

Рис. 1.2. *Общая типология концептов*

Таксономизация концептов под **структурно-семантическим** углом зрения предполагает их противопоставление как параметрических и непараметрических ментальных образований [Карасик 2005: 74], т. е. по их (со)измеримости в каких-либо мерных величинах. К **параметрическим** относятся концепты, ассоциирующиеся в лингвокультурном сознании с определенными количественными и/или качественными показателями, т. е. метрические величины: размер (ВЕЛИКАН, ЦАРЬ КОЛОКОЛ), качество (МОЛОДЕЦ, КРАСАВИЦА, МАЧО), объем (БОГАТСТВО, БЕДНОСТЬ), функция (ЗАКУСКА), статус (НАЧАЛЬНИК) и пр. Речь может идти также и о заранее просчитываемых (ожидаемых, прогнозируемых) сущностях. Так, СВАДЬБА и ГОСТЕПРИИМСТВО связаны с представлениями об обрядовых традициях, БРАТ – о кровных узах, ХРАМ – об отправлении религиозных обрядов, ДОМ, ВИЛЛА, ЮРТА, – о способах обустройства домашнего очага. Параметрическими свойствами обладают и концепты-категории ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ПРИЧИНА, которые выступают в качестве классифицирующих для сопоставления определенных характеристик явлений и сущностей. **Непараметрические** концепты профилируются на уровне ощущений, представлений и ассоциаций (ДУША, ЛЮБОВЬ, СЛАВА, ДОБРО, СТРАХ, ТОСКА) – феноменов, к которым весьма трудно применить какие-либо критерии меры.

Параметричность концепта наиболее тесно связана с понятийной и ценностной составляющими, тогда как вариабельность образно-перцептивного компонента, его слабая выраженность – признак непараметричности. Параметрические концепты могут иметь как абстрактное, так и конкретно-предметное воплощение, непараметрические – только абстрактное, в результате чего в концепторпусе естественного языка преобладают параметрические концепты.

Следует также обратить внимание и на структурный момент вербальной аранжировки концептов, в частности на тот факт, что они не всегда имеют однословное воплощение, а могут иметь и вид словосочетания. Ср.: рус. ДЫМ ОТЕЧЕСТВА, НОВЫЙ РУССКИЙ. Некоторые из таких концептов уже описаны в литературе: БЕЛАЯ ВОРОНА [Егорова 2000], PUBLIC RELATIONS [ИГНАТКИНА 2006], МИЛОСТЬ и ЖАЛОСТЬ [Воркачев 2005], БОГ и ЦАРЬ [Зубкова 1999], СВОБОДА и ВОЛЯ [Хижняк 2000], англ. CRIME и PUNISHMENT [Данилов 2005], фр. SAVOIR VIVRE [Грабарова 2004], ГОРДОСТЬ / PRIDE и СТЫД / SHAME [Малахова 2009], ПАМЯТЬ / MEMORY и ЗАБВЕНИЕ / OBLIVION [Сабадашева 2011], но большинство из них еще ожидает своего исследователя.

Типологизация концептов под углом зрения **когнитивной семантики** может быть осуществлена в когнитивно-семантической оппозиции «универсальность» – «специфичность».

Универсальные концепты отличаются своей всеобщностью и наднациональным характером. Они имеют общечеловеческую значимость, а их валоративный компонент актуален для всей ойкумены. Исследователи подчеркивают, что ценностный компонент таких концептов является наведенным (адгерентным), перцептивно-образный осознается как прототипическое уточнение, а в ряде случаев является вырожденным (как можно представить себе «сущность», «форму», «бытие»?), а понятийный – разветвленное сложное знание о ненаблюдаемых вещах [Карасик 2005: 81]. Универсальные концепты неоднородны, в их составе имеют место как категориальные (фило- и теософские), так и обиходные ментальные образования (эмоциональные, биосоциальные, физиологические).

Отдельные представители этого типа иногда трактуются как «сверхконцепты» на том основании, что в определенных дискурсах они способны образовывать своего рода замкнутый круг. Например, в религиозном дискурсе такими единицами считаются БОГ, ДУША, НАДЕЖДА, ВЕРА, ЛЮБОВЬ [Арутюнян 2007]. О лингвокультурной специфике универсальных концептов можно говорить лишь с учетом привязки к определенной социодискурсивной среде. Нередко такие концепты материализуются в антиномических парах, и тогда наличие бинарной оппозиции становится их конститутивным признаком, способным уточнять их

диалектически (СУЩНОСТЬ – ЯВЛЕНИЕ, СВОБОДА – НЕОБХОДИМОСТЬ), теософски (ДОБРО – ЗЛО, ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, РАЙ – АД) или логически (ПРИЧИНА – СЛЕДСТВИЕ). Иногда универсальные концепты объективируются в триадном режиме (ВЕРА – НАДЕЖДА – ЛЮБОВЬ, БОГ ОТЕЦ – БОГ СЫН – БОГ СВЯТОЙ ДУХ).

Специфические концепты имеют привязку к определенной (суб)культуре – социальной, этнической, профессиональной, конфессиональной и пр. Так, особую ценность для восточных народов имеет ГОСТЕПРИИМСТВО, для англосаксонской культуры – ПУНКТУАЛЬНОСТЬ, для восточнославянской – СПРАВЕДЛИВОСТЬ [Шмелев 2002: 448]. По-разному оцениваются и концепты ЗАКОН, БОГАТСТВО, БЕДНОСТЬ, АРИСТОКРАТ в разных культурах, социальных и профессиональных стратах. В целом же специфические концепты представляют собой наибольший интерес для лингвокультурологии ввиду их способности квантировать соответствующие когнитивно-семантические пространства. Нередко их называют *культурными концептами* – термин, на наш взгляд, не совсем удачный, поскольку подразумевает существование их «некультурных» коррелятов.

Исходя из смысла термина «универсальность», можно предположить, что соответствующие концепты вызывают во всех лингвокультурах переживание одинаковых эмоций, создание одинаковых образов и расстановку одинаковых оценок. Тем не менее, это далеко не так: в каждом из них скрыто много национально специфического. Есть основания полагать, что универсальные концепты также переживаются в разных культурах по-разному, ведь концепт «и всеобщ, и национально, и личностно специфичен» [Прохоров 2009: 158].

Чувственный, исторический и социальный опыт человека образует «национальную палитру» оттенков вокруг того или иного концепта. Очевидно, ни один универсальный концепт не может быть универсальным на все сто процентов. Например, ВЕРА вызывает разные образы и ассоциации у разных национальностей и особенно у тех, кто принадлежит к разным конфессиям. Базовое ядро универсального концепта всегда представляет собой определенный чувственный образ, который является, по своей сути, национально, исторически или конфессионально субъективным. Универсальные концепты, наверное, всегда имеют ростки национально-культурных особенностей.

Признавая концепт ментальной единицей когнитивно-семантического пространства, нельзя не заметить, что, кроме предметно-образной соотнесенности, он включает в себя и коммуникативно значимую информацию, связанную с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что полностью согласуется с переживанием концепта и интенсивностью восприятия ценностей. Типологическое постижение концептов под углом зрения **прагмасемантики** (телеологии,

интенциональности) допускает их противопоставление как регулятивных и нерегулятивных ментальных образований.

В *регулятивных* концептах, иногда называемых калейдоскопическими [Бабушкин 1996: 67], изначально заложена идея прескрипции – ориентира на некую норму, шаблон, конвенцию, определяющего фреймовые сценарии и культурные доминанты поведения человека в социуме [Карасик 2005: 75]. Так, прескриптивные импульсы, исходящие от ПРАВДЫ, ДОБРА, ДРУЖБЫ, ПУНКТУАЛЬНОСТИ, как бы задают линию поведения личности в этнокультурном коллективе, ориентируют ее на подчинение соответствующим правилам или устоявшейся системе отношений. В регулятивных концептах заложен кодекс жизненных установок человека, упорядочивающих его поступки и действия в мире. При этом норма здесь не обязательно соответствует принятому в обществе стандарту. Она может быть социальным (ЗАКОН), институциональным (БДИТЕЛЬНОСТЬ) и даже индивидуальным (ЧЕСТЬ, ДОЛГ) стандартом.

Иногда в связи с регулятивами говорят как об особом типе о *сценарных концептах*, реализующих признаки ‘движение’, ‘развитие’ и имеющих сюжетный характер. Они структурируются как последовательность динамично репрезентированных фреймов (этапов, эпизодов), которые разворачиваются во времени [Болдырев 2001, с. 38]. Яркими представителями таких концептов являются рус. англ. ОСКОРБЛЕНИЕ [Кусов 2004], англ. CHALLENGE, CHRISTMAS, WEDDING. Последний, например, инкорпорирует такие компоненты сценария, как выбор невесты / жениха, объяснение, сообщение о свадьбе, церемония, путешествие и пр.

Регулятивы суть нормативно-оценочные концепты с целевой основой, излучающей воспитательный или дидактический импульсы, незаметно определяющие нашу жизнь. Основанные на системе установок и поведенческих реакций, они имеют в своем базисе определенные архетипические образы, укорененные в коллективном бессознательном. Будучи подкрепленными опытом, регулятивные концепты наделены большой психической энергией.

Корпус *нерегулятивных концептов* весьма разнообразен. Он включает в себя категориальные, теософские, биосоциальные, биовитальные, этнокультурные, этноспецифические и пр. ментальные образования, лишённые прескриптивных интенций, а потому бытующие в языковом сознании без какого-либо нормирования моделей поведения. Так, лингвокультурная специфика концептов ВРЕМЯ, МАТЬ, ПОКОЙ, БЕРЕЗКА, ПОДАРОК и др. существует как бы в свернутом, а точнее, в «связанном» виде [Карасик 2005: 75]. По-видимому, их регулятивная функция оказывается приглушенной в языке, но при этом не исключена ее актуализация в речи: тот же ПОДАРОК может быть концептуальным феноменом, предписываемым или не предписываемым узусом межличностных отношений.

Вероятно, валоративный компонент нерегулятивных концептов тяготеет к своей актуализации в дискурсе, а по степени его концентрации можно говорить о концептах с высокой (СЧАСТЬЕ, ДОЛГ, ЩЕДРОСТЬ, ДОБРОТА) и низкой (ПУТЕШЕСТВИЕ, СЮРПРИЗ) регулятивной силой. В последнем случае речь может идти и о концептах-*ярлыках* (ДУРАК, НЕУДАЧНИК, ТРУС), валоративная составляющая которых имеет не пре-, а дескриптивный характер. В этом смысле концепты-регулятивы как бы излучают некую превентивную силу (нередко «профилактического» порядка), нацеленную на корректирование схемы вербального и невербального поведения человека через осознание им необходимости подчиняться принятым в социуме конвенциям. Можно предположить, что регулятивы выполняют посредническую прагмаэпистемическую миссию между языком, сознанием и поведением. Группировки таких концептов составляют фреймовые сценарии лингвокультурного поведения человека в социуме.

1.2.2. Классы и подклассы концептов

На пересечении отмеченных выше типов концептов, являющихся ментальными образованиями гиперонимического порядка, бытуют и их гипонимические разновидности – классы и подклассы, выделяемые по когнитивно-семантическому принципу. Классы концептов являются наиболее спорным моментом концептологии, поскольку весьма зависимы от субъективного фактора – теоретической позиции исследователя. Для нашего анализа исходным пунктом классификации является онтологизация человека в мире, обществе, культуре и языке, а потому таксономически релевантными мы считаем факторы философского, телеономного, эмотивного, морально-нравственного, гуманитарного и социального порядка (табл. 1.3).

Концепты логико-философского порядка. Они суть универсальные нерегулятивные ментальные образования, репрезентирующие наднациональные ценности, не имеющие прескриптивных установок и являющиеся аксиологически индифферентными. Такие концепты в полной мере подтверждают мысль о том, что усложнение ментальных структур осуществляется по направлению от концептов к категориям [Шафииков 2007: 16]; в зависимости от степени параметризации они могут выступать в двух основных ипостасях – категориальной и теософской.

Категориальные концепты (|+универ| |-регул| |+парам|) отражают единый для всех когнитивный процесс и несут информацию о классах объектов, наподобие аристотелевских категорий ВЕЩЬ, КОЛИЧЕСТВО, ПРИЧИНА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ. М. Шварц называет их концептотипами [Schwarz 1996: 88]), а И. А. Голубовская

[2004: 20] – общекультурными категориями. Лингвистическая литература уже имеет опыт анализа таких феноменов, как ПРИЧИНА [Жданова 1999; Степанов 1991], ПРОСТРАНСТВО [Евтушенко 2004; Шмелев 2002], ВРЕМЯ [Голубовська 2004; Грушина 2002; Дмитрюк 2001; Юдина 2000] и др. Впрочем, М. С. Всеволодова считает, что существуют всего шесть «универсальных общечеловеческих мыслительных концептов» – БЫТИЙНОСТЬ, ВРЕМЯ, ДЕЙСТВИЕ, СОСТОЯНИЕ, ОТНОШЕНИЕ, ХАРАКТЕРИЗАЦИЯ [Всеволодова 2009: 95].

Таблица 1.3. *Типы и классы концептов*

	Регулятивные (+регул)	Нерегулятивные (-регул)	
Универсальные	собственно-телеономные социо-универсальные морально-нравственные	категориальные биосоциальные биовитальные физиологические	Параметрические (+параметр)
	эмотивно-телеономные	теософские эмоциональные	Непараметрические (-параметр)
Специфические	этно-социономные этно-антропономные конфессиональные ритуальные профессиональные	этнокультурные артефактные символьные	(+параметр)
		этно-психо-специфические	(-параметр)

Теософские концепты суть универсальные, нерегулятивные и непараметрические ментальные образования (|универ| |-регул| |-парам|) с абстрактной семантикой: БОГ [Зубкова 1998, 1999; Поліна 2004], ВЕРА [Ивашенко 2001], СВЕТ и ТЬМА [Любезная 2005], ВЕЧНОСТЬ [Тарасова 2000], ГРЕХ [Ваховська 2011; Панова 2000], ДОЛЯ / СУДЬБА [Голубовська 2004: 107, 120; Савенкова 1998; Шмелев 2002: 460; Чернейко 1996], ДУША и ДУХ [Михеев 1999; Пименова 2004], ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ [Голубовська 2004: 228; Грабарова 2001; Хатунцева 1999; Чумак 2001], нем. GEMÜT [Пименов 2002] и др. Нередко к этому типу относят и стихии типа ОГНЯ, ВОДЫ, ГРОМА [Адолина 2004; Маслова 2004: 134], теософское истолкование которых допустимо, вероятно, лишь в рамках определенных мифологических или эзотерических верований.

Очевидно, что отнесение к логико-философским таким концептов, как ФОРМА [Топорова 2000], ФАКТ [Гончарова 1999], ИСТИНА [Лукин 1993] и др. не противоречит общей канве постулируемой нами классификации, но оно может идти вразрез с идеей трехслойности концепта в той ее части, где речь идет о ценностной компоненте. Все дело в том, что каждая фило- и теософская категория,

преломляясь в языке, материализуется в нем через призму лингвокультурной специфики. По мнению М. Шварц [Schwarz 1996: 59], такие концепты все-таки не лишены способности к воссозданию референции – в той мере, в какой языковое сознание может вызвать хранимые в них знания.

Концепты морально-нравственного порядка (|+универ| |+регул| |+парам|) наиболее близко примыкают к теософским, но в отличие от них являются регулятивными, т. е. не только отражают общие представления человечества о морально-нравственных ценностях (ДОБРО, ЗЛО, ГРЕХ, ЛОЖЬ, ДОЛГ, ЧЕСТЬ), но и предписывают нормы поведения в мире и обществе: ПРАВДА [Голубовська 2004: 107; Шмелев 2002: 443], СОВЕСТЬ [Ермакова 2000; Колосова 1998], ЧЕСТЬ [Слышкин 1996], ДОЛГ [Кошелев 2000], БЛАГО [Борзенкова 2000], ДОБРО и ЗЛО [Берестнев 1999; Лисицька 2001], ВОЛЯ [Голубовська 2004: 107], ГОРДОСТЬ [Шмелев 2002: 375], ТЕРПИМОСТЬ [Воронова 2000], ПРИМИРЕНИЕ / СМИРЕНИЕ [Шмелев 2002: 367], ЛОЖЬ [Морозова 2005], ОБМАН [Панченко 1999], ЗАВИСТЬ [Ермакова 2000]. При этом они как бы задают наиболее общую канву такого поведения, в результате чего каждый человек оказывается наделенным правом иметь свое собственное представление об этих ценностях, принимая или не принимая их в качестве эталонных. Стало быть, несмотря на свою универсальность, морально-нравственные концепты могут иметь не только индивидуально-субъективное, но и национально-специфическое воплощение.

Концепты телеономного⁴ порядка (|универ| |+регул| |+парам|) суть «высшие духовные ценности, образующие и воплощающие для человека нравственный идеал, стремление к которому создает моральную оправданность его жизни – идеал, ради которого стоит жить и не жалко умереть» [Воркачев 2005: 39]. Будучи способными задавать цель жизни за пределами индивидуального бытия, такие концепты делятся на собственно телеономные и эмоционально-телеономные (СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, ДРУЖБА). К **собственно-телеономным** относят концепты ЗДОРОВЬЕ [Усачева 2002], ПРАВДА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, УСПЕХ, ДРУЖБА, СВОБОДА и ВОЛЯ [Базылев 2001; Солохина 2004; Хижняк 2000; Шмелев 2002: 343]. К **эмоционально-телеономным** относятся: РАДОСТЬ [Шамаева 2004], СЧАСТЬЕ [Воркачев 2001; 2003; 2004; Шмелев 2002: 427], ЛЮБОВЬ [Балашова 2006; Бойко 2011; Вильмс 1997; Воркачев 2003; Данькова 2000; Каштанова 1997; Огаркова 2005], БЛАГОДАРНОСТЬ [Бердникова 2000] и др. Отражая смысл жизни человека и представляя собой нечто дорогое или даже самое дорогое, телеономные концепты являются общечеловеческими феноменами с наиболее ярко выраженной

⁴ От греч. *telos / teleos* 'цель'.

ценностной составляющей (сверхценность), но нередко с индивидуально различной ассоциативной образностью. Такие концепты не могут быть отрицательными по определению.

Концепты антропоморфного порядка (|+универ| |- регул| |- парам|) являются важной частью концептуальной системы языка. Они имеют прямое отношение к психическим и физиологическим состояниям человека, восходящим к его способности реагировать на раздражители внешнего мира и переносить их на свой внутренний мир. Здесь можно различать эмоциональные и физиологические концепты.

Эмоциональные концепты отражают целую палитру внутренних реакций на актуальный раздражитель или проявление чувств в процессе общения [Красавский 2001]. Они представляют собой «этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, ментальное, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя, помимо понятия, образ, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации предметы (в широком смысле слова) мира, вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [Красавский 2001: 53]. Эмоциональные концепты конституируются единицами с положительной (РАДОСТЬ, УДОВЛЕТВОРЕНИЕ, ПОКОЙ, ВОСТОРГ) и отрицательной маркировкой (ГНЕВ, РАЗОЧАРОВАНИЕ, ДЕПРЕССИЯ, ОБИДА, НЕНАВИСТЬ, СТРАХ [Борисов 2005; Путий 2010]). Для лингвокультурологии такие концепты всегда были и остаются одним из наиболее привлекательных объектов изучения (БЕЗРАЗЛИЧИЕ [Воркачев 1997], ОСКОРБЛЕНИЕ [Воркачев / Кусов 2000], ТОСКА [Димитрова 2001; Голубовська 2004: 107; Шмелев 2002: 359], НЕПРИКАЯННОСТЬ [Шмелев 2002: 353], СТЫД [Шмелев 2002: 382]). Корпус эмоциональных концептов иногда называют **э м о т и к о н о м**.

Физиологические концепты отражают идею нормы и отклонения от неё, давая позитивную (БОДРОСТЬ, ЗДОРОВЬЕ, СОН, СЕКС [Чесноков 2006]) и негативную (ГОЛОД, ЖАЖДА, ЖАР) оценку физическому состоянию человека. К физиологическим следует отнести и **биовитальные** концепты (ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ, СТАРОСТЬ [Крючкова 2005]).

Вероятно, к антропоморфному классу концептов можно отнести и такие подклассы, как **фамильные** (МУЖА, ЖЕНА, МАТЬ, ОТЕЦ, СЕСТРА, БРАТ, ТЕЩА, ТЕСТЬ, ЗЯТЬ), **биосоциальные** (ДЕВОЧКА, ПОДРОСТОК, ВЗРОСЛЫЙ, СТАРИК) и одновременно **гендерные** (МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА, МУЖ, МАТЬ, ОТЕЦ [Гофман 1999; Листрова-Правда 1999]). Гендер квалифицируется как социальный пол, синтезирующий в себе культурное и биологическое начала в человеке.

Концепты гуманитарного порядка отражают место и роль человека в лингвокультурной и социодискурсивной картинах мира. Они бывают социо-универсальными, этно-антропономными и этно-социономными. **Социо-универсальные** концепты (|универ| |+регул| |+парам|) объективируют универсальный для всего человечества способ осмысления межличностных отношений (ДРУГ [Тарбаева 2005], ВРАГ, ГЕРОЙ, ТРУС, ХОЗЯИН, РАБ).

Этно-антропономные концепты (|специф| |+регул| |+парам|) типа ИНТЕЛЛИГЕНТ, АРИСТОКРАТ, ОТЛИЧНИК, ДУРАК, МОЛОДЕЦ, НОВЫЙ РУССКИЙ, ОТМОРОЗОК отражают национально маркированную специфику антропономинаций, связанных с укладом жизни народа и его традициями.

Близко к таким концептам стоят т. н. **лингвокультурные типаж** (обобщенные образы, «модельные личности»), которые задают обобщенный образ представителя определенной социальной группы в рамках конкретной (суб)культуры, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [Карасик 2007а, с. 87; 2007б, с. 223]. Так, в концептах РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ, РУССКИЙ КУПЕЦ, АМЕРИКАНСКИЙ СУПЕРМЕН, АНГЛИЙСКИЙ ЧУДАК, АНГЛИЙСКИЙ АРИСТОКРАТ, НОВЫЙ РУССКИЙ, ОТЛИЧНИК, ЧИНОВНИК, ДУРАК, ОТМОРОЗОК содержится национально маркированная специфика антропономинаций, связанная с укладом жизни и традициями народа, а также с определенным этапом его социоэкономического развития. Такие концепты характеризуются узнаваемостью, яркостью, прецедентностью и пр. [АЛ 2005; Бусурина 2004; Дмитриева 2007; Селивестрова 2007; Стулина 2010; Щеглова 2010]. Как правило, они оказываются наделенными или абсолютно положительным, или абсолютно отрицательным смыслом, что делает их или образцом для наследования и копирования, или осуждения и отторжения.

Этно-социономными концептами (|+специф| |-регул| |+парам|) являются антропонимы типа ЦАРЬ, СУЛТАН, БОЯРИН, ГЕТМАН, КАЗАК, НАЧАЛЬНИК, ЧИНОВНИК, КУМ, СВАТ и др., отражающие определенную структуру социально-ролевых отношений в том или ином этническом коллективе.

Концепты этно-психо-культурного порядка (|+специф| |+регул| |+парам|) объективируются по большей части абстрактными существительными. Они отражают как специфику определенной этнической культуры, так и особенности национальной психологии и являются наиболее изученным классом ментальных объектов. А. Вежбицкая [1996] описала такие типично русские концепты, как ДУША, СУДЬБА, ТОСКА, к которым В. А. Маслова [2004] добавляет ПРОСТОР, ПРИВОЛЬЕ, УДАЛЬ, УЮТ, РАДУШИЕ, НЕПРИКАЯННОСТЬ, МАЯТА, ПУСТОТА. Глубокий

анализ типично украинских (ВОЛЯ, ДОЛЯ, ЛИХО) и типично китайских (QI, YIN, YANG, MING) концептов осуществила И. О. Голубовская [2004: 120]. В лингвистике известны и другие концепты этого класса: АВОСЬ, БЛАГОРОДСТВО, ГОСТЕПРИИМСТВО, РАДУШИЕ, англ. DIGNITY, нем. PÜNKTlichkeit [Зубкова 2003].

К концептам культурно-сецифического порядка относятся *артефактные* (ДОМ, ЮРТА, ПАГОДА), *ритуальные* (ПАСХА, РОЖДЕСТВО, РАМАДАН, САББАТ) и близкие к ним *конфессиональные* (ЦЕРКОВЬ, МЕЧЕТЬ, СИНАГОГА, ХРАМ, ПОП, МУЛЛА, РАВВИН, МОНАХ, ПАЛОМНИК, КОЛОКОЛ, ИКОНА, АЛТАРЬ, КРЕСТ), *артефактные / реистические* (МЕЧ, ФЛАГ, БУЛАВА, англ. FIRE-PLACE, НОМЕ, PUDDING). Последние еще называют *иконическими* [Болдырев 2001: 36] на том основании, что они являются обобщенными чувственными образами предметов и явлений действительности. Их структура отличается гипертрофированной ассоциативной образностью, основу которой составляет визуализация определенного явления, объединенная с опытом его восприятия другими органами чувства. Наряду с этим в последнее время активизировались исследования *концептообразов*, особенно применительно к человеку, его внутреннему и внешнему миру [Коротун 2002; Литвиненко 2006; Лобкова 2005; Никитина 2006 и др.].

Не последнее место в этой системе отводится и *концептам-символам* – географическим и ландшафтным ценностям, фольклорным и сказочным персонажам (Илья Муромец, Баба Яга, Василиса Премудрая, Иванушка Дурачок), литературным героям (Анна Каренина, Обломов, Наталка Полтавка) и даже культовым писателям (Шевченко, Толстой, Cervantes, Goethe) и памятникам (Родина-мать, Hermanns-Denkmal, La Tour Eiffel, Liberty Statue).

А. П. Бабушкин обращает внимание на еще один тип концептов – м и ф е м ы (Кентавр, Русалка, Леший, Домовой, Дракон) пустых понятий, понятий с нулевым референтным объемом или безденотатных реалий, фактов воображения, которые не имеют соответствующего оригинала в окружающем мире [Бабушкин 1997: 117]. Делая «чистый срез» таких концептов, он приходит к выводу о том, что каждый носитель языка, реализуя тот или иной концепт, вносит в его объективное содержание элементы субъективного опыта (аналогично: [Кочарная 2002]).

С другой стороны, существует немалое количество концептов, которые не могут быть подведены под ту или иную рубрику. Ярчайшим примером тому являются идиоконцепты – ментальные образования, отражающие мир ценностей отдельно взятой личности или авторские модификации общепринятых ценностей. Эти концепты являются также важной частью ментального мира человека, поскольку с их помощью языковая личность квантирует свое собственное

когнитивно-семантическое пространство. Игнорировать такого рода концепты лингвист просто не имеет права.

Наряду с перечисленными возможностями таксономизации концептов исследователи выделяют еще много разных видов: инсайтные, калейдоскопические, гештальтные, текстовые, институциональные, синтаксические и пр. Поскольку о последних стали говорить все чаще [Волохина 2003; Всеволодова 2009; Фурс 2004], есть смысл остановиться на них немного подробнее. *Синтаксическими концептами* называют «типовую пропозицию, которая зафиксирована конкретной структурной схемой простого предложения <...> – то отношение, которое уловлено говорящим как типовое (отношение бытия, инобытие, небытие и др.)» [Попова 2005: 31]. По нашему мнению, выделение синтаксических концептов – довольно спорный вопрос. Пропозиция как амодальный инвариант предложения имеет лишь один из трех необходимых для концепта конститuentов – понятийный (денотат ситуации), тогда как о ее перцептивно-образном и ценностном началах говорить довольно сложно.

Введение в научный обиход понятия «синтаксический концепт» является в определенной мере терминологической игрой, в которой традиционные грамматические категории (предложение, пропозиция) получают другие ярлыки. В результате этого синтаксическая наука прирастает не новым знанием, а новыми терминами, которые отнюдь ее не обогащают в силу того, что термин не терпит ни многозначности, ни синонимической конкуренции. Очевидно, и сами сторонники ощущают всю шаткость своей позиции, так как не могут определиться с их дефиницией: синтаксический концепт предстает в их теории не только как пропозиция, но и как синтаксема, как фрейм или как сценарий [Скобликова 2001; Тарнакина 2001: 60].

Все это лишний раз свидетельствует о том, что синтаксис как наиболее консервативная подсистема языка не может описываться в измерениях лингвокультуры в той мере, как лексика и фразеология. В этой связи уместно обратить внимание на градиент «Чем выше мы движемся по шкале «конкретное – абстрактное», тем явственнее происходит процесс перехода от концептов к категориям» [Шафиков 2007: 16]. Но верен и обратный путь: чем ниже мы спускаемся по шкале «абстрактное – конкретное», тем явственнее происходит процесс перехода от категории к концепту.

Подводя итог, отметим, что предложенная систематизация не может претендовать на окончательное решение проблемы таксономии концептов хотя бы потому, что множество концептов пересекаются в разных классификационных координатах. Так, СОВЕСТЬ, ГОРДОСТЬ, РАДОСТЬ, ДОБРО могут быть истолкованы

не только в терминах телеономности, но и в терминах теософии, социальной значимости, этноспецифичности, универсальности и т. п. Предложенная таксономия лишь намечает в самом общем виде абрисы, призванные помочь исследователю ориентироваться в теории и материале.

1.2.3. Базовые концепты и их концептографическая фиксация

Не имея четких границ и жесткой структуры, концепт существует в ментальном мире человека как некоторая идея, овладевающая массовым сознанием в пределах определенной этно- и лингвокультуры на определенном этапе ее социоисторического развития. Поэтому нередко концепты рассматривают как индикаторы культуры, а культуру – как среду их бытования (ср.: культура – «совокупность концептов и отношений между ними» [Степанов 1997: 38]). Довольно ярко это просматривается в особом типе концептов, называемых *культурными константами*, среди которых различают базовые и символные.

В табл. 1.4 представлены в первом приближении базовые концепты отдельных европейских лингвокультурных сообществ, сгруппированные по идеографическому принципу. Этот, довольно приблизительный, перечень составлен путем опроса информантов при учете этнографических данных [НМ 1988]. Базовыми признаются такие этнокультурные сферы, как национальные гастрономические предпочтения, устройство дома, национальная одежда, валоризируемый растительный и животный мир, национальный антураж (одежда, танец, песня, музыкальный инструмент, сувениры), досуговые привычки, специфика межличностных отношений, ориентиры жизненного мира и т. п.

Конечно, этот список не является идеальным, а во многом и спорным, но ясно одно: то, что задевает струны души, можно и нужно каталогизировать ради познания этноспецифических ценностей того или иного народа, воплощенных в его языке. Вместе с тем табл. 1.4 дает повод для раздумий относительно дальнейших поисков в деле инвентаризации этно-, социо- и идиоспецифических концептов, возможной как по горизонтали, так и по вертикали, так как существует еще довольно значительная прослойка концептуальной лексики, подлежащая осмыслению с учетом иных тематических доменов, региональных различий в рамках одного и того же этноса, вариантов национальных литературных языков, пересечений эквивалентных концептов в разных лингвокультурах и т. п.

В отличие от категориальных, список базовых культурных концептов является по определению открытым. Он может быть в любое время расширенным

и/или дополненным новыми единицами в зависимости от постоянно меняющейся действительности, в которой бытует культура, а также от теоретической позиции исследователя. Так, лингвистической общественности еще предстоит осмыслить концептуальную ценность таких ментальных феноменов, как рус. УДАЛЬ, ТЕРПЕНИЕ, ТРОЙКА, РАЗДОЛЬЕ; укр. ГРОМАДА, ЗЛАГОДА, ОБЕРІГ, ДОБРОБУТ, нем. PROJEKT, TERMIN, HAUSHALT, GEMÜTLICHKEIT, FLEIB; брит. MONARCHY, PRIVACY, OWNER, GENTLEMAN, COZINESS, HORS RACE; исп. ABANICO, VIAJE и пр. Естественно, по мере проникновения исследовательской мысли в глубины концептосферы этот список может быть продолжен.

Таблица 1.4. Базовые концепты европейских лингвокультурных сообществ

	Рус.	Укр.	Англ.	Нем.	Франц.	Исп.
<i>Еда</i>	ЩИ БЛИНЫ ПЕЛЬМЕНИ	БОРЩ, САЛО ВАРЕНИКИ ГАЛУШКИ	PUDDING PORRIDGE ROSTBEEF	KLÖBE, SAUERKRAUT, WÜRSTCHEN	CRÊPE FROMAGE ESCARGOTS	TÁPAS PAELLA TORTILLA
<i>Напиток</i>	КВАС ВОДКА	УЗВАР ГОРЛКА	TEE, BEER WHISKY	BIER SCHNAPS	VIN	SANGRIA EL VINO
<i>Дом</i>	ИЗБА	ХАТА	RESIDENCE CASTLE	FACHWERKHAUS GIEBELHAUS	FOYER	CHALET
<i>Одежда</i>	САРАФАН ВАЛЕНКИ	ВИШИВАНКА СПІДНИЦЯ КОЖУХ	TAILOR MA- DE COAST AND SKIRT	ZEPHROSE DIRNDELKLEID	ROBE	MANTILLA BOINA
<i>Растение</i>	БЕРЕЗКА РЯБИНА	КАЛИНА БАРВИНОК	HEATHER IVY	EICHE BUCHE	CHATAIGNIER	HARANJO EL CLAVEL
<i>Животное</i>	МЕДВЕДЬ			BÄRLEIN	LE COQ GAULOIS	TORO
<i>Танец</i>	ТРЕПАК ХОРОВОД	ГОПАК			VALSE	FLAMENCO PASADOBLE
<i>Песня</i>	ЧАСТУШКИ РОМАНСЫ	ПЕРЕСПІВИ		MARSCH VOLKSLIEDER	MARSEILLAISE	BÉSAME MUCHO
<i>Досуг</i>		ВЕЧОРНИЦІ	BOXING FOOTBALL	URLAUB REISEN	BISTROT	SIESTA LA MARCHA
<i>Инструмент</i>	БАЛАЛАЙКА	ТРЕМБІТА БАНДУРА	BAGPIPES	KLAVIER	ACCORDÉON	GUITARRA
<i>Сувенир</i>	МАТРЕШКА САМОВАР	РУШНИК ПИСАНКА		BIERKRUG VUND- HARMONIKA	TOUR EIFFEL	ABANICO CASTAÑUELAS
<i>Отношения</i>	НАЧАЛЬНИК ДРУЗЬЯ	КУМ НАЧАЛЬНИК	QUEEN GENTLEMAN	VORSTAND	AMI	CABALLERIA
<i>Ориентир</i>		ДОБРОБУТ ЗЛАГОДА	COMFORT	GMÜTLICHKEIT	DÉJENNER LE POT	FAMILIA MACHISMO
<i>Другое</i>	УДАЛЬ АВОСЬ		PRIVACY MONARCHY	ORDNUNG ARBEIT	MODE	FIESTA

Очевидно, такого рода перечни не могут быть сведены лишь к базовым единицам лингвокультуры. Наряду с ними в каждой национальной культуре существуют концепты еще более высокого уровня абстракции – символные, или *концептосимволы*. Это концепты, в которых имеет место «слияние» собственно концепта и символа.

Как известно, символ – одно из наиболее многозначных понятий в семиотике потому, что он является «эстетически канонизированной культурно значимой концептуальной структурой иной, нежели первичное содержание реалии или знака, понятийной сферы» [Селиванова 2010: 645]. Символ – это также единица лингвокультуры, основной функцией которой являются замещение по форме чего-то чем-то без серьезного сдвига в значении: феномен *A* замещается более простым по форме и природе феноменом *B*; при этом сохраняется совокупность всех смыслов и коннотаций *A* с возможным добавлением некоторых значений и коннотаций *B*, которое не ведет к принципиальному изменению места *A* в культуре, разрешающей *B* осознаваться и функционировать как *A* [Красных 2003].

Символ характеризуется интенциональностью, образностью, мотивированностью, дейктичностью, императивностью, психологичностью, комплексностью содержания [Шелестюк 1997: 125]. Поскольку он реализует свою функцию в жизни социума, государства, религиозного сообщества, идейного содружества, становится возможной проекция этого понятия не только на какое-либо конкретное этническое сообщество, но и на всю цивилизацию (например, СЕМЬ ЧУДЕС СВЕТА). Но именно на почве национально-культурной традиции символ может превращаться в образ-идею, т. е. становиться концептуально значимым.

Вербализированный символ приобретает признаки национально, социально и культурно значимого понятия уже как осмысленный в пределах конкретной культуры образ. «Процессы осмысления культурного концепта в символизированных образах прослеживаются при условии реализации нарративного замысла воплотить концептуальный подход в системе образов, которые поднимаются к уровню носителя идей» [Кононенко 2004: 159]. Самая же природа символа раскрывается в иерархии «слово → образ → символ → смысл → концепт».

По мнению Н. Ф. Алефиренко, сущность концепта объективируется в триаде «образ – понятие – символ». При таком подходе лишь на четвертом этапе – этапе формирования концепта и его вербализации – появляется образ мифа, т. е. действие символа в парадигме данной культуры, а сам концептосимвол формирует в слове достаточно широкий спектр импликационала его семантической структуры, которая включает и сложный образ, и мотив, и идею, и даже

жизненную ситуацию [Алефиренко 2005: 146–148]. При этом отношение концепта и символа не сводится к упрощенной формуле «обобщенное понятие → воплощение в образе». Их взаимосвязи многомерны и неоднозначны, поскольку обуславливаются не только национальным, но и индивидуальным сознанием каждого представителя определенного языкового коллектива.

Если концепт воплощается и в слове, и в образе, и в материальном предмете, т. е. предполагает ассоциативное наложение культурных коннотаций на основное (словарное) значение, то вербализованный символ при условии своей достаточной репрезентации через систему осознанных «переходов» обеспечивает реализацию всех трех форм воплощения концепта: он является одновременно и словом, и образом, и большей частью самим обозначенным материальным предметом (а во внеязыковой действительности – тем самым предметом).

К концептосимволам можно отнести различные валоративно значимые ментальные образования:

- географические и ландшафтные ценности (рус. ВОЛГА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, СОЧИ, укр. КАРПАТИ, ДНПРО, амер. GRAND CONYON, англ. HYDE PARK, COMMON WEALTH);
- памятники, мемориалы (рус. ЦАРЬ-ПУШКА, РОДИНА-МАТЬ; нем. HERMANNSDENKMAL, укр. ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО, БОГДАНУ ХМЕЛЬНИЦКОМУ; фр. LA TOUR EFFEL, америк. LIBERTY STATUE; СТЕНА ПЛАЧА (Израиль));
- культовые сооружения, храмы (рус. ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ; укр. ЛАВРА, ХРЕЩАТИК; фр. NOTRE DAMME DE PARIS; нем. KÖLNER DOM; австр. STEPHANS DOM; англ. TOWER, WESTMINSTER ABBEY; исп. LA CATEDRAL DE ALMUENDA, LA CATEDRAL DE SEVILLA; храм КААБА в Мекке);
- госучреждения общенациональной значимости (рос. КРЕМЛЬ; укр. МАРИНСЬКИЙ ПАЛАЦ; нем. BUNDESTAG; амер. WHITE HOUSE; катол. ВАТИКАН);
- архитектурные шедевры общенациональной значимости (рус. ЭРМИТАЖ; амер. EMPIRE STATE BUILDING; англ. BIG BEN; исп. LA SANGRADA FAMILIA, LA ALHAMBRA, DEL PRADO);
- прецедентные тексты («ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН», «ГОРЕ ОТ УМА», «МЕРТВЫЕ ДУШИ» для русских; «КОБЗАР», «НАТАЛКА ПОЛТАВКА» для украинцев, «САГИ» для исландцев);
- прецедентные личности: исторические фигуры и герои (рус. БОГАТЫРЬ, ИВАН СУСАНИН, СУВОРОВ, КУТУЗОВ; укр. КОЗАК, КОБЗАР; англ. ROBIN HOOD; нем. HERMANN; фр. JEANNE D'ARC, пол. МАТКА ВОСКА CZĘSTOCHOWSKA); деятели искусства – художники (исп. GOYA, VELÁZQUES, SALVADOR DALI, EL GRECO, PICASSO), писатели (ШЕВЧЕНКО для украинцев; ПУШКИН, НЕКРАСОВ, ТОЛСТОЙ,

БУЛГАКОВ для русских; CERVANTES и LORCA для испанцев; ГОЕТНЕ для немцев; SHAKESPEARE и BYRON для англичан); литературные герои (укр. НАТАЛКА ПОЛТАВКА; рус. АННА КАРЕНИНА, МАНИЛОВ, ОБЛОМОВ, ОСТАП БЕНДЕР; нем. FAUST; исп. DON QUIJOTE); фольклорные и сказочные персонажи (рос. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, БАБА ЯГА, ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ, ИВАНУШКА ДУРАЧОК) и т. д.

Концептосимволы способны вмещать в себя систему релевантных смыслов в свернутом виде. Свернутость концептосимвола – это свернутый фрейм или свернутый текст. Например, КАЗАК – мужчина-воин, одетый в вышитую сорочку, шаровары и сапоги, стриженный под селедку, носит усы, имеет саблю, живет среди таких же мужчин на острове Хортица, борется за освобождение от турок и польской шляхты. Свернутость концептосимвола во фрейм или текст является фактически обобщенной моделью организации культурного знания. Отсюда – своеобразная многомерность концептосимвола с такими слоями, как рациональное и эмоциональное, абстрактное и конкретное, универсальное и этноспецифичное, общенациональное и индивидуально-личностное.

Понятно, что каждый лингвокультурный коллектив имеет свои константы – базовые и символичные ценности, которые могут проявляться в разных сферах бытия: социальном устройстве, досуге, работе, быту, национальной символической и т. д. Лингвистическая общественность еще должна осмыслить концептуальную природу таких феноменов, как РУССКИЙ МЕДВЕДЬ, ШВЕЙЦАРСКИЕ ЧАСЫ, БЕЛЬГИЙСКОЕ КРУЖЕВО, ГОЛЛАНДСКАЯ МЕЛЬНИЦА, БАВАРСКАЯ ШАПОЧКА, ГАЛЛЬСКИЙ ПЕТУХ, БРАЗИЛЬСКИЙ КАРНАВАЛ, ВЕНСКИЙ ВАЛЬС, ТИРОЛЬСКИЙ JODEL (песни с переливами), БРИТАНСКИЙ DERBY, ФРАНЦУЗСКИЙ TOUR DE FRANÇOIS. Не менее значимой является и разного рода символика – национальная (укр. ТРЕЗУБЕЦЬ, рус. ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ, франц. LE TRICOLORE, амер. STRANS & STRIPES), конфессиональная (фр. LA MARIANNE, рус. КАЗАНСКАЯ БОЖЬЯ МАТЕРЬ, НИКОЛАЙ УГОДНИК) и т. п. Естественно, что по мере проникновения исследовательской мысли в глубины концептосферы этот список может быть продолжен.

Активно поддерживаемые в последнее время проекты по инвентаризации концептов – словарей тех или иных лингвокультур – являются весьма знаменательным событием, потому что призваны сохранить для потомков лингвокультурную самобытность отдельных этносов, испытывающих прессинг глобализационных процессов. Такого рода поиски лингвокультурных констант неизменно приводят к необходимости их отбора, описания и фиксации в виде определенного концептографического «реестра», позволяющего выявить значимое / незначимое в культуре, определить, в каких единицах и как происходит объективация значимого, дают ключи к пониманию других подсистем культуры.

Концептография является относительно новым направлением в исследовании культурных констант. Она представляет собой новый исследовательский конструкт, открытый для обсуждения гуманитарной общественностью. Концептография имеет своей целью свод, инвентарь, список концептов, доминирующих в культуре, а потому она коррелирует с совершенно новым типом словаря, конструирование которого может происходить на разных основаниях: и как инвентаризация общечеловеческих валоративов (ср.: «семантические примитивы» А. Вежбицкой), и как определение ценностных ориентиров определенного этноса, совокупность которых позволяет говорить о «концептуарии культуры» [Карасик 2005: 85]. Их изучение связано так или иначе с необходимостью каталогизации концептокорпуса того или иного языка.

Одной из самых первых и одновременно фундаментальных попыток такой каталогизации является «*Словарь русской культуры*» Ю. С. Степанова [1997]. В нем зафиксировано и описано более 50 базовых концептов – констант русской культуры (ВЕЧНОСТЬ, МИР, ВРЕМЯ, ОГОНЬ, ВОДА, ХЛЕБ, ДЕЙСТВИЕ, ремесло, СЛОВО, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, ВОЛЯ, ПРАВДА, ИСТИНА, ЗНАНИЕ, НАУКА, ЧИСЛО, СЧЕТ, ПИСЬМО, АЛФАВИТ, ЗАКОН, СВОИ / ЧУЖИЕ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ЧЕЛОВЕК, ЛИЧНОСТЬ, ДУША, МИР, СОВЕСТЬ, МОРАЛЬ, ДЕНЬГИ, БИЗНЕС, СТРАХ, ТОСКА, ГРУСТЬ, ПЕЧАЛЬ, ГРЕХ, ДОМ, УЮТ, ЯЗЫК и др.). Описываются здесь и такие производные (не базовые) концепты, как БАБА-ЯГА, ПАРТИЙНОСТЬ, ДВОЕВЕРИЕ, ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ. Принципиальной позицией автора является обоснование права исследователя на использование своего собственного лингвокультурного опыта (интроспекция) для описания концептов путем постулирования того факта, что духовная культура живет в индивидуальном языковом сознании.

Наряду с многомерными лингвистическими параметрами (внутренняя форма, данные исторического развития, эволюционные семиотические ряды и другие свойства концептов) Ю. С. Степанов привлекает данные сопредельных гуманитарных наук для толкования культурных концептов – этнологии, истории, географии, публицистики и т. п. Он также анализирует взгляды мыслителей, писателей и «простых» граждан – носителей культуры, что значительно расширяет экспериментальную базу исследования и содействует верификации выводов. Словарь Ю. С. Степанова – это уже классическая работа в том смысле, что является образцом для составления аналогичных перечней других культур. В целом у Ю. С. Степанова концепты выступают некими «объективированными» сущностями, существующими вне индивидуального сознания и навязываемые субъекту независимо от его воли и желания.

В отличие от вышеупомянутого интроспективного инвентаря, русская лингвокультура имеет в своем эпистемическом багаже и другой способ каталогизации концептов – экстраспективный. Речь идет о лингвокультурологическом словаре «*Русское культурное пространство*» [РКП 2004], в котором авторский коллектив, стремясь к максимальному устранению субъективного фактора при отборе и интерпретации материала, в основном опирался на метод анкетирования и на текстовые фиксации данных. При этом создатели словаря отталкиваются не от понятийной составляющей концепта (денотативная информация), а от ассоциативно-образной и валоративной (коннотативная информация).

Словарь состоит из четырех разделов: «Зооморфные образы» (*волк, воробей, голубь, медведь, жаба*), «Прецедентные имена» (*Баба Яга, Буратино, Василиса Прекрасная / Премудрая, Водяной, Кащей Бессмертный*), «Прецедентные тексты» («*Аленький цветочек*», «*Гадкий утенок*», «*Золушка*»), «Прецедентные высказывания» («*Бог с тобой, Золотая рыбка*», «*Кто-кто в теремочке живет?*», «*Утро вечера мудренее*»). Этот словарь оказывается не прескриптивным, а дескриптивным справочником: в нем приводятся те данные, которые представитель русской культуры знает реально, а не те, которые он должен знать. Фактически он является словарем ментефактов, а не словарем концептуальных констант культуры, однако его оригинальность заключается в том, что описываемые в нем единицы представлены не изолированно, а в тесной взаимосвязи.

Значительный интерес для гуманитарной общественности представляет собой и словарь-справочник «*Знаки української етнокультури*» В. В. Жаворонка. Словарь содержит свыше 10 тысяч единиц, отобранных на основе этнографических, культурных, исторических, философских, психологических, мифологических и религиозных данных, описанных в алфавитном порядке (изолятивно). Как отмечает автор, в подавляющем большинстве все эти концепты являются «константами украинской национальной культуры, которая питается из неисчерпаемых народных источников» [Жайворонок 2006: 4].

Несомненным достоинством словаря «*Знаков...*» является его прозрачная и четкая концепция, которая отталкивается от понимания базовых валоративов как представителей украинского этнокультурного континуума. Классы национально маркированных единиц показаны с учетом мифологических корней, стереотипных образов и актуальных ассоциаций, возникающих при апеллировании к соответствующим образам. Все это помогает осознанию оценочных характеристик ментефактов, что, в свою очередь, позволяет судить о нормах коммуникативного поведения, присущих украинской этно- и лингвокультуре.

Альманах «*Антология концептов*» под редакцией В. И. Карасика и И. А. Стернина представляет собой словарь (8 томов) совершенно иного типа. Он является сборником, в котором сведены воедино результаты наиболее интересных и оригинальных исследований в области концептологии, отражающие материалы состоявшихся диссертационных исследований. Определены общие требования к этим публикациям: изложение методики исследования, определение основных теоретических предпосылок, наличие конкретного описания соответствующего концепта в форме перечисления его когнитивных признаков, выявленных в процессе научного поиска. К настоящему времени вышло несколько томов [АК 2005–2007]. Несмотря на небольшой тираж (200 экз.), они вызвали многочисленные отклики ученых-когнитологов разных школ и направлений. Выпуски 1 и 2 в объединенном виде вышли в 2007 г. также и в издательстве «Гнозис», что вызвало критическую рецензию проф. И. Б. Левонтиной [2008] с последующим не менее критическим ответом редакторов [Стернин 2008].

Работа над концептографическими справочниками является одним из приоритетных направлений прикладных изысканий в области лингвокультурологии, и особого внимания здесь заслуживает вопрос о количестве выделяемых констант (базовых и символьных) в той или иной этнокультуре. Если А. Вежбицкая фундаментальными для русской культуры считает всего три концепта (СУДЬБА, ТОСКА, ВОЛЯ), а Ю. С. Степанов – четыре-пять десятков, то В. В. Жайворонок доводит их число аж до 10 тысяч. Такой разброс обусловлен не объективно существующим разным количеством концептов в разных культурах – количественное расхождение определяется субъективной теоретической позицией исследователя. На наш взгляд, оптимальное количество ментальных единиц, отвечающих постулированным критериям, не превышает нескольких сотен.

В целом же культурные константы представляют собой наибольший интерес для концептологии потому, что они наделены способностью квантировать соответствующие культурно-семантические пространства. Определение точного перечня культурных концептов – задача сложная; не менее сложна и проблема непротиворечивого истолкования лингвокультурной значимости концептов хотя бы потому, что концептуальная палитра языка – явление идеальное, к которому вряд применимо то, что в точных науках принято называть мерой. Если сами концепты материализуются в языке, то методики их анализа не всегда поддаются формализации, а потому любое их качественное и количественное ранжирование еще долго будет иметь налет филологического субъективизма. Составление точного и окончательного списка национальных концептов – задача практически неразрешимая.

Осмысление концептокорпуса естественного языка в терминах количества и качества дает ясное понимание того, что поиски в этом направлении могут быть как прескриптивного (то, что потенциально заложено в культурном сценарии), так и дескриптивного (то, чем реально оперирует речевая личность) характера. Оба направления сходятся в одной точке: то, что задевает струны души, можно и нужно каталогизировать ради познания этноспецифических ценностей народа, воплощенных в его языке.

Вместе с тем, они дают мощный импульс для раздумий относительно дальнейших поисков в деле концептографической инвентаризации концептуальных доминант. И в этом отношении существует довольно значительная прослойка единиц, подлежащих осмыслению с учетом путей и способов пересечения соотносимых концептов в разных лингвокультурах и в разных тематических доменах, а также региональных отличий, вариантов национальных литературных языков, где могут актуализироваться одни ценности, воплощенные в слове, и нивелироваться и/или игнорироваться другие. Особую значимость они приобретают в контексте этнических менталитетов.

1.2.4. Концепты и антиконцепты

Говоря о концептах, специалисты имеют в виду, прежде всего, ментальные единицы, наделенные положительной оценкой (ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, СЧАСТЬЕ, ДОБРО, РОДИНА, СЛАВА, ГЕРОЙ и пр.). Но поскольку рядом существует ряд ментальных единиц с отрицательной оценкой, именуемых почему-то тоже концептами (ср. ГРЕХ [Ваховська 2011; Козина 2007], ЗАВИСТЬ [Ермакова 2000], ЛИЦЕМЕРИЕ [Храмова 2010], ЛОЖЬ [Морозова 2005], ВОРОВСТВО [Павлова 2009], ОСКОРБЛЕНИЕ [Кусов 2004], ПРЕСТУПЛЕНИЕ [Данилов 2005], ПОЗОР [Русина 2008], СТЫД [Малахова 2009], ПОШЛОСТЬ [Сукаленко 2000], ТЕРРОРИЗМ [Жулавська 2011; Семенчук 2010], ЗАВИСТЬ [Несветайлова 2010] и др.), есть основания обратиться не только к уточнению их лингвистического статуса, но и к их осмыслению на предмет характера валоризации, степени универсальности, типологического устройства, а также алгоритма их соотносительности с собственно концептами.

Как известно, дискретизация концептов под углом зрения аксиологической семантики допускает их противопоставление по принципу позитива и негатива, поскольку концептуальный корпус языка формируется не только ценностными ориентирами со знаком плюс, но и со знаком минус (ср.: *материя* – *антиматерия*, *герой* – *антигерой*, *радар* – *антирадар*, *циклон* – *антициклон*, *ген* – *антиген*, *семит* – *антисемит*, *фашист* – *антифашист*, *реклама* – *антиреклама* и т. д.).

При этом префиксоид «анти-» не всегда означает нечто отрицательное. Отрицательное кроется в оценке того, что постулируется. Также на основе оценки противопоставлены друг другу концепт и его антипод: первый представляет собой ментальную единицу, отражающую определенную ценность для лингво- и этнокультуры, второй – единицу, отражающую некоторую антиценность.

Несмотря на то, что в последнее время ментальные единицы с отрицательным валоративным статусом все чаще стали попадать в фокус внимания концептологов, назвать их своим именем решается не каждый. Так, непонятен валоративный статус концептов ДУРАК, СТЫД, ОБМАН или СКУПОСТЬ у авторов, которые посвятили им специальные исследования [Бусурина 2004; Долевец 2009; Малахова 2009; Панченко 1999]. Особенно выпукло осторожность в определении ментального статуса соответствующих единиц ощущается у тех, кто исследует противопоставленные друг другу концептуальные пары. Например, описывая диаду БОГ и ДЬЯВОЛ [Передриенко 2006], ЛИЦЕМЕРИЕ и ИСКРЕННОСТЬ [Храмова 2010], авторы квалифицируют их как антиподы. Впрочем, иногда встречаются и более решительные рефлексии, когда антиконцепт трактуется как антоним имени другого концепта [Пономарева 2011: 191] или как «семантический противочлен концепта» [Воркачев 2011: 71].

Несколько иначе размышляет Ю. С. Степанов, считая антиконцепт «концептом, противопоставленным какому-то другому концепту»: если концепт является формой выражения содержания, то антиконцепт – формой несогласия с ним, формой протеста [Степанов 2007: 20–21]. Он отмечает, что антиконцепт не всегда несет в себе нечто обратное хорошему. Косвенным образом признает существования антиконцептов и В. И. Карасик. Говоря о феномене «антиномия» как о важнейшей составляющей категориального статуса концептов, он считает их конститутивным признаком возможность включения в бинарные оппозиции. «Эта бинарность может иметь разные направления, уточняющие концепт диалектически или логически, например: СУЩНОСТЬ – ЯВЛЕНИЕ, ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, СВОБОДА – НЕОБХОДИМОСТЬ» [Карасик 2007б: 35]. Отталкиваясь от данного тезиса, М. Г. Сабадашова описывает антиподы ПАМЯТЬ и ЗАБВЕНИЕ, называя их, соответственно, концептом и антиконцептом, и доказывает, что они суть «смысловое образование, состоящее из диалектически противопоставленных и взаимосвязанных сущностей» [Сабадашова 2011: 5–6].

В нашем понимании *антиконцепт* является собой лингво-психо-социокультурный феномен, объективированный языковыми средствами и отражающий определенную антиценность наднационального, национального или идиолектного порядка. При этом антиценность может быть противопоставлена

ценности, и тогда обе они оказываются репрезентантами некоторой вышестоящей идеи, но может быть и не противопоставлена, а существовать как бы сама по себе, вне такой вышестоящей идеи.

Обращение к проблематике противопоставленности концептов логично потому, что она выводит исследовательскую мысль на несколько иной уровень обобщения – на закон единства и борьбы противоположностей, с одной стороны, и на проблему смены социодискурсивных формаций, – с другой. Но есть еще и третья сторона – т. н. «диссидентство в семантике», имеющее своей целью сделать более прозрачным знак путем его отрицания [Воробйова 2012]. Такое обращение сопряжено с выделением в объекте анализа, по крайней мере, двух предметных сфер: антиконцепта как части некоторого целого и антиконцепта как некоей автономной сущности. В зависимости от степени выраженности этих параметров можно различать партонимические (меронимические), стигматические и эссенциальные антиконцепты.

Партонимические антиконцепты отражают идею единобытия с другим концептом, с которым они образуют своеобразную дуальную монаду, вписываясь в фундаментальный принцип мироустройства, предполагающий единение противоположностей со знаками «плюс» и «минус» – напр., доброго и злого, темного и светлого, возвышенного и низменного, мужского и женского.

Исходным здесь должно быть понимание того факта, что концепт и антиконцепт – это не всегда антонимическая пара, а некий тесно сопряженный ментальный конструкт, восходящий к обобщающей идее – *мезоконцепту*, в котором присутствуют оба начала, в силу чего он задает разнонаправленные векторы ценностных ориентиров. Мезоконцепт – это некоторая вышестоящая идея, некая надсистема-контролер, включающая в себя ценность и ее антипод (ср. ГЕРОЙ и ТРУС, ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ). Но, например, МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА или СТАТИКА и ДИНАМИКА не могут быть в отношениях концепта и антиконцепта (кто из них кто или что из них что?), как не могут быть в таких отношениях *антиномия*, *антифриз*, *антипод*, *антиципация*, *антибиотик*. Если концепт – это ценность со знаком плюс, а антиконцепт – ценность со знаком минус («антиценность»), то мезоконцепт – инстанция, в которую они оба вовлекаются в равных долях. Речь идет о некотором третьем противочлене, включающем в себя черты и концепта, и антиконцепта и являющемся точкой отсчета, своеобразным *tertium comparationis*, по которому сверяют концепт и антиконцепт.

Анализируя концепт MAGIC и антиконцепт GLAMOUR, Т. Б. Ларина принимает за точку отсчета мезоконцепт-инвариант ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ (в ее терминологии «метаконцепт»). Главным критерием идентификации концепта и антиконцепта

она считает факт внешней включённости базовых признаков концептов в одни и те же понятийные, образные и ценностные сферы при одновременной внутренней оппозитивности этих признаков [Ларина 2011: 9]. Нельзя не согласиться с М. Б. Лариной и в более частных, но не менее важных критериях обозначенной корреляции, при которых:

- мезоконцепт – концептополе, внутри которого концепт и антиконцепт маркируют полюса «+» и «–» (ЛЮБОВЬ – НЕНАВИСТЬ = КП «состояние человека», МИР – ВОЙНА = КП «общественные отношения»), ХОЗЯИН – ХОЛУЙ (КП «социальный статус»);

- мезоконцепт – определенная идея, в которой осуществляется противопоставленность по ценностным шкалам «хорошо – плохо» (ДРУГ – ВРАГ, ГЕРОЙ – ТРУС, МАСТЕР – ПРОФАН), «красиво – некрасиво» (КРАСОТА – УРОДСТВО), «истинно – ложно» (ПРАВДА – ЛОЖЬ), «внутреннее – внешнее» (ТЕРПИМОСТЬ – НЕТЕРПИМОСТЬ, АЛЬТРУИЗМ – ЭГОИЗМ), «сакральное – профанное» (ДУША – ТЕЛО);

- мезоконцепт – некая мифопоэтическая инстанция, в которой имеет место контрарная противопоставленность темных и светлых сил (БОГ – ДЬЯВОЛ, ВОЛШЕБНИК – КОЛДУН, ВЕДЬМА – ФЕЯ, БАБА ЯГА – ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ / ПРЕМУДРАЯ, БАРМАЛЕЙ – АЙБОЛИТ и пр.).

В рамки обозначенных критериев четко вписывается и тот факт, что негатив и позитив сосуществуют в виде антиномий / диад (ДОБРО – ЗЛО, АЛЬТРУИЗМ – ЭГОИЗМ, ГОРДОСТЬ – СТЫД, ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ – НЕПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ, СЛАВА – ПОЗОР, ВЕЛИКОДУШИЕ – ЗАВИСТЬ, ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ, ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ, СВЕТ – ТЬМА, РАЙ – АД, ДРУГ – ВРАГ, ГЕРОЙ – ТРУС и т.д.), что дает право говорить о бинарности и противопоставленности как о двух основных принципах упорядочения концептокорпуса. В таких оппозициях происходит распределение векторной семантики: один ее член предполагает отрицание того, что обозначает второй.

Говоря о диаде ДОБРО – ЗЛО, С. Г. Воркачев подчеркивает, что она является результатом гипостазирования аксиологической оценки [Воркачев 2011: 72]. В этом как раз и проявляется склонность некоторых концептов объективироваться через рядоположенные единицы: нельзя понять ДОБРО без ЗЛА, МИР без ВОЙНЫ, а ПОРЯДОК без БЕСПОРЯДКА. Такие пары отражает идею *дуальной монады* – особый случай совмещения несовместимого: некая общая когнитивно-ассоциативная область полностью поглощает понятийно-валоративные сферы двух разновекторных концептов. Именно такие совмещения позволяют языку вырабатывать различные парадоксальные фигуры речи – метафоры, оксюмороны, синестезии. Рассуждая о концептуальных диадах, «сжатых» в фигурах

типа «упорядоченный хаос», «живое неживое», «светлая тьма», А. С. Колесник говорит об объединении неких взаимно противоположных сущностей, вызванных амбивалентным характером концептуальной аксиоматики [Колесник 2012: 12].

Антиконцепт-партоним является отрицательно «заряженной» частью определенной концептуальной диады, в которой он противостоит некоторой положительно «заряженной» части – собственно концепту. Отражая оппозитивные представления об общей конфигурации мира в его статике и динамике, партонимически соотнесенные концепт и антиконцепт выступают антиподами, противопоставленными друг другу в рамках общей для них идеи, воплощаемой в мезоконцепте – третьем противочлене, существующем в языковом сознании в виде некоторой вышестоящей идеи. Таким образом выстраиваемая система «концепт – антиконцепт – мезоконцепт» в определенном смысле отражает гегелевскую триаду «тезис – антитезис – синтез», которая постулирует диалектический закон единства и борьбы противоположностей: за троичностью скрывается бинарность, а за бинарностью – троичность.

Стигматические антиконцепты (концепт-клеймо, концепт-ярлык) связаны с антропофактором, с бытованием в лингвокультуре ментальных единиц, не имеющих видимой привязки к какому-либо положительно заряженному концепту-корреляту (чаще всего их называют астигматическими). Подобно своим партономическим сородичам, они также отражают двойственный характер окружающей действительности – реальной или вымышленной, как в «Марше антиподов» В. Высоцкого:

*Мы – антиподы, мы здесь живем,
У нас тут анти-анти-анти-антипаты.
Стоим на пятках твердо мы и на своем,
Кто не на пятках, те антипяты.
Но почему-то, прилетая впопыхах,
На головах стоят разини и растяпы,
И даже пробуют ходить на головах,
Антиребята, антимамаы, антипапы.*

Чаще всего негативными ментальными коннотациями наделяются **этнокультурные антропономинации**, в которых актуализируются такие далеко не лучшие человеческие качества, как невежество, хамство, корыстолюбие, аморальность, слабоумие, пьянство, лень, криминал и др. Ими наделяются люди противоположных свойств, вкусов или убеждений. Ср.:

- рус. ЧИНОВНИК, ДУРАК, ПОДХАЛИМ, ОТМОРОЗОК, РАСТЯПА, ДЕБОШИР, БОЛВАН, МОЛОКОСОС, СТРАХОЛЮДИНА, ЛОВЕЛАС, КРЕТИН, НЕУЧ, НЕВЕЖА, ПОВЕСА, ТУПИЦА,

БЕЗДАРЬ, ЛИЦЕДЕЙ, ПРОХИНДЕЙ, ЗЛОДЕЙ, НЕГОДЯЙ, МЕРЗАВЕЦ, ПРОСТОФИЛЯ, УРОД, СТУКАЧ, ПРЕДАТЕЛЬ, РАСТЯПА, ЖУЛИК, ШУЛЕР, МОШЕННИК, ВОР, СТЕРВЕЦ, БИРЮК, ЖИРТРЕСТ, ВЕРСТА КОЛОМЕНСКАЯ, НЕЧИСТЬ, ИЗГОЙ, СЛЮНТЯЙ, КИКИМОРА, ШАЛОПАЙ, ХАНЖА, СТЯЖАТЕЛЬ, ВЕТРОГОН, ПЛУТ, АНТИХРИСТ, МИРОЕД, КРОВОПИЙЦА, ХАЛЯВЩИК, ПУСТЕЛЬГА, ПРОФАН, БЕЗДЕЛЬНИК, ТУНЕЯДЕЦ, ПРОХОДИМЕЦ, ИЗВРАЩЕНЕЦ, УБЛЮДОК, ШЛЮХА, СТЕРВА, ЧУДОВИЩЕ, МОНСТР, ПУГАЛО, ДЕБИЛ и др.;

- англ. TOADY, LICKSPITTLE, BOOTLICKER, SYCORHAN, DOLT, LAMEBRAIN, CHUMP, DUNCE, FOOL, NINCOMPOOP, KNUCKLEHEAD, DIMWIT, NERD, NUMBSKULL, THICKHEAD, MUDDLER, DUNDERHEAD, BUNGLER, ROWDY, DEBAUCHEE, BLOCKHEAD, DIMWIT, SUCKER, SCARECROW, LOVELACE, WOMANIZER, BOOR, CHURL, BOTCHER, HYPOCRITE, DISSEMBLER, ROGUE, SCAPEGRACE, SWINDLER, DODGER, VILLAIN, MISCREANT, MALEFACTOR, STINKER, SIMPLETON, TRAITOR, BETRAYER, TURNCOAT, BLUNDERER, SHARPER, TRICKSTER, THIEF, PILFERER, LONER, RIFFRAFF, SCUM, VERMIN, DITHERER, MILKSOP, MOLLYCODDLE, FRIGHT, OLD HAG, GOOD-FOR-NOTHING, SCAPEGRACE, LOAFER, GRABBER, FRIVOLOUS, CHEAT, SWINDLER, KNAVE, BLACKMAILER, FREELoader, MOOCHER, LAYMAN, RASCAL, BASTARD, TOPER, TIPPLER, DRUNKARD, WHORE, SLAG, BROAD, BITCH, MONSTER, SCARECROW, MORON и др.;

- нем. ALKI, AMOKLÄUFER, ARSCH, DIEB, DRECK, DUMMKOPF, FEIGLING, GANGSTER, GAUNER, GESINDEL, HALUNKE, HANSWURST, HAUDEGEN, HENKER, BLÖDE KUH, HURE, HURENBOCK, KRIMINELLER, MIESEPETER, MIST, MISTVIEH, MÖRDER, NAZI, NICHTSNUTZ, NUTTE, POP(P)EL, RAUFBOLD, SAUEREI / SCHWEINEREI, SAUKERL / SCHEISSKERL / MISTKERL, STINKER, VERLOGENER SCHWEINEHUND, SCHARLATAN, SCHLAMASSEL, SCHLAMPE, SCHUCHTEL, SCHUFT, STASI, TROTEL, VERBRECHER, VERGEWALTIGER, VERRÜCKTER, (VOLL)IDIOT и др.

Стигматические ментальные единицы концентрируются на человеке внешнем и человеке внутреннем с явным креном в сторону последнего, так или иначе затрагивая нарушителей основных заповедей (Не убий! Не укради! Не прелюбодействуй и пр.). Сам процесс объективации человека порочного во всей палитре его слабостей, изъянов и недостатков предполагает деление концептов на три рубрики – мужские, женские и гендерно индифферентные. Вероятно, положительным противовесом таких единиц можно признать некий обобщенный образ, усредненный типаж человека правильного / праведного. Однако для выстроенной оппозиции «человек праведный – человек порочный» вряд ли возможно подобрать соответствующий мезоконцепт, который, вобрав в себя оба противочлена, стал бы для них некоторой третьей точкой отсчета.

Другой разновидностью стигматических антиконцептов являются те, что воплощены в *этнонофобизмах* – экзо- и эндоэтнонимах. Первые отражают

стереотипные представления одних народов глазами других (ПРУССАК, КАЦАП, МАКАРОННИК, OSTFRIESE (нем. «чукча»), SCHLAWINE (нем. «пройдоха»), YANKEE (прозвище американцев), ARKIE (прозвище австралийцев), которые на поверку оказываются именами с отрицательной оценкой. Вторые являются внутриэтническими названиями одной части народа другой (нем. WESSI и OSSI, укр. МОСКАЛЬ и ХОХОЛ). Но все они имеют свой эксплицитно выраженный положительный (нейтральный?) коррелят в виде, по крайней мере, официальных этнономинаций. Аналогичное касается и стереотипизации образа страны – как своим, так и другими народами (этнотопонимы).

В определенном смысле стигматический антиконцепт актуализируется там, где возникают определенные противоположности в антропосфере – например, применительно к людям с иными свойствами, взглядами, убеждениями, вкусами, т. е. с отклонениями от усредненного эталона [Ларина 2011: 10]. Наивное языковое сознание, вырабатывая номинации для маркирования разных сторон человека неправильного, ориентируется на некоторый обобщенный идеал человека правильного, мало заботясь о вербальной диверсификации его ликов, образов, типов. Отсюда явная количественная и качественная асимметрия в средствах вербальной фиксации двух главных ипостасей человека: будучи довольно скудным в средствах вербального изображения человека правильного, это сознание оказывается весьма изобретательным в изображении человека неправильного. При этом «разбег» использования стигматических антиконцептов происходит в амплитуде от укоризненно-ласкательных до откровенно обценных речевых актов.

Крайним случаем стигматического использования лингвокультурного кода являются *обценные антиконцепты*, объективируемые своеобразными стилистически маркированными (вплоть до невхождения в словари) лексическими единицами, связанными с нарушением табу. Как правило, в языке обценизмы заданы списком, ядро которого составляют несколько общеизвестных корней, а периферия оказывается размытой [Левин 1998: 809]. Использование таких концептов в дискурсивных практиках является одновременно и поступком, и действием, что придает высказыванию характер перформативности.

В стигматическом пространстве лингвокультуры обценные единицы бытуют устойчиво и прочно, что обусловлено преобладанием определенных социальных конвенций. Но большая часть «стигматов» такой прочностью не обладает. Оперативно реагируя на потребу дня, язык предлагает готовые упаковки для вновь появляющихся смыслов (НОВЫЙ РУССКИЙ, КИДАЛА, ОТМОРОЗОК, МАЖОР, РЕЙДЕР, ЛИМИТА) или для смыслов, которые следует «подретушировать»

(ср. англ. новояз «economically disadvantaged» вместо POOR, «excluded from the normal circles of economic activity» вместо VERY POOR, «substandard housing» вместо SLUMS, «horizontally challenged people» вместо FAT PEOPLE [Никонов 2008: 201]). Но смягчение концепта совсем не означает его изъятие из социокультурного оборота. Изъятие осуществляется гораздо медленнее, чем включение. Вероятно, этим объясняется тот факт, что язык какое-то время по инерции сохраняет концепты, актуальность которых уже утрачена для лингвокультуры (АФРОНТ, АСПИД, СУПОСТАТ, ФАНФАРОН, САТРАП).

Эссенциальные антиконцепты, в отличие от стигматических, бытуют не в антропосфере, а в «фактосфере», не теряя при этом своей значимости для жизненного мира человека. К ним относятся как абстрактные (ТОСКА, ПЕЧАЛЬ, АВОСЬ, ДОСАДА, ХАМСТВО, ПОДЛОСТЬ), так и сущности, сфокусированные на некоторой конкретике (ОТКАТ, ДЕРИБАН, ВЗЯТКА, КОРРУПЦИЯ). Аналогично в американской (INTERFERENCE, OPPRESS, SEXISM, VIOLATION, REDNECK, THEFT, BRIBERY, WAR, CRIMINAL, SEXUAL HARRASSMENT [Харитоновна 2008]), в немецкой (CHAOS, UNPÜNKTLICHKEIT, MIßHANDLUNG), во французской (CITÉ, VIOLENCE, CHÔMAGE, FRACTURE SOCIALE) ЯКМ. Однозначно отрицательными в большинстве лингвокультур являются ДЕПРЕССИЯ, СТРЕСС, НЕТЕРПИМОСТЬ, а также разного рода ФОБИИ. Подобно стигматическим, эссенциальные антиконцепты не имеют своего прямого противочлена с положительной оценкой.

В контексте наличия / отсутствия положительного противочлена представляется противоречивым понимание антиконцепта Е. И. Гуреевой, которая считает его результатом особого развития исходного концепта, своего рода усложненным концептом, не всегда прямо противопоставленным исходному, в содержании которого отрицаются (снимаются) некоторые значимые концептуальные признаки (при сохранении других) и замещаются новыми [Гуреева 2007: 18]. Во-первых, не всегда можно найти «исходный» концепт и не всегда можно считать его имплицитным (что может быть исходным для ТОСКИ или ДОСАДЫ?). Во-вторых, непонятно, как одни концептуальные признаки могут сниматься и замещаться другими (что снято у ВЗЯТКИ, у ХАОСА, у ЧИНОВНИКА?). Если для амер. POLITICAL INCORRECTNESS существует положительный контрконцепт POLITICAL CORRECTNESS, для нем. UNPÜNKTLICHKEIT – PÜNKTLICHKEIT, а для рус. БЕДНОСТЬ – БОГАТСТВО, то для АВОСЬ или ДЕРИБАНА весьма трудно представить себе какой-либо позитивный противочлен.

Видимое или мнимое отсутствие положительного противовеса является определяющей чертой стигматических и эссенциальных концептов. Однако их четко выраженный отрицательно-оценочный окрас не исключает существования

некоего полюса, который, по-видимому, входит в сферу «норма». Так, положительно маркированным членом оппозиции, условно обозначенной как «Z = ХАМ», возможно, выступает идея о человеке (Z), поведение которого не выходит за рамки установленной социальной нормы.

Вероятно, в зависимости от наличия или отсутствия положительного противочлена целесообразно говорить об антиконцептах с эксплицитным, имплицитным и лакунарным контрагентом. Так, партономические антиконцепты имеют эксплицированный положительный коррелят, стигматические чаще всего такого коррелята не имеют (или он скрыт от непосредственного наблюдения), тогда как эссенциальные могут частично соотноситься с имплицитным положительным противовочленом, а частично не иметь его вообще.

Степень отрицательной интерпретации антиконцепта представляет особую проблему. Она может быть индивидуальной и коллективной, национальной и наднациональной, однозначной и неоднозначной, высокой и низкой по силе, а в отдельных случаях и вовсе амбивалентной (как интерпретировать ЖАЛОБУ – как концепт или как антиконцепт?). Нередки случаи и внезапной смены полюсности, как это произошло с концептом ОПТИМИЗАЦИЯ, ставшего в последние годы кошмарным символом увольнения для работающего человека.

Некоторые антиконцепты имеют общекультурную основу (АГРЕССИЯ, ТЕРРОРИЗМ, НЕТЕРПИМОСТЬ (ср. англ. intolerance, фр. intolérance, нем. Intoleranz, исп. Intolerancia). При этом один и тот же мультикультурный концепт может нести положительный заряд в одном языке (укр. ІНОЗЕМЕЦЬ, рус. ИНОСТРАНЕЦ) и отрицательный в другом (брит. FOREIGNER, фр. LES ÉTRANGERS /non régularisés/, исп. EXTRANJERO), как, впрочем, и быть аксиологически нейтральным в третьем (нем. AUSLÄNDER). Наоборот, концепт COURT является положительным в американской картине мира, а его русский и украинский эквиваленты (СУД) – отрицательным, а также положит. в англ. AMBITIOUS «амбициозный, тот, кто стремится к профессиональному росту» является отрицательным в нашей культуре. Или другое: ДОНОС считается позорным актом у нас, а его немецкий аналог ANZEIGE и более зловещий вариант DENUNTIATION – вполне нормальным в Германии. Аналогичное касается и ИНДИВИДУАЛИЗМА, положительно маркированного в британской, американской и французской ЯКМ, отрицательно – в русской, украинской, испанской, где он ассоциируется с эгоизмом, и довольно невыразительно объективируется в немецкой.

Более того, в рамках одной культуры наблюдаются и случаи разного отношения к одному и тому же концепту. Например, к нем. FORMULAR можно иметь страсть, его можно игнорировать или даже ненавидеть (ср.: *Von der Wiege bis zur Bahre – Formulare, Formulare / От рожденья и до смерти – бланки, бланки*),

но сегодня немцы не могут сделать и шага, не заполнив какой-нибудь формуляр. По-разному оцениваются такие сугубо этноспецифические концепты, как GLORY и DISGRACE [Русина 2008], БЛАТ (нем. VITAMIN B), КУМОВСТВО, КАНЦЕЛЯРИЯ, НОМЕНКЛАТУРА, ХРУЩЕВКА, отношение к которым неоднозначное. Это отношение может различаться даже в рамках одного общества – как, например, полярно противоположные оценочные рефлексии в украинской культуре к концептам ПОМАРАНЧЕВА РЕВОЛЮЦІЯ, МАЙДАН, КРАСНОЕ ЗНАМЯ и др.

В некоторых случаях совокупные семантические отличия концепта и «антиконцепта» (СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ, НАДЕЖДА – ОТЧАЯНИЕ, ЧЕСТЬ – ПОЗОР, РАДОСТЬ – ПЕЧАЛЬ) количественно менее значительны, чем семантические отличия его межязыковых вариантов (СЧАСТЬЕ – HAPPINESS – GLÜCK, НАДЕЖДА – HOPE – HOFFNUNG, ЧЕСТЬ – HONOUR – EHRE, РАДОСТЬ – JOY – FREUDE). С другой стороны, существуют концепты, аксиологическая интерпретация которых не всегда однозначна. Так, например, актуализация концептов ШТРАФ, БЛАЖЬ, НАЧАЛЬНИК, КОНФУЗ, ВЛАСТЬ, РЕВОЛЮЦИЯ со знаком плюс или минус возможна только в дискурсе. Более того, в некоторых группах (телеономные, категориальные, ритуальные) вообще отсутствуют отрицательные концепты.

Решая задачу о том, что такое хорошо и что такое плохо, Б. Акунин приходит к простому и безэмоциональному выводу: хорошо – всё, помогающее раскрыть все самое ценное, что заложено в человеке природой; плохо – всё, что этому мешает [Акунин 2012: 12]. Очевидно, по принципу ценности делятся и ментальные единицы, среди которых антиконцепты оказываются особо акцентуированными.

Таким образом, концептуальный корпус языка имеет в своем составе не только положительно, но и отрицательно маркированные ментальные единицы – антиконцепты, которые являют собой лингво-психо-социо-культурный феномены, объективированные языковыми средствами и отражающие определенную антиценность наднационального, национального или индивидуально-авторского (идиодискурсивного) порядка.

Главная составляющая концепта – ценность (важность, значимость, полезность чего-либо). Она формируется на основе субъективной оценки конкретных свойств объекта, вовлеченных в сферу общественного бытия человека (человек в них заинтересован или испытывает потребность), ср.: «ценность – свойство объекта удовлетворять или препятствовать («антиценность») удовлетворению какой-либо потребности субъекта» [Воркачев 2011: 69]. И ценность, и антиценность изменчивы в пространстве и во времени, а потому способны варьироваться в зависимости от типа оценки (общей, гедонической, психологической, эстетической, этической, утилитарной). Поэтому в отдельных случаях ценность

и антиценность способны меняться местами, а точнее – менять свою полюсность (от эпохи к эпохе, от культуры к культуре или от одной социальной страсти к другой), но при этом в дискурсивной деятельности антиценности и, соответственно, антиконцепты оказываются особо акцентуированными.

Концепт и антиконцепт чаще всего находятся в отношениях антипода, позиционируясь на аксиологической шкале на противоположных векторах, а потому выступают по отношению друг к другу как «противовес», «противочлен», «контрагент», «коррелят» (ср.: концепт – позитивный коррелят антиконцепта; антиконцепт – негативный коррелят концепта).

Типологически оба феномена могут быть универсальными, этноспецифическими и индивидуальными («идиоконцепт»). В зависимости от наличия / отсутствия (лакунарность), эксплицитности / имплицитности, степени выраженности положительного противочлена, а также от своей включенности / невключенности в метаконцепт (обобщающую идею) – антиконцепты могут быть партономическими, стигматическими и эссенциальными.

Партономический антиконцепт четко противопоставлен своему положительному контрагенту, оказывается прочно включенным в некоторую вышестоящую инстанцию и является, таким образом, одним из конструктивных компонентов соответствующей ментальной триады. В отличие от него, стигматический антиконцепт не является включенным в метаконцепт (по крайней мере, эксплицитно), а существует как бы сам по себе, вне како-либо вовлеченности в вышестоящую идею. Эссенциальный антиконцепт обладает чертами и того, и другого, соотносясь со своим положительным противочленом опосредованно, через некоторую имплицитно подразумеваемую идею.

И концепт, и антиконцепт отражают диалектику единства и борьбы противоположностей, а именно мысль о том, что позитив и негатив сосуществуют, отражая череду событий, в которых они перманентно порождают и сменяют друг друга и тем самым как бы самоорганизуются.

Безотносительно к конкретному языку, таксономическая сторона концептологии имеет еще довольно много белых пятен. Так, неясным остается вопрос о степени и глубине лексикографической освоенности концептов, путей и способов их тропеизации, неологизации и архаизации, а также их изо- и полиморфизма. Намеченными, но отнюдь не решенными являются такие проблемы, как мера транслированности концептов, соотношение концептов с реалиями и стереотипами. Особый узел проблематики составляют концепты, называемые константами («сгустками») культуры, в которых могут пересекаться и взаимодействовать сразу несколько параметрических признаков типологического и классификационного порядка. Проблемным остается и вопрос о семиотической объективации концептов.

1.3. СЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ

1.3.1. Концепт и знак: апелляция vs (ре)презентация

Решение проблемы реализации / онтологизации концептов – выведение их внутреннего содержания наружу, т. е. их экстерииоризация, – одна из главных задач когнитивной лингвистики. Эта проблема стоит особенно остро, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, в связи с потребностью разграничения концепта и понятия, когда необходимо понимание того факта, что концепт – явление многомерное, в котором понятийное начало, проходя сквозь сито ассоциаций и оценок, органически соединяется с лингвокультурным, и поэтому концепт является более широким и более объемным феноменом по сравнению с понятием. Во-вторых, в связи с тем, что в лингвистических кругах иногда возникает сомнение относительно научной релевантности концепта. Так, Ю. А. Сорокин рассматривает его как «квазиметодологическую категорию» [Сорокин 2003: 292], а В. В. Левицкий – как «фантомную категорию», которая, будучи созданной фантазией исследователя, не имеет четко очерченных границ и не поддается объективным измерениям [Левицкий 2005: 114].

Несмотря на категоричность такой точки зрения, в ней есть доля истины: концептуальная палитра языка – явление идеальное, по отношению к которому вряд ли применимо то, что в точных науках принято называть мерой. Однако принципиальным моментом, который вызывает научную дискуссию, является логическая конкретность понятия и метафизическая размытость концепта, а точнее – привязанность понятия к слову и непривязанность к нему концепта. В любом случае отстаивание объекта дискуссии одними лингвистами и отрицание его другими – хорошая стимуляция исследовательской инициативы.

Выбор концепта связан, прежде всего, с выбором его имени. И. А. Голубовская осуществляет проверку адекватности его выбора по следующим параметрам: доминантность в составе синонимического ряда; сравнительно высокая частотность употребления; отработанность в словарях; словообразовательная активность; репрезентированность в паремиологических структурах; аксиологическая маркированность; ключевой характер для духовности данного лингвокультурного ареала [Голубовська 2004: 111].

Принципиальным моментом является разграничение двух семиотических планов – плана содержания (интериоризация) и плана выражения (экстериоризация). В первом случае концепт репрезентируется как феномен духовного

уровня, как своеобразный ментальный контур или сгусток энергии, заложенный в лингвокультурном сознании и стремящийся наружу. Во втором случае речь идет об экстерииоризации концепта, а точнее, о его *овнешнении*, т. е. о его материальной оболочке – «телесно-знаковой форме» [Ляпин 1997: 18]. В этом случае исследователи говорят о «семиотической плотности», «номинативной дисперсности» или о «кодовой вариативности» концепта – онтологической представленности в плане выражения целой чередой синонимов (слов и словосочетаний), паремий, фольклорных и литературных сюжетов, символов и т. д.

Несмотря на значительные расхождения во взглядах на систему дефиниционных признаков концепта в плане содержания, ученые проявляют стойкое единство относительно плана его выражения – существования в знаковых формах. Однако между идеальной сутью концепта и его материальным воплощением не существует изоморфизма: языковая объективация концепта не имеет однозначной привязки к определенному слову. В этом смысле концепт является дисперсным ментальным образованием: будучи «рассеянным» среди языковых знаков, он может воплощаться или реализоваться целым рядом вербальных и даже невербальных способов. Эту его особенность называют «полиапеллированностью» [Слышкин 2004: 42] – возможностью обращаться к концепту с помощью различных знаков (паттерн знаки → концепт). Однако между языковыми средствами и концептами устанавливаются не односторонние отношения, а диалектически обусловленное взаимодействие, в котором актуальным является и обратное движение (паттерн концепт → знаки). Это означает, что не только языковые средства апеллируют к концепту, но и концепт апеллирует к ним.

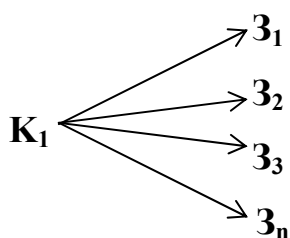

Рис. 1.3а.

*Апелляция концепта к знаку
(кодирование говорящим)*

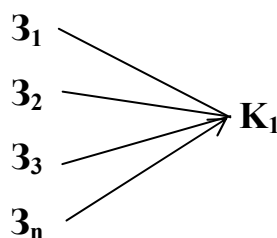

Рис. 1.3б.

*(Ре)презентация знаком концепта
(декодирование адресатом)*

Принимая во внимание тот факт, что концепт – это определенного рода идея, которая возникает в сознании на докоммуникативном этапе речемыслительного процесса и которая стремится наружу, подыскивая себе адекватную

вербальную упаковку, следует признать, что апелляция – это обращенность концепта к знаку, а не наоборот (рис. 1.3а). Собственно, *апелляция* – это процесс и результат кодирования информации по алгоритму «стимул → реакция» с точки зрения говорящего (ономасиологическое движение от значения к форме), а с точки зрения декодирующей активности адресата этот процесс происходит в обратном направлении, т. е. как «реакция → стимул» (рис. 1.3б), и является, по своей сути, *(ре)презентацией* концепта знаком (семасиологическое движение от формы к значению). Речь идет о кодовой вариативности концепта – прописной истине концептологии: под одним именем может скрываться несколько ментальных содержаний (концептов), а одно и то же ментальное содержание может иметь несколько имен.

Существует множество способов ментальной апелляции концепта к средствам (экстразона – «*выход*» из концепта) и, соответственно, языковых способов репрезентации одного и того же концепта («интразона» – *вход* в концепт): с помощью семантического варьирования единиц разных уровней (лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний и пр.). Наиболее актуальные концепты реализуются не только вербальным, но и невербальным способом. Так, концепт АЛКОГОЛИК может апеллировать к лексическим номинациям (*пьяница, пропойца, алкаш, алкалой, алконавт, синяк, каплюжник, ханыга, литербольщик, бухарь, торчок, квасер*), фразеологизмам (*закладывать за воротник, подъем переворотом*), жестам (*пощелкивать по горлу пальцем, оттопыривать большой палец и мизинец*). Апелляция к некоторым концептам может осуществляться филонами (*Зайчик, Ласточка, Солнышко, Рыбка* → ЛЮБОВЬ), с помощью морфем (уменьшительно-ласкательные суффиксы → НЕЖНОСТЬ) и даже намеренно неправильного написания слова (*проффесор* → БЕЗГРАМОТНОСТЬ).

Языковую реализацию концепта нельзя сводить только к процессу означивания его собственного референта. Параллельно всегда протекает процесс использования концепта для означивания других субстанций, который выражается во вторичных (автономных или фразеологических) значениях имени концепта. Чем разнообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более актуальным является этот концепт для лингвокультуры, тем выше его ценностная составляющая для данного этносоциума.

Впрочем, попытка использовать нетрадиционный способ (ре)презентации концепта в речи может быть и показателем высокого уровня речевой компетенции говорящего, т. е. презентация языковой единицей разных концептов открывает возможность создавать утонченные речевые фигуры, основанные на

языковой игре и амбивалентности (загадки, эвфемизмы, подтексты, намеки, аллюзии, насмешки, персифляции).

Соотношение между апелляцией концепта к знаку и репрезентацией знаком концепта определяется двумя разнонаправленными векторами – качественной симметрией и количественной асимметрией. **Качественная симметрия** отображает принципиальную неспособность концепта сводиться к значению какой-либо одной языковой единицы (рис. 1.4а) и принципиальную его способность актуализоваться в нескольких таких единицах (рис. 1.4а). **Количественная асимметрия** обуславливается тем, что концепт в этой системе выступает как единичное, а знак – как множественное: несколько знаков могут выступать репрезентантами одного концепта (рис. 1.4б), в то время как апелляция нескольких концептов к одному знаку (рис. 1.4б) является достаточно редкой.

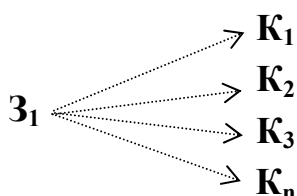

Рис. 1.4а.

Апелляция знака к концептам

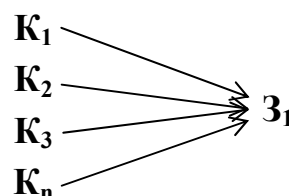

Рис. 1.4б.

(Ре)презентация знака концептами

Язык накладывает ограничения на возможность выражения одним и тем же словом разных концептов с целью исключения разночтений, которые могут привести к **когнитивному диссонансу** – «снятию» с языковой единицы неправильной информации, в результате чего происходят, как правило, коммуникативные сбои. Возникновение последних обуславливается разницей в ассоциативных связях между концептом и знаком в индивидуальном сознании коммуникантов. Одной из причин этого может быть попытка говорящего использовать нетрадиционный способ презентации концепта в речи.

На пересечении двух разнонаправленных векторов коммуникативной реализации концепта – кодовой вариативности и семиотической дисперсности – возникает особый узел проблематики: реализация концепта в языке и речи. **Реализацией** принято называть процесс и результат знаковой аранжировки концепта как продукта духовной деятельности определенного лингвокультурного сообщества, в котором происходит гармоничное соотнесение идеального и материального. Объективация концепта базируется на сложном лингвокогнитивном алгоритме по образцу рамки. Крайнее левое поле этой рамки отвечает за тип связи в языковой системе (парадигматика, синтагматика), крайнее правое –

за семиотическую «упаковку» концепта, а между ними располагаются согласованные между собой техники и приемы семиотизации концепта (табл. 1.5).

Таблица 1.5. Алгоритм семиотической реализации концептов

Типы связи	Техники	Приемы	Семиотическая упаковка		
			способ	характер	форма
ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ	объективация	<i>лексический</i>	синтез	концентрированный	вербальная
		<i>синтаксический</i>	анализ		
		<i>фразеологический</i>	анализ		
СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ	субъективация	<i>паремийный</i>	анализ	дисперсный	
		<i>синонимический</i>	синтез		
		<i>аллюзивный</i>	анализ / синтез		
		<i>метафорический</i>	анализ / синтез		
	версификация	<i>паралингвальный</i>	анализ / синтез		невербальная

Общекультурной релевантностью концептов, с одной стороны, и их индивидуальным восприятием языковой личностью, с другой, определяется количественное и качественное разнообразие средств вербальной аранжировки, продуктивность в разных дискурсах и характер взаимосвязей. Исходя из этого целесообразно считать, что механизм лингвокультурной репрезентации концептов включает **объективацию** как парадигматический способ их отображения с помощью ресурсов языка (чаще всего лексических) и **субъективацию** как синтагматический способ «портретирования» концепта с использованием различных средств и техник, конкретизирующих, дополняющих и нюансирующих его общекультурную значимость, в результате чего концепту придается определенный профиль.

Центральным звеном алгоритма реализации концептов выступают техники и приемы, которые осуществляют отбор языковых средств с учетом их характера, формы и способа образования (аналитический, синтетический) для адекватной, точной и выразительной экстерииоризации концепта. В основных своих чертах этот алгоритм обнаруживает признаки симметрии и асимметрии. Симметричными являются отношения между техниками и подчиненными им приемами реализации концептов. Хотя непривязанность упаковочного компонента к типу связи, отсутствие прямых корреляций между приемами и способами, закрытость списка приемов относительно объективации и вероятность его открытости относительно субъективации, наличие предпочтений при выборе между анализом и синтезом в одних приемах и их отсутствие в других – все это свидетельствует об асимметричном характере начерченного здесь алгоритма.

1.3.2. Вербальная объективация концептов

Техника объективации концепта связана с созданием условий его правильного языкового толкования и является способом эксплицитной и концентрированной реализации концепта конкретной языковой единицей, которая имеет с ним номинативную связь вне контекста. Техника объективации концепта является также способом вербального портретирования концепта, который черпает свои ресурсы в системе и структуре языка (парадигматика). Для исследователя это означает необходимость показать весь комплекс способов упаковки внеязыковой информации, соотнесенной с концептуальным референтом, обозначенным именем. Вербальная объективация концептуального референта является фактически выбором адекватного имени концепта. Подавляющее большинство концептов номинируется лексическим путем, меньшая их часть – синтаксическим и фразеологическим.

Лексическая объективация концептов – узуальный синтетический прием «ословления» концептов. Она опирается на тот факт, что слово может вбирать в себя обобщенное содержание множества форм выражения внеязыкового референта. Концептуальный инвариант существует в словарном фонде и, соответственно, в тезаурусе отдельных пользователей. Лексическая объективация концепта является сферой средств, которые формируют определенные когнитивно-семантические пространства, т. е. тем смысловым субстратом, служащим посредником между планом содержания и планом выражения концепта. Основная единица этого уровня – лексический знак.

Лексическая объективация концепта – основной и наиболее продуктивный прием его реализации, состоящий в присвоении ему (прототипического) имени, как правило, субстантивного: ДОБРО, СЧАСТЬЕ, РАДОСТЬ, ВЛАСТЬ, РАЙ и т. д. Правда, исследователи фиксируют и склонность некоторых концептов к адъективному воплощению, которое, возможно, отражает национальную специфику его использования: если концепт GOODNESS преферентно выражается в английском языке прилагательным *good*, то вряд ли это является релевантным для его русского эквивалента ДОБРО. Наряду с этим имеют место и случаи аббревиатурного выражения концептов: Е.С. Отин приводит в качестве примера такие единицы, как ХАБЭ (ХБ), ЖЭДЭ (ЖД), БЭУ (БУ), ЦЭУ (ЦУ), ПЭЭМЖЭ (ПМЖ), которые он называет «словобуквами» [Отин 2006]. В любом случае, лексическая объективация концептов отражает наиболее продуктивный способ их вербального воплощения – однословный (синтетический, синкретический).

Синкретическое оязыковление концепта часто подчеркивается посредством склонности последнего к своей объективации рядоположенными единицами: невозможно понять рус. СЧАСТЬЕ без ЛЮБВИ, МИР без ВОЙНЫ, БОГАТСТВО без БЕДНОСТИ, а нем. ORDNUNG без UNORDNUNG. Некоторые концепты вообще существуют в ментальном пространстве культуры в виде диад: ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ [Голубовська 2004: 228], ЛИБЕРАЛИЗМ – ИНДИВИДУАЛИЗМ [Бенкендорф 2005], ПРОСТРАНСТВО – ВРЕМЯ [Шмелев 2002: 347], МИЛОСТЬ – ЖАЛОСТЬ [Воркачев 2005], ПАМЯТЬ – ЗАБВЕНИЕ [Сабадашева 2011], СКУПОСТЬ – ЩЕДРОСТЬ [Долевец 2008], ЛИЦЕМЕРИЕ – ИСКРЕННОСТЬ [Храмова 2010], ЖЕНСТВЕННОСТЬ – МУЖЕСТВЕННОСТЬ [Киуру 2000], МУЖЧИНА – ЖЕНЩИНА [Абрамова 2007; Волобуева 2005; Малышевская 1999], МАТЬ – ОТЕЦ [Листрова-Правда 1999], БОГ – ДЬЯВОЛ [Передриенко 2006]; англ. CRIME – PUNISHMENT [Данилов 2005], LOVE – DEATH [Farwell 2006; Scherr 2008]; нем. KAVALE – LIEBE и т. д. Существуют и концепты, материализуемые в лингвокультуре в виде триад: СВОБОДА – ВОЛЯ – СОВЕСТЬ [Лисицын 1996], ВЕРА – НАДЕЖДА – ЛЮБОВЬ; БОГ-ОТЕЦ – БОГ-СЫН – БОГ-СВЯТОЙ ДУХ. Концепты ИСТИНА, ДОБРО, КРАСОТА называют триадами высших универсальных ценностей.

Существование в лингвокультуре концептуальных пар и концептуальных триад свидетельствует о том, что объективация концепта – процесс, в котором одна ментальная единица актуализируется посредством другой, поскольку концепт не существует сам по себе, а интегрирован в систему себе подобных. Не является исключением в этой системе и дискретно-аналитическая реализация концептов в виде словосочетаний.

Синтаксическая объективация – один из аналитических (дискретных) приемов вербальной (ре)презентации определенного ментального конструкта через словосочетание (не через предложение!). Одно слово является наиболее простым способом выражения концепта, а словосочетание – более сложным в силу того, что оно – развернутая номинация сложного объекта. Несмотря на то что синтаксическая реализация менее продуктивна по сравнению с лексической, она удачно применяется для выражения отдельных идей, которые в силу разных причин оказались не обеспеченными однословными номинантами и продолжают апеллировать к аналитически оформленным единицам. Ср.: ТОСКА-ПЕЧАЛЬ, БЕЛЫЙ СВЕТ, ДЫМ ОТЕЧЕСТВА, НОВЫЙ РУССКИЙ, СИНИЙ ПЛАТОЧЕК, ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ, ЧЕЛОВЕК СО СВЯЗЯМИ, ТА ЕЩЕ ШТУЧКА, БЕЛЫЕ ПЯТНА ИСТОРИИ, ДРУЖБА НАРОДОВ, СВОБОДА СОВЕСТИ, ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ, ГОРОД-ГЕРОЙ; нем. ARBEITER-UND-BAUER-STAAT, GUTER TON, BLÖDE KUH; англ. BLOODY MARY, COLD WAR и др.

Есть среди них и такие, что уже стали объектом специальных лингвистических исследований: СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ [Усачева 2002], СВОБОДА и ВОЛЯ [Хижняк 2000; Урысон 2004], SAVOIR VIVRE [Грабарова 2004], ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ [Бородько 2012] и др. Эти и другие примеры демонстрируют ту истину, что языковые средства необходимы не для существования, а для сообщения концепта [Попова 2001: 39].

Фразеологическая объективация – еще один прием аналитического воплощения концептов в том смысле, что фразеологические единицы (ФЕ), отображая лингвокультурный опыт поколений, являются кристаллизированными дискурсивными знаками, тематизирующими определенную предметно-референтную ситуацию [Мізіп 2011]. Такая объективация имеет два измерения: языковое (ФЕ приравнивается к определенному концепту) и речевое (ФЕ отображает какую-либо черту концепта). В первом случае речь идет о возможности фразеологического воплощения тех концептов, которые не имеют четкой привязки к одному слову. Ср.: рус. ЗОЛОТЫЕ РУКИ, БАБЬЕ ЛЕТО, ДУША НАРАСПАШКУ, СВЯТАЯ СВЯТЫХ; нем. GRAF PINNE, GRAF ROTZ, GEVATTER SCHNEIDER UND HANDSCHUNMASCHER. Среди фразеоконцептов есть и такие, которые принадлежат общечеловеческим ценностям: АХИЛЛЕСОВА ПЯТА, ДАМОКЛОВ МЕЧ, ЯБЛОКО РАЗДОРА, МАННА НЕБЕСНАЯ и др. О втором случае речь пойдет далее.

Не все из трех путей объективации концептов в одинаковой мере продуктивны. Наиболее распространенный из них – лексический, который является узуальным приемом выведения концептов наружу. Фразеологический и синтаксический способы можно считать периферийными в том смысле, что они объективируют значительно меньшее количество концептов, причем, как правило, именно те из них, которые вызывают сомнения относительно их ментальной квалификации. Тем не менее, все три приема имеют одну общую черту: они являются основой регулярной реализации концепта знаком, что поддерживает его в стабильном состоянии, делая общеизвестным.

Учитывая тот факт, что «вербализированный концепт – это минимальный пакет информации» [Жаботинская 2004: 81], план выражения которого представляет собой двусторонний языковой знак с принципиально ничем не ограниченной линейной протяженностью, следует констатировать: приемы лексической, фразеологической и синтаксической реализации концептов – это сложившийся способ фиксации ментального инварианта, заданного языковой системой. Словесная (лексемная) и надсловная (словосочетание, устойчивые комплексы) формы реализации концептов выступают их первичными номинациями.

Первичные номинации – наиболее информативные концептуальные корреляты, поскольку способствуют порождению, модификации и архивации смыслов. Вместе с тем в них фиксируются многочисленные смысловые трансформации, которые происходят в языке и культуре. Этим можно объяснить преферентность выбора учеными в качестве объекта своего анализа лексически и фразеологически оформленных концептов.

Наряду с этим в репертуаре средств объективации существуют и вариативные способы выведения концепта на поверхность. Как правило, они актуализируются непосредственно в ходе общения с целью максимизировать ментальное поле концепта.

1.3.3. Вербальная субъективация концептов

Субъективация, или профилизация концепта отражает дисперсную технику создания его вербального портрета и связана с дискурсивной деятельностью человека, которая обуславливает его субъективно-оценочное отношение к концепту и, соответственно, его специфическое воссоздание средствами вторичной номинации как объекта рефлексии. Принципиальным моментом такого воссоздания является постулат о том, что объект всегда богаче тех признаков, особенностей и параметров, которые в нем открывает субъект. Субъективация – вариативная (ре)презентация концепта в ассоциативном поле индивида, который обнаруживает в концепте или приписывает ему дополнительные или новые особенности, что в итоге приводит к «личностной интерпретации общего социокультурного знания» [Мартинюк 2006: 10]. Иначе говоря, при использовании концепта – сознательно или несознательно – расставляются субъективные смысловые акценты и эксплицируются индивидуальные приоритеты.

Техника субъективации сводится к приемам материального представления потенциальных возможностей концепта, что опосредуется синтагматикой речи, продуктом которой является дискурс с его бесконечным количеством текстов и контекстов. Дискурсивная профилизация концептов осуществляется за счет синонимического, метафорического, аллюзивного и паремийного приемов.

Метафорическая субъективация является одним из наиболее действенных приемов индивидуального овнешнения концептов, который может быть как аналитического, так и синтетического порядка. Установлено, что концепты (особенно абстракции) имеют особую склонность «обрастать» в языковом сознании образно-метафорическими и сочетательными ассоциациями. Последние, с одной стороны, позволяют этому сознанию «видеть», «слышать», «переживать»

и тем самым понимать концепты, а с другой – свидетельствовать об ограниченности для языковой личности последних, поскольку они, скорее, трудноуловимая идея, чем предметно-конкретная сущность.

Сегодня филология практикует широкий подход к толкованию метафор по их содержательным признакам, который предполагает вовлечение в орбиту анализа не только собственно метафор, но и метонимий, гипербол, синестезий, перифраз – всего того, что сводится к процессу тропеизации. Метафороподобными выражениями считаются все образные построения, когнитивной основой которых является уподобление объектов, которые принадлежат разным онтологическим сферам. При таком подходе важна не отдельно взятая метафора, которая характеризует какой-то один фрагмент мира, а вся система метафорических моделей, насквозь пронизывающих язык и культуру. Сравнивая коды разных языков с айсбергами, А. Д. Белова подчеркивает, что именно «под водой» формируются механизмы метафоризации на основе психофизической идентичности людей [Белова 2006: 28–29]. На «выходе» такого когнитивного процесса возникает концептуальная метафора – способ видения и осмысления одного предмета или явления сквозь призму другого.

В отличие от техники реализации, которая сосредоточивает свое внимание на понятийном субстрате концепта, метафорика наводит объектив на его перцептивно-образный и валоративный компоненты. В результате этого возникает игра с образами: они модифицируются, усиливаются или же уничижаются, а ценность концепта или возрастает, или, наоборот, снижается.

Так, усилением образного компонента и вместе с этим повышением ценностного путем метафоризации является толкование концепта FRANÇAISE французской лингвокультурой в виде *L'hexagone* / «гексагон» (по аналогии с гекзаграммом / шестиугольником, который напоминает Франция на географической карте), а также широкое использование замены *l'republique*, типичной для этой культуры и нетипичной для других (немцу никогда не придет в голову назвать свою страну *Republik* несмотря на то, что ее официальное название имеет это слово в своем составе – *Bundesrepublik Deutschland*). Аналогичное усиление образности имеет место и в ALBYN (= поэт. Шотландия), ARCADIA (= ист. идиллический край невинных утех, мирный берег). Примером понижения ценностного статуса концепта ВАТИКАН является его ироническая замена на BABYLON.

О высокой активности дискурса в создании образного профиля концепта говорит И. В. Змиева. Она доказывает, что усиление образной составляющей концепта для повышения его позитивного имиджа часто происходит с абстрактными ментальными единицами путем придания им предметной конкретики.

Так, метафорический профиль концепта GOOD образуется путем использования способов вторичной номинации, которые отображают разные подходы к его конструированию: ориентационный («добро находится вверху»), онтологический («добро – вместилище», «добро – объект», «добро – продукт», «добро – товар», «добро – живое существо»), структурный («добро духовное – это добро материальное»), образный («добро – это сон», «добро – это мечта»). Усиление же ценностной составляющей концепта GOOD происходит в дискурсе не на основе предметной конкретики, а на основе его соотношения с символами христианской этики («добро – белье», «добро – свет») [Змиева 2006: 175].

Приобретая определенный метафорический профиль, один и тот же концепт способен вызвать разные ассоциативные реакции. Например, метафорические образы действующей власти по примеру БАНКОВА (Украина), КРЕМЛЬ (Россия) или WHITE HOUSE (США) могут, соответственно, вызывать разные ценностные ассоциации в зависимости от политической позиции говорящего и адресата, от коммуникативной среды, от стереотипного отношения к национальной культуре. Естественно, актуализация каждого из этих факторов происходит в дискурсе и через дискурс.

Мысль С. Г. Воркачева [2005: 25] о том, что «концепт – это совокупность метафор, которые ассоциируются с определенным абстрактным именем», можно, в свою очередь, воспринимать как своеобразную метафору, поскольку концепт не плотно закрытый резервуар или контейнер с метафорами. Концепт наделяется новыми ассоциациями и образами в дискурсе, метафорические ресурсы которого, наверное, неисчерпаемы. Благодаря этому проявляется такая их особенность, как (взаимо)*аллиментация*: эксплуатация концептом дискурса, а дискурсом – концепта.

Совокупность метафорических образов концепта дает основания говорить об их дискурсивной калейдоскопичности, об их взаимодействии и пересечении в лудическом поле и, в конечном итоге, о метафорической диффузности концепта. Последняя является не менее важной характеристикой, чем номинативная плотность, поскольку обе они воплощают ценностные приоритеты лингвокультуры.

Синонимическая субъективация – еще один способ синтетической (ре)презентации определенного концептуального инварианта его семантическими дублетами / вариантами. Синонимия делает возможной аранжировку концептов как в их разных духовно значимых ипостасях, так и в их специфической актуализации в разных социальных стратах – например, в виде сленга, арго,

пейоративов и т. п., которые используются в полном соответствии с законом синонимической аттракции. В таком случае имя концепта фактически становится гиперонимом для ряда близких феноменов. Например, концепт-гипероним JOY / РАДОСТЬ возглавляет целый ряд синонимичных гипонимов: HAPPINESS, BRIGHTNESS, GLADSOMENESS, JOLLITY, CHEERFULNESS, CONTENTMENT, GLADNESS, WELL-BEING, APTNESS, WELFARE, LUCK, SUCCESS, GRATIFICATION, PLEASURE, ENJOYMENT, SATISFACTION, DELIGHT, JUBILATION, FELICITY.

Синонимическая профилизация концепта также связана с двумя способами номинации – прямым (первичным) и переносным (вторичным). Это хорошо видно на примере концепта GOOD / ДОБРО, опирающегося в своей первичной ипостаси на номен good, семный состав которого демонстрирует наибольшее количество его дефиниционных свойств. Непрямые же синонимические номинации (*pleasing, kind, well behaved, virtuous, capable, healthy, fine, suitable, valid, considerable, whole*), обладая неполным набором значений слова *good*, способствуют созданию большей выразительности скрытых в нем ассоциативных и валоративных начал концепта GOOD и обуславливают вариативные возможности его тропеизации в дискурсе [Змиева 2006].

Прямо противоположное явление – номинация концептов в первом приближении к тому, что существует в виде определенной идеи или образа, которые витают в ментальном пространстве, не будучи еще окончательно «схваченными» знаком. Об этом свидетельствуют примеры синонимической аранжировки концептов-антропонимов в американской картине мира: (MISTER) CHARLIE – «белый хозяин, белый человек», JUDY – «женщина-полисмен», SAMMY – «болван, дурак, балда», JOHN DOE – «лицо мужского пола в юридическом дискурсе», JOHN-A-DREAMS – «мечтатель», EPIGONI – «люди, живущие старыми идеями» [Олійник 2001: 10]. Очевидно, образно-ассоциативное воплощение этих и подобных смыслов является лишь первым шагом семиозиса, попыткой подбора подходящей вербальной упаковки для того, что уже существует в ментальном пространстве и ищет выход на поверхность в материально-словесном виде. Впоследствии такие номинации имеют шанс либо пополнить лексическую копилку языка, либо уйти в небытие.

Наблюдения показывают, что синонимическая субъективация концепта очень часто граничит с метафорической, так что иногда трудно провести между ними демаркационную линию. Об этом свидетельствует и упомянутое исследование Т. С. Олейника: появление символических имен собственных – синонимов соответствующих концептов – и их вхождение в узус тесно и неразрывно связаны именно с процессами метафоризации. С помощью последних происходит

актуализация того или иного признака в лингвокультурном портрете концепта. Этнопсихолингвистические эксперименты А. А. Залевской показали, что, когда информантов просят вспомнить определенные слова, они часто подменяют их близкими по значению единицами. Из этого можно сделать вывод, что в сознании существует концепт, а уже к нему человек подыскивает подходящее слово [Залевская 2001: 40]. По-видимому, дух концепта или пока еще некоторая призрачная идея, контуры которой появляются в сознании в контексте определенной коммуникативной ситуации, не всегда в состоянии «уловить» то слово, которое является формой первичной номинации концепта. Вот поэтому и используются синонимы – его вторично-номинативные репрезентанты, что является причиной вынужденного или неуправляемого апеллирования концепта к знаку.

Однако в поисках ситуативно адекватной формы своего выражения концепт целеустремленно обращается к альтернативному средству. Тогда актуальным становится амбивалентный по значению или метафорически обогащенный знак, благодаря которому осуществляется некое наложение на первично-номинативное значение слова дополнительных коннотативных смыслов, хранящихся в индивидуальном и/или коллективном опыте человека. В этом случае концепты как бы оставляют «люфт» для домысливания, додумывания, дофантазирования и тем способствуют расширению своего ассоциативного и валоративного пространства, что полностью согласуется с постулатами концептуальной метафоры, которая имеет национальные истоки, соотносится с ценностями культуры и является действенным инструментом познания. Эту мысль можно наглядно показать на примере концептуальной маркировки взаимоотношений государств в их политических объединениях, что базируется на гетерогенности ценностных приоритетов в разных ЯКМ. В частности, концептуальная основа «Британского Содружества» (Commonwealth) основана на ценности рыночной экономики, а СНГ (Содружество Независимых Государств) – на ценности суверенного бытия. Этот факт свидетельствует о том, что синонимическая субъективация концептов в разных культурах имеет разные денотативные дескрипторы.

Синонимическая субъективация осуществляется благодаря тому, что в пределах концепта могут существовать не только одно, а несколько прототипических ядер (эталонов), вокруг которых группируются другие элементы ментального пространства. В силу того что лексическая система находится в постоянном движении, состав концептуальных референтов, как и состав смыслов и лексических знаков, подвержен изменениям. Эти изменения, однако, не являются стихийными, а находятся в суровом подчинении принципам когнитивной категоризации. Иначе говоря, концептам свойственны константность и вариативность в такой же мере, в какой они свойственны лексическим единицам.

Каждая из этих единиц может реализоваться в конкретных условиях с незначительным сдвигом в пределах определенного ментального пространства, оставаясь в рамках своего когнитивного прототипа. Правда, иногда, из-за отсутствия у концептуальных единиц четких границ, возможно появление рядом с ними их периферийных спутников, которые содержат более одного когнитивного признака, что и обеспечивает возможность синонимической аранжировки концепта. Скажем, концепт СЧАСТЬЕ может быть репрезентирован и через такие дискурсивные синонимы, как РАДОСТЬ, НАСТРОЕНИЕ, ЗДОРОВЬЕ, КАЙФ и пр. Синонимические альтернативы имени концепта не в меньшей мере, чем его прямые номинации, способны отображать своеобразие национального мировосприятия.

Аллюзивная субъективация концепта является одним из проявлений метафоры в виде намеков или даже шуток. Сама аллюзия является хотя и трудно определяемым, но достаточно емким видом текстовой реминисценции, который заключается в соотношении определенного объекта речи с ситуацией или событием, «увекоченным» обычно в прецедентном тексте, без упоминания последнего и без воссоздания соответствующей его части. Аллюзия чаще всего реализуется посредством актуализации одного имени концепта через другое благодаря ассоциативным связям, базирующимся на коннотативном значении слова. Чаще всего аллюзивной профилизации поддаются концепты телеономного, морально-этического, философского, гуманитарного и социального порядка.

Ярким примером аллюзивной репрезентации концептов являются имена собственные со стойким ассоциативным содержанием, благодаря чему возможно их воспроизведение с помощью каких-либо дополнительных параметров: имя отождествляется с отдельно взятыми признаками его носителя или с определенной ситуацией, в которой его носитель поворачивается новыми гранями и/или демонстрирует новые свойства. Таким образом, аллюзивно воспроизведенный концепт оказывается феноменом с усиленным перцептивно-образным слоем. Упоминание аллюзивного имени вызывает целую цепь ассоциаций, отправной точкой которых является начальный (буквальный) образ, известный коммуникантам из определенного источника. Так, концепт ГЕРОИЗМ может актуализироваться в виде фигур национальных героев – Гастелло, Зои Космодемьянской и др. в русской, Robin Hood – в британской, Hermann – в немецкой ЯКМ. В американской культуре концепт ЖЕСТОКОСТЬ часто актуализируется через оним Simon Legree (персонаж из «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу).

Невзирая на то, что аллюзивная профилизация концептов имеет в разных культурах разные денотативные дескрипторы, в общем концептуарии народов

существуют и наднациональные аллюзии. Пример этому – историческая фигура Рокфеллера, которая является аллюзивным дублетом концепта БОГАТСТВО.

Отдельные аллюзии могут актуализировать сразу несколько концептов. Например, Lancelot в британской культуре намекает как на ГЕРОИЗМ (Ланцелот – один из рыцарей легендарного короля Артура), так и на КРАСОТУ (Ланцелот – олицетворение мужской красоты и мужества). Однако аллюзивный потенциал одного и того же имени в одной культуре может иметь совсем иной профиль в другой. Так, если в украинском лингвокультурном пространстве Роксолана воспринимается как национальная героиня, то в западном это имя символизирует женщину аморального поведения [Лавриненко 2007: 57] (ср.: Our newly-fledged Roksolanas / Daily Telegr., 27.11.1997/). Может меняться аллюзивный профиль концепта и в пределах одной и той же культуры: в советские времена упоминание имени Павлика Морозова намекало на ГЕРОИЗМ, а с изменением идеологических приоритетов оно стало аллюзивным дублетом концепта ИЗМЕНА.

Аллюзивно профилируемые концепты могут фигурировать в перифразах и сравнительных конструкциях, где они используются в виде намека на общеизвестный факт, историческую фигуру, мифологического или литературного персонажа и т. п. Аллюзивные номинации являются своеобразной метонимией, которая связана со стилистически маркированными элементами текста. Как таковые они способствуют оттенению не только и не столько национально значимой ценности концепта, сколько индивидуально-авторского отношения к нему или его актуального переосмысления в определенный период развития социокультуры (ср. аллюзии относительно концепта укр. ПРЕЗИДЕНТ: *гарант, чисті руки, бездоганний* и пр.). Аллюзивное профилирование концептов осуществляется благодаря таким функциям имени, как характерологическая, фоновая, дескриптивная.

Паремийная субъективация является одним из устоявшихся способов аналитической (ре)презентации концептов, основанным на разветвленном культурном потенциале пословиц, поговорок, загадок, афоризмов, анекдотов. Как средство вербальной аранжировки концептов, они являются весьма информативными единицами, поскольку не только придают концептам определенную рационально-эмоциональную квалификацию, но и фиксируют те смысловые трансформации, которые происходят в языке и культуре [Красавский 2001: 118]. Ментальная структура паремийно выраженного концепта базируется на тех же компонентах, что и структура лексикализованного концепта, – на понятии, образе, оценке. Однако доминирующим здесь является перцептивно-образный компонент, потому что именно он отражает морально-дидактическую направленность паремий.

Общие принципы и практический опыт описания паремийной субъективации концептов можно найти в коллективной монографии «Фразеология в контексте культуры» [ФКК 1999], а также в работах А. П. Бабушкина [1996], Д. О. Добровольского [1997] и др. Интересный анализ такого профилирования в немецких народных загадках предлагает А. И. Мамедова [2006], в британских анекдотах – А. С. Волобуева [2005], в русской поэзии Серебряного века – М. А. Бабурина [1998], в поэзии М. Цветаевой – И. А. Морозова [2003], А. Ахматовой – Т. Н. Данькова [2000], в «Дневниках» Т. Г. Шевченко [Космеда 2002]. Владеет концептология и опытом описания паремийной субъективации таких концептов, как МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА [Мальшевская 1999; Шишигина 2005], ДРУГ / FRIEND [Тарбаева 2005], СУДЬБА [Савенкова 1998] и др.

Интересным можно считать опыт С. Г. Воркачева относительно паремийного способа профилирования концепта ЛЮБОВЬ в русской и испанской лингвокультурах. Он доказал, что релевантными здесь оказываются три параметрических признака: дефиниционный, энциклопедический и имплицативный. Первый позволяет выделить референт из класса ему подобных, тогда как энциклопедические признаки оказываются избыточными в силу того, что несут информацию, которая превышает необходимый минимум для такой дифференциации; имплицативные семы занимают промежуточное положение между дефиниционными и энциклопедическими, потому что являются переформулировкой первых двух [Воркачев 1995: 57]. Впоследствии этот опыт С. Г. Воркачев применил в описании фелицитарного⁵ концепта СЧАСТЬЕ [Воркачев 2004].

Используя эти критерии, Е. С. Путий демонстрирует возможности паремийной субъективации концепта GLÜCK / СЧАСТЬЕ [Путий 2010]. Она доказывает, что GLÜCK для немецкой лингвокультуры – это состояние внутреннего удовлетворения и приподнятого настроения в силу того, что сбылось заветное желание. Область же дефиниционного объема концепта GLÜCK оказывается фактически лакунарной, поскольку пословицы, которые способны реализовать эту ипостась концепта, являются немногочисленными. Ассоциативно-образные семы концепта GLÜCK декларируют недолговечность счастья, которое на протяжении человеческой жизни чередуется с грустью, печалью и страданием (*Niemand ist immer glücklich; Das Glück schenkt nichts, es leiht nur; Glück erbt man nicht*). Счастье является хрупким как стекло и может разбиться при неосторожном с ним обращении (*Glück und Glas, wie leicht bricht das!*), поскольку находится бок о бок с несчастьем (*Bei jedem Unglück ist auch ein Glück*), и наоборот.

⁵ Фелицитология – наука о счастье.

Валоративное осмысление СЧАСТЬЯ в немецкой лингвокультуре непосредственно связано с прагматическим компонентом семантики, а точнее – с дидактическими рекомендациями регулятивного порядка, которыми опыт поколений стремится вооружить счастливого человека. Отмечая неконтролируемость и неподвластность воле и желаниям носителя счастья, немецкая лингвокультура считает, что человек не должен оставаться пассивным созерцателем, а должен активно действовать ради его обретения (*Jeder ist seines Glückes Schmied; Das Glück muss man erobern; Wer sein Glück nicht sucht, der versäumt es; Man muß das Glück beim Schöpfen packen*). Более того, она предостерегает человека о том, что счастье ниспослано ему как определенного рода испытание (*Großes Glück ist schwer zu tragen; Zuviel Glück ist Unglück; Bei großem Glück ist große Gefahr*).

Очевидно, паремийная субъективация концепта связана с акцентированием его ассоциативно-образной и валоративной составляющих. Анализируя английские пословицы, репрезентирующие феномены MAN и WOMAN, Ю. В. Абрамова концентрирует свое внимание на их валоративном компоненте и доказывает, что именно он олицетворяет прагмарегулятивные установки британской этнокультуры, в основе которых лежит когнитивная операция оценивания фигур женского и мужского пола с точки зрения морально-этических и утилитарных норм их гендерного позиционирования в социокультуре, результатом чего является инференция интерпретатора в виде поведенческой установки на желательность или нежелательность чего-либо. Для мужчины такими установками становятся пословицы *A man without reason ist a beast in season; Money makes the man; A wise man never wants a weapon; Man of words and not of deeds is like a garden full of weeds; A good Jack makes a good Jill* и др., для женщины – *Ladies have leave to change their minds; Many women, many words, many geese many turds; A woman's place is in the home; The cunning wife makes his husband her apron* и др.

Идеографические параметры концептов WOMEN и MAN в британских пословицах формируют представление о мужчине как об исполнителе прототипической маскулинной роли добытчика-кормильца, а о женщине – как об исполнительнице прототипической феминной роли хранительницы домашнего очага, что побуждает их избирать модели поведения, адекватные этим ролям [Абрамова 2007: 11–14]. Большое количество паремий, посвященных поведению женщин в англоязычном обществе, свидетельствует как о высокой требовательности к женской чести и сдержанности, так и о неравенстве мужчин и женщин.

Таким образом, паремийная субъективация концептов имеет две плоскости: паремия может сама воплощать концепт, а может и служить средством его

лингвокультурной профилизации. Образование идиом, способных профилировать концепт, происходит преимущественно на основе метафоризации. Формирование семантики идиом – это синтез когнитивной интенции, имеющегося в языковом сознании образа (хранится свернутым в виде гештальта) и исходящего из него знания. Все они реализуются в номинативном творчестве народа.

1.3.4. Невербальная версификация концептов. Визуализация

Невербальное воплощение концептов базируется на двух возможностях – автономной и комитативной.

В случае *автономной версии* речь идет о собственно невербальном воплощении концептов. Скажем, поднятый вверх большой палец руки в англосаксонской культуре означает «все в порядке», а в восточнославянской – удовлетворение человека от успеха в каком-то деле. Этот же жест сигнализирует в арабском мире нечто обидное и даже обценное (правда, палестинский лидер Ясер Арафат сигнализировал им победу) [Шагаль 2001: 117]. Победу означает в латиноамериканском мире поднятый кверху кулак («¡No pasaran!»).

В случае *комитативной версии* речь идет о невербальном сопровождении оязыковленного концепта (подчеркивание, акцентуация, наглядность). Например, концепт СТРАХ может реализоваться мимикой и пантомимикой, когда формой эмоциональной экспрессии становится моторная активация, моторное торможение или определенная поведенческая реакция. Соответственно, и его паралингвальное воплощение может приобретать вид дрожи, напряжения мышц, судорог, спазмов, слез, дегидратации организма и даже понижения температуры тела [Пичугина 2003: 5]. Все это сказывается и на речи – или в вербальной активности, или в вербальном торможении.

Глубокий анализ паравербальной профилизации концепта ОБМАН в английском и русском языках (LIE, FRAUD, DECEPTION / ОБМАН, ЛОЖЬ, НЕПРАВДА) предлагает Н. Н. Панченко [1999: 7–9]. Она доказывает: детекция обмана является достаточно распространенным явлением как в художественном дискурсе, так и в межличностном общении, что объясняется невозможностью подделать импульсы подсознания, которые эксплицируют искреннюю информацию в виде невербальных маркеров (психосоматических сигналов), что как раз и позволяет диагностировать обман. В частности, высокоинформативным источником описания его невербальной индикации является «язык» глаз (глаза бегают, отвод глаз), кинетические (мимические) компоненты и фонационно-просодические

способы. Типичным и довольно частым профилем ОБМАНА выступают в дискурсе такие чисто физиологические его индикаторы, как пот и покраснение лица.

Несмотря на то, что невербальные компоненты коммуникации являются трехуровневыми (универсальные, этноспецифические, индивидуальные) [Солощук 2006: 263], основным способом такой упаковки концептов является все-таки этноспецифический. Занимая ведущее место в паравербальном сопровождении концептов, он задает конвенционализованные нормы жестикюляции и их национально маркированную интенсивность (известно, что в среднем на протяжении часового разговора мексиканец жестикюлирует 180 раз, француз – 120, итальянец – 80, финн – 1; для русских характерна средняя интенсивность).

Одной из разновидностей невербальной версификации концептов является **визуализация**. Она может иметь вид картинки, фотографии, видео, креолизованного текста (лингвовизуальное явление, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют определенное целое). «Стремительная визуализация современной культуры ставит новые задачи перед лингвистикой. Сугубо вербальные произведения занимают все меньшее место в массовой коммуникации. Изобразительный ряд превращается из подчиненного источника информации в равноправный компонент текста. Книга утрачивает свои позиции в дискурсе развлечений, ее вытесняет кинотекст. Это делает ускоренный процесс интеграции лингвистики и семиотики неизбежным» [Слышкин/Ефремова 2004: 8].

Визуализация – это не новое имя концепта и не новый концепт, а его дублирование иконическим знаком, в результате которого происходит как бы двойная семиотическая объективация – вербальная (оперирует вербальными знаками) и невербальная (оперирует иконическими знаками). Визуализация лингвокультурных концептов состоит в придании определенной наглядности структуре и свойствам того или иного концепта.

Визуализация концептов может использоваться в разных коммуникативных средах. Но особенно часто к ней прибегают в сказочном, инфантическом (детском), карнавальном, рекламном и пр. дискурсах, где концепт не только не противится, а, наоборот, приветствует придание определенной наглядности своей перцептивно- и ассоциативно-образной составляющей. Нередко путем визуализации осуществляется процедура контрастирования концептов, в результате которой происходит усиление ассоциативных связей и акцентирование ценностной составляющей свойства каждого из визуально сопоставляемых концептов, а сами они становятся более выпуклыми, яркими, наглядными (см. рис. 2.2).

Присоединяясь к пониманию концепта как культурно отмеченного смысла, представленного целым рядом своих знаковых реализаций, образующих

соответствующую лексико-семантическую парадигму [Воркачев 2005: 36], отметим, что овнешнение концептов в разных лингвокультурах отличается разной степенью их понятийного, метафорического и валоративного освоения. В алгоритме объективации концептов отражена диалектика общего и частного, особенного и специфического, возможного и действительного, а их системное описание осуществляется путем привлечения целого комплекса вербальных и невербальных средств.

Вербальное и невербальное разнообразие в аранжировке концепта – это его представленность в плане выражения целым рядом синонимов, паремий, прецедентных фольклорных и литературных персонажей, символов, произведений искусства, ритуалов, поведенческих стереотипов, артефактов, объектов материальной и духовной культуры и т. д. Такая семиотическая гамма концепта прямо связана с его значимостью для определенного этносоциума, а также с аксиологической или теоретической ценностью того внеязыкового явления, которое воплощено во всем когнитивно-семантическом объеме концепта.

Таким образом, концепт имеет, по меньшей мере, два презентационных уровня своей семиотической реализации – парадигматический и синтагматический. На *парадигматическом уровне* концепт позиционируется как макро-системный (объективный) потенциал – совокупность средств (ре)презентации, предлагаемых языком для своих носителей как коллективно накопленное лингвокультурное достояние, которое воспроизводится искусственно путем лексикографирования. На *синтагматическом уровне* концепт предстает как микросистемный (субъективный) потенциал – арсенал языковых средств в индивидуальном сознании; этот уровень является одновременно уже и в то же время шире предыдущего: с одной стороны, ограниченность памяти и расхождение в образовательном цензе не позволяют каждому индивиду овладеть всей совокупностью средств (ре)презентации того или иного концепта, а с другой, – в нем появляются новые единицы и связи между ними, которые еще не получили лексикографической фиксации. Этот уровень также воспроизводится искусственно, но уже путем лингвистического эксперимента.

Нрядку с этим целесообразно говорить и о третьем уровне презентации концепта – *эпидигматическом*. Он проявляется как дискурсивный феномен, т. е. так, как он реализуется в тексте, в разных речевых ситуациях, имеющих конкретную коммуникативную цель. Несмотря на то что этот уровень является средой естественного бытования концепта, он наименее упорядочен: в каждом конкретном случае своей текстовой реализации концепт поворачивается лишь незначительной частью своих признаков – той, которая оказывается востребованной в связи с определенной прагмаустановкой.

Принципиальным для лингвокогнитивных исследований является осознание того факта, что не все концепты имеют свое вербальное воплощение, но все они в той или иной степени могут быть субъективированы в дискурсе, если в этом возникает потребность (приблизительно, через развернутое описание, подтекст, синонимический ряд, невербальное означивание и даже через силенциальный акт /умалчивание/). Поскольку слова сигнализируют в общении актуальные признаки концептов, то ни одно слово, использованное в речевом акте, не может выразить все содержание концепта, поскольку это содержание никогда не бывает востребованным в полной мере в силу своего глобального объема.

Задача исследователя в этом случае заключается в выявлении тех когнитивно-семантических сфер, которые заполнены соответствующими вербальными единицами, и в выяснении лакунарных моментов их овнешнения. Невзирая на то, что в своей метаязыковой объективации концептов лингвист «может довести описание лишь до определенного предела, за которым лежит какая-то духовная реальность, которая не описывается, а лишь переживается» [Степанов 1997: 13], научная ценность анализа того или иного концепта определяется глубиной проникновения исследовательской мысли в проблему равномерности / неравномерности и симметричности / несимметричности его лингвокультурного профиля.

КОНЦЕПТ В РАКУРСЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Панорамность концептуализма, широким форматом вклинивающегося в современную лингвистическую парадигму, знаменует новый виток в спирали развития гуманитарного знания. Однако его главный постулат – существование в языковом сознании концептов – не является принципиально новым знанием: он происходит от средневекового учения Пьера Абеляра об универсалиях, что возникают в процессе мысленного абстрагирования от единичных вещей. Абельяр называл концептами ключевые слова, в которых воплощается знание, получаемое человеком в процессе познания. Со временем понятия «концепт» стало «собственностью» культурологии, где оно обозначает духовные ценности культуры.

Лингвокультурология выделилась в отдельную научную область в ходе переосмысления намеченной Э. Бенвенистом триады «язык – культура – человек». В результате более позднего отождествления человеческой личности с сознанием и перестановки порядка следования парцелл произошла модификация исследовательского поля в трихотомию «язык – сознание – культура» [Слышкин 2004: 8] со следующим разделением эпистемических ракурсов: «...с позиций когнитивной лингвистики мы движемся от человека к культуре, с позиций лингвокультурологии – от культуры к человеку» [Карасик 2005: 74]. При этом узловым моментом обоих подходов остается язык, которому при любых обстоятельствах отводится первое место. Лингвокультурология – это наука о языке через культуру и культуру через язык.

Признание языка первоисточником сознания, а концепта – мерной единицей менталитета, в сущности, возвращает лингвистику к проблеме соотношения языка и мышления, наиболее рельефно сформулированной в рамках американского варианта неогумбольдианства – гипотезы «лингвистической относительности» Э. Сэпира и Б. Л. Уорфа, согласно которой похожие картины мира могут образовываться только при определенной похожести языковых систем: родной язык полностью или отчасти определяет мировосприятие своих носителей, поскольку, как утверждал основатель лингвокультурологии В. фон Гумбольдт, «человек думает, ощущает и живет только в языке» [Humboldt 1980: 237]. Даже при чрезвычайных обстоятельствах сложно себе представить, чтобы какой-то человек

оказался оторванным от своего языка и тем самым от своей культуры, ведь «этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее» [Гумилев 2002: 18].

Несмотря на то что концепт является калейдоскопическим феноменом, его вербальная объективация предсказуема, поскольку его овнешнение происходит благодаря ментальному лексикону, преломляясь в разных структурах репрезентации знаний. Природа концептуального содержания определяется соотношением его универсальных и национально специфичных компонентов. Лингвокультурный концепт описывается с помощью таких понятий, как «культура», «этнос», «язык», и в связи с этим может дать информацию о ментальности определенного национально-культурного сообщества и позволяет делать выводы о типе и специфике определенной лингвокультуры.

Повышенный интерес к изучению национальных менталитетов является отличительной чертой современной гуманитарной парадигмы знания. Этот интерес диктуется двумя противоположными социодискурсивными векторами: во-первых, теми глобализационными процессами в постиндустриальной (информационной) цивилизации, которые грозят нивелировать национальные ценности и культурную самобытность народов, а во-вторых, – возрастающим ощущением народов об их взаимозависимости на этой Земле и, соответственно, стремлением ко взаимопониманию и консенсусу.

Признание этнокультурной маркированности ведущим признаком (лингво)-концепта потребует, в свою очередь, выяснения и таких культурно релевантных феноменов, как ментальность, менталитет, стереотип, национальная идентичность – всего того, что в рамках модели «свой – чужой» составляет духовную ауру народа и способствует конституированию ценностных доминант культуры.

2.1. МЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ

2.1.1. Менталитет и ментальность

Понятия «ментальность» и «менталитет» стали широко употребляться в мировом гуманитарном пространстве по инициативе школы «Анналов» и французских гуманистов второй половины XX ст., хотя еще до них некоторые философы XIX ст. пользовались ими для обозначения интуиции, образа мыслей, способа мышления, качества ума, стиля мировосприятия, духа народа. Однако истоки этого термина связаны не только с духом и душой, но и с умом и мышлением: психологи четко различают ментальное как то, что идет от ума, и сентиментальное

как то, что идет от чувств. Сегодня эти понятия истолковываются разнообразнейшим способом: как «национальный характер», «психологический тип», «национальная психокультура», «исходная матрица мировосприятия», «психоповеденческие архетипы», «стереотипы духовной деятельности» и т. п.

Слова латинского корня «ментальность» и «менталитет» вошли в научный обиход через немецкий язык (*Mentalität*), который их не различает. Не различают их также английский (*mentality*) и французский (*mentalité*). В русском и украинском они являются терминологическими дублетами и паронимами. Вероятно, это является причиной того, что они нередко и небезосновательно отождествляются на основе своей этимологии⁶, но при этом стремятся к расподоблению и приобретению «самостоятельного» статуса: если ментальность – это способ видения мира вообще, то менталитет – совокупность специфических когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов этноса.

Наиболее последовательно дифференцируют феномены «ментальность» и «менталитет» культурологи, хотя культурологический словарь тоже рассматривает их синонимически и истолковывает как «общий духовный настрой, относительно целостную совокупность мыслей, верований, привычек, духа, который создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-нибудь сообщества» [Культурология 1997: 271]. Как вытекает из этой и других дефиниций, оба феномена относятся к числу тех, которые сложно определять и еще сложнее отличать друг от друга. Важно другое: они не сводятся к философским или эстетическим категориям, а отражают определенный уровень этнического (само)сознания, на котором мысль не отделена от эмоций и от сценариев культурного поведения.

Однако уже на эмпирическом уровне можно считать, что ментальность есть явление когнитивно-психологического, а менталитет – социально-культурного порядка. Так, В. А. Маслова [2001: 49] подчеркивает, что *ментальность* является определенным минимумом духовного единения людей типа энергетического поля, в котором отражается их психика и духовность: «Ментальность – это мировоззрение в категориях и формах родного языка, которые объединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в его типичных проявлениях».

Менталитет воссоздает внутреннюю организацию ментальности – склад ума и души определенного народа. Считается, что он является глубинной

⁶ От лат. *mens, mentis* – 'разум, мышление, рассудок'.

структурой сознания, в которой отражаются социо- и лингвокультурные, географические и экономические факторы, определяющие становление национального (само)сознания.

Несмотря на трудности в определении ментальности и менталитета, энциклопедическая литература прилагает все усилия для их интеллектуального освоения [БЭС 1998: 717; ВТССУМ 2003: 518; Duden/6 1978: 1771; Larousse 1989: 615; Robert 1993: 1385; Wahrig 2000: 866]. Знакомство с ней позволяет систематизировать дефиниционные признаки менталитета как феномена, являющегося для определенной группы людей:

- совокупностью психических, интеллектуальных, религиозных, эстетических особенностей мышления;
- совокупностью духовных установок;
- специфично унифицированным образом мышления;
- способом мировосприятия и мировоззрения.

Все это проявляется в культуре, языке, поведении и создает национально маркированную картину мира – определенного рода «объективируемую субъективность», которая определяет своеобразность и непревзойденность того или иного народа. Стало быть, менталитет является «скрытым слоем» коллективного сознания определенного социокультурного сообщества. В конечном счете, его базовыми характеристиками следует считать коллективность, неосознанность (или неполную осознанность) и устойчивость, которые не могут быть результатом целенаправленной деятельности идеологов.

Почти все энциклопедические источники подчеркивают, что о ментальности / менталитете нужно говорить как об одной из специфических черт не только целого народа, но и общественной группы и даже отдельной личности (*М. северных народов; войти в М. другого человека*). О менталитете говорят также в контексте определенной социально-экономической формации (*рабовладельческий М., феодальный М., М. средневековья, М. романтизма*) и даже о менталитете социальных страт (*военный М., криминальный М., М. мажоров, М. новых русских* и т. п.). С другой стороны, специалисты пишут о ментальности еще более высокого уровня обобщения («клубы ментальности») – например, прозападной (дедуктивно-познавательной), восточной (интуитивно-созерцательной) и традиционной (конкретно-предметной). Менталитеты бывают похожими и бывают непохожими, вплоть до антагонизма (т. н. «квадры ментальности»).

Стало быть, менталитет является феноменом гетерогенного порядка, элементы которого различаются по цивилизационным, эндемическим (региональным) и этническим принципами, а его носители – по возрасту, полу, статусу,

происхождению. Более того, менталитет может быть присущ одному и тому же народу в разные периоды его истории. Ментальность также характеризуется исторической динамикой: она корректируется в условиях исторических коллизий, а также межкультурным влиянием на перекрестках истории.

В рамках данной работы мы будем говорить о категории *«этнический менталитет»* как таковой, что соединяет в себе все основные дефиниционные признаки, перечисленные выше, на определенном синхронном срезе существования народа. Различают немецкий, французский, русский, японский и другие этнические менталитеты, считая, что они определяют национальное своеобразие и культурную самобытность соответствующих народов и являются гарантиями устойчивости их культурных традиций. Каждый из них является уникальным способом этноспецифичной репрезентации мира, которая включает в себя объекты как непосредственной, так и опосредствованной реальности (мифы, легенды, былины, религиозные взгляды и т. п.).

Становление этнического менталитета происходит на протяжении всей истории народа на основе экономико-географических и социокультурных факторов его жизненного мира. Менталитет имеет устойчивый и континуальный характер и этим отличается от идеологии и общественных настроений, являющихся нестабильными и преходящими. Он включает также системы ценностей, стереотипные представления, нормы и образцы поведения, привычки и традиции, которые имеют социокультурные корни.

Отражая истоки коллективного мышления, менталитет достигает глубин подсознания и программирует психику отдельного индивида. Он является симбиозом внешнего и внутреннего, формы и содержания, явления и сущности. В нем заложена диалектика единства бытия и сознания, так как первое всегда предполагает второе и оба они «оседают» в психике, которая определяет внешние абрисы бытия, связанного с существованием определенных этнически врожденных склонностей [Донец 2001: 301]. Как пишет А. И. Зеленов [1995: 166], менталитет присущ каждому этносу (М. французов, М. немцев, М. англичан), а ментальность – каждому демосу (М. американцев, М. швейцарцев, М. австрийцев), что сложились исторически в пределах определенной социокультуры.

Этнический менталитет формирует самоидентификацию группы. Он является совокупностью образов и представлений, которыми эта группа руководствуется, «скрывается в поведении, оценках, манере мыслить и говорить. Выучить и подделать менталитет невозможно, его можно лишь вобрать в себя вместе с языком, который содержит мировоззрение и коды данной культуры. Он выражает себя косвенно, исподволь «навязывая» содержание и форму любому

дискурсу» [Хроленко 2004: 45]. Нетрудно убедиться, что этнический менталитет видят в основном со стороны, тогда как сам этнос живет, как правило, не задумываясь о своей самобытности или неповторимости. Последнее же проявляется чаще всего путем сравнения (*tertio comparationis*), в частности, в рамках паттерна «*свой – чужой*». Эта дихотомия считается важным ориентиром во внешнем и внутреннем мире человека, поскольку обеспечивает осознание его «Я» и относится к универсалиям мышления [Присяжнюк 2007: 15].

У всех народов мир имеет два полюса: «свой» (родной, знакомый, близкий, понятный) и «чужой» (незнакомый, непонятный, а также «привлекательный, недостижимый, внушающий страх, внезапный, неопределенный, иной» [Донец 2001: 109]). Разница между «своим» и «чужим» миром знакома человеку издавна. Она проявляется прежде всего в отталкивании «чужого» как неприемлемого, а также в ксенофобии, что связано с психологическим ощущением напряжения и страха перед тем, кто не похож на своих. Это является обязательным условием этнической определенности [Садохин 2002: 142].

Отношение «свой – чужой» разделяют не только народы, но и каждый народ отдельно, категория «свой – чужой» помогает, в конечном итоге, самоидентификации отдельной личности. Универсальными являются противопоставления «*я – не-я*» (самоидентификация индивида) и «*мы – не-мы*» (самоидентификация групп внутри этноса). На еще одну важную характеристику этой антиномии указывает П. Н. Донец: «*Чужой в моем собственном окружении*» и «*Я в чужом окружении*» [Донец 2001: 110]. Размежевание «своего» и «чужого» создает своеобразие и необходимую ограниченность каждой культуры: «своя» культура имеет ценность только на фоне какого-то заднего, постороннего или фонового плана чужой культуры, в контактировании или конфликтовании с ней. Взаимопроникновение и взаимовлияния особенно наглядны в специфике поведения, ценностных ориентирах и в языке. Д. И. Воронин пишет, что генетическую связь между процессами формирования самосознания и осмысления сферы господства «иноного» объединяет в едином процессе кристаллизацию «Мы» и структурирование огромного пространства «Они» [Воронин 2003: 54]. Отношение «Мы – Они» является основой этногенеза.

Исходя из заложенного в национальном сознании паттерна «свой – чужой», этнический менталитет материализуется в двух измерениях – самоидентификации и собственно идентификации (по Л. Н. Гумилёву). В первом случае он является общим тоном долгосрочных форм поведения индивидов в рамках этнической группы [Хроленко 2004: 45] – тем, что формирует самоузнавание группы (образы, представления, поведенческие реакции, которыми руководствуется

каждый представитель этой группы – режим «свой»). Во втором менталитет выступает тем, что обыденному сознанию кажется непонятным и странным в обычаях, поведении и традициях других народов (режим «чужой»).

В соответствии с этими двумя перспективами видения этнического менталитета возможны и два аспекта его изучения – «*мы о себе*» [Henting 1996; Schulz 1995; TD 2006; Ufimceva 1993; Wagner 2006] и «*мы о них / они о нас*» [Ide 2002; Klujeva 2004; Nuss 1992; Olbrich 2006]. Именно в рамках второй перспективы осуществляется большинство этнокультурных, этнопсихологических и этнографических исследований. Правда, существует еще и третья модель описания ментальности – *интегрированная* [Dinzelbacher 1993; EMg 1993; Hofstede 2006; Lado 1995; Olbrich 2001; Werlen 1998], которая объединяет первые две. Реализуясь по принципу контрастного сравнения, такие изыскания оказываются способными дать наиболее интересные результаты.

Отношения «свой – чужой», «родной – неродной» находят свое отражение и в языке. Исследование проблемы восприятия одного народа глазами другого в лингвистике только начинается. В последнее время появились концептологические работы об образе определенных стран и народов: РОССИЯ [Орлова 2005; Юрьева 2008], УКРАИНА [Космеда 2003; Чабан 1997], АМЕРИКА [Гришина 2004], ГЕРМАНИЯ [Куданкина 2005], ЕВРОПА [Керимов 2003; Кравченко 2007; Прихода 2005], КИТАЙ [Ши Ся 2008].

Вопрос ментальности и менталитета, этноса и этничности интересует филологов прежде всего в связи с категорией *национальной идентичности*, которая является своеобразным стереотипом, характеризующим принадлежность индивида или коллектива к определенной нации. Этот стереотип включает общность языка, культуры, менталитета, поведения, внешности, привычек в одежде, питании, оформлении помещения и т. п.

Ярким примером сознательного отношения к своей национальной идентичности в рамках одной и той же лингвокультуры (немецкой) является австрийский этнический менталитет. Ради сохранения своего национального своеобразия австрийцы пошли на то, что одним из условий их вхождения в Евросоюз было требование официального признания их права на пользование «австрийской» лексикой. В результате этого в 2005 г. появляется «Список специфично австрийских слов и выражений, внесенных в реестр Евросоюза / EU-Liste «spezifisch österreichischer Ausdrücke» [<http://members.chello.at>]. Этот перечень состоит из 23 слов – преимущественно наименований еды, овощей и фруктов. Вот некоторые из них: *Beiried* (нем. Roastbeef «ростфиб»), *Faschiertes* (нем. Hackfleisch «фарш»), *Fisole* (нем. grüne Bohne «зеленая фасоль»), *Kohlsprossen*

(нем. Rosenkohl «капуста»), *Lungenbraten* (нем. Filet «филе»), *Marille* (нем. Aprikose «абрикос»), *Melanzani* (нем. Aubergin «баклажан»), *Obers* (нем. Sahne «сметана»), *Paradeiser* (нем. Tomate «помидор»), *Powidl* (нем. Pflaumenmus «сливовое повидло»), *Vogersalat* (нем. Feldsalat, Rapunzel «полевой салат»). Протокол № 10, приложенный к заявке Австрии на членство в ЕС, является уникальным случаем за всю историю существования последнего. Можно предположить, что слова, включенные в «Список», вопреки их гастрономической ограниченности, объединяет не просто принадлежность к региональному узусу немецкого языка, но и их валоративное освоение национальным сознанием, которое, вероятно, свидетельствует об их статусе как австрийских культурных концептов.

Национальная идентичность не является константной категорией, она изменяется во времени и пространстве, хотя основным ее носителем остается индивид, семья и нация. В этой категории субъективное и объективное представляют собой неразрывное целое.

Значительным вкладом в понимание специфики ментальности / менталитета являются активные поиски в области лого-, концепто- и ноосферы. Логосфера является вербальным континуумом определенного лингвокультурного коллектива, тогда как концептосфера – совокупность его концептуально значимых ценностей, преисполненных словами и идеями, релевантная в когнитивно-дискурсивной сфере определенной культуры. Ноосфера – совокупность всех знаний, наработанных человечеством и цивилизацией.

Примечание 2.1. Одна из гипотез гласит: наша Вселенная представляет собой не только пространство и время, но и гигантское информационное хранилище смыслов обо всем, что было, есть и будет, – информационный вакуум, т. н. *мзон* (греч. «ничто, в котором заключено всё»). В. И. Вернадский называл это «ноосферой» – сферой разума, П. Флоренский – «пневмасферой» – сферой духа. Считается, что каждый человек имеет способность осуществлять прорыв в это информационное поле (это происходит в минуты озарения, сильного психического напряжения или во сне).

Разные лингвокультуры отличаются друг от друга своими лого- и концептосферами, тогда как ноосфера остается лишь их депозитарием, поскольку накапливает, сохраняет и предоставляет каждой из них свои неисчерпаемые ресурсы. Разные культуры – это разные ценности, разные менталитеты и разные формы суждения об одних и той же предметах, явлениях, понятиях. Отражая систему взглядов и представлений разных народов, формы речи в связи с формами мышления чаще всего и становятся основой для изучения этнически-ментальной своеобразности того или иного лингвокультурного сообщества.

Один из путей такого изучения предлагает лингвокогнитивная теория слова, постулирующая извлечение культурно релевантной информации из номинативных единиц языка – образов, которые включают ряд национально кодифицированных ассоциаций, связанных с образом жизни, стереотипами и культурными сценариями поведения. Особенно плодотворным оказывается этот путь при использовании контент-анализа, который позволяет выделить «ментефактов», образующих систему национальных ценностей и/или становящихся знаками этнокультуры. Ментальность народа актуализируется в наиболее важных культурно маркированных концептах.

2.1.2. Ценностные ориентиры и концептуальные доминанты этноса

Совокупность ценностных ориентиров лингвокультуры представляет собой систему, в которой могут быть установлены доминантные (основные) и периферийные (второстепенные) характеристики. Сумма таких характеристик присуща всем без исключения народам и человечеству в целом, но их приоритетность и специфическая комбинаторика позволяют говорить об этнической неповторимости культуры. Закрепляясь в языке, эти характеристики получают статус своеобразного оценочного кода и определяют поведение носителей соответствующей лингвокультуры, их самооценку и оценку со стороны других этносов. О. А. Корнилов пишет: «В каждой национальной культуре можно обнаружить специфические черты, которые играют особо важную роль в формировании национального характера и национального менталитета. Такие черты мы предлагаем называть культурно-этническими доминантами. Именно эти доминанты детерминируют национальные особенности поведения, мироощущения и мирооценки» [Корнилов 2003: 180].

Концептуальные доминанты – это вербализованные смыслы среды бытования этноса, его жизненного мира. Последний является средой, в которой происходит деятельность человека, частью объективного (реального, физического, окружающего, внеязыкового) мира, вмещающего эпистемический мир с декларативными и процедурными знаниями. Из каких бы абстрактных сущностей он ни состоял, в нём всегда отражаются актуальные потребности или установки индивида и/или народа. На этом фоне вполне логичной будет выработка норм и ценностей, признаваемых индивидами и сопровождающих их действия и поступки. Культурологи различают три вида ценностей: финальные (высочайшие

ценности и идеалы), инструментальные (средства и условия, необходимые для достижения и сохранение финальных), производные (следствия или выражение первых двух, имеют значимость как их знаки и символы).

Сегодня в науке не существует четкой демаркационной линии между концептуальными доминантами (КД) и ценностными ориентирами этноса. Последние, например, осмысливаются в единстве трех своих форм: 1) общественные идеалы (выработанные общественным сознанием обобщенные представления о совершенстве в разных сферах общественной жизни); 2) предметное воплощение этих идеалов в творчестве конкретных людей; 3) мотивационные структуры личности («модели надлежащего»), побуждающие ее к предметному воплощению общественных идеалов. Эти три формы переходят друг в друга по бесконечной спирали: общественные идеалы усваиваются личностью и, как «модель надлежащего», начинают побуждать ее к активности, в процессе чего происходит их предметное воплощение. В свою очередь, предметно воплощенные ценности становятся основой для формирования идеалов и стереотипов [Леонтьев 1999: 41].

В сущности, здесь просматриваются два момента: связь с этнокультурной личностью как субъектом оценки и санкционирование ценности обществом или группой (при выполнении этого условия ценности разворачиваются как нормы и идеалы). Исходя из этого, можно развести и два близкородственных понятия – «*ценностный ориентир*» и «концептуальная доминанта». Первый является любым «объектом» (в т. ч. и идеальным), имеющим жизненно важное значение для субъекта (индивида, группы, этноса). Ярким примером тому является доступный в Интернете кодекс «Семь принципов публичной жизни», обязательный для должностных лиц Великобритании. Он включает в себя: САМООТВЕРЖЕННОСТЬ, НЕПОДКУПНОСТЬ, ОБЪЕКТИВНОСТЬ, ОТЧЕТНОСТЬ, ОТКРЫТОСТЬ, ЧЕСТНОСТЬ, а также ПОДДЕРЖАНИЕ всех этих принципов методами руководства и личным примером. Второе понятие – *концептуальная доминанта* – содержит, с одной стороны, абстрактно привлекательные смыслы, а с другой, – стабильно важные для представителя определенной этнокультуры конкретные духовные блага.

Стало быть, концептуальные доминанты также являются ценностями, но ценностями, которые воплощены в духовные идеи, обозначенные словом с высокой степенью обобщения. Иногда их называют «ключевыми концептами» или «ключевыми словами культуры».

Ценностные доминанты / ориентиры этноса являются частью *концептуальной картины мира* (ККМ), отраженной в сознании в виде вторичного существования объективного мира как результат абстрагирующей деятельности

homo loquens. Будучи своеобразным способом осмысления действительности, ККМ существует в коллективном сознании определенного лингвокультурного сообщества и является отображением совокупности знаний и представлений о мире, присущих именно этому сообществу.

Концептуальные доминанты приобретают особую значимость, когда «обрастают» застывшими ассоциациями, метафоризованными образами, наполняются оценочными стереотипами и установками, когда начинают изображать этнические портреты, автопортреты и типажи, возводясь в ранг символов. Яркий пример валоративных различий между американской, немецкой и русской культурами в их отношении к отдельным общечеловеческим ценностям и «антиценностям» приводит В. И. Карасик [1996: 15] (табл. 2.1).

Таблица 2.1. *Оценочное отношение к отдельным концептам в разных культурах*

Отношение к	Американская культура	Немецкая культура	Русская культура
<i>работе</i>	главное – результат	главное – старательность	главное – желание работать
<i>герою</i>	герой должен вести себя благородно		герой должен идти на самопожертвование
<i>чуду</i>	увлечение чудом	зачарованность чудом	увлечение чудом
<i>дураку</i>	дурака нужно высмеивать	дурак является жалким человеком	
<i>поведению</i>	следует вести себя умно	следует вести себя умно и почтительно	следует вести себя красиво

Из данных табл. 2.1 следует, что разное отношение к таким существующим в каждом языке концептам, как РАБОТА, ГЕРОЙ, ЧУДО, ДУРАК, ПОВЕДЕНИЕ, в трех сравниваемых этнических сферах обуславливается социокультурными, историческими и социодискурсивными факторами. Последние будто перекидывают мостик к главной проблеме наших рассуждений – концептуальным доминантам, генезис которых как раз и связан с типичным, национально окрашенным отношением к тем или иным объектам внеязыковой действительности – прагматическим у американцев, эмоциональным у испанцев, рациональным у немцев, фаталистическим у русских, имажинистским на арабском Востоке.

Прагматическое отношение к действительности порождает и наличие тех КД американской этнокультуры, которые составляют основу этого народа и реализуют специфические черты его аксиологической системы: бытийные концепты (LAND, FARM, RANCH, WEST, CONSTITUTION, AMERICANNES), концепты-реалии (COWBOY, CHAPAREJOS), абстрактные концепты (DEMOCRACY, DIVERSITY, PRIVACY,

FREEDOM), специфические прототипы на базе универсальных концептов (WORK, JOB) и т. п. [Бочегова 2006: 7] (этот «джентльменский набор» часто толкуют в терминах «ключевых слов»: СВОБОДА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, НЕЗАВИСИМОСТЬ, ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, ДЕНЬГИ, ДОЛЛАР, БОГАТСТВО, РАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ, КОНКУРЕНЦИЯ, РЕКЛАМА, СУПЕРМАРКЕТ, ВЫСОКИЙ ЖИЗНЕННЫЙ УРОВЕНЬ, МАШИНА, СЕМЬЯ, ДЕМОКРАТИЯ, РЕЛИГИЯ [Тер-Минасова 2000], а также POLITICAL CORRECTNESS. Более абстрактно эта картина выглядит у Н. Г. Есипенко, которая обобщает все многообразие англоамериканских культурных ценностей в триединстве концептов HOME, GENTLEMANLINESS, FREEDOM [Есипенко 2012].

Несколько иным этот набор выглядит для испанской этнокультуры. Так, анализ путей и способов эмоционального восприятия мира позволил А. Б. Юнацкой выделить в ней такие концептуальные доминанты, как FELICIDAD / СЧАСТЬЕ, INDEPENDENCIA / НЕЗАВИСИМОСТЬ, BIENESTAR / БЛАГОПОЛУЧИЕ, RESPETO / УВАЖЕНИЕ, LIBERTAD / СВОБОДА, FAMILIA / СЕМЬЯ, SALUD / ЗДОРОВЬЕ, AMOR / ЛЮБОВЬ, LA MARCHA / ДВИЖЕНИЕ, TERTULIA / КОМПАНИЯ, PROBLEMAS JUVENILAS / ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ и др. [Юнацкая 2006].

Концептуальные доминанты немецкой лингвокультуры описывает Б. Нусс. Отталкиваясь от англосаксонского рационализма, он представляет их в виде родо-видового комплекса, в котором пересекаются и сосуществуют такие феномены, как LEBENSDRANG / жизненная сила (STREBEN / направленность, UNRUHE / беспокойство, ENERGIE / энергичность), PRINZIPIEN / принципиальность (ORDNUNG / порядок, ERNSTHAFTIGKEIT / серьезность, BEHARRLICHKEIT / настойчивость), SINN FÜR METHODISCHE / чувство методического (ORGANISATION / организация, GENAUIGKEIT / точность, FLEIß / старательность), WELTSCHMERZ / мировая боль (UNGEWISSEHEITEN / неопределенность, ÄNGSTE / страхи, ALLZUIRDISCHES / приземленность) [Nuss 1993]. Можно предположить, что совокупность таких доминант образует общий контур концептуальной картины мира немецкой этнокультуры.

Национально специфическое отношение к объективному миру, очерченное фатализмом, дало основания А. Вежбицкой описать русский менталитет с помощью всего четырех КД – ДУША, ТОСКА, СУДЬБА, АВОСЬ [Вежбицкая 1996]. При этом, отмечают специалисты, основным в этом квартете является концепт ДУША [Пименова 2004]. Дело не только в том, что ДУША вызывает множество ассоциаций и интерпретаций как в национальных литературах, так и в разговорном дискурсе, но еще и в том, что через описание души народа нередко осуществляется поиск национальной идеи, способствующей его самоидентификации [Белова 2002: 20]. В контексте сказанного можно признать правоту А. Д. Шмелева, который идентифицирует «русскую душу» через набор других КД – СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ПРАВДА, ДОБРО, СУДЬБА, ВОЛЯ, ТОСКА, УДАЛЬ [Шмелев 2002].

Описание отдельных КД арабского мира осуществляет В. Э. Шагаль. Он пишет, что высшими ценностями в нем считаются СЕМЬЯ, ТРАДИЦИЯ, ДОСТОИНСТВО, ЧЕСТЬ и РЕПУТАЦИЯ. Общественный статус человека определяется семейным фоном, ПРОИСХОЖДЕНИЕМ, принадлежностью к определенному РОДУ (клан). При этом его индивидуальные качества, его успехи и достижения второстепенны. Арабская модель взаимоотношений государства, общества и личности имеет своей отправной точкой КОЛЛЕКТИВИЗМ, а не индивидуализм, чем однозначно противостоит западной цивилизации. Мусульмане, объединенные в УММУ, всегда настроены на оказание помощи друг другу. БЛАГОЧЕСТИЕ, НАБОЖНОСТЬ – социально одобряемые добродетели, важнейшие, наиболее привлекательные и высоко ценимые человеческие черты. Основой многовековой стабильности арабского менталитета являются этические идеалы МУРУВИ 'мужество', АСАБИИ 'верность асабу' (родственность по мужской линии) и ДИНА 'кодекс поступков верующего мусульманина' [Шагаль 2001: 65].

Не будет преувеличением сказать, что концептуальные доминанты наподобие приведенных выше имеют высокую степень абстрактности, наполнены определенным идейным содержанием, отличаются насыщенностью ассоциативного поля и высокой степенью своего валоративного освоения. Задавая ценностные ориентиры культуры, КД и очерчивают особенности этнического менталитета, и позволяют судить о параметрических признаках соответствующего типа культуры, но нельзя не заметить, что все они находят свое воплощение, как правило, в лексических номинациях. При этом лексическая объективация КД имеет одну важную закономерность: «Если в какой-либо культуре определенный концепт не признается в достаточной степени важным <...>, то лексическое отражение этого концепта обязательно будет менее дифференцированным по сравнению с языками, где его значимость в общественном сознании выше, либо же этот концепт может и вовсе отсутствовать» [Корнилов 2003: 180].

Концептуальные доминанты обуславливаются как этническим менталитетом (национальной психологией), так и особенностями исторического развития этноса. В этом смысле они могут изучаться как в синхронном, так и в диахронном аспектах. Опыт диахронного анализа системы КД Киевской Руси (XI – XIII ст.) предлагает Г. В. Межжерина. Она, в частности, установила, что в данную систему входят 32 концепта, организованных по принципу бинарных оппозиций: ВЕРНОСТЬ – НЕВЕРНОСТЬ, ПРАВЕДНОСТЬ – НЕПРАВЕДНОСТЬ, СМИРЕНИЕ – НЕСМИРЕНИЕ, МИЛОСЕРДИЕ – ЖЕСТОКОСТЬ, ЛЮБОВЬ – НЕНАВИСТЬ, СДЕРЖАННОСТЬ – ПЫЛКОСТЬ, ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ – НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ, БЛАГОДЕЯНИЕ – ПРЕСТУПЛЕНИЕ, УВАЖЕНИЕ – ОСУЖДЕНИЕ, ОБРАЗОВАННОСТЬ – НЕВЕЖЕСТВО, ПРАВДИВОСТЬ –

НЕПРАВДИВОСТЬ, БЕСКОРЫСТИЕ – КОРЫСТЬ, ТРУДОЛЮБИЕ – ЛЕНЬ, ХРАБРОСТЬ – ТРУСЛИВОСТЬ. Кроме них, выделяются еще четыре КД: МУДРОСТЬ, МОЛЧАЛИВОСТЬ, ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ, ДУШЕВНОСТЬ [Межжеріна 2006: 12].

Закрытое множество концептуальных доминант времен Киевской Руси характеризуется Г. В. Межжеріной как концептополе, с чем можно поспорить, так как КД не описываются в терминах ядерно-периферийного устройства. Тем не менее, во-первых, важной является сама попытка инвентаризации концептуальных ценностей культуры на определенном этапе ее исторического развития. Во-вторых, это исследование позволяет утверждать, что список КД не является цивилизационно стабильным: в ходе поступательного развития социокультуры он изменяется количественно и качественно. Так, концепты СМирение, ПРАВЕДНОСТЬ, ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ перестали быть в наше время общественно актуальными, разве что сузили сферу своего бытования до христианской картины мира.

Образуя в иерархии национальных ценностей как бы промежуточный слой между лингвокультурой и собственно культурой, концептуальные доминанты в то же время относятся к обеим сферам. С одной стороны, они являются семантическим экстрактом смыслов и значений тех слов, которые нюансируют тезаурус культуры, а с другой, – являются сгустками аксиологических установок этой культуры.

Отдавая дань соображениям В. И. Карасика [1996: 3–16], отметим, что концептуальные доминанты культуры:

- являются объективными и могут быть параметризованными;
- суть проявление семантического закона, согласно которому наиболее важное в жизненном мире получает разнообразную и подробную номинацию;
- могут быть описаны с помощью картирования лексических и фразеологических единиц, а также путем осмысления ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения;
- могут быть детализированными за счет выявления дополнительных признаков (например, социокультурных и социодискурсивных);
- имеют расхождение между их вербальной репрезентацией в разных языках, что выражается большей частью не в наличии / отсутствии определенных признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике.

На фоне сказанного есть необходимость говорить и о методике изучения концептуальных доминант. На наш взгляд, она представляет собой систему исследовательских приемов и процедур, направленных на освещение разных граней лингвоконцептов. Собственно исследование КД осуществляется как в виде наблюдения (сплошная выборка лексических и фразеологических единиц, изучение словарей, паремиологических сборников, прецедентных текстов, публицистики,

разговорных интеракций и т. п.), так и в виде эксперимента (разработка анкет, интервьюирование носителей языка, обработка полученных данных). Что касается последней процедуры, то существует довольно известная методика опрашивания информантов М. Фляйшера для установления КД («культурно обусловленные символы / kulturbedingte Symbole») для польской, немецкой и русской культур [Fleischer 1995; 1996; 1997] (правда, сегодня она подвергается жесткой критике [Левин-Штайтманн 2003: 226]).

Не может обойтись изучение КД и без данных других гуманитарных дисциплин – культурологии, истории, психологии, этнографии, социологии и пр.

2.2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Четкая регламентированность жизненных сценариев отражает ориентацию немецкого этнического менталитета (НЭМ) на лишь ему присущие жизненные ценности и принципы бытия. К последним обычно относят порядок, настойчивость, дисциплину, точность, пунктуальность, организованность, прилежание и пр. Именно их можно считать основными принципами немецкого *modus vivendi*, т. е. теми, что образуют формулу НЭМ и определяют его мерные рамки, в которых он осознает свою идентичность и выделяет ее среди других народов. Среди таких «идентифицирующих» немецкий менталитет концептов Т. С. Медведева, например, не без основания усматривает три доминантных феномена – *ORDNUNG*, *SICHERHEIT* и *GEMÜTLICHKEIT* [Медведева 2011] (см. также [Пименов 2002; Schmidt-Lauber 2003]), что правильно, но, по-видному, недостаточно.

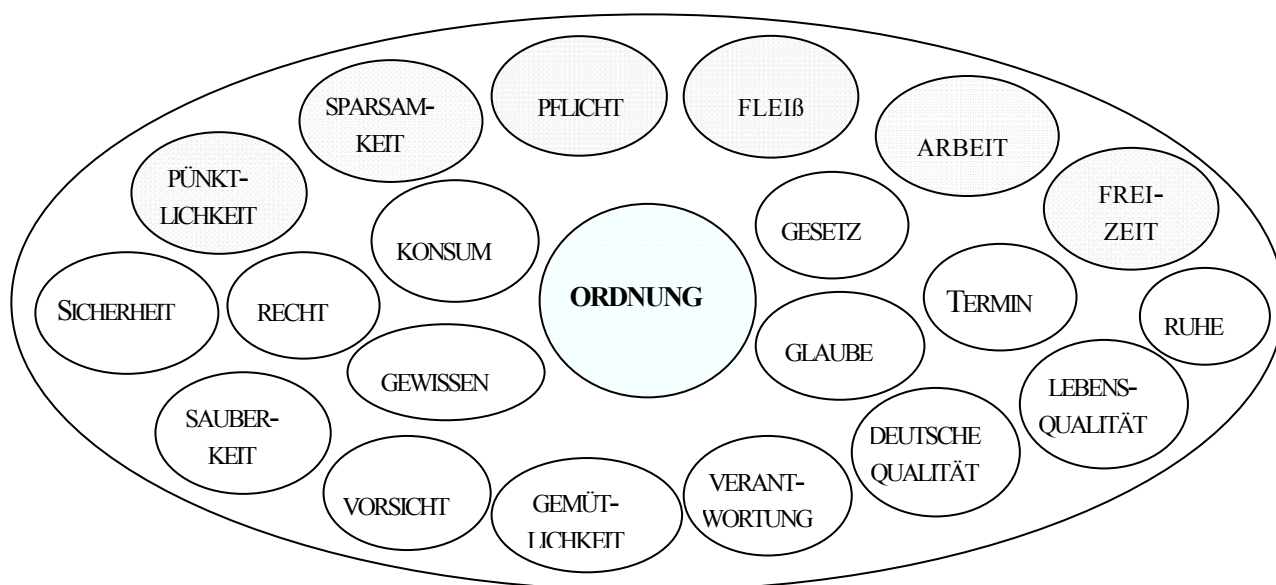

Рис. 2.1. Концептуальные доминанты немецкой этно- и лингвокультуры

Бескомпромиссность в нормировании своего бытия – незыблемый принцип НЭМ. Принципы – это правила, инструкции, директивы, в которых философская мысль усматривает основную внутреннюю предпосылку жизни. Концептуальные ценности можно рассматривать и как первооснову бытия – то коллективное подсознательное, что ненавязчиво, но методично руководит жизнедеятельностью. Немцев небезосновательно считают «предрасположенными к связанности в определенных рамках» [Nuss 1993: 122]. Эти рамки задаются внутренней потребностью придерживаться тех правил, норм и принципов, которые выработывались веками в лоне НЭМ.

В экстраполяции на немецкую этно- и лингвокультуру можно говорить по крайней мере о двух разновидностях культурных концептов – абсолютных и регулятивных. Первые отображают принципы конституирования жизненного мира человека (ARBEIT 'работа', PFLICHT 'обязанность', GLAUBE 'вера', RECHT 'право', GEWISSEN 'совесть', VORSICHT 'осторожность', RONSUM 'потребление', LEBENSSTANDARD 'качество жизни'), вторые – принципы, цели и смысл бытия (ORGANISATION 'организованность', FLEIß 'старательность', PÜNKTLICHKEIT 'пунктуальность', SPARSAMKEIT 'бережливость', SAUBERKEIT 'чистота', GEMÜTLICHKEIT 'уют', TERMIN 'срок, договоренность', REKLAMATION⁷ 'жалоба'). Первые являются характерными в той или иной мере не только для немецкой, но и для любой другой этнокультуры, хотя и имеют свою национальную специфику. Вторые же воплощают сугубо немецкий способ организации жизненного мира человека (рис. 2.1).

2.2.1. Абсолютные телеономы ARBEIT и FREIZEIT

Абсолютный телеономный концепт ARBEIT / РАБОТА / ТРУД обозначает неотъемлемую часть жизненного мира как отдельного человека, так и общества в целом, поскольку он выступает основой для физического и духовного существования человека и является главным стержнем истории человечества. Неслучайно феномен «работа» неоднократно становился объектом научной аттракции на материале разных языков: ТРУД – русского [Гоннова 2003; Токарев 2003], РОБОТА / ПРАЦЯ – украинского [Радзиевская 2004], δουλεία – новогреческого [Миросниченко 2007], WORK – английского [Банкова 2007; Благодарна 2009], ARBEIT – немецкого [Мельник 2006; Скорнякова 2007] и т. п.

Соотносимый в основных своих чертах с рус. РАБОТА, укр. РОБОТА, болг. РАБОТА, чешск./слвц./польск. ROBOТА, нидерл. ARBEID / WERK, англ. WORK, фр. TRAVAI,

⁷ См., напр., описание пристрастия немцев к жалобам: <http://www.lenta.ru/articles/2011/07/27/urlaub/>

немецкий абсолютный телеоном ARBEIT ведет свои номинативные истоки от церковнославянского «работа», в котором он был связан со словом «раб» [Фасмер 1987, т. 3: 427; Kluge 1989: 38]. Индоевропейское *orbhos, готское arbeiþs ('нужда'), древне- и средневерхненемецкие *ar(e)beit* / *ar(a)beit* означали «напряжение, тяжесть, мучение»⁸ [DUW 1997: 135; Paul 2002: 88]. Понятийная сторона концепта ARBEIT является, по сути, его дефиниционным признаком, фиксируемым лексикографическими источниками в виде четырех когнитивно-семантических прослоек: «процесс работы», «выполнение служебных обязанностей», «усилие», «результат работы» [DUW 1989: 135; Wahrig 2000: 434], – среди которых «процесс работы» является древнейшим.

Концепт ARBEIT представляет собой ментальное образование, в котором языковое сознание выделяет такие компоненты: понятийный (целенаправленная деятельность, требующая умственного или физического напряжения, направленная на производство чего-нибудь или на достижение результата и противопоставляемая праздности, отдыху и безделью); образный (человек или другое живое существо, исполняющее необходимые для жизни действия); ценностный (положительная оценка желания и отрицательная оценка нежелания работать, положительная оценка умения и отрицательная оценка неумения работать, отрицательная оценка принудительной и малоэффективной работы).

Перцептивно-образная и валоративная составляющие концепта ARBEIT образуют своеобразный наглядно-чувственный код, который опирается на процессуальные лексемы *das Arbeiten, das Tun, die Ausführung, das Handeln, die Ausübung, die Hantierung*, содержащие идею связи человека со временем, фиксирующие его зависимость от него и определяющие координаты его жизненного мира. Эти координаты отмечены в НЭМ чертами практического знания (*produktive A, saubere A, berufliche A, körperliche A, intellektuelle A, schwere A, gute A, schlechte A, leichte A, eingelegte A*), которые репрезентируют работу как динамический процесс, требующий определенного времени и выполняемый с приложением силы, воли и обязательных профессиональных навыков.

В этом смысле можно считать, что вербальное воплощение концепта ARBEIT опирается на три основных частеречных варианта – существительное *die Arbeit*, глагол *arbeiten* и предлог / наречие *arbeitsam*. Все они имеют чрезвычайно богатый словообразовательный потенциал (*Mitarbeit, Vorarbeit, Zusammenarbeit, arbeitsam, arbeitslos, mit-, vor-, durch-, ver-, ab-, be-, er-, um-, zu-, auf-, aus-, ein-, hin-, los-, ver-, nach-, heran-, überarbeiten*). Особенно многочисленны в немецком

⁸ Такая этимология вполне объяснима, если учесть, например, тот факт, что в средневековой Испании дворянином (идальго) считался каждый, кто не запятнал себя физическим трудом.

языке субстантивные композиты, за счет которых концепт ARBEIT может объективироваться в бесконечном количестве речевых ситуаций и с большим количеством своих смысловых оттенков.

Не последнее место в этой системе занимает и ассоциативно-образный компонент значения, который маркирует работу специфическим для НЭМ образом через ряд синонимических средств в его адъективной ипостаси (*arbeitsam, eifrig, schaffensfreudig, emsig, tatkräftig, laboriös, schaffig, strebsam, unermüddlich, nimmermüde, arbeitswillig, tüchtig, tätig, regelmäßig*). Как доказывает Р. М. Мельник, наибольшее количество статистически существенных связей имеют *emsig, eifrig, tüchtig, fleißig*, в то время как *strebsam* и *arbeitsam* демонстрируют стандартные связи лишь с ограниченными ЛСГ существительных. Наиболее типичными группами синтагматических партнеров этих прилагательных оказываются подклассы существительных, обозначающих людей по профессии, по должности и по роду занятий [Мельник 2006: 171].

Когнитивный слой «выполнение служебных обязанностей» отображает осмысление немцами работы как профессиональной деятельности. Такое восприятие является вместе с тем и одной из важных перцептивно-образных характеристик концепта ARBEIT. В частности, во времена массовости рабочего класса вошли в широкое употребление такие аллюзии, как *Arbeiterbutter* (маргарин, букв. «масло рабочего»), *Arbeiterchampagner* (пиво, букв. «шампанское рабочего»), *Arbeiterforelle* (селедка, букв. «форель рабочего»). Эти и другие композиты как бы служили словесными маркерами для той демаркационной линии, которая существовала между социальными прослойками по уровню обеспеченности, где рабочему классу отводилось одно из последних мест. К тому времени образ рабочего воплощал тяжело работающий человек с низким материальным достатком.

Сегодня эти качества переключались на два других концепта – GASTARBEIT и SCHWARZARBEIT. Первый начал свое хождение в Германии с 1880 года как инновативный способ привлечения иностранцев к общественно-полезной работе. Тогда речь шла о польских *Saisonarbeiter*, в Первую мировую войну – о *Zwangsarbeiter*, а во Вторую – об *Ost- und Fremdarbeiter*. Лишь после 1954 г. правительство Людвиг Герхарда начало приглашать итальянских и турецких рабочих в качестве *Gastarbeiter* (букв. 'гостевые рабочие'), что легитимировало их временный статус в стране пребывания. Сегодня немецкий лингвокультурный концепт GASTARBEITER стал транснациональным. GASTARBEITER и SCHWARZARBEITER различаются юридически: первые – это легальные, вторые – нелегальные рабочие. *Schwarzarbeiter* нельзя перевести на русский «чернорабочий». Дело в том, что *schwarz* 'черный' здесь выступает синонимом к слову *dunkel* 'темный',

т. е. речь идет о человеке, который словно избегает света и действует как бы в темноте. Любая запрещенная властью, незаконная деятельность и есть *Schwarzarbeit* с такими ее отпочкованиями, как *Schwarzhandel*, *Schwarzfahrt*, *Schwarzschlacht*, *Schwarzmarkt*, а все, кто занимается *Schwarzarbeit*, стоят *auf der schwarzen Liste* 'в черном списке'.

Древнегерманский ассоциативный «осадок» в структуре концепта ARBEIT (*die Mühe, das Mühsal, die Anstrengung, die Plage, die Beschwerlichkeit*) подтверждает континуальность взгляда на работу как на деятельность, которая нуждается в немалых физических и душевных усилиях, а потому концепт ARBEIT возникает в этническом сознании немцев как явление прикладного порядка. Сегодня ARBEIT уже не воспринимается лишь как физически трудная работа. Она считается скорее сферой профессиональной деятельности, требующей определенного умственного напряжения и соответствующих организационных усилий ради обеспечения результата в виде *Ergebnis* или *Werk* (продукт, произведение). Вознаграждение и оплата работы являются для немца прямо пропорциональными ее результатам, поэтому и сам процесс всегда мотивирован обязательным достижением запланированного. Вопреки тому, что в НЭМ работа может быть трудной и легкой, творческой и нетворческой, интенсивной и медленной, хорошей и плохой, постоянной и временной (*der Job*), она является процессом, направленным на результат, а потому должна быть безупречно выполненной. Вот почему типичные русские пословицы «Работа не волк – в лес не убежит» [Гоннова 2003: 138], «От работы не будешь богат, а будешь горбат» [Токарев 2003: 121] являются для этнокультурного сознания немца немыслимыми.

Социокультурное отношение к работе находит свое отражение и в паремнологическом фонде немецкого языка, который, по предварительным данным, насчитывает около сотни пословиц и поговорок со словами с корнем *-arbeit-*, абсолютное большинство которых декларируют исключительно положительное отношение к работе. Последняя же наделяется такими ценностными качествами (*Das Heiligste, was der Deutsche hat; ist die Arbeit* (К. Tucholsky); *Arbeit ist des Lebens Würze; Arbeit macht aus Steinen Brot; Arbeit ist keine Schande; Arbeit vermag alles; Arbeit, Mäßigkeit und Ruh schließt dem Arzt die Türe zu*)⁹, что облагораживают человека (*Arbeit adelt*) и улучшают его жизнь (*Arbeit macht das Leben süß*). Однозначно отрицательным антиподом работы народная мудрость считает лень и безделье (*Arbeit gibt Brot, Faulheit gibt Not; Arbeit ernährt, Müßiggang verzehrt; Arbeit hat Gulden, Müßiggang macht Schulden; Faule Leute haben die meiste Arbeit*), которые коренятся в дьявольских искушениях (*Weit von der Arbeit, nah beim Teufel*).

⁹ Паремии без специальной ссылки приводятся по словарям [Beyer 1985; Wikiquote; Wolf 1995].

Значительное место в паремиологическом фонде немецкого языка занимают ФЕ с моральной оценкой работы: признание ее первичности на фоне вторичности развлечений и отдыха (*Erst die Arbeit, dann das Vergnügen; Nach getaner Arbeit ist gut ruhn; Arbeiten hat seine Zeit, und Feiern hat seine Zeit*), осознание необходимости вознаграждения за нее (*Jede Arbeit verdient ihren Lohn; Guter Lohn macht Arbeit leicht*), размышления о справедливости распределения материальных благ по результатам работы (*Wer nicht arbeitet, soll auch nicht essen; Schmutzige Arbeit, blanker Lohn; Wie die Arbeit, so der Lohn; Niemand arbeitet gern umsonst; Hölzerner Lohn, hölzerne Arbeit*) и, соответственно, о несправедливости такого распределения (*Der eine hat die Arbeit, der andere den Lohn*). Нередко НЭМ судит человека сквозь призму качества выполняемой им работы (*Wie der Mensch, so die Arbeit; Wie die Arbeit, so der Mensch; Wie man die Arbeit ansieht, so sieht sie einen wieder an; Jeder Arbeiter ist seines Lohnes wert*). Отсюда и призывы дидактического порядка в виде пословицы *Lebe, als solltest du morgen sterben, und arbeite, als solltest du ewig leben*.

Вербальные маркеры концепта ARBEIT позволяют говорить о наличии в нем ядра и периферии. Ядро образуется отношением к работе (уважение, почет, общественная польза, радость, счастье), тогда как периферия постулирует ее оплату, результат деятельности, воспитательное значение, уровень жизни, распределение материальных благ, здоровье, отдых и пр.

Производительность и состав языковых единиц, способных апеллировать к концепту ARBEIT, задаются той социокультурной значимостью, которой отмечено его развитие в тот или иной социокультурный период с соответствующими морально-идеологическими установками общества. В ходе когнитивной эволюции концепт ARBEIT знавал периоды «расцвета» и «падения» своей валоративной составляющей. Исследование Р. М. Мельник показывает, что, выдлившись в XIV ст. как ценностная единица духовной культуры, ARBEIT ассоциируется сначала с идеей служения Богу (у М. Лютера), становится особенно актуальным в период Реформации XVI ст. как воплощение бюргерских добродетелей и воспевается в сказках братьев Гримм в XIX ст. и в философском творчестве пиетистов (Э. Кант). Особую ценность этот концепт приобретает во времена нацизма, идеологи которого начинают отождествлять работу с повышенной трудоспособностью, верностью и преданностью фюреру. Они дошли до неприкрытого цинизма, разместив на воротах концлагеря Освенцим-Auschwitz лозунг «Arbeit befreit / Работа делает свободным».

«Упадок» ценностной компоненты концепта ARBEIT начинается после «студенческой революции» 1968 г., когда он перестает быть типично немецкой

чертой и испытывает пейоративную переоценку в ментальности «поколения гедонистов». Это подтверждается и 25-кратным снижением количества его использования и связанных с ним номинаций в дискурсивном пространстве Германии XX ст. [Мельник 2006].

Несмотря на распространенность в современном глобализованном обществе гедонистического отношения к жизни, сегодня концепт ARBEIT снова приобретает в немецкой этнокультуре большое телеономное значение. Особенно четко оно проявляется на фоне «антиконцептов» ARBEITSLOSIGKEIT и ERWERBSLOSIGKEIT (два воплощения идеи 'безработица'). Последние допускают понимание работы как определенного блага, удачи, успеха, которые должен получить человек вопреки тому, что жизненный мир может повернуться к нему и жестокой стороной безработицы. На этом фоне актуальными для сегодняшней Германии стали две концептуально релевантные композиты – *Arbeitgeber* 'работодатель' и *Arbeitnehmer* 'работник'.

Дефиниционная, интерпретативная и оценочная объективация работы в лексическом и фразеологическом фонде немецкого языка не выходит за рамки англосаксонской традиции, которая, в свою очередь, имеет протестантские корни – европейскую Реформацию XVI ст. [Голубовська 2004: 238]. Именно последняя рассматривала работу как высочайшую добродетель человека и поднимала ее до уровня служения Богу. Основные изменения в характеристиках концепта ARBEIT в НЭМ сводятся к уничтожению этической мотивации работы для общества и выдвигению на первый план утилитарного желания трудиться на себя, рост значимости интеллектуальной работы, нейтрализация гендерных предпочтений относительно видов трудовой деятельности.

Было бы ошибкой думать, что немцы являются трудоголиками (*workaholics*). Хотя они работают охотно и много, но любят работу не ради нее самой. Производственная этика является для них движущим мотивом бытия, но не до такой степени, чтобы валиться с ног от усталости. Немцы работают не больше и не меньше, чем другие народы. Репутацию же трудолюбивой наций им создают старательность, организованность, качество и своевременность выполнения работы. Благодаря им немцы работают без всякого насилия над собой и по принципу «Чем быстрее приступишь к работе, тем быстрее ее закончишь». Они буквально набрасываются на работу, чтобы после ее завершения больше о ней не думать: *Nach getaner Arbeit ist gut ruhen* / После работы хорошо отдыхается.

Данная пословица является концептуально значимой в том смысле, что отражает национальную философию в осмыслении корреляции «работа – отдых», в которой НЭМ усматривает одинаковую ценность обеих величин. Старательность

немца на работе прямо пропорциональна его старательности в свободное время (FREIZEIT, МУВЕ). В отличие от нас немцы никогда не забывают, что отдых – это смена формы деятельности. Досуговая деятельность имеет для них разнообразнейший концептуальный профиль: FEIERABEND / КОНЕЦ РАБОЧЕГО ДНЯ, ERHOLUNG / ОТДЫХ, FERIEN / КАНИКУЛЫ, URLAUB / ОТПУСК и др. Можно без преувеличения утверждать, что противопоставление ARBEIT – FREIZEIT в НЭМ почти стерлось: оба дополняют друг друга и имеют одинаковую ценность. Неслучайно «Словарь ключевых слов XX ст.» пишет, что немцы теперь живут «в эпоху свободного времени / im Zeitalter der Freizeit» [WdGm 2001: 190].

Если человек *arbeitsam* и *fleißig*, то считается нормальным, что его работа вознаграждается не только материально, но и отдыхом. Когда он сидит на работе без дела, отдыхает, никто, включая шефа, его за это не осудит, но при условии выполненной задачи. Не стыдятся немцы и значительного количества выходных и праздничных дней и даже любят перекинуть между ними «мостик», чтобы удлинить отдых. Они охотно пользуются всеми возможностями для отдыха, которые предоставляют законодатель и церковный календарь, а потому не случайно немцы считаются мировыми рекорсменами по свободному времени (до 147 свободных дней в году!). Даже ведущие политики и менеджеры любят устраивать себе частые и длинные каникулы. При этом ни у кого никогда не возникает мысли, что тем самым они могут запустить дела.

Обожествление и воспевание работы напрямую связаны с другим концептом немецкой этнокультуры – СТАРАТЕЛЬНОСТЬЮ, являющимся одним из главных способов достижения результата.

2.2.2. Абсолютные валоративы FLEIß и SPARSAMKEIT

Концепты FLEIß и SPARSAMKEIT отличаются абсолютной телеономностью, т. е. принадлежат к «высшим духовным ценностям, образующим и воплощающим для человека нравственный идеал, стремление к которому создает моральную оправданность его жизни» [Воркачев 2005: 25]. Данные концепты являются одной из важнейших констант немецкой этнокультуры, которые совместно с ORDNUNG, ARBEIT, PFLICHT, PÜNKTLICHKEIT, GEMÜTLICHKEIT и некоторыми другими валоративами составляют *формулу немецкой ментальности*. Когда-то она была в довольно саркастичном виде выражена К. Тухольски так: «Deutschlands Schicksal: Vor dem Schalter zu stehen. Deutschlands Ideal: Hinter dem Schalter zu sitzen / Судьба Германии: стоять у кассы. Идеал Германии: сидеть за кассой».

Абсолютный телеономный валоратив FLEIß / СТАРАТЕЛЬНОСТЬ наделен в НЭМ большой психической силой: излучая ценностное отношение к работе, он тем самым организует жизненный мир человека и не только является показателем старательности и трудолюбия, но и отражает внутренний порыв: работать старательно значит не только предприимчиво, но и по собственной воле. Этимологическая основа концепта восходит к древневерхненемецкому, где *fliz*, *flit*, *vlīzan* означало «напряжение, спор, ссора, борьба» [Kluge 1989: 220].

Лексикографическое истолкование концепта FLEIß опирается на три смысловых прослойки: «интенсивность работы», «трудолюбие» и «усилие» [DUW 1989: 516; Paul 2002: 336; Wahrig 2000: 1327]. Именно эти значения и образуют когнитивно-семантическую структуру концепта FLEIß, который мыслится как старательность, настойчивость и целеустремленность в работе и может синонимически диверсифицироваться такими лексемами, как *arbeitsam*, *viel arbeitend* ('трудолюбивый'), *eifrig* ('настойчивый', 'упорный'), *zielstrebig*, *strebsam* ('целенаправленный', 'целеустремленный').

Основными вербальными апеллятивами концепта FLEIß являются существительное *der Fleiß* и прилагательное / наречие *fleißig*, тогда как соответствующий глагол в современном языке отсутствует, хотя и существовал ранее вплоть до средневерхненемецкого периода. Более того, лексема *Fleiß* отличается крайне ограниченным словообразовательным потенциалом. Она фактически не образует субстантивных композит (*Fleißkärtchen* 'карточка старательности учащегося' – единая фиксированная словарями композита). Очевидно, это тот редкий случай, когда языковая объективация концепта опирается не на множество его семиотических воплощений, а ограничивается одним-двумя знаками. Тем не менее, от этого образно-ассоциативная и ценностная стороны концепта не становятся беднее.

Исходя из исторической динамики, понятийная основа концепта FLEIß проходит определенные степени своего ментального освоения: в XVI ст. во времена кайзера официально предписывалось, что милостыню просить имеют право лишь больные, остальные же должны работать, в функциональные обязанности чиновников входило даже безжалостное наказание бездельников и их принуждение к поиску общественно-полезного занятия (*Der Fleißige findet immer etwas zu tun*). Начиная с XVIII ст. в Германии распространяется дух меркантилизма, способствовавший переосмыслению FLEIß как движущей силы благосостояния человека и, соответственно, залога пополнения казны (*Des Fleißigen Hand macht reich*). В этом смысле FAULHEIT / ЛЕНЬ рассматривалась официальной властью

как тормоз, а FLEIß, TIFER / УСЕРДИЕ и ARBEITSAMKEIT / РАБОТОСПОСОБНОСТЬ – как источник экономического развития страны [Münch 1984].

Значительный вклад в сакрализацию старательности как главного атрибута работы сделало христианство. Применяя теософские аргументы, религия довольно успешно справлялась с принуждением прихожан к общественно-полезной работе и, тем самым, к активному образу жизни. Клерикальные призывы типа «Бог создал человека для работы – кто ленится, тот пренебрегает Божьим творением» (Й. Агрикола, 1534), «Каждый должен работать – так велел Господь» (Й. Татезиус, 1534), «Бог помогает старательному и наказывает бездельника» (Кр. Лейманн, 1637) были постоянными слоганами в проповедях священнослужителей. Идеино-христианское назначение таких призывов заключалось не только в обожествлении работы и старательности, но и в борьбе с праздностью. Протестантская церковь и кайзеровское государство шли здесь в одной упряжке, били как бы в одну точку.

Длительное время FLEIß считался одним из эффективных способов покаяния и лечения души. Позднее он стал в сознании немца «необходимым атрибутом человеческого существования» [Münch 1984: 112], т. е. той добродетелью, благодаря которой становится возможной самореализация человека как личности. За этим стояла вполне понятная политическая прагматика: обеспечить экономическую стабильность государства и общества путем старательной работы каждого гражданина на себя и на свою семью.

Именно такие ценностные истоки имеет концепт FLEIß и в сегодняшней Германии. Вопреки пониманию того, что «*Die Menschen sind höchst unterschiedlich in ihren Anlagen, Fähigkeiten und Fertigkeiten, sondern auch in ihrem Fleiß / Люди очень разные в своих задатках, способностях и привычках, а также в старательности*» [http://fu-berlin_nachrichten:online2005.de], любые проявления нестарательности, как и раньше, продолжают резко осуждаться общественной моралью. Лень, поверхностность, халатность – все это, по мнению немца, дезорганизует жизненный мир человека. Идея несправедливого распределения материальных благ, незримо окружающая концепт ARBEIT / РАБОТА, почти не фигурирует в перцептивно-образном слое концепта FLEIß (исключение: *Der eine hat den Fleiß, der andere den Preis / Одним достаётся старание, другим – вознаграждение*). Правда, сегодня наметилась тенденция и к гендерной дифференциации в понимании этого феномена, которую Б. Рупрехт-Штрёль сформулировал в виде слогана «*Fleißige Frauen arbeiten, kluge machen Karriere / Старательные женщины работают, а умные делают карьеру*» и вынес его в название своей книги [Rupprecht-Stroell 1997].

Основным же фразеологическим способом версификации валоратива FLEIß является его ассоциативное осмысление через два других концепта – VENSCH / ЧЕЛОВЕК и PREIS / ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ. В этом смысле можно считать, что валоризация идеи старательности в паремии фонде языка задается «лозунговой» пословицей «*Ohne Fleiß kein Preis / Без старательности нет вознаграждения*¹⁰», по отношению к которой все остальные паремии на эту тему кажутся производными. Ср.: *Mühe und Fleiß erhalten den Preis; Der Jugend Fleiß, des Alters Preis.*

Центральным звеном фразеологических единиц, декларирующих идею старательности, всегда является человек, способный своим трудом достичь многого. Тем не менее, этот человек редко получает прямые номинации (*Der Fleißige macht aus Eisen Wachs*). Чаще всего такой человек воспевается метафорически через зоонимы (*Dem fleißigen Hamster schadet der Winter nicht; Die fleißige Spinne hat ein großes Gewebe; Ein fleißiger Gaul wird nicht fett; Ein fleißiges Huhn findet auf jedem Mist zu tun*), соматизмы (*Fleißige Hand baut Leut und Land*) и артефакты (*Fleißiger Spaten ist immer blank*). Нередко в паремиях персонифицируется и сама старательность (*Der Fleiß hämmert das Eisen heiß; Fleiß bricht das Eis; Fleiß rührt den Mörtel; Fleiß überwindet alles; Eigener Fleiß macht den Schornstein rauchen*). Прямые же номинации старательного человека (субстантивированное прилагательное *der Fleißige*) встречаются, как правило, в тех фразеологизмах, где фигурируют лень, бездеятельность и хаос (*der Faule*), т. е. то, что неприемлемо для НЭМ даже в смеховом контексте. Метафорическое осуждение лени осуществляется путем ее противопоставления трудолюбию (*Für den Fleißigen hat die Woche sieben Heute, für den Faulen sieben Morgen; Der Fleißige hat stets Zeit genug, der Faule nie; Der Fleißige läuft sich tot, der Faule trägt sich tot; Abends wird der Faule fleißig*).

Часто концепт FLEIß профилируется в паремии фонде языка рядом с другими не менее важными для НЭМ валоративами – GLÜCK / СЧАСТЬЕ, SPARSAMKEIT / БЕРЕЖЛИВОСТЬ, MÜHE / УСИЛИЕ и пр. Ср.: *Fleiß ist des Glückes rechte Hand, Sparsamkeit die linke; Fleiß und Sparsamkeit hilft auch durch schlechte Zeit; Fleiß und kluger Sinn bringt den sichersten Gewinn; Mühe und Fleiß erhalten den Preis.* Вместе с ними воспеваются такие добродетели, как *мудрость* (*Hans ohne Fleiß wird niemals weis*), *любовь* (*Liebe macht fleißige Hand*) и *ум* (*Fleißige Schüler machen fleißige Lehrer*), которые старательный человек может приобрести, а нестарательный – потерять (*Geht der Fleiß zur Tür hinaus, steigt die Not zum Fenster hinein*). Более того, концепт FLEIß ассоциируется в НЭМ с такими

¹⁰ В русской лингвокультуре в этом случае используется пословица «*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*», что не совсем точно передает смысл немецкой пословицы.

ментальными единицами, как ERNSTHAFTIGKEIT / СЕРЬЕЗНОСТЬ, GESCHÄFTIGKEIT / ДЕЛОВИТОСТЬ и UNTERNEHMUNGSGEIST / ДУХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА. Все они так или иначе связаны с MÜHE / УСИЛИЕМ, которое должен приложить человек ради достижения намеченной цели – глобальной (успех-ERFOLG) или промежуточной (успех-LEISTUNG) как в материальном, так и в духовном планах.

Итак, валоратив FLEIß является для НЭМ весьма положительным ментальным ориентиром. Этот концепт покрывает широкие когнитивно-семантические пространства и содержит в своей структуре элементы, достигающие глубин этнического сознания. В этих глубинах фигурирует еще одна тесно связанная с FLEIß концептуальная единица – TÜSHTIGKEIT / ПРОВОРНОСТЬ, которую Б. Нусс несколько фривольно определяет как «совокупность свойств, непосредственно необходимых для достижения цели» [Nuss 1993: 168], однако не только ее ассоциативно-образный и ценностный слои, но и понятийный субстрат являются глубже и сложнее этого определения. TÜSHTIGKEIT как специфично «немецкий» концепт можно охарактеризовать по-русски лишь описательно как нечто «расторопное, проворное, находчивое». Для немца же он означает гораздо больше: сохраняя генетическую энергетику своего вербального номинанта (в средневековье словом *tüchtig* характеризовали сильного и по-рыцарски мужественного человека), концепт TÜSHTIGKEIT сегодня расширил свои семантические границы и стал использоваться в палитре таких смыслов, как «ловкость», «опытность», «сдержанность», «решительность», «сообразительность».

С другой стороны, TÜSHTIGKEIT – это неотъемлемая черта старательно работающего человека. «Старательность является не чем иным, как скрытым желанием немца любой ценой играть в чем-то какую-то роль, пусть даже и скромную, но непременно полезную <...> Чувство бесполезности, ненужности, извращенности невыносимо и деморализующе для немца» [Nuss 1993: 171]. И чем лучше работает человек, тем выше вознаграждение, но работать он должен соответственно своим физическим и интеллектуальным способностям. Старательность – это национальная концепция отношения к работе и к homo ergaster (человеку работающему), в которой оцениваются не столько результаты достигнутого, сколько осознанно уважительный подход к выполнению порученного.

Вопреки тому, что трудолюбие и старательность являются заслугой не столько какого-то там национального духа, сколько давления со стороны государства и церкви, концепты FLEIß, EIFER и TÜSHTIGKEIT немцы считают своими национальными добродетелями. Отдавая должное тому, что с такой постановкой вопроса довольно трудно согласиться, так как старательность и трудолюбие ценятся многими народами, в т. ч. и восточными славянами, подчеркнем бесспорность

того факта, что эти концепты являются неотъемлемой составляющей НЭМ. К ним относятся и некоторые другие ментальные сущности – в частности, концепт SPARSAMKEIT.

Абсолютный телеономный валоратив SPARSAMKEIT / БЕРЕЖЛИВОСТЬ / ЭКОНОМНОСТЬ также является одной из важнейших доминант немецкой этнокультуры, участвующих в конституировании формулы немецкой ментальности. Этот концепт имеет три частеречные репрезентации – существительное *die Sparsamkeit*, глагол *sparen* и прилагательное / наречие *sparsam*, которые ведут свою родословную от древнегерманского **sparcé* и древневерхненемецкого *sparon, sparia(n)* «сохранять, надежно держать» [Kluge 1989: 682] и, наверное, происходят от праславянского **sporŭ* 'достаточный' [Paul 2002: 930]. Сегодня этот концепт воплощает идею бережливого отношения к тем материальным и духовным ценностям, которые нужно копить и приумножать [DUW 1989: 1425; WddGS 1978: 3476]. Экономия была и остается государственной доктриной Германии, которая вызывает понимание и одобрение не только политиков, но и простых граждан. Экономия на всем, немцы делают это ради семьи, путешествий, новой машины, постройки дома и пр.

Несмотря на все вышесказанное, концепт SPARSAMKEIT интерпретируется немецкой лингвокультурой не только в аспекте материальных ценностей (например, *Geld sparen*). Он имеет отношение и к экономии времени, сил, энергии, усилий, нервов и пр. ценностных компонентов жизненного мира человека. Вплоть до XIX ст. актуальным было понимание этого концепта в значении *haushälterisch* «хозяйственный, домовитый» [Grimm 1991 (16: 1955)]. При этом нужно иметь в виду, что бережливость в НЭМ не имеет ничего общего с таким индивидуальным свойством человека, как GEIZ / ЖАДНОСТЬ, являющимся экономией ради экономии. Экономный же человек экономит ради благосостояния. Такому экономному человеку НЭМ приписывает добродетели рачительного хозяина, надлежащим образом заботящегося о своем доме и своей семье и не позволяющего себе никаких излишеств [Grimm 1991 (16: 1955)]. Хороший хозяин именовался без всякого отрицательного подтекста как *Sparrkommissar*.

Сегодня по-прежнему актуальными остаются ФЕ «бережливости», ведущие свои начала еще из седой древности: *bei Heller und Pfennig sparen; Daumen auf dem Beutel sparen; sich am Mund absparen; jeden Groschen dreimal umdrehen; den Pfennig ehren; den Schmachtriemen enger schnallen*, – в которых коренится психология и философия экономии всего и вся. Дух экономии насквозь пронизывает и лексический слой языка: немцы не просто что-то экономят, а делают это *fleißig, achtsam, haushälterisch, wirtschaftlich, mäßig, schlicht, sorgsam, altpreußisch*,

puritanisch, spartanisch. Наиболее активно используемое имя концепта SPARSAMKEIT опирается на глагол *sparen* и его производные с префиксами *ein-, ab-, auf-, an-, ver-, zusammen-*, а также на многочисленные субстантивные композиты типа *Sparbuch, Sparkasse, Sparbüchse, Sparstrumpf, Spareinlage, Sparheizung, Sparbrenner*. Лишний раз о бережливости напоминает и глагольный синонимический ряд: *sich einschränken, kappen, haushalten, schonen, wirtschaften, zurücklegen, erwerben* и др.

В когнитивно-дискурсивной ситуации SPARSAMKEIT обычно актуализируется через предметно-центрический фрейм со слотами КТО (субъект экономии), ЧТО (объект экономии), КАК (средство экономии), ЗАЧЕМ (цель экономии). В полном соответствии с этим фреймом выстраиваются и языковые средства, и метафорические модели, и аллюзивные импульсы данного концепта.

Особенно рельефно фреймовый сценарий объективации валоратива SPARSAMKEIT выстраивает паремиологический фонд немецкого языка, сквозь который идея бережливости проходит красной нитью. Во ФЕ каждый слот профилируется в разных ипостасях, но наиболее активным здесь является слот ЗАЧЕМ с его идеей неперемного вознаграждения для экономного человека. В частности, во ФЕ *Wer einen Groschen spart, hat zwei verdient; Wer spart, hat doppelt; Wer erwirbt, tut viel – wer spart, tut mehr; Wer heute etwas spart, wird morgen etwas haben; Wer in der Jugend spart, ist im Alter bewahrt; Wer morgens was spart, hat abends was; Sparsam sein ist eine gute Rente; Wer sparsam ist, kann viel sammeln* пропагандируется профицитность любых экономных начинаний, ибо именно они приносят прибыль (*Sparschaft gibt Barschaft*).

Прямо и непосредственно идея бережливости обыгрывается и через *habeo*-мотив в пословице *Auf Sparen folgt Haben / Экономия причиняет обладание*, бьющей по той слабости человека, которая обусловлена его влечением к обладанию чем-либо. Конечно, в таких контекстах как бы сходятся одновременно объект и цель владения, являющиеся аллюзиями концепта GELD / ДЕНЬГИ. Правда, последний нередко объективируется и прямыми фразеологическими номинациями. Ср.: *Adel, Tugend, Kunst sind ohne Geld umsonst; Alles ist möglich, aber es regnet kein Geld; Geld regiert die Welt; Wo Geld ist, da ist der Teufel, wo keines ist, da ist er zweimal; Für Geld kann man den Teufel tanzen sehen*. Общий смысл этих ФЕ сводится к тому, что деньги имеют большое значение, но они не даются легко, а потому их нужно экономить в первую очередь.

Во фразеологическом фонде валоратив SPARSAMKEIT идет бок о бок с концептами ARBEIT (*Arbeiten und Sparen macht zusehends reich*) и FLEIB (*Fleiß ist des Glückes rechte Hand, Sparsamkeit die linke; Fleiß und Sparsamkeit hilft auch durch*

schlechte Zeit). Несколько реже его фразеологическая версификация осуществляется через такие концепты, как HAUS / ДОМ, HAUSHALT / ХОЗЯЙСТВО, FAMILIE / СЕМЬЯ (*Sparsamkeit erhält das Haus; Wo Sparsamkeit haushält, da wächst der Speck an den Balken*). Не забывает народная мудрость напоминать экономному человеку и о VORSICHT / ОСТОРОЖНОСТИ, дабы уберечь его от охотников на чужое добро: *Jeder Sparer findet einen Zehrer; Nach dem Sparer kommt ein Zehrer*. Пословицы и поговорки героизируют экономного человека (*Sparer, Sparwas*) на контрасте с неимущим (*Habenichts*) и расточительным (*Sparnichts, Frißauf*) человеком: *Sparwas hat was – Frißauf hat nichts; Sparnichts und Habenichts wohnen unter einem Dach; Wer nicht sparen kann, dem nützt das Gewinnen nichts*. Неэкономность и расточительство всегда твердо и бескомпромиссно осуждаются, а в меру потребляющий и в меру тратящий человек (*Otto-Normalverbraucher*) считается в НЭМ образцовым.

Средневековый протестантский слоган «*Arbeiten, beten und sparen / Работа, молитва и экономия*» остается (за исключением *beten*) весьма актуальным и для сегодняшней Германии, а стереотип бережливого человека как отказывающего себе даже в необходимом не исчезает с течением времени. Идея экономности и бережливости витает в НЭМ повсюду, а потому часто берется на вооружение маркетологами. Так, умело подобранное название «Spar» для сети супермаркетов обеспечило ему высокую конкурентоспособность на рынке продуктов питания наряду с такими дисконтами, как «Aldi», «Pennymarkt», «Spar».

Неудивительно, что среди ключевых понятий XX ст. («слова года»), отслеживаемых группой специалистов Института немецкого языка в Маннгейме и публикуемых в ежегодном издании книги «*Wörter, die Geschichte machten / Слова, делающие историю*», стало фигурировать слово *Schnäppchen* (*schnappen* – букв. 'хватать'), которое стало широко употребляться в Германии в начале 1980-х годов. *Schnäppchen* пропагандирует идею приобретения товаров по низким ценам [WdGm 2001: 68]. Авторы книги говорят о том, что наиболее экономные немцы живут в Кёльне, так как именно им принадлежит идея сезонной распродажи по бросовым ценам (*Sommerschlußverkauf, Winterschlußverkauf*).

Слово *Schnäppchen* вошло в употребление, когда среди всех слоев населения, включая зажиточные, стало модным покупать вещи со скидками. Покупки прямо с фабрики или на специальных рынках, а точнее, в специальных отделах больших универмагов, предлагающих дешевые товары (*Schnäppchenmarkt*), стали почти национальным увлечением. Популяризация слова *Schnäppchen* оказывала содействие его концептуальному переосмыслению как некоторой ценностной

доминанте немецкой этнокультуры. Сейчас в немецком языке появились и пейоративные неологизмы типа Schnäppchenjagd и Schnäppchenjäger («охота / охотник за дешевыми товарами»).

Наряду с этим в политическом дискурсе появляется еще одно концептуализированное понятие – SPARRPAKET («совокупность государственных мероприятий по экономии»), истинный смысл которого мало кто понимает, но все ощущают его неприятное дыхание, особенно когда речь заходит о «затягивании поясов» [WdGm 2001: 50]. На фоне непрозрачности такого рода мероприятий правительства, фирм, учреждений это слово стало активно использоваться и в других германских языках как импортированный концепт, в т. ч. и в Европарламенте (подобно к тому как немцы в свое время выставили на экспорт концепты ZEITNOT, ZEITGEIST). Изменение или перераспределение финансовых средств стало лозунгом рыночной экономики, особенно в условиях глобального кризиса, поскольку это якобы способствует более рациональному их использованию. (Ср. слоган времен Л. И. Брежнева «*Экономика должна быть экономной*»).

В этом смысле концепт SPARSAMKEIT содержит идею ZWECKMÄSSIGKEIT / ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ мероприятий по экономии ресурсов в определенной сфере деятельности – политической, экономической, социальной и пр.

Итак, немецкий абсолютный валоратив SPARSAMKEIT онтологизируется во всех сферах деятельности человека – как в личностной, так и в общественно-политической. Его ценностная составляющая является настолько глобальной для этнической психологии немцев, что даже позволяет говорить об особом типе ментальности – экономном. На протяжении веков, доказав свою целесообразность и эффективность в ведении хозяйства, он и сегодня во многом определяет жизненный мир работающего человека, а потому продолжает быть одной из ведущих концептуальных доминант немецкой этно- и лингвокультуры.

Таким образом, FLEIß и SPARSAMKEIT являются одними из немногих концептуальных доминант немецкого этнического менталитета. В них изначально заложена идея прескрипции – ориентира на некоторый идеал, норму, шаблон и, в конце концов, на принципы и механизмы, регулирующие культурные сценарии поведения. Подобно другим культурным доминантам в этих концептах как бы заложен кодекс жизненных установок человека, упорядочивающих его поступки и действия в мире. Базируясь на системе установок и прогнозируемых поведенческих реакций, эти концепты имеют в своей основе определенные архетипические образы, содержащиеся в коллективном подсознательном, где они наделены большой психической энергией.

2.2.3. Регулятивные валоративы PFLICHT и PÜNKTlichkeit

Концепты PFLICHT и PÜNKTlichkeit характеризуются в параметрах регулятивности и телеономности. Первый предполагает наличие некоторой прескрипции, которая ориентирует человека на норму, шаблон, принципы, определяющие культурные сценарии его поведения в социуме. Вторым параметром обращен к тем ценностям, которые отсылают к универсалиям духовной культуры и создают для человека смысл жизни [Воркачев 2003: 4]. Регулятивность и телеономность вместе оказываются связанными с кодексом моральных установок человека, нацеленных на упорядочивание его поступков и действий в мире.

Регулятивный валоратив PFLICHT / ДОЛГ отражает моральное чувство обязанности в выполнении определенного дела, мобилизует человека на соблюдение общественных правил – быть пунктуальным, точным, организованным, обязательным. Языковая реализация этого концепта опирается главным образом на два номинанта – существительное *die Pflicht* и прилагательное / наречие *pflichtig*. Их этимологические истоки восходят к древневерхненемецкому (XI в.) *flight, pliht, pfliht* (букв. 'защита, забота') – производных от **plegan* 'лелеять' [Kluge 1989: 541]. Внутренней формой лексемы следует признать 'предмет заботы и постоянного ухода', что лишним раз подчеркивает важность действий, соотносимых с рассматриваемым концептом.

Современная немецкая лингвокультура считает релевантными такие признаки концепта PFLICHT, как императивность, нравственность, право, религия [DUW 1989: 1143; Wahrig 2000: 2799]. При этом объектом регулирования выступает внешний аспект деятельности человека, его поведение в обществе. Выполнение обязанностей в немецкой культуре не только основывается на внутренних убеждениях, но может быть связано и с внешним принуждением (в силу взятых на себя обязательств по договору или контракту). Поэтому в случае невыполнения человек несет ответственность как перед своей совестью, так и перед обществом. Отсюда следует, что понятийная сторона данного концепта опирается на две когнитивные прослойки: «обязанность» и «задание».

Первый слой манифестируется в окружении таких понятий, как *Verbindung, Pflege, Teilnahme, Gewohnheit, Sitte, Abhängigkeit, Verpflichtung, Unabwendbarkeit* [Bulitta 1990; Duden 1999; Grimm 1991/13; Wahrig 2000], фиксирующих необходимость исполнения долга. О важности концепта PFLICHT для языкового сознания немцев свидетельствует и активный процесс аффиксации ключевой лексемы *Pflicht*, ср.: *pflichtgemäß, pflichtgetreu, pflichtschuldig, pflichterfüllt, pflichteifrig, pflichtwidrig*. Вторым смысловым планом концепта PFLICHT – «задание» – отражает

близкородственные лексемы *Aufgabe, Befehl, Obliegenheit, Mission, Soll, Zwang*, фиксирующие неотвратимость исполнения долга.

Образно-перцептивная составляющая концепта PFLICHT четко проявляется в словосочетаниях, в которых обычно реализуется его имя: номинативных (*berufliche P, tägliche P, elterliche P, tägliche P, traurige P*) и глагольных (*P erfüllen, P ruft*). Особенно разнообразно концепт PFLICHT профилируется в субстантивных (*Amtspflicht, Ehrenpflicht, Elternpflicht, Impfpflicht, Dienstpflicht, Anmeldepflicht, Anzeigepflicht, Meldepflicht, Schweigepflicht, Steuerpflicht, Wehrpflicht, Pflichttreue, Pflichtübung, Pflichtgefühl, Pflichtvorlesung*) и адъективных композитах (*anmeldepflichtig, anzeigepflichtig, steuerpflichtig, gebührenpflichtig, kostenpflichtig, lizenzpflichtig, rezeptpflichtig, versicherungspflichtig*). Несомненно, все вербальные репрезентанты концепта PFLICHT пребывают в фокусе энергетического поля слова *Pflicht*: *долг зовет, принуждает, призывает, обязывает*; он может быть *почетным и непочетным, служебным и личным, легким и тяжким, радостным и печальным*, но в любом случае *долг должен быть исполнен*.

На фоне разветвленного словообразовательного потенциала парадоксальным представляется тот факт, что концепт PFLICHT почти не обыгрывается фразеологическими средствами немецкого языка. Наиболее авторитетный фразеологический словарь приводит всего три пословицы: *Die erste Gunst ist Gunst, die zweite schon Pflicht; Gleiche Rechte, gleiche Pflichten; Wo Pflicht ist zu sprechen, ist Schweigen Verbrechen* [Beyer 1985]. Вероятно, причиной такого положения дел является не внутренний источник формирования долга, а внешний источник – юридические, моральные и религиозные факторы.

Определяя валоративную сущность концепта PFLICHT как регулятивно-валоративную, мы имели в виду тот факт, что он является своего рода прескрипцией, побуждающей человека чего-то безоговорочно придерживаться и/или что-то безотказно выполнять, что вряд ли нуждается в метафорическом или фразеологическом подкреплении. То же самое относится и к устойчивым словосочетаниям со словом *Pflicht*, в которых актуализируется внешний характер прескрипции: *nach Pflicht und Gewissen 'по долгу и совести'*; *j-m etwas als Pflicht auferlegen 'кому-либо вменить в обязанность'*; *seiner Pflicht nachkommen 'исполнять свой долг'*. В них отражается идея того, что, во-первых, исполнение долга не является легким делом и, во-вторых, долг – это ориентир, на который следует равняться в межличностных отношениях.

Все афористические высказывания, посвященные долгу, делают акцент на том, что он является хотя и нелегким, но священным и благородным делом: *Lass die schwerste Pflicht dir die heiligste sein 'Пусть самый тяжкий долг станет*

для тебя самым священным' (I.K. Lavater). Исполнение долга может потребовать от человека определенной жертвенности: *Was wäre die Erfüllung der Pflicht, wenn sie kein Opfer kostete? 'Во что превратилось бы исполнение долга, если бы оно не требовало жертв?' (B. Auerbach); Je grösser das Land, um so schwerer die Pflicht 'Чем больше страна, тем тяжелее долг' (O. von Bismark).*

Концепт PFLICHT получает в размышлениях культурных деятелей такие ценностные характеристики, как *sicher* 'надежный', *gewiss* 'верный', *ewig* 'вечный', т. е. представляется в виде некоей опоры, поддерживающей основы человеческого общежития: *Ungewiss und vergänglich ist das Glück; gewiss und ewig bleibt die Pflicht 'Счастье – неопределенное и преходящее, определенным же и вечным есть долг' (T. Feuchtersleben).*

В прямых ассоциативных отношениях с концептом PFLICHT находятся и такие ментальные феномены немецкоязычной картины мира, как VERPFLICHTUNG / ОБЯЗАННОСТЬ и VERANTWORTUNG / ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Первый маркирует добровольно взятые на себя обязательства, второй – ответственность за них. Немногочисленные случаи нарушения долга, обязательств и ответственности маркируются лингвокультурной традицией как PFLICHTWIDRIGKEIT 'противоправность', что воспринимается как самый страшный грех.

Регулятивный валоратив PÜNKTLICHKEIT / ПУНКТУАЛЬНОСТЬ относится к тем фундаментальным принципам образа жизни, которые отражают морально-этические категории национального мировоззрения немцев. Он служит важнейшим регулятором их поведения, определяет нормы, регламентирует, разрешает и запрещает действия, так или иначе связанные с точностью во времени [ИМ 2005: 203; Столярська 2007: 164], являясь «перфекционистской фиксацией начала любой деятельности» [Донец 2001: 153].

Концепт PÜNKTLICHKEIT опирается на две основных формы своей реализации – существительное *die Pünktlichkeit* и предлог / прилагательное *pünktlich*. Происходя от лат. *punctum, punctus* 'вершина', оба они впервые засвидетельствованы в хрониках XV ст. в значении «точно, согласно определенному времени» [Kluge 1989: 571], а также «добросовестно» [Paul 2002: 771]. Сегодня они используются исключительно в первом значении, которое определяет их понятийный субстрат, постулирующий норму соответствия между надлежащим и фактическим соотношениям событий, организованных во времени: «в точно обусловленное время, точно до минуты» [DUW 1989: 1196; WddGS 1977: 2900]. Именно эта когнитивная прослойка в лексическом значении слова допускает синонимическое истолкование концепта PÜNKTLICHKEIT как *das Pünktlichsein, die Sorgfalt, die Genauigkeit, zur rechten Zeit, auf die Minute genau, ohne Verspätung,*

nicht zu früh und nicht zu spät, erprobt, gewissenhaft, genau den Zeitpunkt einhaltend, zur richtigen / rechten / vereinbarten Zeit, rechtzeitig, fristgemäß, fristgerecht, planmäßig, bezeiten. Он же определяет и реализацию идеи пунктуальности в контекстах, обозначающих деятельность человека: *pünktlich ankommen, erledigen, beginnen, schließen; pünktlich wie ein Maurer; auf Pünktlichkeit Wert legen, mit militärischer Pünktlichkeit* и т. п.

Оба частеречные номинанта (*die Pünktlichkeit* и *pünktlich*) концепта PÜNKT- LICHKEIT отличаются довольно слабым словообразовательным потенциалом. Более того, даже их использование в речи нельзя считать продуктивным, но этот факт не дает никаких оснований сомневаться в доминантности обозначаемого ими концепта для немецкой этнокультуры. Для нее важна не языковая реализация, а связь с самой идеей как таковой, что определяет его перцептивно-образную и валоративную (ценностную) сущность, а также социокультурное поведение человека. Другими словами, пунктуальность – это мерило межличностных отношений, уважение одного человека к другому, взятая на себя обязанность ценить свое и чужое время.

Учитывая это, генетически наиболее близкими к концепту PÜNKT LICHKEIT являются его ментальные спутники GENAUIGKEIT / ТОЧНОСТЬ, DISZIPLIN / ДИСЦИПЛИНА, PLAN / PLANMÄßIGKEIT / ПЛАНОВОСТЬ, TERMIN / СРОК, ДОГОВОРЕННОСТЬ.

Концепт GENAUIGKEIT можно считать гиперонимическим синонимом валоратива PÜNKT LICHKEIT. Он обозначает точность как национально специфическую черту немецкого этнического менталитета. Эта ведущая черта в социокультурном поведении немца во многом зависит от знания всех элементов и аспектов проблемы, с которой он имеет дело. «Чем точнее что-то сообщается немцу, тем правдивее и интереснее оно для него становится, так как он не есть приверженец полутонков или намеков. Немец хочет, чтобы ему давали подробнейшие инструкции, и он не стесняется делать это сам <...> Детальное вникание в положение дел является для немца потому необходимым, что позволяет избежать недоразумений, которых он очень опасается» [Nuss 1993: 163-164]. Неудивительно, что в его лексиконе существует целый набор синонимических средств, способных всесторонне нюансировать концепт GENAUIGKEIT: *Akkuratesse* 'аккуратность', *Zuverlässigkeit* 'надежность', *Prägnanz* 'меткость, четкость', *Sorgfalt, Sorgsamkeit, Sorgfältigkeit* 'старательность, точность, добросовестность', *Gewissenhaftigkeit* 'добросовестность', *Schärfe* 'четкость', *Bestimmtheit* 'определенность', *Ausführlichkeit* 'обстоятельность', *Akribie* 'основательность', *Exaktheit* 'точность', *Korrektheit* 'правильность' [Dornseiff 1970: 218].

В этих и других словах проявляется любовь немцев к четким дефинициям, системности и детальности во всем. «Немцы любят четкие и точные отношения: человек – друг или враг, дело – полезное или вредное, идея – хорошая или плохая, чувство – настоящее или ненастоящее. Они всегда стремятся ориентироваться в четко определенных рамках, занимать правильную позицию только с учетом точного знания положения дел, действовать и принимать решения только сознательно и рационально» [Nuss 1993: 164]. В противном случае НЭМ прекращает доверять тому, что может показаться расплывчатым, неясным, обстоятельным, – всему тому, что может дать повод для недоразумений или вызвать чувство неуверенности. Немец, как пишет Б. Нусс, – это «фанат точности» (*Genauigkeitsfanatiker*) [Nuss 1993: 162].

С концептами *PÜNKTLICHKEIT* и *GENAUIGKEIT* тесными гипонимическими отношениями связаны *PLAN* и *PLANMÄßIGKEIT*, которые отражают идею организации чего-то согласно заранее намеченному плану или сценарию реализации определенной цели (*Skizze für eine zu leistende Arbeit oder ein Vorhaben*). Никогда не полагаясь на «авось», НЭМ предписывает детальную продуманность и всестороннюю изученность любого намеченного дела – того, что должно быть выполненным. Языковой ресурс предлагает и здесь целый набор тонко нюансированных синонимических средств: *Vorhaben, Absicht, Einteilung, Zeitplan, Grundriß, Gliederung, Schema, Blick aus der Vogelschau* и т. п. *PLAN*, в отличие от *PÜNKTLICHKEIT*, имеет в немецком языке широкую глагольную поддержку: *planen = vorhaben, beabsichtigen, sich vornehmen, denken, gedenken* и т. п.

Аналогичное касается и гипонимического по отношению к пунктуальности концепта *TERMIN* / \approx СРОК, в котором воплощается идея заранее обусловленной встречи двух и более коммуникантов в определенный отрезок времени, на который запланированы совместные мероприятия (*Aktivitäten*). Сегодня этот концепт все больше и больше сакрализуется: соблюдение *TERMIN* считается внутренней необходимостью каждого человека, а несоблюдение – разладом системы и угрозой основам общественной практики. Язык фиксирует это в виде устойчивых словосочетаний: *einen Termin festsetzen / vereinbaren, einen Termin (beim Arzt) haben, sich einen Termin geben lassen, an einen Termin gebunden sein, etw auf einen späteren Termin verschieben, den Termin versäumen, der Termin passt mir nicht* [DUW 1989: 1525; Paul 2002: 1000; WddGS 1978: 3718].

Дисциплина, точность и плановость жизненного мира являются специфическими чертами немецкого этнокультурного поведения. Их соблюдение предусматривает ведение почти всеми немцами т. н. *TERMINKALENDER* 'органайзер'. Некоторые делают это по деловым соображениям, а некоторые – по велению

души. В. П. Федоров пишет о том, что как-то раз один знакомый немец показал ему дневник в виде маленькой карманной книжки, в которой были зафиксированы даты личных встреч и короткое содержание разговоров: «По книжке он назвал мне даты вечеров, которые я провел в его в семье. Всегда приятно вспоминать о приятном времени, но я был и несколько шокирован»¹¹. Тем не менее, тотальная «завязанность» бытия на TERMIN (termingebunden, termingemäß, termingerecht) и отражение этого в TERMINKALENDER заражает и иностранцев, проживающих или кратковременно находящихся в Германии. Впрочем, это можно расценить и как положительный момент, дисциплинирующий и настраивающий на конструктивное сотрудничество с коренным населением.

Наблюдения показывают, что все упомянутые гиперо-гипонимические представители концепта PÜNKTlichkeit, равно как и сам он, объективируются во фрейме, слотами которого выступают такие партиципанты, как КТО – ГДЕ – КОГДА – ЧТО ДЕЛАЕТ. В этом сценарии конвенционально закреплены четкие договоренности двух и более лиц относительно их сотрудничества в пространстве и времени, не подлежащие пересмотру без согласия или информирования друг друга. Этот фреймовый сценарий отражает обобщенный принцип человеческих отношений, касающийся организации их топохронных отношений, находящихся свое воплощение как на уровне ассоциативной образности, так и на уровне аксиологии.

Образно-перцептивный слой концепта PÜNKTlichkeit базируется на уважительном отношении к нему всех представителей этнокультурного коллектива. Немецкая культура является культурой с монохронной моделью времени; ей присуще деление времени на отрезки, отведенные для выполнения тех или иных дел. Живя по этой модели, немцы ценят размеренный ритм бытия, а не ту извечную спешку, которая свойственна, например, русской и украинской культурам. Космополитический афоризм *Pünktlichkeit ist die Höflichkeit der Könige* / *Пунктуальность – вежливость королей*, постулирующий точность лишь как свойство сильных мира сего, никак не ассоциируется в сознании немцев с монаршими добродетелями. Пунктуальность является неотъемлемой чертой социокультурного поведения каждого немца, «Deutsche Pünktlichkeit – это настолько всеохватывающий компонент повседневности, что нередко перерастает в одержимость (Obszession)» [Nuss 1993: 166].

Вопреки глубокой интериоризованности в лингвокультурном сознании идеи точности выполнения всего и вся во времени и пространстве, немецкий язык почему-то не торопится закрепить ее в своем паремиологическом фонде.

¹¹ Федоров В.П. ФРГ: 80-ые годы. Очерки общественных нравов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 167.

Так, можно обнаружить лишь несколько пословиц, в которых мотивируется *Rechtzeitigkeit* 'своевременность' выполнения дел (*Wer nicht kommt zur rechten Zeit, der muß nehmen, was übrig bleibt; Wer versäumt, der löffelt Wasser; Man soll das Eisen schmieden, solange es heiß ist*) и в тот же время одобряется неспешность и неторопливость (*Eile mit Weile; Gut Ding will Weile haben; Zu jäh bringt weh; Eilt man zu sehr, läßt man die Leute lachen; Fährt man langsamer, kommt man weiter; Hitz' im Rat, Eil' in der Tat bringt nichts als Schad; Je grösser Eil', je minder Werk*), которые не могут переходить в затягивание дел (*Mit der Zeit kommt man nicht weit; Den Letzten beißen die Hunde*). Народная мудрость дидактизирует бережливое отношение ко времени: оно не может быть ни торопливым, ни несвоевременным. Медлительность и поспешность не являются качествами аккуратного, пунктуального, добросовестного человека, а потому осуждаются и высмеиваются.

Интересные данные по этому поводу приводит С. Г. Тер-Минасова, когда пишет об отношении к опозданиям у разных народов: студент МГУ пригласил на день рождения своих друзей по общежитию на 19 часов, но интернациональная компания собиралась неравномерно: немцы пришли в 18.55 и удивились, что никого еще нет; китайцы – в 19.05 и долго извинялись за опоздание; россияне и венгры опоздали на полчаса и сразу стали настаивать на начале празднования; корейцы пришли в 20.30 и коротко извинились; а американцы появились через 45 минут без каких-либо объяснений; некоторые россияне продолжали приходить всю ночь [Тер-Минасова 2000: 60]. Этот пример подтверждает, с одной стороны, скрупулезное отношение немцев к своему и чужому времени, а с другой – нерадивость иных народов относительно временной точности. В частности, в русской традиции не принято приходить в гости заранее, здесь всегда есть «джентльменские минуты», узаконивающие опоздание. Более того, немцы говорят о культурно обязательном опаздывании россиян, идущих в гости.

Несмотря на то, что пунктуальность как идея конвенционализированного отношения общества к межличностным договоренностям относительно сотрудничества во времени и пространстве является общечеловеческим достоянием, она может по-разному проявляться в разных социокультурных средах. Так, очень суровы требования к PUNCTUALITY в Великобритании, где, например, принято еще к началу деловой встречи спрашивать партнера, каким временем он располагает, что является знаком бережливого отношения к чужому времени (*punctuality is a virtue*). Аналогично и у американцев, которые всегда помнят, что время – деньги, и живут по расписанию в деловой сфере, хотя в частной жизни нередко его нарушают. Особенно уважают пунктуальность на восточном побережье

(от Вашингтона до Бостона), на западе же опоздание допустимо при наличии уважительной причины.

Иная картина на арабском Востоке. Здесь считается, что время существует независимо от человека, и вместе с его течением происходит перемещение людей, от которых ничего не зависит. Поэтому четкое фиксирование начала и конца мероприятий, встреч, переговоров не является для арабов нормой [Шагаль 2001: 193]. Э. Холл упоминает, что, договорившись с одним тегеранцем, он прождал 45 минут, потом позвонил ему и был очень удивлен, что застал того дома, на что получил ответ: «Oh, but it was raining» [Hall 1990: 11]. Случается и так, что, опоздав, араб и не подумает, что он нарушил чьи-то планы. Более того, если настаивать на своевременном выполнении какого-то дела, арабы могут сделать вывод о вашей чрезмерной требовательности и нетерпеливости.

Ценностное отношение НЭМ к концепту PÜNKTlichkeit проявляется на шкале с двумя противоположными полюсами: соблюдение (норма) – несоблюдение точности во времени (не-норма). Когнитивным антиподом пунктуальности в немецкой социокультуре является *Unpünktlichkeit* / *непунктуальность*, которая мыслится как любая неточность, медлительность, опоздание, слишком ранний приход (*unpünktlich, säumig, verspätet, überfällig, zu spät, vorzeitig, vorher, zu früh, verfrüht*). В целом же непунктуальность для НЭМ – это как запоздалый, так и преждевременный приход.

При этом НЭМ не допускает переходных зон, которые бы могли оправдать даже незначительные нарушения временной точности. Если наше привычно оправдательное «Я всегда опаздываю» содержит некоторую игривую долю слабости, которую может позволить себе человек, то для немецкой культуры оно абсолютно неприемлемо. Любое опоздание здесь не просто *sich verspäten* / *опоздать* (как у нас?), а всегда *zu spät kommen* / *слишком поздно прийти*. В немецком языке вообще отсутствует понятие «задерживаться», а потому его перевод возможен лишь все тем же *zu spät kommen*.

Примечание 2.2. Согласно опросам фирмы «Czipin & Proudfoot», руководители крупных предприятий разных стран, в т. ч. и Германии, грешат задержками и опозданиями [www.ftd.de/pw/ka/1028883878030.html].

Вместе пунктуальность и непунктуальность маркируют топохронную сторону деятельности человека, т. е. ту, что связана с его заранее обусловленным появлением в определенном месте и в определенное время. Оба они тесно связаны с глаголом *kommen* и его синонимами. Эта когнитивная сфера довольно четко разделена языковой традицией на определенные смысловые участки: *sich einstellen* (приходить по соглашению или по приглашению в определенное время

и в определенное место), *sich einfinden* (приходить по собственному желанию), *erscheinen* (приходить без приглашения, по собственному желанию), *eintanzen* (немедленно приходить по чьему-то требованию). Подобная смысловая дифференциация разных аспектов прихода для русского языка не является релевантной. Очевидно, русская культура не считает приход без приглашения чем-то негожим или осудительным (хотя и существует пословица «*Незванный гость – хуже / лучше татарина*»).

В немецком и русском этнических менталитетах имеют место определенные расхождения и в отношении к неточному приходу – раннего или слишком раннего: в русской культуре подобное отношение не ассоциируется с идеей «прийти раньше срока», а в немецкой ассоциируется и даже закрепляется в синонимическом ряде *unpünktlich = vorher, zu früh, verfrüht, früh genug, (früh)zeitig*. Отношение к пунктуальности связано с отношением к своевременности: немецкая культура не приветствует несвоевременный приход потому, что время она считает абсолютной ценностью: если ты приходишь раньше или позже, то отнимаешь у другого человека драгоценное время и, значит, не уважаешь его.

Я. В. Зубкова доказывает, что концепт PÜNKTICHKEIT имеет бóльшую значимость, чем его русский аналог ПУНКТУАЛЬНОСТЬ. Он отражает глубокое осознание этнической психологией немцев норм и способов организации событий во времени путем их совместного планирования, тогда как в русской культуре это играет второстепенную роль. Если пунктуальность ассоциируется немцами не только с опозданиями, но и с преждевременным приходом, то россиянами – только с опозданиями. Нарушение норм ассоциируется в немецкой этнокультуре с недостаточной ответственностью человека, к которой в русской прибавляются еще и препятствующие обстоятельства, которые эти нарушения оправдывают. Парадоксальным представляется и тот факт, что немцы более терпимо воспринимают непунктуальность, тогда как россияне – нетерпимо по отношению к другим и оправдательно по отношению лично к себе [ИМ 2005: 256].

Пунктуальность в немецкой этнокультуре неотделима от точности, дисциплины, организованности, планирования, тогда как в нашей культуре они играют вспомогательную роль.

Во всех указанных концептуальных доминантах первоначально содержится идея прескрипции. В них как бы заложен некий кодекс жизненных установок человека, призванных упорядочивать его поступки и действия в мире. При этом принципы коррелируют с принятым в обществе стандартом. Регулятивы суть нормативно-оценочные концепты с целевой основой, которые имеют воспитательную или дидактическую основу, определяющую жизненный мир человека.

Базируясь на системе установок и прогнозируемых поведенческих реакций, эти концепты имеют в своей основе определенные архетипные образы, укоренившиеся в коллективном подсознании, где они наделяются большой психической энергией.

Подводя итог, отметим, что концепт PÜNKTlichkeit относится к ряду ценностных доминант немецкого этнического менталитета, среди которых фигурируют абсолютные телеономы ARBEIT и FREIZEIT, абсолютные валоративы FLEIß и SPARSAMKEIT, а также регулятивный валоратив PÜNKTlichkeit. Наряду с этим существует еще немало этноспецифических концептов, ожидающих своего исследования. Речь идет, в частности, о DISZIPLIN 'дисциплина', VERANTWORTUNG 'ответственность', ERNSTHAFTIGKEIT 'серьезность', BEHARRlichkeit 'настойчивость', ORGANISATION 'организация', SAUBERKEIT 'чистота', GEMÜTlichkeit 'уют', KONSUM 'потребление', WELTSCHMERZ 'тоска', ANGST 'страх' и пр.

Без преувеличения можно сказать, что все они находятся «под патронажем» концепта ORDNUNG – наиболее значимого для немецкой этно- и лингвокультуры, являющегося регулятивным абсолютом, или абсолютным регулятивом. «Представляя собой культурную доминанту и занимая особое место в структуре коммуникативной личности представителей немецкого этносоциума, концепт ORDNUNG во многом определяет доминанты немецкого коммуникативного стиля» [Тахтарова 2010: 29] и по праву занимает ключевую роль в немецкой лингвокультуре.

2.3. ТЕЛЕОНОМНЫЙ ВАЛОРАТИВ «ORDNUNG» КАК МЕРНАЯ ЕДИНИЦА НЕМЕЦКОГО ЭТНИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Концепт ORDNUNG считается «зонтиковым» валоративом немецкой этно- и лингвокультуры, поскольку занимает одно из ключевых мест в ее логосфере, а потому тщательно фиксируется всеми толковыми словарями, начиная с первых шагов практики сочинения такого рода литературы (братья Grimm, Н. Paul, F. A. Brockhaus) и заканчивая новейшими изданиями (K. Duden, G. Kempcke, G. Wahrig). В них проводится мысль о том, что порядок может быть природным (космогоническим), социальным, бытовым (онтологическим) и синестетическим.

Поскольку менталитет является теми установками и моральными ориентирами, которые приобретаются и/или создаются человеком в процессе социализации с учетом особенностей культурно-исторической эпохи, то и концепт ORDNUNG как мерная единица НЭМ подвергается в ходе поступательного развития общества разному социокультурному осмыслению.

Долгое время ORDNUNG существовал в массовом сознании немцев в триединстве «*arbeiten, beten, sparen* / работать, молиться, экономить». Начиная с XVI ст. в церковных проповедях стала проводиться мысль о бытии как о «*gewisse Ordnung* / определенном порядке», авторство чего приписывалось Богу. В XVII ст. подобные мысли уже доминировали в религиозном дискурсе Германии: «Бог хочет, чтобы мы были счастливыми, поэтому он дал нам законы – большой пример порядка» [Nuss 1993: 125]. Для немецкого народа, исповедующего в основной своей массе протестантизм, Всевышний есть «*Gott der Ordnung* / Бог порядка», что восхвалял в свое время еще Лейбниц: «*uralte ordnung der christenheit*» (цит. по [Grimm 1991: 1334]). Порядок воспринимался как нечто почти тождественное жизни со всеми ее аспектами: ведение хозяйства – порядок, благосостояние – следствие порядка, свободное время – после приведения дел в «добрый порядок» (*Nunmehr ward alles <...> in gute Ordnung gestellt* /J.W. Goethe/ [Grimm 1991: 1334]).

В эпоху романтизма порядок осуждался как атрибут буржуазного, бюргерского прозябания: «Высшая красота, высший порядок есть лишь красота и порядок хаоса» /F. Schlegel/ [DL 1997: 87067] (ср.: «Жизнь создает порядок, но порядок не создает жизни» /А. Сент-Экзюпери/), а в прусский период он возводился в ранг высочайшей конструктивной ценности немецкого народа. Во времена нацизма порядок был провозглашен главным принципом жизни и был, соответственно, воспринят массовым сознанием как сугубо арийское достижение, что обернулось для всего человечества страшной деструктивной силой.

2.3.1. Лингвокультурная специфика концепта ORDNUNG

Концепт ORDNUNG чрезвычайно сложно структурирован: с одной стороны, каждый из его компонентов является отражением самобытного представления о понятии *die Ordnung*, а с другой – является отражением сложной системы связей с другими участками концептосферы.

Понятийная составляющая концепта ORDNUNG отражает его денотативную соотнесенность с абстрактным референтом без конкретно-предметной основы. Согласно лексикографическим данным, слово *Ordnung* и обозначаемое им понятие заимствуются древними германцами из латыни, где номинация *ordinare* означает «ставить друг за другом, упорядочивать» (ср.: субординация, координация), фигурирует уже в древневерхненемецком (*ordinunga*), активизируется в средневерхненемецком (*ordenunge*) и чрезвычайно продуктивно

используется в современном языке как слово с весьма богатым деривационным потенциалом. Его ядро составляют три автосемантические части речи – существительное *die Ordnung*, глагол *ordnen* и прилагательное / наречие *ordentlich*, которые, по данным А. Руофа, имеют высокий коэффициент использования в речи: на 500 тыс. словоиспользований 0,05% составляет *Ordnung* и 0,1% – *ordentlich* [Ruoff 1981: 82, 177].

Отвлекаясь от многочисленных терминологических коннотаций, отметим, что в современном немецком языке понятие *die Ordnung* имеет по крайней мере пять основных значений: 1) процесс, состояние, результат упорядочивания ч.-л.; 2) организация, дисциплина, закон; 3) последовательность, структура, система, иерархия; 4) форма объединения людей, 5) космогония мира [DDU 1989: 1105; Wahrig 2000: 945; WGS 1978: 2711]. Такое «немецкое» толкование порядка во многом совпадает с его дефинициями в словарях других языков ([ВТССУМ 2003: 888; Ожегов 1986: 489; Larousse 1989: 687; Robert 1993: 1544; LD 1998: 954; OED 1993: 2016], что наводит на мысль о некоей универсальности параметрической палитры «порядка». Вместе с тем, в каждой лингвокультуре он профилируется по-своему – главным образом за счет того, как он воспринимается, интерпретируется и оценивается этническим менталитетом.

В лингвокультурном сознании немцев концепт *ORDNUNG* объективируется как феномен, способный быть и результатом (*das Geordnetsein, der geordnete / ordentliche Zustand*), и процессом (*das Ordnen, Regeln*) чего-либо. В первом случае он получает позитивную (*gewohnte, große, strenge, genaue, vorbildliche, mustergültige, gehörige, naturgemäße O*) или негативную (*peinliche O, pedantische O*) оценку. Из порядка немецкий язык выстраивает целую градационную шкалу (ср. *ein bißchen ordentlich, ordentlich rührend, hübsch ordentlich, ordentlich großartig, ordentlich satt*). Вероятно, только в рамках этой лингвокультуры можно говорить о порядке в терминах качества (*gute O, schöne O* – ср. по-русски «хороший П», «красивый П») и обозначать его прилагательными в сравнительной (*bessere O, schönere O*) и даже в превосходной (*beste O, schönste O*) степени, возводящих его в ранг суперпорядка.

Процессуальная объективация концепта *ORDNUNG* предполагает его осмысление в терминах каузации: немцы не только могут «делать» порядок (*O machen, O gewährleisten, O (her)schaffen, O (er)halten*), но и что-то к нему приводить (*in O bringen*), во что-то его (при)вносить (*in etw. O hineinbringen*), за ним следить (*auf O achten, für O sorgen*) и к нему призывать (*zur O rufen*), если кто-то ему вредит (*O gefährden*) {у нас «нарушает»} или его разрушает (*O ruinieren*,

O zerstören). Для НЭМ источником порядка может быть не только человек, но и вещь или явление, обладающие возможностью в него входить (*etw. kommt / geht in O*) и в нем пребывать (*etw. ist in O*). Более того, ORDNUNG может быть и аутокаузативной сущностью, наделенной способностью брать в свои руки дело обустройства жизненного мира человека, овладевать им и даже господствовать в нем (*O herrscht*).

Фразы типа «*Er hat ihn aus seiner Ordnung gebracht (herausgerissen)* / Он вывел / вырвал его из порядка», «*Es hat ihn in seiner Ordnung gestört* / Оно помешало ему в его порядке» являются для нашего уха непривычными, но они вполне нормально звучат в немецкоязычном дискурсе. Быть настроенным на порядок (*auf O bedacht / gestellt sein*), восторгаться им (*O bewundern*), холить его (*O pflegen*) – самые заурядные вещи для немецкой лингвокультуры хотя бы потому, что в них отражаются все наиболее существенные социодискурсивные свойства концепта ORDNUNG: традиция, законопослушность, безопасность, покой, согласие, иерархия и пр.

Об этом свидетельствует и синонимическая цепочка (*Organisation, Regelung, Schablone, Schema, Disziplin, Ebenmaß, Geordnetheit, Planmäßigkeit, Rhythmus, System*), в которую немецкие филологи вписывают слово *die Ordnung* [Dornseiff 1970: 163]. Здесь четко обозначена рядоположенность порядка с дисциплиной, плановостью, ритмичностью, схематизированностью. Более того, даже такие, казалось бы, «космополитические» слова, как *Abgeordnete* / ‘депутат’ и *Ordner* / ‘папка-накопитель’ с корнем *ordn-* несут на себе отпечаток порядка и являются концептуально значимыми для НЭМ.

Лингвокультурная ценность концепта ORDNUNG как нельзя лучше иллюстрирует тезис о языке как «надстройке нашей культуры» [Humboldt 1980: 43], в лоне которой бытует слово. Этот концепт является неотъемлемой частью и обыденного языкового сознания, и духовно-чувственной сферы НЭМ (*Ordnungsliebe, Ordnungssinn, Ordnungsgefühl*). Является он и движущей силой стереотипного поведения немцев, каждый шаг которого сверяется на предмет упорядоченности (*ordentlich, ordnungsgemäß, ordnungsmäßig*) или неупорядоченности чего-либо (*unordentlich, nicht ordnungsgemäß, ordnungswidrig*). Этот и другие факты нередко становятся основанием для выработки стереотипов – правдивых или ложных представлений других народов о немцах, например, как о людях, в которых уживаются одновременно и сентиментальность, и жесткость.

Но и сами немцы нередко судят о степени цивилизованности других народов по их отношению к порядку, хотя чаще всего ORDNUNG является мерой внутриэтнической оценки, в рамках которой он выступает эталоном жизненного

мира человека (*geordnete Häuslichkeit, geordnete Arbeit, geordneter Tagesablauf*). Этот эталон нашел свое воплощение в социологическом термине *LEBENSQUALITÄT* ‘качество жизни’, умело перекованным НЭМ в этно-социо-специфический концепт. Благодаря своей чувственно-образной ауре, концепты *LEBENSQUALITÄT* и *ORDNUNG* овладели всем когнитивно-семантическим пространством, вторглись в область права, философии, эстетики, психологии.

Образно-перцептивная составляющая концепта *ORDNUNG* – это его обобщенный образ-гештальт, в котором заложены чувственный индивидуальный опыт и коллективное эмпирическое знание. Их симбиоз создает некий ореол, окружающий соотносимое с концептом слово *die Ordnung*. Образ порядка рисуется и воспринимается обыденным сознанием немцев в виде навязчивой идеи упорядоченности всего и вся. Неслучайно эта идея выписывается словарями на фоне «прозрачности / *Übersichtlichkeit*» и «отрегулированности / *Geregeltheit*», составляющих, по-видимому, тот рациональный инвариант, который на протяжении веков позволяет концепту *ORDNUNG* оставаться идеей высшего ранга и даже быть идеологической платформой государственной власти. Через прозрачность, гласность, понятность, четкость, точность материализуется в НЭМ целесообразность тех состояний, процессов и действий, которые объясняют поступающие извне и изнутри команды, мотивирующие человека добиваться запланированного результата.

Чувственно-образный субстрат концепта *ORDNUNG* вызывает в душе немца представления о безопасности, надежности и размеренности его существования. Таким путем он возводится в статус социокультурной категории, которая задает координаты деятельности, способствует адекватному позиционированию человека в социуме и мире, освобождает его от ненужных терзаний и формирует его жизненные установки. Овладевая массовым сознанием, идея упорядоченности становится в конечном итоге одним из главных ассоциативных ориентиров бытия, придающих смысл человеческому существованию.

В отличие от немецких многие наши энциклопедические источники сводят «порядок» к одной из категорий систематики в биологии или в математике (см., напр., [БСЭ 1975, т. 20: 405; НЭС 2001: 953]). Очевидно, причиной тому послужило резко отрицательное отношение советских людей к враждебной им идеологии нацизма, на знаменах которой словосочетание *deutsche Ordnung* было написано большими буквами. Отсутствие в некоторых справочниках его ассоциативно-образных толкований меньше всего хотелось бы объяснять инерционностью мышления. Скорее всего, это оплошность или недосмотр издателей. Ведь французы, так же отрицательно относящиеся к этой идеологии,

описывают *ordre* не менее тщательно, чем немцы [Robert 1993: 1544] (аналогично *order* у англичан [OED 1993: 2016]), а украинцы оперативно устранили этот пробел, хотя и поставили на первое место санитарно-аккуратистское толкование порядка («стан, коли де-небудь чисто прибрано, всі речі на своїх місцях; чистота, лад» [ВТСУМ 2003: 888]). Впрочем, судя по отсутствию соответствующей статьи в номенклатуре «знаков украинской этнокультуры» [Жайворонек 2006], до статуса концепта «порядок» тут все же не дотягивает.

Естественно, немцы тоже соотносят *ORDNUNG* с бытовой упорядоченностью (*Jedes Ding an seinem Platz und zu seiner Zeit*; «*Reinlichkeit und Ordnung herrschte in den Zimmern*» /J. W. Goethe/ [Grimm 1991: 1334]), но, в отличие от украинцев, они понимают его еще и как материальную субстанцию: как хронометр жизни (*In Deutschland regelt Ordnung Zeit und Raum*), как помощник в хозяйстве (*Ordnung hilft haushalten*), как способ экономии (*Ordnung im Haus ist halbes Sparen*). Порядок для них – это полжизни (*Ordnung ist das halbe Leben*), в которой люди связаны между собой тесными узами регламентаций (*Ordnung und Regelungen <...> verbinden uns auf dauerhafte und übersichtliche Weise mit dem Leben der anderen Menschen* /H. Gollwitzer/). С другой стороны, НЭМ воспринимает порядок и как духовную категорию, в рамках которой он предстает как мера свободы (*Auch die Freiheit hat ihre Ordnung*), радость разума (*Ordnung ist die Lust der Vernunft*), дарованная свыше ценность (*Ordnung ist alles an uns, und zwecklos nicht das geringste*). В конце концов, порядок – это путь к материальному, духовному и социальному самоутверждению человека, который Курт Тухольски образно охарактеризовал словами «*Haben. Sein. Und Gelten* /Быть. Иметь. И Слыть». Вот почему порядок для НЭМ – императив жизни (*Ordnung muß sein*), который превыше всего (*Ordnung über alles*).

В опоре на материальные и духовные импульсы, исходящие из чувственного образа и оживающие в сознании индивида благодаря его принадлежности к «своему» этническому коллективу, складывается и *ценностная (валоративная) составляющая* концепта *ORDNUNG* – общепринятое отношение к нему в рамках диалектики единичного и всеобщего. Ценностная основа концепта является фактически коллективным подсознательным, формируемым с участием социодискурсивного фактора. Через знаковый код языка она входит в духовный мир человека и нередко приобретает символичные черты, вырастая до размеров идеала (*Das Ideal, das den Raum und die Zeit bestimmt, ist die Ordnung*), к которому надо стремиться.

ORDNUNG для немца – это наивысшая ценность, базирующаяся на принципах логики и морали, разума и духа, на идеалах добра, гармонии, справедливости.

Он наполняет «немецкую душу» ощущением красоты («*Mein Bedürfnis nach Schönheit wird nicht selten durch die Herstellung einer Ordnung befriedigt*» /K. Guggenheim/), радости («*Harmonie, Wahrheit, Ordnung, Schönheit, Vortrefflichkeit geben mir Freude*» /F. Schiller/ [DL 1997: 85421]), праздника («*Ordnung ziehrt alles, Ordnung ist in allen Dingen gut*» [Grimm 1991: 1333]). Валоризация порядка – это среди прочего еще и его осознание как эстетической категории. В отличие от англичан и французов, которые особой красоты в order и ordre не ощущают, немцы могут делать из своего ORDNUNG объект обожания и не стесняться ославливать это призывах («*Ordnung, Ordnung, liebe sie, sie erspart dir Zeit und Müh*»).

Призывы к чувственной интериоризации порядка имеют под собой дидактическую основу. Содержится она и в одном из главных постулатов немецкой народной педагогики: «*Deutsch ist, wer die deutschen Werte lebt* / Тот немец, кто живет немецкими ценностями», а немецкие ценности «завязаны» как раз на порядке, ибо он является и их исходной, и их конечной точкой, каждый раз отодвигающейся на эволюционной спирали развития этнического самосознания. Для НЭМ порядок является связующим звеном в цепочке «человек – семья – государство – мир». Так, слова «*Ist die eigene Person in Ordnung, so kommt die Familie in Ordnung; ist die Familie in Ordnung, so kommt der Staat in Ordnung; ist der Staat in Ordnung, so kommt die Welt in Ordnung* / Если личность в порядке, то в порядке и семья; если семья в порядке, то в порядке и государство; если в порядке государство, то в порядке и мир», приписываемые народной мудрости, давно и прочно стали девизом немецкого образа жизни.

Входя в микро- и макромир человека, ORDNUNG является неотъемлемой частью этнопсихологии немцев. На микроуровне он задает ритм, способ и уклад жизни, отождествляется с бюргерским состоянием размеренного бытия, ассоциируется с покоем, благополучием и уютom. Осознание невидимых, но прочных нитей порядка, тянущихся от человека к социуму и через него к космосу нередко становится причиной того, что ORDNUNG оказывается объектом эстетических и религиозно-философских обобщений, выходя далеко за пределы простого мерилa жизненного пространства и разрастаясь до вселенских масштабов.

В космогоническом плане ORDNUNG воспринимается как основа мироздания. Еще в языческие времена древние германцы представляли себе его устройство в виде исполинского дерева-ясеня, крона которого была строго упорядочена по сферам обитания богов, великанов и людей – живущих и отошедших в Валлхаллу. Современным немцам не чуждо ощущение того, что на порядке держится все мироздание (*Ordnung erhält die Welt*), а их вера в то, что в случае

необходимости порядок спасет мир (*Ordnung rettet die Welt*), является вполне приземленной, в отличие от нас, воспринимающих мечту Ф. М. Достоевского о том, что «красота спасет мир», как нечто из области фантастики.

Этнопсихологическая основа концепта ORDNUNG отражает существенные признаки НЭМ: все в мире имеет свою цель, способ и очередность ее достижения. Все, что не вписывается в этот фреймовый сценарий, означает хаос (*Chaos*), беспорядок (*Unordnung, Durcheinander*) и противоправность (*Ordnungswidrigkeit*) – наибольший грех, угрожающий человеку и общественным устоям, а потому не имеющий права на существование. ORDNUNG для немца – это регламент бытия, закон, от которого немислимо отступить. В мире хаоса – за пределами порядка – царит нечто неизвестное, наполняющее душу тревогой. Как отметил Б. Нусс, порядок и страх в НЭМ идут рядом, а потребность немцев жить в мире порядка – это опасение сделать что-либо не так и тем самым нарваться на неприятности [Nuss 1993: 126]. Отсюда – вполне объяснимая тяга к упорядоченности: она важна для того, чтобы гарантировать себе безопасность, избавиться от страхов, фобий и других раздражителей, способных отрицательно повлиять на духовное и физическое существование человека.

Концепт ORDNUNG является воплощением таких сугубо немецких ценностей, как покой, уют, комфорт, безопасность, качество жизни, свобода, согласие, справедливость, закон, безопасность, регламент, которые имеют для нее как и индивидуальную, так и общественную значимость. Для индивида порядок начинается не «с картинки в твоём букваре», а с детской коляски, сопровождает его на протяжении всей жизни и расходится концентрическими кругами по всему этническому континууму. Для НЭМ идея ORDNUNG является вездесущей: она бытует в голове, в душе, в доме, в государстве, в мире, а воплощающий ее концепт ORDNUNG, подобно гену, содержит ценностную программу этой идеи. Он как бы заряжен энергией созидания, развития и прогресса.

Вместе они – идея, концепт, слово – способны, подобно святой Троице, оказывать мощное суггестивное влияние на массовое сознание и становиться неписанным девизом на флаге государственной идеологии, конечная цель которой – сплочение нации. Вместе они синхронно функционируют в лингвокультуре как «коллективное подсознательное», наполненное той духовной энергетикой, что излучает ауру национального мировидения. Эта энергетика суть логодабария такой силы, которая в состоянии снести на своем пути все, что противоречит канонам упорядоченности внутреннего и внешнего мира человека. Она способна приводить в движение рычаги, управляющие как его поведением в быту, так и его морально-нравственными поступками.

Изложенные нами соображения могут быть подтверждены или опровергнуты при изучении другого аспекта обозначенной проблемы – социодискурсивного. Социодискурсивное описание концепта ORDNUNG в окружении близких и/или родственных лингвокультурных явлений, а также сопоставительный анализ компарабельных с ним феноменов на материале других языков могут дать более глубокие и, возможно, более исчерпывающие сведения о самобытности и неповторимости не только немецкого, но и других этнических менталитетов.

2.3.2. Социодискурсивная значимость концепта ORDNUNG

Социодискурсивный профиль концепта ORDNUNG – это его функциональная сторона, детерминированная коллективным эмпирическим знанием, индивидуальным опытом человека и общественными конвенциями. Вместе они определяют коммуникативную культуру общества и очерчивают жизненный мир человека, что объективируется в пределах двух модусов / режимов общения – императивного и эгалитарного. В первом случае речь идет о законопослушности, дисциплине, организованности, иерархии, упорядоченности бытия, а во втором – о коллективизме, традиции, перфекционизме и влечении к неформальным объединениям.

Примечание 2.3. Из воспоминаний гражданки Украины Марион Вальтеровны Борисенко, родившейся и выросшей в ГДР: «От слова *Ordnung* я и сегодня в какой-то мере впадаю в панику... Я вспоминаю, как моя мать (мне было тогда лет 6–7) входила в мою комнату, распахивала шкаф и со словами «*Я научу тебя порядку*» вываливала все мои вещи на пол. Совсем как в сказке «Золушка» мне разрешали смотреть телевизор или выходить на улицу только тогда, когда все было в *наилучшем порядке* (in schönster Ordnung), что означало: вся одежда на своем месте, сложена стопочками по размеру и цвету, а платья, блузки и брюки развешены порознь». И далее: «*Хорошую хозяйку* (ordentliche Hausfrau) можно было узнать по тому, как она развешивала (ordnete an) бельё на веревке: сначала постельное, разделенное на простыни, покрывала и наволочки, потом скатерти, после них полотенца, потом нижнее белье (отдельно слипы, нательное и бюстгальтеры), потом носки и чулки по парам и, наконец, верхняя одежда (отца, матери, ребенка)» [Borisenko 2011: 57–58].

Императивный модус социодискурсивного поведения был в Германии длительное время доминирующим, что было вызвано ее многовековой раздробленностью на отдельные княжества и необходимостью организовывать оборону и тем самым обеспечивать физическое существование гражданина. Без внедрения порядка этого сделать было невозможно, что и стало основной причиной авторитарного крена в коммуникативной культуре немцев на протяжении многих

столетий. Все это вошло в НЭМ в виде таких параметров порядка, как законопослушность, организованность, дисциплина, ответственность, аккуратность, прилежание.

В пределах законов, инициированных и контролируемых государством, можно говорить прежде всего о такой черте НЭМ, как *дисциплина*. Вековая императивная регламентация воспитала у немцев такой уровень законопослушности, которым не может похвалиться ни один другой народ. Предпосылкой для этого был суровый контроль со стороны органов власти, государственных учреждений и общественных объединений. Неудивительно, что *Ordnungsamt* (государственный орган надзора за порядком) существует, наверное, лишь в Германии. Еще Гете писал: «Закон делает человека, а не человек закон» (цит. по [ЗНб 2000: 460]). Однако поддержание общественного порядка было бы невозможным без активного участия граждан, которые болезненно реагируют на любые проявления беспорядка, а потому добровольно и даже охотно сигнализируют об этом компетентным органам. Большинство преступлений в Германии раскрывается именно благодаря сигналам граждан. Эффективность такой системы объясняется тем, что дисциплинированность немцев не позволяет им пройти мимо любого рода нарушений законов, правил, норм, инструкций.

Если для англичан закон является гарантом, а для россиян – ограничителем свободы [Палашевская 2001: 3], то для немцев он является предпосылкой порядка. Закон и порядок сосуществуют в НЭМ как некое неразрывное, синкретическое единство. Трудно сказать, существует ли в обыденном сознании немцев граница между ними, ибо для них порядок – это закон, а закон – это порядок. Первый плавно перетекает во второй, а второй плавно вытекает из первого.

Языковое сознание фиксирует эту истину тем, что нередко истолковывает номинации *Ordnung* и *Gesetz* 'закон' как синонимы – например, в сфере общественных (*Verkehrsordnung, Jagdordnung, Felddienstordnung, Geschäftsordnung, Konkursordnung, Disziplinarordnung, Zivilprozeßordnung*) или институциональных (*Postordnung, Studienordnung, Schulordnung, Prüfungsordnung, Wahlordnung*) отношений. Абсолютизация порядка приводит к тому, что почти все сферы бытия оказываются юридически упорядоченными. Здесь можно говорить и о таких сугубо немецких реалиях, как *Ordnungsamt, Ordnungsdienst, Ordnungspolizei* в сфере государственной власти, и о таких, что закрепляют порядок в личной жизни, – *Hausordnung, Familienordnung, Tischordnung, Sitzordnung, Festordnung*.

Очевидно, готовность немцев подчиняться любым законам (даже плохим) можно объяснить опасением впасть в гордыню – самый страшный из грехов,

что, кстати, подтверждает и средневековая история этого народа, тесно связанная с рыцарскими (монашескими) орденами. Четкое соблюдение законов в современной Германии определяет и направляет работу и отдых, быт и досуг, общество и семью, где нет места случайностям.

Как известно, диалектика не выделяет категорию случайности, а признает лишь закономерность и необходимость. Случайность же для нее является лишь результатом взаимодействия этих факторов. Не признает случайность и НЭМ, поскольку считает, что на ход событий влиять могут лишь производные порядка: организованность, плановость, регламентированность, связанные с необходимостью. Необходимость как фактор порядка четко улавливается и языковым сознанием хотя бы в том, что путем когнитивной бифуркации распределяет эту формально-логическую категорию между двумя деонтично-модальными глаголами – *sollen* («нужно» ≈ выбор между делать и не делать) и *müssen* («нужно» ≈ отсутствие такого выбора, неминуемое действие, ср. укр. «мусити»). Инофонам, изучающим немецкий, довольно тяжело понять это тонкое лингвокогнитивное различие между двумя модальностями, в то время как немецкие дети усваивают ее сразу, как только начинают говорить.

Необходимость порядка в немецком образе жизни регулируется многочисленными прескрипциями в виде разрешений и запретов, которые можно видеть повсюду в Германии – т. н. «общественные вывески». Куда бы ни ступила нога человека, там уже кто-то побывал до него и оставил какую-то табличку (*Schild*) с определенным указанием. Сама номинация *Schild* (ср. техн. «шильда») имеет в немецком языке довольно разнообразные частеречные варианты: глагольный (*schildern / beschildern* 'обозначать табличкой', *ausschildern* 'развешивать таблички'), причастный (*beschildert, ausgeschildert*), субстантивный (*Beschilderung, Ausschilderung*), тогда как ее русскоязычный аналог существует лишь в субстантивной ипостаси (нельзя сказать «отабличивать», «затабличивать», «растабличивать»). За всем множеством табличек стоят два модальных инварианта: *man darf* 'можно' и *man darf nicht* 'нельзя', которые нужно считать кодовыми и/или логодабарными, так как они излучают мощную энергетику. При этом иногда иностранцы считают, что в Германии существуют лишь запретительные таблички. Их официальное название (*Hinweis- und Verbotsschilder*) свидетельствует о том, что упорядоченность связана не только с запретом, но и с помощью. Основная концепция таких табличек – общественная и личная безопасность.

Ментально значимым является и маркирование алетической модальности, распределяемой также между двумя глаголами – *können* и *dürfen* («мочь»), первый из которых сигнализирует физическую, а второй – санкционированную

возможность выполнения чего-либо. При этом *dürfen* органически воспринимается этническим сознанием в черно-белом формате шкалы *man darf* 'можно' – *man darf nicht* 'нельзя', т. е. как *gestattet* 'разрешено' – *nicht gestattet* 'не разрешено'. Интересно, что немецкий язык выработал разные смысловые аспекты феномена «разрешение» и, соответственно, маркирует его разными существительными (*Erlaubnis, Gestattung, Imprimatur, Bewilligung, Genehmigung*), которые используются в строго очерченных коммуникативных ситуациях, в то время как идея запрета вербализуется им лишь одним-единственным существительным *Verbot*, избавленным как от лишних коннотаций, так и от возможностей своего синонимического варьирования. Правда, здесь есть и своего рода структурная асимметрия: существует «запретительный» глагол *untersagen* 'запретить, отказать', но не существует его субстантивного коррелята.

Путь к свободе и воле, к которым немецкая душа стремится не меньше, чем славянская, пролегает в НЭМ, в отличие от нашего, через порядок. Слова Ш. Пегью о том, что «*Ordnung und Ordnung allein führen endgültig zur Freiheit. Unordnung schafft Knechtschaft* / Порядок и только порядок ведут к свободе. Беспорядок создает холопство /Ch. Réguy/», являются для НЭМ знаковыми. Они являются как бы ключом, который открывает понимание той значимости, которую до сих пор имеет общественная иерархия в гражданском обществе ФРГ.

Общественная иерархия была и остается в Германии очень важной. Она берет свои начала еще со времен Священной Римской империи (ср.: лат. *ordo* 'класс, сословие, ряд, строй, шеренга'). Социороловой статус и материальное состояние человека здесь уважаются и всячески подчеркиваются. Это проявляется повсюду – например, в выборе машины (*Mercedes* всегда солиднее, чем *Opel*), проживания (*Haus*, лучше чем *Wohnung*), карьеры (*Beamte* стабильней, чем *Angestellte*). Немец верит, что наличие на визитной карточке аббревиатуры *Dr.* 'доктор' перед фамилией свидетельствует о высокой квалификации ее владельца, а приставки *von* – о его благородном происхождении. И если перед зажиточным пациентом стоит дилемма, к какому врачу пойти – к *Frau Dr. Richard* или к *Frau Gillissen*, то он отдаст предпочтение врачу с *Dr.* Особо амбициозные немцы охотно идут на получение любым путем хотя бы звания *Dr.h.c.* (*doctor honoris causa* 'почетный доктор'). Более того, использование *Dr.* или *von*, скажем, на визитке без наличия соответствующих званий является основанием для привлечения к уголовной ответственности.

Некоторые проявления социороловой иерархии можно признать заслуживающими внимания. Так, обращение *Herr Professor* можно услышать не только в интерактивном режиме коммуникации, но и в третьем лице, т. е. когда *Herr*

Professor не является непосредственным участником общения, что свидетельствует об уважительном отношении общества к человеку, получившему высокую квалификацию путем напряженной работы. Ведь *Arbeit* в ментальности немца является одним из существенных параметров порядка. Известно, что длительное время порядок оценивался в немецкой этнокультуре только в контексте работы и хлеба насущного (*Arbeit und täglich Brot und Ordnung* / *Работа, хлеб и порядок*), симбиоз которых оказал сильнейшее воздействие на формирование НЭМ.

Порядок ассоциируется в НЭМ с такими феноменами, как дисциплина, послушание, покой (*Disziplin, Gehorsam, Ruhe*), которые должны обеспечивать общественное согласие (ср. словарную дефиницию: *Ordnung – Einhaltung der Disziplin, bestimmter Regeln im Rahmen einer Gemeinschaft* / Порядок – соблюдение дисциплины, определенных правил в рамках общественной группы [Wahrig 2000: 945]). Все эти феномены длительное время связывали с военным порядком, что даже зафиксировано в словаре братьев Гримм (XIX ст.) под п. 3а): *militärische aufstellung in reih und glied, schlachtordnung* [Grimm 1991: 1332].

Примечательно, что толковые словари немецкого языка приводят или очень осторожно, или вообще обходят стороной военное значение слова *Ordnung*, тогда как оно составляет значительный пласт социокультурного наследия немцев – от разного рода орденов (тамплиеры, тевтонцы) до знаменитого прусского порядка. Сегодня тесно связанное с *Ordnung* понятие *Befehl* 'приказ' осталось терминологически закрепленным лишь за военной сферой. То же самое произошло и с многочисленными глаголами – производными дериватами с корнем *ordn-*: *verordnen, anordnen, beordnen*, в которых современные немцы усматривают неприемлемый для них императивный дух. Вместе с тем дериваты с префиксами, в которых отсутствует семантика подчинения (*beiordnen, nebenordnen, überordnen, umordnen, vorordnen, zuordnen, nachordnen, einordnen, unterordnen, abordnen*), весьма активно используются в современном немецком языке.

Однако то, что в этом случае субъективно интерпретируется как императивный модус, сегодняшним немцем не воспринимается исключительно как нечто, ограничивающее его права и свободы. Как ни странно, императивный режим не считается их ограничителем, а воспринимается как осознанная необходимость или даже как обязанность [Henting 1996]. Выполнение и соблюдение законов, правил, норм, инструкций, предписаний продолжает существенно влиять на обыденное сознание немцев, даже когда речь заходит об абсолютно простых и очевидных вещах – в частности, о быте.

Выше уже упоминалось, что феномен «запрет» выписан лингвокультурным узусом четко и однозначно, а «разрешение» имеет ряд ограничений, а потому

и довольно размытые когнитивно-семантические рамки. Однако этот факт отнюдь не свидетельствует о том, что ORDNUNG предусматривает неуклонное соблюдение немцами правила «все запрещено, что не разрешено», как утверждают Ш. Зайдениц и Б. Баркоу. Соответствующее правило толкуется французами как «разрешено все, что запрещено», а россиянами – как «запрещено даже то, что разрешено» [Зайдениц 2001: 65]. Лозунг нашей действительности «Если нельзя, но очень хочется, то можно» будет для НЭМ не просто неприемлемым, а крамольно-опасным. Опрос информантов показывает, что на такие слова они реагируют репликой «Упаси, Боже», что фактически является вербальной реакцией на внешний раздражитель, напроочь отмечаемый этнической психологией.

И все же лингвокультурный субстрат концепта ORDNUNG оставляет ему определенный «люфт» для вольницы, поскольку содержит ту индивидуальную компоненту, которая выпадает из прохибитивного сектора. Современное немецкое общество переходит к более демократичному принципу бытия: «Разрешено все, что не запрещено».

Во второй половине XX ст. в Германии на смену императивному приходит **эгалитарный модус** (демократический, кооперативный) социодискурсивных отношений. Однако этот переход произошел не только в сознании немцев, но и имел цивилизационно значимые масштабы. Ю. Хабермас отмечает, что современный социум находится на пути выработки универсалистской этики, где категоричный императив уступает место методу моральной аргументации и бенефактивной мотивации [Habermas 1990: 130]. Прямым следствием движения общества к реформированию моральных ценностей и поведенческих стереотипов становится предпочтение принципов координации по сравнению с принципами субординации. Кооперация усилий становится интериоризированной моделью деятельности современного человека.

Такого рода глобализационные процессы обусловили и определенные сдвиги в НЭМ с поправками на требования времени. Первые следствия глобализационного мышления не заставили себя ждать: западный менталитет вдруг осознал тот факт, что все народы взаимосвязаны и взаимозависимы и что их общим домом является планета Земля. Это способствовало распространению космополитического мировоззрения, особенно среди молодежи, в т. ч. и немецкой. Особенно заметной в этом плане стала «студенческая революция» / «революция хиппи» 1970-х годов, проходившая под лозунгом борьбы за социальную справедливость. Наверное, не будет ошибкой считать, что молодежное протестное движение в Германии навеяли слова ««Die Gerechtigkeit bringt reine Ordnung,

aber man möchte uns gar zu gern jede dumme Ordnung für Gerechtigkeit verkaufen / Справедливость привносит порядок, но нам всегда хотят выдать за справедливость всякий дурной порядок» /J.G. Seume/ [Duden-ZuA 1993: 695].

Недолгий период после преодоления крайней формы императивного дискурса – национал-социализма – ощущение свободы сменилось в настроениях молодых людей ощущением обмана. Сработала давняя немецкая народная мудрость «Viel Ordnungen gebären viel Ungehorsam / Где много порядка, там много сопротивления» [Grimm 1991: 1330], подкрепленная высказываниями известных личностей об эфемерности порядка («Eure «Ordnung» ist auf Sand gebaut / Ваш «порядок» построен на песке» /R. Luxemburg/ или «Die Seele jeder Ordnung ist ein großer Papierkorb / Душа любого порядка – большая корзина для мусора» /K. Tucholsky/) или даже его воплощение в сюрреалистической ипостаси в устах Заратустры («Man muss immer noch Chaos in sich haben, um einen tanzenden Stern gebären zu können / Нужно всегда иметь хаос в себе, чтобы поймать танцующую звезду» /F. Nietzsche/). Вот почему среди немецкой молодежи некоторое время считалось хорошим тоном всячески противодействовать порядку, что выражалось в пренебрежении законом, дисциплиной, упорядоченностью бытия, одеждой, а также в беспорядочности половых связей. Однако введение советских войск в Чехословакию, имевшее целью «наведение порядка», привело к быстрому прозрению, и все снова стало на свои места. Сегодняшняя Германия – это упорядоченность бытия, общественных отношений, традиций и процветание разного рода неформальных объединений.

Упорядоченность бытия опирается на такие черты национального характера, как точность, скрупулезность, педантичность, пунктуальность, бережливость, которые считаются сугубо немецкими [Зубкова 2003] (ср.: «Unpünktlich sein ist unordentlich sein / Быть непунктуальным значит быть беспорядочным» /Th. Fontane/ [DL 1997: 13664]). Эти черты связаны крепкими узами с нормами, правилами и сценариями общественного поведения, которые оказываются настолько ментально усвоенными и интериоризованными, что иностранцы иногда воспринимают их в контексте ограничения прав и свобод человека, тогда как сами немцы – исключительно проявлением порядка. Более того, к категории порядка иногда относят вещи, которые не могут быть ими по определению, – брак, любовь, верность.

Бытовая ипостась порядка неразрывно связана с **аккуратностью** и **чистотой** / **SAUBERKEIT** – на улицах городов, в домах, в одежде и т. п. Ср.: «Reinlichkeit und Ordnung herrschten in den Zimmern / Чистота и порядок царили в комнатах» /J.W. Goethe/ [Grimm 1991: 1334]; «In einem aufgeräumten Zimmer ist auch

die Seele aufgeräumt / В чисто убранной комнате и душа ощущает себя убранной» /E. Feuchtersleben/ [LdSZ 1993: 694]). Порядок, ориентированный на чистоту, немцы связывают со здоровьем и счастьем, что отмечал еще Г. Э. Лессинг: «Wenn ich in meiner Ordnung bleiben kann, so bin ich der gesundeste Mensch von der Welt / Когда я могу оставаться в своем порядке, то ощущаю себя самым здоровым человеком в мире» (цит. по [Grimm 1991: 1335]). А. Левин подчеркивает, что относительно состояния помещений, среды или внешности человека понятия *Ordnung* и *Sauberkeit* неотделимы друг от друга, т. е. вступают между собой в гипо-гиперонимические связи. В этом случае *Sauberkeit* представляет собой лишь одну из сем слова *Ordnung* [Левин-Штайтманн 2003: 225].

Примечательно, что и украинский менталитет считает чистоту важнейшей характеристикой порядка. Ср.: «Порядок – стан, коли де-небудь чисто прибрано, всі речі на своїх місцях; чистота, лад» [ВТСУМ 2001: 888]. Более того, он различает такие праздники, как *Чистый понедельник*, *Чистый четверг*, *Чистая неделя* [Жаворонок 2006: 640], что нехарактерно ни для немецкой этнокультуры, ни для Западного христианского обряда. В словарях русского языка в статьях о порядке, как ни странно, отсутствует признак «чистота». Но это ни в коей мере не связано с отсутствием чистоплотности. Напротив, обследование текстового массива показало, что понимание русской культурой слов «порядок» и «чистота» настолько между собой переплетены, что значение одного не может быть определено без использования другого [Левин-Штайтманн 2003: 225].

Нельзя не согласиться с тем, что в своем желании достичь порядка во всем проявляется такая черта НЭМ, как *перфекционизм* [Флакман 2005: 143], т. е. стремление делать все самым лучшим образом. Особенно ярко стремление к перфекционизму находит свое воплощение в таком явлении, как *Formular*. В Германии бланки и формуляры предусмотрены почти на все случаи жизни. Немцы относятся к ним по-разному: одни имеют к ним страсть, другие их ненавидят (ср. городской фольклор: «Von der Wiege bis zur Bahre – Formulare, Formulare / От рожденья и до смерти сплошные бланки»), третьи стараются их игнорировать. Сегодня немец не может сделать ни одного шага, не заполнив какого-то формуляра и не вложив его в какую-нибудь папку. С бланками и формулярами немцу живется понятнее, надежнее, спокойнее.

О высокой регламентированности быта и о стремлении к перфекционизму свидетельствует и тот факт, что практика переписки, которая постепенно сходит на нет в нашей культуре, в Германии остается довольно активной. Более того, здесь разрабатываются и публикуются в наиболее авторитетных изданиях

формы и методы переписки на все случаи жизни с рекомендациями, что, как, когда и куда писать. Обычно такие издания содержат целые рубрики – согласно сферам применения – с образцами текстов частной (*Einladungen, Dankaussagen, Absagen, Anzeigen, Entschuldigungen*), деловой (*Werbebrief, Anfrage, Bestellung, Reklamation, Mahnung*), общественной (*Briefe an Bahn, Post, Polizei, Schule*) и многих других форм переписки. Их можно найти в любом справочнике – например, в энциклопедии «Писать письма хорошо и правильно» [BGRS 1989].

Склонность к порядку как таковому способствовала тому, что на протяжении всей истории у немцев формировалась ментальность, выходящая за рамки индивидуализма. Порядок, регламентации и учреждения – почва, на которой строится коллективизм, основа общественного согласия: «Denn alles menschliche Leben, weil zeitlich und gesellschaftlich, kann nur in und durch Institutionen gelebt werden, durch Ordnung und Regelungen, ... die es auf dauerhafte und übersichtliche Weise verbinden mit dem Leben der anderen Menschen / Вся человеческая жизнь, будучи временной и общественной, может быть прожита лишь в учреждениях и через них, через порядок и регламентации, которые продолжительно и прозрачно связывают ее с жизнью других людей» /Н. Gollwitzer/ [ZHb 2000: 694-695].

Если авторитарный дискурс стимулирует, то демократический, по крайней мере, не глушит коллективистские инстинкты позиционирования человека в социуме. И хотя *коллективизм*, как считает Ф. Тромпенарс, является этнокультурной чертой НЭМ [Trompenaars 2007]¹², в современном немецком обществе он, как кажется, уже не является императивом времени. Тем не менее, они, по сравнению с другими европейцами, все еще крепко держатся за коллективизм. В частности, немцы не только преследуют свои собственные интересы, что характерно для любого человека безотносительно к его национальной принадлежности, но и охотно вступают в разного рода *неформальные объединения*, среди которых наиболее популярны *Bürgerinitiative* «гражданская инициатива», *Verein* «товарищество» и *Verband* «союз».

Гражданская инициатива является относительно новой формой политической самоорганизации и самозащиты тех граждан, которые считают, что партии и местные органы власти недостаточно эффективно отстаивают их интересы. Товарищества-ферейны представляют собой добровольные объединения граждан по интересам. Порядок в таких обществах базируется на уставе и правлении, избранном открытым голосованием. Все это регистрируется в государственных

¹² Наряду с немецкой Trompenaars считает коллективистскими китайскую, французскую – и японскую культуры, а индивидуалистскими – мексиканскую, испанскую, русскую и американскую.

органах, что дает право фереину ставить на бланках и штампах маленькую, но преисполненную почти магической силы аббревиатуру e.V. (eingeschriebener Verein / зарегистрированное товарищество»). Здесь можно упомянуть товарищества любителей искусства (*Verein der Kunstfreunde*), ухода за памятниками (*Verein zur Förderung der Denkmalspflege*), владельцев предприятий (*Bundesverband deutscher Volks- und Betriebswirte e.V.*) и др. Существуют и фереины с правом финансовой деятельности, ярким примером чего является хорошо известный автомобилистам даже за пределами Германии TÜV (*Technischer Übersichtsverein* – частное товарищество, которое монопольно владеет лицензией на техосмотр автомобилей).

Союз (Verband) является объединением нескольких организаций ради реализации общих политических, экономических и социально значимых интересов (профсоюзы, Красный Крест / Rotes Kreuz e.V.). Большинство немцев является членами той или иной общественной организации. Анкетирования показывают, что довольно популярными объединениями среди них являются партии, профсоюзы, церковные общества, автоклубы и спортивные общества, тогда как пребывание в какой-то религиозной секте чуждо НЭМ [Behagel-Thomsen 1993: 87].

Членство в организации – это способ противостоять индивидуализму и, возможно, одиночеству, к которым подталкивает человека современное общество потребления. И хотя, по данным Х. Хофстеде, сегодня уже 67% немцев¹³ исповедуют индивидуализм [Hofstede 2007], НЭМ все еще крепко держится за коллективизм, признавая его – в отличие от других европейских менталитетов – одним из столпов порядка.

Примечание 2.5. Соотносимый с ORDNUNG концепт ORDER в английской лингвокультуре также отражает идею особой ценности социальной жизни с ее иерархиями, разделением функций и настойчивой потребностью принадлежать к определенной социальной группе [Леонова 2011: 182].

Очевидно, коллективистские настроения в обществе ФРГ являются данью *традиции*, которая играет важную роль в жизни социума. Слоганы типа «Alles ändert sich, nur die Tradition ist ewig / Все меняется, только традиции вечны» и «Geschichte geht, Tradition bleibt / История проходит, традиция остается» закрепляют основы немецкого уклада жизни. Считается, что «Wo man oft Ordnungen ändert, das ist ein Zeichen eines kranken Staates / Изменять порядки – признак больного государства» [Grimm 1991: 1330]. Традиция для немцев – это синтез порядка и судьбы, выступающих как синкретическое единство: упорядоченная

¹³ Ср. данные для немецкоязычного ареала: австрийцы – 55%, швейцарцы – 68%; другие западные культуры: французы – 71%, бельгийцы – 75%, итальянцы – 76%, канадцы, голландцы – 80%, британцы – 89%, американцы – 91%.

судьба или судьбоносный порядок. Истоки и основы нового порядка базируются именно на осознании старых традиций. Они являются для немцев источником энергии и той ценностью, которая значима во все времена – и в тяжелые, и в добрые. Немцы уважают традиции как самих себя и берегут их как зеницу ока. Здесь нельзя не согласиться с французским дипломатом Б. Нуссом, долгие годы проработавшим в Германии, что ORDNUNG в сознании немца – «предпосылка всяческого прогресса» [Nuss 1993: 123].

Нарушение традиций воспринимается немцами не только как внутренний дискомфорт личности, но и как угроза порядку. Вот почему, с одной стороны, они будто гордятся своим космополитизмом, который дает им право успешно пользоваться достижениями других народов, а с другой, – вопреки тому, что после 1945 г. и особенно после учреждения Евросоюза, космополитизм стал «модной» идеологией, они с тревогой воспринимают активное проникновение чужой культуры в немецкий *modus vivendi*. Примером этого может быть стихотворение, которое кочует из учебника в учебник немецкого языка для инофонов:

<i>Dein Christus ein Jude</i>	<i>Твой Христос – еврей</i>
<i>Dein Auto ein Japaner</i>	<i>Твоя машина – японская</i>
<i>Deine Pizza italienisch</i>	<i>Твоя пицца – итальянская</i>
<i>Deine Demokratie griechisch</i>	<i>Твоя демократия – греческая</i>
<i>Dein Kaffee Brasilianisch</i>	<i>Твой кофе – бразильский</i>
<i>Dein Urlaub spanisch</i>	<i>Твой отпуск – испанский</i>
<i>Deine Zahlen arabisch</i>	<i>Твои цифры – арабские</i>
<i>Deine Schrift lateinisch</i>	<i>Твое письмо – латинское</i>
<i>Und Dein Nachbar nur ein Ausländer?</i>	<i>А твой сосед – лишь иностранец?</i>

Иностранные студенты воспринимают этот стих на ура хотя бы уже потому, что он свидетельствует о толерантном отношении к ним немцев. Наверное, национальная терпимость, отсутствие ксенофобии плюс растиражированный слоган «*Ordnung ist die erhabenste Form der Toleranz / Порядок – высшая форма толерантности*» узаконивают толерантность как еще одну релевантную черту НЭМ, поскольку делают свой посильный вклад в то, к чему стремится немецкая душа: через хорошо оплачиваемую работу к покою, комфорту, благосостоянию, досугу. Вместе с тем, вряд ли или можно отрицать, что тексты такого рода не могут не вселять в эту душу определенную долю тревоги о незабываемости традиций и извечного немецкого порядка. Неслучайно один из тезисов немецкой народной педагогики гласит: «*Deutsch ist, wer die deutschen Werte lebt / Тот немец, кто живет немецкими ценностями*». Немцы свято верят в то, что порядок удерживает мир от гибели (*Ordnung erhält die Welt*) и что в случае необходимости он спасет мир (*Ordnung rettet die Welt*). Порядок / *Ordnung* для немца,

считает Б. Нусс, является магическим словом успеха с тайным кодом обретения внутреннего покоя [Nuss 1993: 123].

Несмотря на это, сегодня в Германии нет ни одного гражданина, который бы не мечтал о том, чтобы хотя бы на миг вырваться из пут порядка ради того, чтобы ощутить минуты вольницы. Отсюда – любопытное влечение к тем культурам, где меньше условностей и регламентаций, отсюда – любовь к путешествиям и к недвижимости на Майорке. Наверное, этим же объясняется и самый высокий процент немцев среди западноевропейских стран, которые покидают свою родину – страну порядка – и охотно эмигрируют в Австралию, Канаду и Скандинавию. Впрочем, туда они приезжают с немецким *ORDNUNG* в голове, что, в свою очередь, является причиной охотного принятия этими странами немцев.

Все это дает основания считать, что культурные константы являются динамическими образованиями, ценностная составная которых может меняться во времени и пространстве. Так, по данным ассоциативного эксперимента С. С. Тахтаровой [2007: 61], проведенного со 120 информантами (табл. 2.2), оказалось,

что происходят заметные изменения в ценностной картине мира граждан Германии в зависимости от возраста: если пенсионеры выказывают абсолютно положительное отношение к *ORDNUNG*, а у работающего

Таблица 2.2. Результаты ассоциативного эксперимента С. С. Тахтаровой по концепту *ORDNUNG*

<i>Возр. группа</i>	Пенсионеры	Работающие (28–60 лет)	Молодежь (20–27 лет)
<i>Отношение</i>			
Положительное	98%	56%	48%
Нейтральное	2%	44%	44%
Отрицательное			8%

взрослого населения позитив и нейтралитет распределяются приблизительно равномерно, то у представителей среднего и младшего поколения наблюдается снижение облигаторности его регулятивной функции, а у молодежи уже пробилась ростки отрицательного отношения к концепту *ORDNUNG*.

Ассоциативный эксперимент С. С. Тахтаровой показал, что данные изменения сопряжены со значительными модификациями немецкого коммуникативного поведения, проявляющегося в большей терпимости к отклонениям от норм и стандартов в повседневности, а также к различным проявлениям «инаковости», что свидетельствует о возрастающей роли толерантности в немецком этносоциуме. Кроме того, С. С. Тахтарова доказала, что сегодня усиливается валоративная составляющая концепта *TOLERANZ*, предполагающая принятие «Другого», терпимое отношение к его мнению, взглядам и ценностям [Тахтарова 2010: 29].

Таким образом, доминантной идеей немецкого лингвокультурного пространства выступает этноспецифический концепт *ORDNUNG*. Его телеономная основа

заключается в том, что он является высшей психо-лингво-культурной ценностью, которая воплощает для носителя НЭМ тот идеал, что создает моральную и духовную оправданность его жизни. В этом смысле ORDNUNG не просто занимает надлежащее ему место среди наднациональных концептов-телеономов (СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, РАДОСТЬ, ЗДОРОВЬЕ, ПРАВДА, УСПЕХ), а возглавляет этот ряд именно в НЭМ. Через знаковый код языка он входит в духовный мир каждого человека, становится одной из важнейших констант формулы немецкой ментальности и приобретает символичные свойства, вырастая до размеров идеала. В этом смысле он является «зонтичным» по отношению к другим концептам, определяющим специфику немецкоязычной картины мира.

Социодискурсивная ценность концепта ORDNUNG проявляется, по меньшей мере, в двух модусах общения – императивном и эгалитарном. В первом случае он возникает как законопослушность, дисциплина, иерархия, упорядоченность бытия; во втором – отображает традицию и коллективизм, воплощением которых является влечение к неформальным объединениям, а также стремление к перфекционизму. В нем сходятся и взаимодействуют эргономические, синергетические и энергетические факторы лингвокультурного поведения человека.

Лингвокультурное описание концепта ORDNUNG в окружении близких и/или родственных явлений, а также сопоставительный анализ компарабельных феноменов на материале других языков могут дать более глубокие и, возможно, и более исчерпывающие сведения о самобытности и неповторимости не только немецкого, но и других этнических менталитетов.

2.3.3. ПОРЯДОК и БЕСПОРЯДОК в немецкой лингвокультуре в сопоставлении с русской и украинской

Обратимся к антонимическим концептуальным парам: нем. ORDNUNG – UNORDNUNG, рус. ПОРЯДОК – БЕСПОРЯДОК и укр. ПОРЯДОК / ЛАД – БЕЗЛАДДЯ в контексте сопоставительного (контрастивного) языкознания. Таблица 2.3 показывает, что основные субстантивные номинации идеи порядка / беспорядка в трех языках представлены неодинаково: первая имеет в немецком и русском языках по одной компарабельной единице (ORDNUNG, ПОРЯДОК), тогда как в украинском – две (ПОРЯДОК, ЛАД). Во втором случае наблюдаются определенные количественные расхождения: немецкий язык маркирует беспорядок тремя синонимически равноправными существительными (*Unordnung, Mißordnung, Chaos*), украинский – двумя (*безлад, безладдя*), русский – одной (*беспорядок*). Примечательно,

что литературная норма украинского языка не предусматривает такой номинации, как *безпорядок*, хотя она активно используется в разговорной речи.

Таблица 2.3. *Субстантивная номинация концептов ПОРЯДОК и БЕСПОРЯДОК*

	Немецкий язык	Русский язык	Украинский язык
ПОРЯДОК	Ordnung	порядок	порядок, лад
БЕСПОРЯДОК	Unordnung, Mißordnung, Chaos	беспорядок	безлад, безладдя

Обратимся сначала механизму памяти культуры – этимологии. С происхождением немецкого *Ordnung* все более или менее ясно: от лат. *ordinare* ‘ставить один за одним, упорядочивать’, *ordo* ‘класс’, ‘вид’ [Kluge 1989: 519] (ср. также англ. *order*, швед. *ordning*, дат., норв., исп. *orden*, франц. *ordre*). Установить же генетические корни его славянских аналогов не так легко, поскольку соответствующие словари почему-то дружно обходят этот вопрос молчанием. Зато языковая интуиция подсказывает, что оно отзывается на пространственную лексему ‘ряд’ («порядок» в болг. *ред*, сербск. *pêd*, чеш. *řád*, польск. *Porządek* [Фасмер 1987: 536]). Интуиция также позволяет предположить, что для славянского языкового ареала актуальна связь не только со значением пространства, но и с таким универсальным концептом, как ВРЕМЯ. На это указывает и семантика слова *порядок*, который интерпретируется через феномен последовательности [Ожегов 1986: 489] с подчеркиванием очередности событий и адекватности их расположения на темпоральной оси. Аналогично ведет себя и концепт ORDER в англоязычной культуре, где он обозначает преимущественно последовательность событий, их предсказуемый и ожидаемый ход [Леонова 2011: 179]. Поскольку временная локализация неразрывно связана с пространственной, то и рефлексия порядка должна иметь топохронные истоки.

Эту же самую когнитивную основу имеет и слово *Ordnung*, но немецкий язык расширил его семантику, прибавив к ней такие рефлексии образа жизни, как правила, нормы, дисциплина, организованность, старательность, пунктуальность, ответственность (ср.: *alles in Butter sein; etw. in trockene Tücher bringen*). Русский же язык объективирует идею бытовой обустроенности через контраст с беспорядком. Наверное, феномен нормы усваивается русским менталитетом через созерцание не-нормы. Когнитивно-психологическое освоение этой антиномии в немецком менталитете происходит в обратной последовательности: не-норма UNORDNUNG материализуется на фоне нормы ORDNUNG.

Восприятие порядка как бытового феномена, базирующегося на согласии, является общеславянской нормой, воплощенной в слове *лад* ('мир', 'порядок', 'лагода' [Шанский 1994: 162]). В отличие от русского языка, использующего его в довольно ограниченном объеме (*ладить, наладка, ладно, ладненько, ладком, Лада*), украинский, сохраняя идею бытовой благоустроенности, значительно расширил его деривационную палитру за счет производных как с положительным (*ладний, доладний, ладком, ладити, ладитися, зладитися, ладнати, обладнувати, наладка, обладнання, прилад*), так и с отрицательным (*безладдя, розлад, розладдя, нелад, неладний, недоладний, невлад, неполадка*) смыслами.

Представляется, что когнитивно-семантическая категоризация порядка осуществляется в разных языках на разных логических основаниях – системном (порядок в части тождествен порядку в системе) и партикулярном (порядок в части не тождествен порядку в системе). Соответственно, языковое сознание различает и два плана его нарушения – разлад системы (*esse*-паттерн 'целое есть не-порядок') и разлад элемента системы (*habeo*-паттерн 'что-то не имеет порядка').

Русский язык фиксирует эту когнитивную модель существительными *непорядок* и *беспорядок*, разводящими два логико-смысловых плана: первый предназначен для маркирования разбалансированности некоторого целого (*непорядки в работе секретариата*), а второй – для выражения неупорядоченности частей системы. Отсюда и словосочетания типа *беспорядочные записи, беспорядочный образ жизни, беспорядочные связи* [Ожегов 1986: 350], которые следует понимать как «одна часть системы в порядке, а другая – нет». Наверное, потому русское партикулярное *беспорядок* может употребляться и во множественном числе (бунт, массовые выступления). Немецкое же *Unordnung* и украинское *безпорядок* этой формы не имеют, очевидно, потому, что в них содержится идея нарушения целого, а не его парцелл (*esse*-структура). Поэтому фраза *Das Auto ist nicht in Ordnung* по-немецки не звучит (лучше *Das Auto ist außer Betrieb*), в отличие от рус. *Машина не в порядке* и англ. *The car is out of order*.

Для немецкого менталитета *ORDNUNG* – это императив жизни (*Ordnung muss sein*), воплощающий такие ценности, как комфорт, безопасность, свобода, согласие, справедливость, закон, регламент, сведенные в некоем собирательном *GEMÜT / gemütlich*, и потому он суть наивысший канон (*Ordnung über alles*), а то, что в него не вписывается, является парафией хаоса, в котором господствует антиконцепт *UNORDNUNG*. При этом немецкое слово *Chaos* усвоено даже обыденной речью, где оно используется как намного более сильный маркер беспорядка (по отношению к *Unordnung*). Для нас же *хаос* – наверное, лишь термин из научно-популярной сферы.

Несмотря на то что для украинской и русской лингвокультур БЕСПОРЯДОК также не является положительным моментом бытия, в них он не получает той категорически отрицательной оценки, которую приобретает UNORDNUNG в немецкой лингвокультуре. Тот факт, что беспорядок каким-то образом стал занимать далеко не последнее место в нашей жизни, беспристрастно фиксирует язык. Ср. укр. *непорядок, нелад, безладдя, розлад, розладдя, розгардіяш, розкардаш, заверенечія, шкереберть, чорт повісився, чорт ногу зламає, все догори дригом, п'яте на десяте, тата з мамою не найдеш* и рус. *беспорядок, безобразие, неразбериха, бардак, кавардак, сумбур, тарарам, кутерьма, балаган, бедлам, ералаш, аврал, дурдом, бунт, смута, сумятица, невнятица, катавасия, светопреставление, вавилонское столпотворение, черт ногу сломит, все вверх дном / тормашками, как Мамай прошел* и др. В немецком языке антиконцепт UNORDNUNG профилируется не меньшим количеством номинаций с целой палитрой разноюансированных значений: *Mißordnung, Mißorganisation, Desorganisation, Durcheinander, Regellosigkeit, Gesetzlosigkeit, Charivari, Getümmel, Gewussel, Gewurstel, Hexenküche, Krawall, Krise, Kuddelmuddel, Mischmasch, Olla potrida, Quidroquo, Sauhaufen, Saustall, Schlamperei, Schweinerei, Tohuwabohu, Tumult, Wirrnis, Wirrsal, Wirrwarr* [Dornseiff 1970, 168–169].

Особенно разветвленно осуществляется в немецкоязычной картине мира глагольная объективация БЕСПОРЯДКА: *aufwiegeln, aufwühlen, beunruhigen, desorganisieren, durcheinanderwerfen, fortwursteln, manschen, uberstürzen, umherwerfen, verdrehen, verheddern, vermischen, verkrumpeln, verkuhwedeln, verschlampen, vertauschen, verwechseln, verwirren, zerknautschen, zerknittern, zerzausen, zerwühlen, zusammenwerfen*. Не менее разнообразно она маркирует отрицательную оценку событий и поступков, идущих вразрез с существующими представлениями о валоративе ORDNUNG: *chaotisch, erratisch, kunterbunt, planlos, regellos, regelwidrig, strubbelig, unklar, unordentlich, unsystematisch, tumultuarisch, turbulent, verfitzt, verknotet, verworren, wirr, wüst, wuselig*. Все они функционируют в аксиологическом поле отрицательной оценки.

Наиболее категорично немецкая лингвокультура осуждает проявления беспорядка в своем фразеологическом фонде: *die kaiserlose Zeit, babylonischer Turmbau, Leipziger Allerlei, kreuz und quer, unterst zu oberts, wie Kraut und Rüben, bunt zugehen, aus den Fugen sein, es geht alles aus den Angeln, in einen Topf werfen, vom Hundertsten ins Tausendste kommen*. Иногда беспорядок рисуется ею в феминифобных идиомах типа *weibliche Logik, Weiberwirtschaft*, а в некоторых случаях и в идиомах с креном в ксенофобию: *russisches Chaos / русский хаос, Zigeunerwirtschaft / цыганское хозяйство, polnische Wirtschaft / польское хозяйство, polnischer*

Reichstag / польский рейхстаг, *Judenschule* / еврейская школа, в которых отражаются ложные стереотипы немцев о других народах путем приписывания им некоего системного беспорядка (ср. рус. «Кино и немцы»).

Немецкое этнокультурное сознание выработало довольно значительное количество номинаций, выражающих причины нарушения порядка: *Anarchie*, *Schlamperei*, *Liederlichkeit*, *Sorglosigkeit*, *Unbekümmertheit*. Все они сводятся к двум «человеческим факторам» – безответственности и неорганизованности, которые ни при каких условиях не могут быть оправданными. Есть соотносительные с ними украинские (*бездіяльність*, *безвідповідальність*) и русские лексемы *халатность*, *бестолковщина*, *безалаберность*, *головотяпство*, к которым прибавляются еще и слова *бездеятельность*, *халтура*, обозначающие элементарную лень. Есть в русском языке и номинации, которые маркируют безалаберщину как «вещь в себе» (*путаница*, *бардак*), в семантической структуре которых человеческий фактор если и присутствует, то лишь в контексте «Кто виноват и что делать?» (ср. «Путаница» и «Федорино горе» К. Чуковского). Тем не менее, русская лингвокультура имеет в своем арсенале слова, оправдывающие не-порядок через присущую ей широту «русской души» (*неприкаянность*, *маята*, *томление*, *гулянье*, *удаль*, *размах*), которые нередко валоризируются и тем самым возводятся в ранг концептов [Шмелев 2002: 295–462]. При таких условиях совершённый на фоне *беспечности*, *бесшабашности*, *разгильдяйства* беспорядок может быть в какой-то мере признан уважительным.

Приблизительно на одинаковых лингвокультурных основаниях используются в трех сопоставляемых языках и антропономинации, рисующие социокультурный типаж, склонный к не-порядку. Если в русском он имеет значительную амплитуду разброса – от укоризненно-ласкательной (*шалун* / *шалунишка*, *растяпа*, *шалопай*, *шалапут*) к пейоративной (*бездельник*, *халтурщик*, *ветрогон*, *пофигист*, *смутьян*, *бунтарь*, *баламут*, *путаник*), то в немецкой – это однозначно отрицательный типаж (*Quatschkopf*, *Querkopf*, *Wirrkopf*, *Schlamp*, *Schandudel*, *Slutsch*, *Windbeutel*, *Windhund*, *Taugenichts*). Русский язык и сейчас продолжает вырабатывать слова (*беспредел*, *отморозок*), маркирующие новые формы проявления беспорядка с крайне отрицательной оценкой.

Осознание русской этнокультурой всего того негатива, который служит причиной беспорядка, всегда беспокоило лучших ее представителей, которые всегда стремились навести порядок в обществе и в душах людей. На этом базируются и философская мысль, и искусство, и художественная литература, дидактическая основа которых нередко очерчивается стремлением к наведению порядка и внедрению гармонии. Так, в басне И. Крылова «Лебедь, Щука и Рак»,

мораль которой направлена против беспорядка, осуждается несогласование действий как одна по существенных причин, его порождающих. Аналогичным образом проводится эта идея и в произведениях для детей (ср. «Вот какой рассеянный» С. Маршака), подростков и взрослых (тележурнал «Ералаш») и т. п.

Следует, однако, заметить, что в русском и украинском языках определенную духовную энергетику излучает не само слово «порядок», а производные от него *порядочность* и *порядність* ('честность, неспособность к низким, аморальным поступкам'), а также однокоренные прилагательные с положительной и отрицательной аксиологией: *не/порядочный человек / не/порядна людина, не/порядочный поступок, не/порядний вчинок*. Вместе тем, у русского прилагательного *порядочный* развилось и дополнительное значение – 'большой', 'значительный в размере' (ср. *порядочный негодяй / лентяй*), что, вероятно, восходит к пониманию порядка в математике (*порядковый*). Основное же значение слова *порядок* – «ясная и четкая организация какой-нибудь сферы действительности (в отношении человеческого существования)» [ФЭС 2002: 576] – не находит своей адъективной объективации ни в русском, ни в украинском языках. Немецкий же выработал целый ряд соответствующих адъективных дериватов: *ordentlich, ordnungsgemäß, ordnungsmaßig, unordentlich, ordnungswidrig* и пр.

Перечисленные средства объективации валоратива ORDNUNG отражают главную установку немецкого менталитета: все в мире имеет свою цель, способ и очередность их достижения. То, что не вписывается в этот сценарий, означает хаос (*Chaos*), беспорядок (*Unordnung, Mißordnung*) и противоправность (*Ordnungswidrikeit*) – наибольший грех, угрожающий человеку, а потому и не имеющий права на существование. ORDNUNG для немца – это регламент бытия, норма, закон, от которых немислимо отступить, ибо за их пределами властвует нечто наполняющее душу тревогой. Как заметил Б. Нусс, порядок и страх идут у немцев нога в ногу, а их потребность жить в мире порядка – это опасение сделать что-то не так и тем самым нарваться на неприятности [Nuss 1993: 126]. Отсюда – их влечение к благоустроенности, которая важна для того, чтобы гарантировать себе безопасность, избавиться страхов, фобий и других раздражителей.

Порядок ассоциируется в психологии немцев с безопасностью, а беспорядок – с опасностью. Б. Нусс пишет далее, что «*Unordnung* действует на немца как наркотик, который парализует часть его способностей и вызывает короткое замыкание в мозгу» [Nuss 1993: 130]. Неудивительно, что под конец войны нацистский режим старался мобилизовать нацию листовками с одним-единственным предложением «*Deutscher Sieg oder russisches Chaos / Немецкая победа или русский хаос*». И, нужно заметить, находилось немало таких, кто шел насмерть

ради немецкого порядка. Вот в этом едва ли не лучше всего проявляется телеономная сущность концепта *ORDNUNG*, т. е. то, что составляет «наивысшие духовные ценности, которые образуют и воплощают для человека тот моральный идеал, стремление к которому создает оправданность ее жизни – идеал, ради которого стоит жить и не жалко умереть» [Воркачев 2005: 39].

Телеономией порядка ловко пользуются и маркетологи. Так, своим коммерческим успехом одна из фирм, распространяющих товары по Интернету, обязана удачно подобранному названию для каталога «*Ordnungshalber: schöne Ordnung für Büro, Haus & Garten / Ради порядка: красивый порядок для офиса, дома и сада*» [www.ordnungshalber.de/shop], в котором эти товары рекламируются. Не будет преувеличением утверждать, что слово *Ordnung* является для немецкой лингвокультуры объектом из области суггестии и логодабарии (магия слова). Прорастая на почве этнокультурной памяти, культовая энергетика концепта *ORDNUNG* позволяет ему оставаться и в современной Германии по-прежнему актуальным. Эта истина представлена хоть и в смеховом, но в весьма наглядном виде на рис. 2.2, которые предлагают визуально-идеализированную репрезентацию концепта *ORDNUNG* и антиконцепта *UNORDNUNG* в обыденном сознании на разных этапах его биовитального развития (по-видимому, рис. 2.2а применим к идеализированному сознанию ребенка, а рис. 2.2б – к карнавальным фантазиям взрослого).

Рис. 2.2а. *Unordnung u Ordnung в песочнице*

Две диады, репрезентирующие на рис. 2.2. идею ПОРЯДКА и БЕСПОРЯДКА в виде крайнего, гипертрофированного представления об упорядочении неупорядочиваемого, отражает идею уже упомянутой дуальной монады: порядок в беспорядке и/или беспорядок в порядке, т. е. некий постмодернистский ХАОСМОС.

Рис. 2.26. *Unordnung u Ordnung на парковке*

Для украинского и русского менталитетов концепт ПОРЯДОК, наверное, не имеет той регулятивной силы, которую имеет ORDNUNG для немецкой. Немцы боятся русского беспорядка, а русские посмеиваются над извечным немецким порядком («Что немцу здорово, то русского может погубить»). Разница в отношении трех народов к одному и тому же понятию фактически является той демаркационной линией, которая проходит между их менталитетами: если в немецкой лингвокультуре ORDNUNG суть телеономно-регулятивный валоратив, то ПОРЯДОК у нас – один из многих среди прочих концептов, не наделенных особой духовной энергетикой. Наверное, поэтому ни ПОРЯДОК, ни ЛАД не включены в перечень знаков украинской этнокультуры [Жайворонок 2006].

Однозначно осуждая беспорядок, наша этнокультура мирится с ним как с чем-то неизбежным, считая, что сосуществовать с ним намного безопаснее, а бороться – себе дороже. Руководствуясь установками генетической памяти, наша душа покорно принимает тот перманентный дискомфорт, который создает беспорядок: проще не противиться ему, а находить пути обхода без существенного вреда для себя. В отличие от немцев, мы боимся не беспорядка, а анархии, наверное, потому, что подспудно ощущаем в ней что-то наподобие ситуации «без царя в голове», а потому и расхожие слова «Анархия – мать порядка» мы никогда не произносим всерьез по той причине, что в них содержится замах на один из наших валоративов – «твердую руку» (ср. слова П. Прудо «Anarchie ist Ordnung ohne Herrschaft / Анархия – порядок без твердой руки»).

«Немецкая душа» тоже не против твердой руки, но она нуждается в ней для поддержания, а наша – для наведения порядка. В этом смысле ORDNUNG воспринимается как социально значимая ценность, замешенная на справедливости и свободе. Не смея судить о валоративном освоении НЭМ таких ценностей, как

«равенство», «братство», «дружба», подчеркнем, что порядок и справедливость идут в его ассоциативному ряду рука об руку, поскольку именно они являются залогом первичных для него ценностей – покоя, согласия, удобства, благополучия [Бабаева 2004: 293] (ср. у Т. Фонтане: «*Er hat an die Stelle von Zerfahrenheit, selbstischer Vielherrschaft und Willkür Ordnung und Gerechtigkeit gesetzt* / На место растерянности, самоуправства и своеволия он поставил порядок и справедливость» [DL 1997, с. 16485]. Немцы верят в то, что ORDNUNG и его производная GERESCHTIGKEIT ‘справедливость’ могут эффективно противостоять всем жизненным невзгодам. Наверное, это происходит потому, что в славянской правовой традиции концепты СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ПРАВО и ЗАКОН еще с незапамятных времен осознаются синкретически [Чмир 2005: 58], т. е. нерасчлененно, мы отдаем предпочтение ПРАВДЕ, хотя и мало верим в ее торжество. Еще Г. Лейбниц шутил, что справедливость, в отличие от лошади, увидеть нельзя [ЗНб 2000].

Мы тянемся к своей ПРАВДЕ неосознанно, иногда с удивлением понимая, что «правд» может быть несколько, причем у каждого своя. Немцы же стремятся к справедливости через осознание порядка. В этом смысле известные слова Ф. Энгельса о свободе как осознанной необходимости в экстраполяции на немецкий менталитет без преувеличения можно перефразировать как «Порядок есть осознанная необходимость», причем осознанная не каким-то эфемерным национальным духом, а каждым конкретным представителем этнокультурного коллектива. Ср. высказывание Бориса Акунина: «Россия любит погорлопанить про свободы, а на самом деле порядка хочет»¹⁴.

Известные слова «*Freiheit ist nicht die Tochter, sondern die Mutter der Ordnung* / Свобода не дочь, а мать порядка» /Р. J. Proudhon/ являются для НЭМ тождественными словам «*Ordnung ist nicht die Tochter, sondern die Mutter der Freiheit*» / Свобода не дочь, а мать свободы» (ср. также противоположную мысль: «*Die alte Ordnung, die heute noch genau so besteht wie damals, nahm und gab dem Deutschen; sie nahm die persönliche Freiheit, und sie gab ihm Gewalt über andere* / Старый порядок, существующий сегодня так же, как и раньше, ... отобрал у немца личную свободу и дал ему насилие над другими» /К. Tucholski, Der Untertan/). Восприятие НЭМ порядка как осознанной необходимости, а беспорядка – как вредоносного фактора достаточно образно озвучил немецкий философ Пауль Клаудель: «*Ordnung ist die Lust der Vernunft. Unordnung ist Wonne der Phantasie* / Порядок – радость разума. Беспорядок – блажь фантазии». Напомним, что еще дальше в своем рациональном освоении этих двух величин

¹⁴ Акунин Б. (Чхартишвили Г.). Аристонмия. – М.: Захаров, 2012. – С. 126.

пошел Ш. Пегью, заявивший, что «*Ordnung und Ordnung allein führen endgültig zur Freiheit. Unordnung schafft Knechtschaft* / Порядок и только порядок ведет к свободе. Беспорядок порождает холуйство» /Ch. Réguy/.

Мысль о том, что порядок и беспорядок всегда существуют рядом и представляют собой череду событий, в которых они перманентно порождают и сменяют друг друга и тем самым осуществляют то, что в современной научной парадигме знания принято называть самоорганизацией, никогда не была чуждой обыденному сознанию ни русского, ни украинского, ни немецкого народов.

На это неоднократно обращали внимание классики немецкой литературы («*Aber die höchste Schönheit, ja die höchste Ordnung ist denn doch nur die des Chaos* / Но высшая красота и высший порядок – это всего лишь красота и порядок хаоса» /F. Schlegel/ [DL 1997: 87067]) и особенно подчеркивают современные деятели: «*Chaos ist ein besonderer Fall von Ordnung* / Хаос – особый случай порядка» /H. Reichel/; «*Durch Ruhe und Ordnung kann die Demokratie ebenso gefährdet werden wie durch Unruhe und Unordnung* / Покой и порядок в той же мере угрожают демократии, в какой ей угрожают непокой и беспорядок» /H. Hambruchner/. Некоторые деятели культуры, взяв на вооружение слова А. де Сент-Экзюпери «Порядок ради порядка отбирает у человека все его силы», провозглашают беспорядок одной из главных установок современного искусства: «*Aufgabe von Kunst ist es heute, Chaos in die Ordnung zu bringen* / Задача искусства состоит в том, чтобы порядок разбавить хаосом» /Th. W. Adorno/. Впрочем, понимание неотрывности одного от другого имеет тысячелетнюю историю в масонстве, главным девизом которого – «*ordo ab chao* / порядок через хаос».

Наверное, подспудное ощущение диалектики порядка и беспорядка позволяет немцам иногда иронизировать над своей страстью к нему. Например, шутливо-ироническое воплощение этого факта в виде граффити на одном из домов в Ганновере: «*Schaffe Ordnung, halte sie, das erspart die Phantasie* / Создавай-твори порядок, он укротит твою фантазию». Если такое граффити придумано кем-то из многочисленных эмигрантов, то можно предположить, что в нем в определенной мере отражено стереотипное представление иностранцев о немцах как о людях без какого-либо полета фантазии.

Тем не менее, немцев не очень-то трогают такого рода обидные характеристики. Они опасаются другого – обвинений в педантизме, так как знают, что от почитания порядка к педантизму один шаг («*Vom höchsten Ordnungssinn ist nur ein Schritt zur Pedanterie* / От высшего чувства порядка до педантизма – один шаг» /Chr. Morgenstern/). Понимая педантизм как гипертрофированную форму любви к порядку, немецкий менталитет беспрекословно осуждает его, но он не

в состоянии отделить одно от другого. О тонкой грани между порядком и педантизмом писал еще Гете: «Из всякого порядка в конечном счете прорастает педантизм; чтобы от него избавиться, его нужно разрушить, и по прошествии определенного времени осознать: надо снова создавать порядок». Опасение быть заподозренным в педантизме – наиболее уязвимое место немецкой души, но предъявлять обвинения кому-то намного проще, чем видеть педантизм в себе. Так вот и пребывает эта душа в плену постоянного балансирования между необходимостью согласовывать действия и поступки на предмет их соответствия порядку и угрозой быть обвиненным в абсолютизации порядка.

Подводя итог, подчеркнем, что во всех трех анализируемых языках феномены «порядок» и «беспорядок» располагаются на аксиологической шкале, крайними полюсами которой являются оценки «хорошо» и «плохо». В полном соответствии с этой полюсностью немецкий менталитет располагает феномены *ORDNUNG* и *UNORDNUNG*. Это означает, что для него не существует промежуточных зон, где бы граница между ними блекла или стиралась, а потому любое проявление не-порядка в этой культуре квалифицируется как системное нарушение чего-то, а потому ни при каких условиях не может быть оправданным.

Приблизительно в таких же параметрах воспринимаются *ПОРЯДОК* и *БЕСПОРЯДОК* русским и украинским менталитетами: первый здесь также оценивается как нечто вызываемое безответственностью, неорганизованностью, ленью, однако «славянская душа» всегда оставляет «люфт» для оправданий *БЕСПОРЯДКА*. В отличие от немецкой, эта душа воспринимает порядок и беспорядок диалектически, как единство и борьбу противоположностей, как проявление симметрии мира, при которой одно порождает другое, вытекает из него и с ним пересекается, а потому ни русские, ни украинцы не драматизируют беспорядок, усматривая в нем не разлад системы, а нарушение отдельных ее элементов.

Изложенные соображения могут быть подтверждены или опровергнуты при изучении другого аспекта очерченной проблемы – лингвокультурного. Лингвокультурное описание концептов *ПОРЯДОК* и *БЕСПОРЯДОК* в окружении близких и/или родственных явлений, а также анализ компарабельных с ними феноменов на материале других языков могут дать более глубокие и, возможно, более исчерпывающие сведения о самобытности и неповторимости не только немецкого, но и других этнических менталитетов.

СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОКОРПУСА

В последние десятилетия научная мысль осуществила прорыв в понимании законов конвергенции естественных и социальных явлений, которые нашли свое воплощение в теории синергетики, где языковая личность рассматривается как сложная, незамкнутая, диссипативная система, интегрированная в окружающую действительность, что, собственно, и является источником мотивации ее вербального (дискурсивного) и невербального поведения.

Такое понимание языковой личности позволяет под иным углом зрения взглянуть и на теорию самоорганизации языка и речи – лингвосинергетику – в той ее части, которая обращена к взаимодействию коммуникантов в ходе вербального общения, т. е. своей дискурсивной деятельности. В фокусе внимания синергетического подхода оказываются не только коммуникативные проблемы интерактивности (диссипация, митигация, аккомодация, переключение кодов), но и проблемы когнитивного порядка, ведь *homo loquens* – это не просто система, которая гибко владеет тактико-стратегическими навыками общения, но еще и саморегулирующаяся интеллектуальная система, владеющая разными типами знаний, активизируемыми в процессе (де)кодирования речевых сообщений.

Это приводит к формированию новых свойств системы, к своеобразному качественно-системному скачку, который становится возможным благодаря бифуркации – раздвоению одного узла информации на два в определенной точке нестойкости [Капра 2003: 189]. Количество ветвей, выходящих из бифуркационной точки, определяет набор новых возможных диссипативных структур [Бранский 2000: 112]. В этом отношении информация предстает как явление синергетического порядка, в котором отражается мера организации системы [ФС 1986: 172]. При этом одним из важных понятий становится когнитивная энтропия (когнитивный диссонанс) – мера отклонения системы от определенного состояния, принимаемого за эталонное (оптимальное). Другими словами, энтропия – это недоинформированность, разупорядоченность, отклонение от какого-то условного эталона на фоне недостатка или недоиспользования определенного информационного ресурса. Этот принцип определяет эволюционную динамику языковой системы.

Основой синергетического видения речевой деятельности является когнитивно-коммуникативный дуализм, являющийся мощным фактором, определяющим организационные условия и механизмы порождения высказывания: преодоление энтропии, обеспечение перехода от хаоса к порядку, устранение неравновесия системы. Все это в конечном итоге способствует такому «наведению» опций в выборе средств выражения, при котором языковое сообщение приводится в соответствие с принципом эргономической целесообразности.

Понятно, что в каждом конкретном случае говорящий может усматривать в своих сообщениях сколько угодно эпистемических лакун, которые он будет стараться устранить ради более полного информирования адресата об определенном состоянии вещей (или, наоборот, будет осторожничать, дабы не сказать лишнего). «Озвучивая» какой-либо массив информации, homo loquens оценивает возможные следствия своих речевых шагов и реагирует целенаправленными вербальными действиями, продуцируя дополнительные кластеры информации, необходимые, по его мнению, для достижения взаимопонимания. Тем самым он находится в постоянном процессе гармонизации своих речевых действий.

Лингвокогнитивный алгоритм гармонизации дискурса является, по сути, способом преобразования когнитивного диссонанса в когнитивный консонанс, т. е. аккомодации вербальных средств к пропозициональному содержанию и интенциональным установкам, что и обеспечивает номинативно-коммуникативную сбалансированность речевого сообщения, а это, в свою очередь, способствует устранению чрезмерности информации, нейтрализации полисемии, омонимии и синонимии, снятию изоморфизма – всех тех извечно и сугубо лингвистических явлений, исчерпывающее объяснение которых возможно лишь в рамках когнитивно-коммуникативного подхода.

3.1. КОНЦЕПТОСФЕРА

КАК СИСТЕМНО УПОРЯДОЧЕННАЯ СОВОКУПНОСТЬ КОНЦЕПТОВ

3.1.1. К понятию концептосферы

Концептуальный корпус языка не является однородным в плане своей организации, характера вызываемых образов, степени валоризации и, соответственно, интериоризации в лингвокультурном сознании. Не является он однородным и с точки зрения законов сочетаемости и путей комбинирования концептов между собой, а потому определенных научных изысканий требует проблема их

системного устройства, задаваемая, по-видимому, законами категоризации и концептуализации действительного и воображаемого миров, ведь само мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация – упорядочивание ее объектов.

Так или иначе, любые разработки в области концептологии затрагивают и вопросы систематизации. Например, В. И. Карасик [ВКЛ 2005: 73] и В. А. Маслова [2004: 152] пишут о «многомерности», С. А. Кошарная [2002: 54] – об «объединении концептов», М. В. Никитин [2003: 266] – об их «системной организации». М. В. Пименова прямо говорит о концептосистемах, считает их основой языковой картины мира и определяет как «весь объем моделей осмысления и описания мира и его фрагментов» [ВКЛ 2005: 133]. Таким образом, говоря о системности, ученые имеют в виду некоторую совокупность типологически разных концептов в их единстве и многообразии, в которой вся палитра ментальных образов упорядочивается в виде определенных паттернов, формируемых по принципам структуры и системы.

В любом случае речь идет о нехаотичности, а точнее, об упорядоченности концептосистем. Такое видение проблемы позволило выработать, по меньшей мере, два подхода к ее решению. Первый вошел в научный обиход с легкой руки Д. С. Лихачева под названием «концептуальная сфера», второй – «концептуальное поле» [Кошарная 2002; ВКЛ 2005: 12]. Попробуем разобраться в целесообразности такой классификации с учетом законов и принципов системологии.

Концептосфера (КСф) истолковывается учеными как «упорядоченная совокупность концептов, существующих в виде обобщенных представлений, мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира» [ВКЛ 2005: 56] или как «некоторая совокупность психоментальных представлений этноса, незримым ореолом окружающая его язык» [Лихачев 1997: 281]. В таком ракурсе КСф может рассматриваться как система систем, как «концептуарий культуры» [Карасик 2005: 85]), как «информационная база мышления» [Попова 2007: 176], как своеобразное вместилище, банк, депозитарий концептоединиц отдельных языковых социумов (этносфера).

Наконец, КСф – это единый когнитивно-семантический континуум этноса, включенный в информационную систему более высокого порядка – *ноосферу*, «единый когнитивно-семантический континуум человечества» [Манакин 2004: 31]. Поскольку изучение концептов в ноосферном, глобально человеческом масштабе на сегодняшний день является непосильным для филологической науки, она в большей мере концентрирует свое внимание на КСф отдельных этносов.

Поэтому термин «концептосфера этноса» представляется не только устоявшимся, но и, очевидно, единственно корректным в современной лингвокогнитологии.

Будучи интегрированной в ноосферу, систему высшего порядка, КСф представляет собой вместилище совокупного набора типологически различных концептов в их единстве и разнообразии. КСф гетерогенна по своей сути: вся палитра представленных в ней концептов упорядочивается в виде определенных участков, формирующихся по принципам структуры и системы. Это касается как вербализованных, так и невербализованных, как предметно-конкретных, так и абстрактно-идеальных концептов.

Как известно, *система* – «совокупность элементов, пребывающих в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность» [ФС 1986: 427], которая по степени нарастания сложности включает объект-систему, систему объектов одного рода и множество объектов систем [Карпов 2003: 297]. Иными словами, неотъемлемыми атрибутами любых материальных и идеальных систем являются множество, связь, целостность и структурированность. Кроме того, они характеризуются такими ингерентными принципами, как логичность и изменчивость, из которых вытекают их существенные свойства: иерархичность / линейность, изо- / полиморфизм, симметрия / асимметрия, устойчивость / неустойчивость, противоречивость / непротиворечивость.

Главным принципом при этом является *множество* – «любая совокупность некоторых объектов нашей интуиции, различающихся между собой, или интеллекта, который мыслится как единое целое» [Столл 1968: 11]. Известно, что множество, как логическая категория, имеет такие отношения, как «принадлежность» и «включенность», где первая выступает исходной величиной и обозначается атомарной формулой « $x \in M$ » (элемент x принадлежит множеству M). Для нашего же анализа важнее отношение между множествами по схеме включенности, или импликации (\supset или \subset).

Некоторые специалисты считают, что концепты группируются в ряды, соединенные между собой звеньями, и образуют сетку, сравниваемую с картинами мира, и что внутри этих рядов они упорядочены по принципу противопоставления и бинарности [Белова 2002: 20; ВКЛ 2005: 75]. Наш материал, однако, показывает, что концептосистемы организованы намного сложнее. Эта организация детерминирована основным системологическим алгоритмом – *иерархичностью*, который можно сравнить с принципом «матрешки», каждая составляющая которой повторяет в основных своих чертах функции, структуру и форму целого. Последняя, как пишет Ф. Капра, напоминает саму себя на всех уровнях выбранного диапазона – подобно тому, как каждая головка цветной

капусты напоминает саму капусту, а каждый камень в горах – сами горы [Капра 2003: 156]. В этом нет ничего удивительного, ибо системно заданной является сама трихотомическая природа мира в единстве формы, содержания и функции.

Как уже отмечалось, *система* есть такое интегрированное целое, чьи существенные свойства формируются через взаимосвязи частей. Системная организация любого объекта предполагает выделение таксонов высшего и низшего порядка, которые существуют по принципу включенности одних в состав других (ср. [ВКЛ 2005: 3]), а точнее – вложенности. М. В. Никитин пишет, что концептов в «некотором континууме выделяется столько, сколько подразделений в нем существенны для человеческой практики, и они настолько дискретны, насколько существенна и отработана в опыте дискретизация соответствующего участка денотативной сферы» [Никитин 2003: 269].

Исходя из очерченных признаков, будем считать, что концептосфера – это объективно существующая совокупность вербально обозначенных и вербально не обозначенных национально маркированных ментальных единиц лингвокультуры, упорядоченных по принципу системности и организованных на основании множественности, целостности, связи и структурированности. Методологически основополагающим и принципиально важным моментом является наше глубокое убеждение в том, что в одной лингвокультуре существует только одна концептосфера. Употребление же этого термина в форме множественного числа, которое иногда имеет место в научной литературе, не является корректным в силу того, что он, как правило, оказывается синонимом термина «концептосистема».

3.1.2. Основные типы концептосистем

Концептосфера этноса является холистическим феноменом и представляет собой не хаотичный набор типологически и генетически различных концептов, а их определенным образом упорядоченное единство. Будучи системой систем, КСф допускает свое научное осмысление как дискретная сущность, которая структурируется субсистемами. На рис. 3.1 показаны две концептосистемы – концептополя и концептоконфигурации.

Понимание системной организации концептов дает основание считать КСф системой высшего порядка, в которой существуют системы низшего порядка – подсистемы. Таким образом, КСф следует квалифицировать как гетерогенный феномен, в котором вся палитра ментальных единиц упорядочивается

в виде некоторых участков-подсистем, формирующихся по принципам структуры, связи, иерархии. Их крайними точками являются концептосфера и концепт, связь между которыми устанавливается посредством *концептополя*. Последнее представляет собой системорелевантное образование медиального уровня, поскольку на его основе возникают концептосистемы иного рода – дискурсивные, которые образуются концептами, принадлежащими различным концептополям (на рис. 3.1 они показаны короткими линиями-линками). *Дискурсивные конфигурации концептов* (ДКК) являются, по сути, межполевыми формациями концептов, ситуативно возникающими в соответствующих коммуникативных средах.

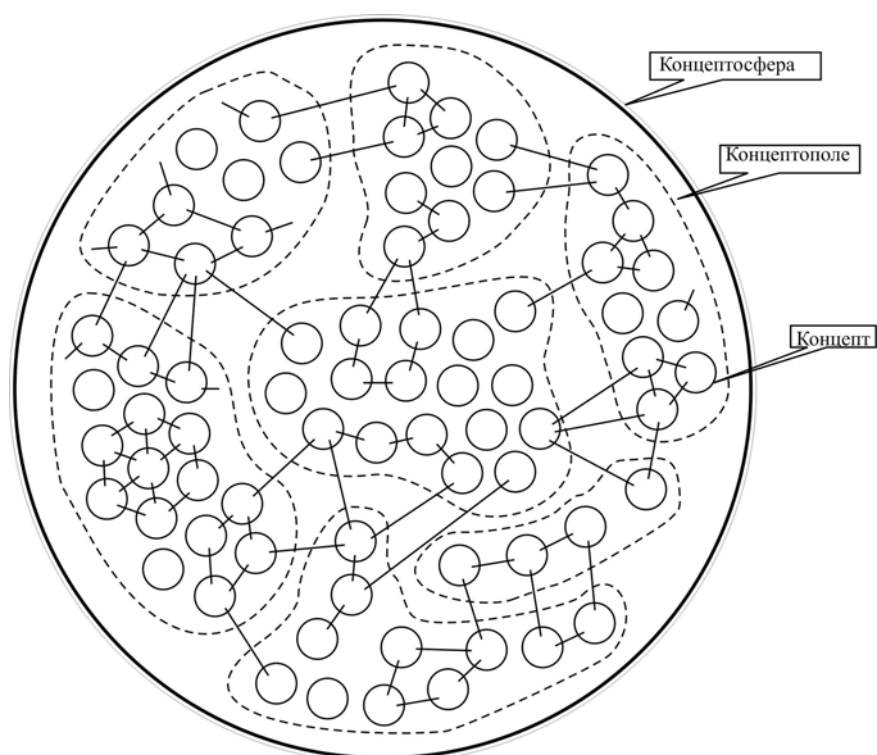

Рис. 3.1. Системная организация концептосферы

Иногда КСф провозглашают «упорядоченной совокупностью концептов в сознании человека» [Попова 2007: 176]. С этим трудно согласиться, поскольку КСф является достоянием не отдельной языковой личности, а всего этноса, к которому эта личность принадлежит. Объективное существование КСф вряд ли целесообразно переводить в субъективную плоскость. Однако в связи с этим нельзя не отметить и наличие некоторого рационального зерна: человек имеет прямую связь с КСф этноса, представителем которого он является, и эта связь заключается в индивидуальном освоении им ментальных конструкторов своего этноса. Этот процесс происходит путем постоянного приближения к объекту познания, однако он никогда не бывает завершен.

Основные дифференциальные признаки трех концептосистем – системы систем (КСф) и двух ее подсистем (КП и ДКК) – в обобщенном виде представлены в табл. 3.1.

Таблица 3.1. *Концептосистемы и их дифференциальные признаки*

Концептосфера (КСф)	Концептополе (КП)	Дискурсивная конфигурация концептов (ДКК)	Идиоконфигурация концептов (ИКК)
Совокупность национально маркированных ментальных единиц лингвокультуры	Сегмент КСф, отвечающий за организацию определенного когнитивно-семантического пространства	Сегмент КСф, отвечающий за организацию определенного социодискурсивного пространства	Совокупность концептов, свойственных отдельной личности
Система систем (объект-система)	Подсистема КСф (система объектов одного порядка)	Подсистема КСф (система объектов разного порядка), набор концептов разнополевой соотнесенности	
Системно обусловленная совокупность концептов	Устойчивая группировка концептов	Относительно устойчивая и / или ситуативно обусловленная группировка концептов	Индивидуально обусловленная совокупность концептов
Совокупность типологически и семантически одно- и разнородных концептов	Типологически и семантически однородные концепты	Типологически и семантически одно- и разнородные концепты	
Включение (⊂) КП и ДКК	Вхождение (⊃) в КСф по принципу включенности (импликации)	Вхождение в КСф по принципу принадлежности (∈), при посредничестве КП	
Множественность, целостность, связь, структурированность	Иерархическая упорядоченность концептов	Линейная и ситуативная упорядоченность концептов	Неупорядоченная система концептов
Содержит концептокорпус	Образует концептокорпус	Использует концептокорпус	

Концептокорпус языка не может быть всесторонне познан лишь на основании выделения трех указанных типов систем. Анализ специальных работ, посвященных исследованиям в области лингвоконцептологии [Воркачев 2004, 2007; Карасик 2004, 2005, 2007; Красавский 2002; Красных 2003; Слышкин 2004; Степанов 1997; Пименова 2005; Фесенко 1999 и др.], позволяет сделать вывод о том, что концепты существуют не только на этно- и социокультурном, но и на индивидуальном уровне сознания (*идиоконцепты*). Если дискурсивные (под)системы являются межполевыми конфигурациями концептов, **то идиоконфигурации концептов (ИКК)**, т. е. *идиоконцептуальные (суб)системы* имеют одновременно и межполевые, и междискурсивные истоки, ибо представляют собой определенную конфигурацию концептов в сознании отдельно взятого

человека (достаточно вспомнить 33-словную «концептосистему» Элочки Людоедки, известного персонажа И. Ильфа и Е. Петрова).

Индивидуальные концептосистемы тесно повязаны с *идиодискурсом*, в рамках которого говорят о языковой личности-концептоносителе. Соотнося их с художественными концептами, О. П. Воробьева пишет, что такие концепты существуют в определенной *идиосфере* (часть художественной картины мира) и возникают как намек на возможные значения и как отклик на предыдущий лингвокультурный опыт человека, в котором находит свое отражение индивидуально-авторское осмысление мира [Воробьева 2011: 54]. Ярким примером тому могут быть исследования идиодискурсов идеологов большевизма. Так, идиодискурсы Ленина и Сталина определяются повышенной концентрацией в них лексем, репрезентирующих базовые концепты большевистской идеологии: ПАРТИЯ, КОММУНИЗМ, СОЦИАЛИЗМ, БОЛЬШЕВИЗМ, РЕВОЛЮЦИЯ, КЛАСС, ПОЛИТИКА, ПРОЛЕТАРИАТ, ДИКТАТУРА, НАЦИЯ, ВЛАСТЬ, ТРУД, ТРУДЯЩИЕСЯ, РАБОЧИЕ, ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА и др. [Кегеян 2011]. Как правило, идиодискурсы оказываются ментальным фундаментом более крупных дискурсивных формаций. В случае с идиодискурсами Ленина и Сталина специалисты ведут речь о лингвориторическом ядре большевистского дискурса [там же: 133]. К системам такого типа можно отнести и ДКК в рамках определенной социальной страты (см. напр., [Белозерова 2006]). В конечном итоге и они оказываются конститутивным звеном более крупного дискурсивного образования.

Ярким тому примером является идиодискурс Фридриха Дюрренматта, входящий к дискурсу постмодернизма. Будучи связанным с процессом критического осмысления действительности, этот идиодискурс конституируется рядом художественных концептов. В его основе лежит мегаконцепт ЛАБИРИНТ, структурными элементами которого выступают ризоматические концептуально-ассоциативные пространства. Лабиринтоподобная модель мира, вражеского и несправедливого к отдельному человеку, равнодушного к человеческой жизни, а потому обреченного на самоуничтожение, коррелирует с системой художественных концептов, наделенных положительной оценкой, хотя на самом деле таковыми для автора не являющимися (STAAT / ГОСУДАРСТВО, POLITIK / ПОЛИТИКА, HENKER / ПАЛАЧ, GELD / ДЕНЬГИ, TOD / СМЕРТЬ, MORD / УБИЙСТВО). С другой стороны, имеет место и обратный процесс – переполюсовка концептов «высокого духа» наподобие телеономов СЧАСТЬЕ, РАДОСТЬ, ЛЮБОВЬ, ДРУЖБА, наполняемых у Ф. Дюрренматта ироническим или гротескным содержанием [Федоренко 2011]. Переоценка цивилизационных и национально специфических ценностей приводит к их почти полному отрицанию, в результате чего

соединение несоединимого – возвышенного и низменного, прекрасного и безобразного, комического и трагического – оказывается единственно сущей ценностью. В своей совокупности они отражают обеспокоенность автора-концептоносителя цивилизацией, уже дошедшей до «апокалиптического предела».

Безусловно, КСф является общей для всех носителей данной культуры, она ментально консолидирует нацию, но так ситуация выглядит только в идеале, а в действительности все гораздо сложнее, так как степень освоения концептов отдельными членами лингвокультурного сообщества может существенно различаться, а некоторые из них могут даже не иметь в своем концептофонде того или иного концепта или, наоборот, иметь в нем концепты из концептосфер других народов. Индивидуальные концептосистемы конституируются на основе объективно существующей КСф этноса, однако в сознании отдельного человека они всегда субъективно преломлены, а их количество и качество зависят от интеллекта, образованности, эрудиции, ценностных ориентиров, социального статуса и даже от состояния здоровья языковой личности-концептоносителя.

Таким образом, исходя из современного состояния научного знания, уместно говорить, по крайней мере, о трех видах концепто(под)систем: полевой, дискурсивной и индивидуальной. Учитывая тот факт, что изучение идиоконцептосистем связано со значительными трудностями, в т. ч. и с проведением психолингвистического эксперимента, в рамках этой работы мы сосредоточим свое внимание только на первых двух.

Еще раз подчеркивая свою приверженность той точке зрения, согласно которой атомарной единицей КСф является концепт, добавим, что эта единица входит в КСф не сама по себе, а только благодаря взаимосвязи с другими концептами, т. е. через паттерн организации. Этот паттерн формируется двумя системорелевантными способами – полевым и конфигуративным: первый специализируется на организации когнитивно-семантических, второй – социодискурсивных пространств.

3.2. КОНЦЕПТОПОЛЕ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Осознание того факта, что семантическое пространство языка представляет собой континуум, а лексическое значение не имеет четких границ, побудило лингвистическую общественность выдвинуть идею комплексного описания лексических множеств, связанных общим смыслом, которая получила название поля [Brinkmann 1962; Trier 1932; Балли 1955].

Предметом исследования в теории поля является группа языковых единиц, объединяемых на основе общности значения (семантический принцип – «лексико-семантическое поле») или общности выполняемых ими функций (функциональный принцип – «функционально-семантическое поле»), а также на основе комбинации этих двух признаков (функционально-семантический принцип – «лексико-грамматическое поле»). Основными же методологическими постулатами, от которых отталкиваются ученые в разработке теории поля, являются системность, структурированность, множественность и, главное, национальная детерминированность реализации семантических категорий (см. подробнее: [Всеволодова 2009]), в совокупности базирующихся на идее многомерности и внутрислового иерархии [Ломоносова 2008]. Ее соблюдение стало традиционным в изучении и описании любых полей, в т. ч. и концептуальных.

Полевое устройство концептокорпуса может быть осмыслено в терминах иерархических структур, которые содержатся в памяти носителей языка в виде прототипических ядер / эталонов и подчиненных им элементов. При таком подходе семантическое пространство языка предстает в виде некоторого континуума, в котором можно выделить своеобразные семантические «сгустки». Исходя из этого, целесообразно разграничивать два принципиально различных феномена – концептополя микро- и макроуровня: первые можно считать идио-полем отдельно взятого концепта, тогда как вторые, собственно, и являются концептуальным полем (или концептивным полем) на том основании, что включают в себя определенное множество концептов, объединенных общностью их имен.

3.2.1. Концептополе микроуровня

Концептополе микроуровня полностью отвечает традиционным канонам теории поля. По сути, оно является номинативным полем концепта и представляет собой совокупность ментальных единиц, объединенных смысловой общностью и отражающих понятийное, предметное и функциональное подобие обозначаемых концептом явлений, в силу чего поле предстает как способ существования и группировки языковых элементов с вариативными свойствами их концептуального прототипа / инварианта – ядерного концепта.

Опыт ассоциативно-полевого моделирования эмоционального концепта СТРАХ на материале немецкого языка (ANGST) [Вежбицка 1999; Пименов 2007; Schulz 1995], английского (FEAR) [Борисов 2005; Пичугина 2003], русского (СТРАХ) [Заикина 2004] свидетельствует о том, что его рациональным субстратом является

знание о ситуации возникновения, переживания и устранения соотнесенной с ним эмоции. Этот концепт имеет сложную структуру, задаваемую суммарным человеческим знанием и представлением об эмоции «страх» и, соответственно, о самом человеке как ее субъекте. Релевантными для моделирования этого концепта являются причина, время протекания, интенсивность, контролируемость, оценка, субъект эмоции.

При речевой реализации концепта FEAR причиной становятся прагматические (страх перед обществом, перед чиновниками и начальниками, перед сверхприродным), ситуативные (страх перед тем, что несет смерть, неурядицами, неудачей), эмотивные (отрицательные эмоции) и временные факторы (будущее может вызывать страх перед неизвестным, прошлое – на фоне негативного опыта). В конечном итоге и эмоция, и концепт выступают той платформой, на которой выстраивается вся палитра соответствующих номинаций: синонимические ряды, синтаксическая дистрибуция, стилистическая маркированность и пр.

Лексическими средствами объективации концепта FEAR являются синонимические номены с признаками ядра и периферии. **Ядерными** лексическими единицами, в семантической структуре которых преобладают семы, составляющие этот концепт, являются *fear, anxiety, worry* и *fright*, околядерными – *alarm panic, terror, horror, dread, consternation*, а **периферийными** – *anger, fury* и *irritation*, семный набор которых может относиться как к этому, так и к другим семантическим пространствам, т. е. такие лексические единицы, которые могут коррелировать и с другими концептами. FEAR обнаруживает и присущие ему специфически индивидуальные признаки – такие, как «экспириенсер» (*fearer*), «угроза» (*intimidation*), «симптом» (*to slink*), «состояние» (*afraid*) [Борисов 2005: 10]. Реализация ядерных элементов когнитивно-семантической модели концепта FEAR определяется прагмарегулятивными факторами, поскольку в ролевом и социопсихологическом отношениях носитель эмоции подчинен ее каузатору.

На периферии поля концепта FEAR находится и его вторичная номинация, которая отображает отдельные свойства некоторой реальной или фиктивной сущности, ассоциативно приписанной соответствующей эмоции. В результате этого вторичные номинанты концепта FEAR оказываются метафорически заданными сферой, которая проецируется на него из других макроконцептов («существо», «растение», «предмет», «объект», «природа», «артефакт», «вещество», «стихия», «враждебная сущность», «призрак» и др.). Вместе они определяют и понятийно-перцептивно-валоративную дистрибуцию FEAR, и вербальную аранжировку той социодискурсивной ситуации, в которой он актуализируется.

Всесторонний анализ одного-единственного концепта, предлагаемый О. О. Борисовым и Е. В. Пичугиной, наталкивает на мысль об относительности структуры КСф этноса: в одном «маленьком» концепте FEAR парадоксальным образом сосуществуют элементы как микро-, так и макрокосма.

Эти элементы могут задавать и целые культурные сценарии. Как доказывает А. Вежбицкая, немецким аналогом английского FEAR является FURCHT (опасение), а не ANGST (страх). Последний же намного более объемен и более глобален по своему перцептивно-образному наполнению: в нем тесно переплетены бытовая, психологическая, философская, теологическая и другие характеристики, привносящие в ANGST неуверенность, тревогу и даже несчастье. Как утверждает А. Вежбицкая [1999: 605] со ссылкой на Х. Хентинга [Henting 1996], немецкий этнический менталитет выработал комплекс защитных мер в виде многочисленных предписаний и запретов, которые уменьшают жизненные неурядицы и сопутствующий им страх: «Выполняй предписание (ORDNUNG), и тебе нечего бояться». Но, вероятно, это не спасает современного человека от разного рода синдромов, фобий и психозов (ср. нем. *Prüfungsangst, Lampenfieber, Angstanfälle, Angstsörungen*, а также *Panik, Stress, Mobbing, Burn-out*), которые затрагивают не только психологическое, но и физиологическое самочувствие человека [Plutchik 1994]. Более того, они становятся актуальными для всей постиндустриальной, а точнее, технотелемедийной цивилизации, вынуждающей человека искать механизмы защиты, в т. ч. и медицинского порядка.

Наличие богатого набора средств номинации концепта СТРАХ свидетельствует не только о сложности его когнитивно-семантической организации, но и о сложности всей системы, в которую он входит, что определенным образом подтверждает выдвинутое нами предположение о дифференциальной бесконечности ментальных единиц. Наличие микроконцептов ANXIETY / ТРЕВОГА, WORRY / ОБЕСПОКОЕННОСТЬ, FRIGHT / ИСПУГ убеждает в возможности разделения атомарной единицы концептосферы на более мелкие элементы.

Анализ микрополя **концепта JOY / РАДОСТЬ** предлагает Ю. Ю. Шамаева. Характеризуя его как ментальное образование с разветвленной полевой структурой, она выделяет в нем ядерную и периферийную зоны. К ядру принадлежат концепты нисходящих (относительно JOY) уровней абстракции (*jolly briefness, goodness, achievement, graduation, marriage*), а на периферии располагаются те составляющие, которые выделяются меньшей степенью интенсивности проявления соответствующего аффекта: ближняя периферия (*peace, birth, (re)action, hope, religion, God's gift (internal), contents, confidence, present, delight, elation*) и дальняя периферия (*has a spiritual root, it is based upon, a feeling that overcomes,*

overwhelming emotion, friends, cheer, security, jolliness, choice, praise, glow, delight that fills you, it overflows to your life, positive outlook, satisfaction, swell of sensations, Christmas, depth, surprise, victory, amusement, shining sun, blue sky, intoxication, love, bubbling over, excitement, content, pleasure, knowledge that everything is under control, purposefulness). Далее автор отмечает: «...основу структуры полевой модели составляют метафорические способы вербализации радости, которая представляет собой результат прохождения этой эмоции сквозь призму мышления, в процессе которого с помощью языка материализуется не сама эмоция, а ее опосредованное и обобщенное отражение» [Шамаева 2004: 196].

Аналогичный способ моделирования микрополя **концептов** англ. **SURPRISE** и рус. **УДИВЛЕНИЕ** демонстрирует Н. В. Дорофеева, выделяя адмиративное поле, к ядру которого она относит частеречные и словообразовательные варианты членов синонимических рядов *удивление – изумление* и *surprise – wonder – amazement – astonishment*, соответственно. Их разветвленная и чрезвычайно разнообразная периферия определяется нечетким и диффузным характером этих концептов и соотнесенной с ними эмоции. В итоге периферия оказывается заполненной другими эмоциональными концептами и их вербальными репрезентантами: сомнением (*удивление, сомнение*), удивлением (*puzzled surprise / wonder, perplexed amazement*); удовлетворением (*приятное удивление, приятно удивить / изумить; delighted / agreeable / pleased / peaceful surprise, delightful wonder, delight and surprise, surprise and satisfaction*); восхищением, благоговением (*удивление и гордость за кого-то, благоговейное удивление; awed / worshipping wonder, charmed astonishment; awed / worshipping wonder, charmed astonishment*); симпатией и благосклонностью (*friendly / affectionate astonishment*); радостью, счастьем (*удивление / изумление и радость, happy / wonder, wonder-happy*) и т. п.

К периферии поля концептов **SURPRISE** и **УДИВЛЕНИЕ** относятся также и способы их отрицательной маркировки: недовольство (*неприятное удивление; disagreeable surprise, displeased astonishment*); досада, сожаление, грусть (*изумление и горький смех; grave / pained / painful surprise, sullen / grim / dreary / painful / pained amazement, grim astonishment, amazed pang*); раздражение, возмущение (*сначала удивляет, а потом раздражает; удивлен и шокирован; indignant wonder / astonishment, embittered / outraged / angry amazement, fretted astonishment*); тревога (*anxious surprise*) и др. [Дорофеева 2002].

Отдавая должное упомянутым авторам в своевременном выдвижении самой идеи полевого подхода к описанию концептов, нельзя не заметить, что их анализ балансирует на грани смешения двух понятий – полевой структуры

и номинативной техники. В итоге получается, что ядром одноименного поля является не сам концепт (например, JOY или его значимый коррелят GLADNES) или образ, положенный в основу номинации концептов SURPRISE и УДИВЛЕНИЕ, а типичные и продуктивные способы вербального выражения той эмоции, которую он объективирует прямыми лексическими номинациями. Аналогичное касается и периферии, которая, в сущности, является средой реализации вторичной (близкая периферия) и не прямой (дальняя периферия) номинации, а потому отождествляется с метафорическим профилированием концепта.

Спорность позиции авторов относительно ядерно-периферийного устройства концептов JOY, SURPRISE, УДИВЛЕНИЕ обуславливается методологической нерешенностью вопроса о том, может ли один-единственный концепт иметь свою собственную полевою структуру. Этот вопрос лежит в той же системологической плоскости, что и вопрос о полевом устройстве отдельно взятого слова (может ли, например, семантическая структура слова *радость* или слова *удивление* иметь ядро и периферию?). Фактически же речь идет о **номинативном поле концепта**. Несомненным же является тот факт, что полевыми свойствами обладают группы семантически однородных концептов, «однородность» которых определяется, по крайней мере, общим признаком.

Еще одним образцом дискуссионности концептуального статуса является феномен ГРЕХ [Ваховская 2011]. Называя соответствующую проблему «концептуальным пространством греха», О.В. Ваховская ставит читателя перед вопросом: а что, собственно, есть «концептуальное пространство» и каков в нем статус номинации «грех» (концепт, категория, номинант, лексема)? Но ни концепт, ни категория никакого концептуального пространства вокруг себя иметь не могут по определению, а могут образовывать концептуальное поле, что и доказывает сама О.В. Ваховская, анализируя гиперидею SIN / ГРЕХ фактически в единстве двух гипонимов-доменов – религиозный грех (UNGODLINESS, SINFULNESS, IMPIETY, IMPIOUSNESS) и мирской грех (WRONG, DEVIATION, IMMORALITY, CRIME). Фактически речь идет об иерархической структуре «гиперконцепты \supset гипоконцепты \subset (ката)концепты», характерной для концептополя, но никак не для фрейма и уж тем более не для концептуального пространства. Концептуальное пространство – категория лингвоконцептологии, реализуемая в дискурсе.

Из этого вытекает и проблема интегрируемости отдельного концепта в некоторое множество высшего порядка, в котором иерархическими признаками наделены мезо-, гипер- и другие концепты. Такие концептосистемы представляют собой поля макроуровня.

3.2.2. Концептополе макроуровня

Идею концептуального / концептивного поля макроуровня последовательно отстаивает С. А. Кошарная, определяя его как «ментально и семиотически разработанную область этнокультурного «пространства», объединяющую концепты <...> как факты культуры, а не языка» [Кошарная 2002: 54]. Не разделяя мысли о дискретном существовании феноменов «культура» и «язык», нельзя не согласиться с тем, что КП следует отличать от лексико-грамматических и функционально-понятийных полей. Первое, характеризуясь четко выраженным семиологическим подходом к анализу языковой материи, предусматривает повышенное внимание к средствам «упаковки», тогда как второе, базируясь на ономастиологическом подходе, предусматривает движение научной мысли от плана содержания к плану выражения. В этом смысле лингвокультурологический анализ концептов, базирующийся на использовании полевого метода, суть «описание семантически однопорядковых языковых единиц, которые формируют тот или другой фрагмент вербального мира» [Красавский 2001: 18].

Концептополе может быть осознано как своеобразный симбиоз грамматико-лексических и функционально-понятийных полей, а потому оно должно описываться как некоторое интегрированное целое, существенные признаки которого формируются через взаимосвязи частей. Но поскольку концепты не могут упорядочиваться ни по архисемному принципу, ни по принципу ЛСГ, их системная организация сложно поддается описанию в терминах ядерно-периферийного устройства – необходимого атрибута любого поля. Такое описание подходит для плана выражения, но мало приемлемо для плана содержания, а для концептуально значимых единиц еще меньше.

В этом смысле проблема макрополевого устройства когнитивно-семантических пространств имеет два пути своего решения: или полный отказ от понятия «поле» в экстраполяции на концептосистемы, или расширение его понимания за счет исключения ядерно-периферийного принципа. Мы склоняемся ко второму варианту решения проблемы и принимаем макрополевым подход к описанию концептосистем с определенной долей условности, считая, что основной акцент здесь следует делать на целостности, связности и структурированности.

Концептополе является определенным фрагментом (участком) концептосферы, представляющим собой устойчивую группировку типологически и семантически однородных и иерархически упорядоченных концептов, специализированных на организации когнитивно-семантических пространств. С концептологических позиций, КП – это определенное множество однородных концепт-объектов, объединенных единой логико-смысловой линией. При этом имя

концепта и имя КП могут иногда совпадать, но даже при общности номинации отдельные концепты и отдельные КП, безусловно, отличаются объемом и характером своей составляющей. Так, ВРЕМЯ суть базовый концепт и системогенный стержень одноименного КП: как концепт, он является стереоскопическим смысловым образованием, в котором релевантными оказываются понятийный, образный и ценностный аспекты; как КП, он характеризуется многоуровневой системной организацией.

Дискретное понимание КСф и учет точки зрения Е. М. Кагановской [2002: 40] позволяет говорить о таких вложенных друг в друга ментальных единицах, как «макроконцепт», «гиперконцепт», «гипоконцепт», «мезоконцепт», «(ката)концепт», являющихся основными, но, вероятно, не конечными таксонами концептосистемы. Понятно, что все эти феномены релевантны для понимания взаимоотношения «часть – целое», поскольку познание части невозможно без познания целого, равно как и познания целого без познания его частей. Системную организацию концептополя можно наглядно показать в вертикальном виде – пирамиде с острием вверх (рис. 3.2).

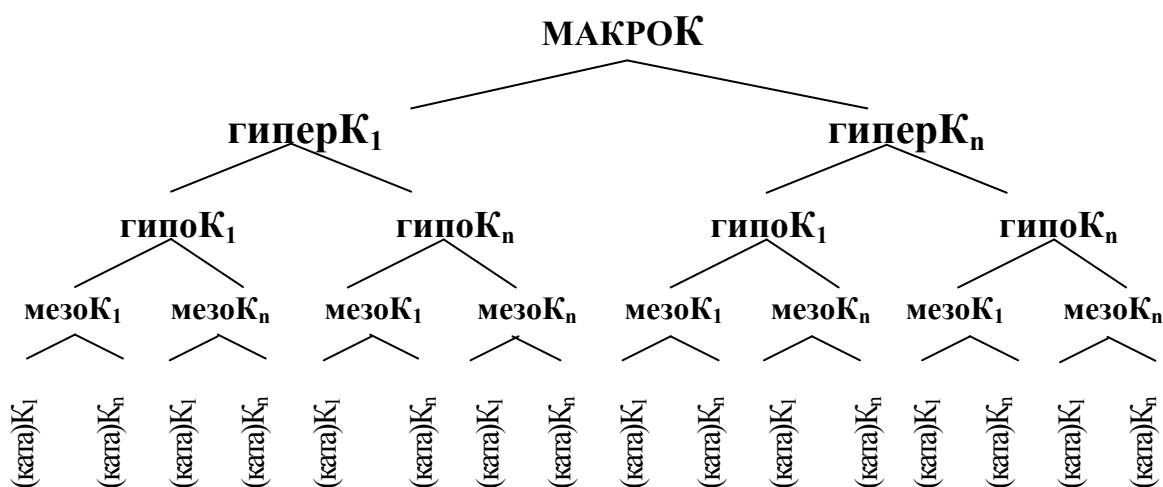

Рис. 3.2. Общий вид иерархической организации концептополя макроуровня

Концептосистема (рис. 3.2) может быть трансформирована в горизонтальную плоскость, где она допускает две последовательности своего прочтения: по шкале нарастания справа налево «(ката)концепт \supset мезоконцепт \supset гипоконцепт \supset гиперконцепт \supset макроконцепт» и по шкале убывания слева направо «макроконцепт \subset гиперконцепт \subset гипоконцепт \subset мезоконцепт \subset (ката)концепт». В данной шкале отражен основной постулат концептуального анализа: «За выделением сем должен следовать следующий этап – своеобразное «укрупнение» сем, т. е. сведение их в более общие по своей природе базовые концепты» [Беляевская 2007: 67].

Макроконцептами следует признать категориальные ментальные единицы, репрезентирующие общечеловеческие понятия. Как правило, они принадлежат к категориальным величинам (пространство, время, причина, количество, человек и пр.) и могут быть истолкованы как концепт-идея, дискретизируемая макроконцептами. Так, например, мегаконцепт «человек» конституируется **гиперконцептами** «внутренний мир», «внутренний человек», «состояние человека», «живое существо», «природа» и т. д. [Пименова 2004]. И макро-, и гиперконцепты лишены, как правило, национальной специфики и не всегда имеют специальное имя в наивной картине мира. Зато они четко очерчены в научной картине мира, где они выступают высокоабстрактными сущностями, собирающими под своим «крышей» национально маркированные единицы нисходящих уровней абстракции, которые нередко являются определенного рода расширениями физических величин.

Немного ближе к физическим величинам стоят **гипоконцепты** – таксоны нисходящего уровня абстракции, обладающие наличием определенной этнокультурной специфики. Гипоконцепты являются ментальными единицами меньшего объема, чем общекультурные, но большего, чем собственно концепты. Так, макроконцепт «пространство» имплицитно включает гиперконцепты «место» и «направление»; «количество» – «единичное» и «множественное»; «причина» – «собственно причина», «следствие», «условие», «цель», «уступка». Гипоконцепты выступают родовыми парцеллами по отношению к своим видовым конструктам – **мезоконцептам**, являющимися таксонами еще больше приближенными к жизненному миру человека. Например, в рамках гиперконцепта «место» целесообразно выделять мезоконцепты *вертикаль* и *горизонталь*, *передний* и *задний*, *право* и *лево*.

Мельчайшими и дальше неделимыми на определенном этапе развития абстрагирующих возможностей разума следует признать атомарные элементы системы – **катаконцепты**, собственно концепты. Например, пространственными катаконцептами являются ФАСАД, ТАЙНИК, ПУТЬ, ВЕРШИНА, ДОЛИНА, ВЫСОТА, ПРОПАСТЬ и др. Именно катаконцепты выступают чаще всего объектом лингвокультурных исследований и именно их касаются все те многочисленные и нередко противоречивые дефиниции концепта, наблюдаемые сегодня в когнитивной лингвистике.

При более пристальном взгляде на когнитивно-семантическую организацию концепткорпуса нельзя не заметить, что в постулированной цепи «(ката)концепт \supset мезоконцепт \supset гипоконцепт \supset гиперконцепт \supset макроконцепт» каждая сопредельная пара образует свою автономную подсистему по принципу

«матрица – конституент» (или «матрица – пуансон», как принято в полиграфии). В итоге любой таксон может одновременно выступать матрицей по отношению к правостороннему таксону и конституентом – по отношению к левостороннему, и наоборот. Это движение происходит по алгоритму синусоиды (рис. 3.3а).

Рис. 3.3а. Системные связи внутри концептополя по алгоритму синусоиды

Выяснение системного устройства концептивной синусоиды (рис. 3.3а) позволяет оперировать еще одним важным для осознания концептосистем понятием – концептивным доменом. **Концептивный домен** – это «любая связанная область концептуализации, относительно которой характеризуется семантическая структура» [Langacker 1990: 47] или то же самое: «система концептов, соотношенных между собой таким образом, что для понимания одного из них необходимо понимать всю структуру, в которую он входит» [Морозова 2005: 65]. В этом смысле домен является таким участком концептосистемы, который охватывает два смежных звена синусоиды. Такой участок состоит из одного концепта-гиперонима, который подчиняет себе иерархически ближайšie к нему концепты-гипонимы: «Всякий концепт погружен в домены, которые образуют структуру, ближе всего соотносящуюся с филлморовским понятием фрейма. Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт: концепт 'дуга' понимается «с опорой» на представление о круге, 'гипотенуза' опирается на представление о треугольнике и т. д.» [Рахилина 2000: 3]. Следовательно, домен представляет собой «связную область концептуализации, относительно которой характеризуется семантическая единица» [Жаботинская 2008: 62] и которую иногда описывают с помощью феномена «профиль – база» [Langacker 1987].

Иными словами, концептивный домен является таким участком синусоиды, который состоит из матрицы и конституента. Согласно рис. 3.3б концептивными доменами являются (для наглядности см. также табл. 3.2 – 3.5):

- А – мезоконцепт по отношению к (ката)концепту;
- В – гипоконцепт по отношению к мезоконцепту;
- С – гиперконцепт по отношению к гипоконцепту;
- Д – макроконцепт по отношению к гиперконцепту.

В свою очередь, домены А, В, С и Д могут быть организованы в домены еще более высокого порядка (например, Домен-1 и Домен-2).

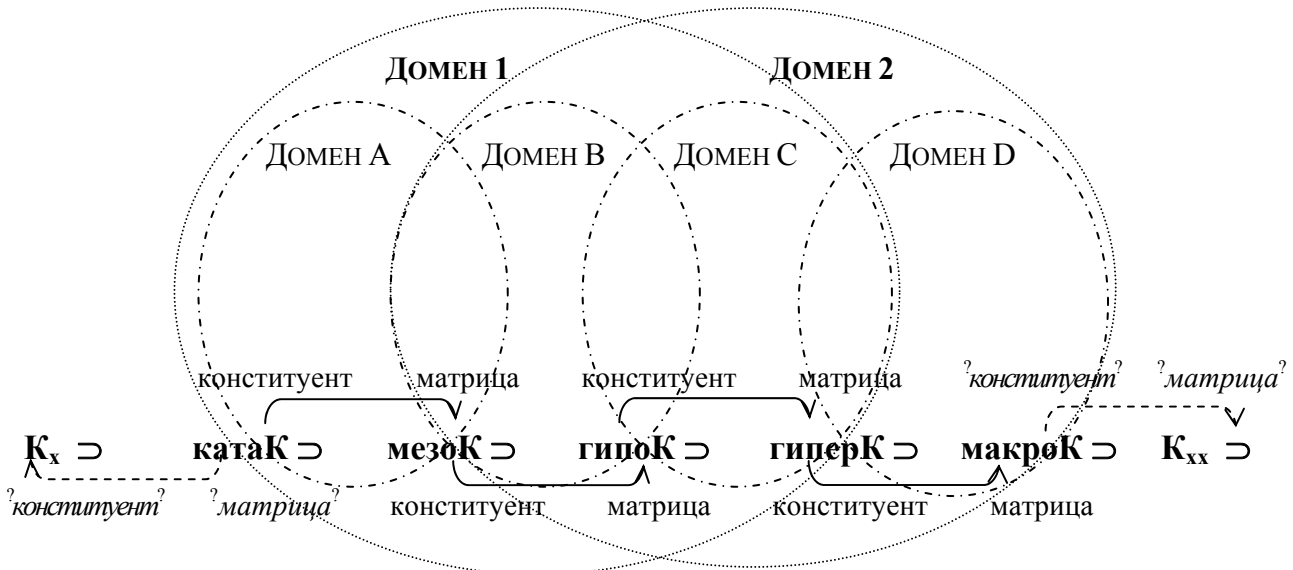

Рис. 3.3б. Системные связи внутри концептополя по алгоритму домена

Считая вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [ВКЛ 2005: 56] (ката)-концепт атомарной единицей концептосферы, обратим внимание на то, что вопрос о дальнейшей неделимости (ката)концептов на более мелкие составляющие весьма проблематичен, что отображено на рис. 3.3а в виде прерванных линий синусоиды. Очевидно, при более тщательном взгляде на их системную природу окажется возможным выделение на очерченной шкале мега- и микроконцептов, не исключено также, что на ней могут существовать единицы большего объема (например, гига-концепты). Следовательно, локализация того или иного концепта в постулированной здесь системе оказывается не всегда безупречной, а иногда и спорной. Более или менее непротиворечиво место одного концепта на иерархической лестнице может быть определено лишь относительно места другого гипо-гиперонимически связанного с ним концепта.

Концепты высшего уровня абстракции (макро-, гипер-, гипо-) можно осмыслить и в уже упомянутых терминах «*идеи*» или «*концепт-идеи*» [Воркачев 2007: 52-54], которая является не просто их терминологическим субститутом, а, владея всем параметрическим набором признаков концепта, имеет довольно широкие эвристические «полномочия»:

- может быть чем-то эфемерным, невидимым, чувственно воспринимаемым, т. е. виртуально наличным в концептосфере этноса, но не схваченным знаком (ср.: «концепт – некоторая идея, фрагмент общей человеческой культуры, которая «живет» в сознании как целых народов, отдельных этносов, так и отдельных социальных групп и, более того, конкретных индивидуумов» [Красавский 2001: 56]);

- более органично отвечает семантическим сущностям мега- и/или макроконцепта, существующим в сознании человека, но редко выводящимся на поверхность субстантивными формами, предпочитая опосредованные упаковки – адекватные, аллюзивные, паремиологические;

- может охватывать определенное множество вербализованных гипонимов одного рода, которые не имеют стабильного номинанта для соответствующего гиперонима (есть «психическое состояние» и есть «физическое состояние», но нет точного имени для обоих: «состояние человека», «антропологическое состояние», «антропосостояние» – это лишь с попытки терминологизации идеи);

- термин «идея» интегрирует нечто большее, чем термин «концепт»: он берет под свое смысловое крыло и всю иерархию концептов (мега-, макро-, гипер-, гипо-, мезо-, ката-), и соответствующее концептополе.

Интегрирующим моментом КП является качественная конфигурация связи между компонентами системы, которая определяет ее сущностные параметры, в т. ч. и структурные. Описание структуры КП включает характеристику реальных физических компонентов системы – форму, семантику и функцию, которые задают иерархию связи и образуют концептуальные ряды.

В этом смысле достаточно привлекательным объектом исследовательских приоритетов могут оказаться такие КП, как «социальное» (СВОБОДА, ВОЛЯ, ДРУЖБА, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО), «моральное» (ГРЕХ, ПРАВДА, НЕПРАВДА, СОВЕСТЬ, ОБМАН), «ритуальное» (ХРАМ, КРЕСТ, ЗВОН, ПРЕСТОЛ, ПАМЯТНИК, ИКОНА, АЛТАРЬ), «праздничное» (НОВЫЙ ГОД, РОЖДЕСТВО, ПАСХА, ДЕНЬ ГОРОДА, ЮБИЛЕЙ), «сказочно-мифологическое» (ПРИНЦ, ВОЛШЕБНИК, ДЖИН, ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ, ТРИДЕВЯТОЕ ЦАРСТВО, БАБА ЯГА, КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ, КОВЕР-САМОЛЕТ, СКАТЕРТЬ-САМОБРАНКА). Эти и другие КП имеют прямое отношение к научной, мифологической, детской и другим моделям мировосприятия, из совокупности которых вырастает холистическая языковая картина мира в той или другой лингвокультуре.

Таким образом, поле концепта является микросистемой, которая существует внутри макросистемы – концептополя. Обе они являются разными, но тесно связанными между собой способами организации определенных когнитивно-семантических пространств, формирующихся за счет идеографических (логико-тематических) группировок (ката)концептов и конституирующих языковую картину мира. Иначе говоря, между полем концепта, концептополем и языковой картиной мира существуют прямые коррелятивные отношения: последняя,

воплощая идею «вторичного» существования мира, базируется на наличии в концептосфере отдельных понятийно-смысловых участков.

Исходя из представленного понимания концептополя как определенного сегмента КСф, который составляет устойчивую группу типологически и семантически однородных и иерархически упорядоченных концептов, специализированных на организации определенных когнитивно-семантических пространств, остановимся более подробно на двух феноменах – КП «время» и КП «состояние человека» – с особым фокусом внимания на их специфике в немецкоязычной картине мира. Выбор именно этих полей обуславливается их прецедентным характером – универсальностью первого и этноспецифичностью второго.

3.2.3. Концептополевая организация идеи СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Эта мысль приемлема и для другого вида когнитивно-семантического паттерна – концептополя «состояние человека» (СЧ), системное устройство которого отличается значительным количеством парцелл и четкой аксиологической окрашенностью (табл. 3.2). Одноименный макроконцепт конституируется таксоном нисходящих уровней абстракции – гиперконцептами «психическое состояние» и «физическое состояние». Первый реализуется в триединстве аффективного, волевого и интеллектуального, а второй выходит на катаконцепты напрямую, без промежуточных звеньев.

Собственно, единицы этого КП четко дифференцируются по аксиологическому признаку «положительное (стеническое) состояние» – «отрицательное (астеническое) состояние» [Путий 2006: 96]. Психологи считают, что такое распределение происходит по гедоническому принципу (удовлетворение / неудовлетворение [Лук 1982: 18]). Однако, как кажется, в присвоении тому или другому (ката)концепту позитивных или негативных качеств существенную роль играет интеллектуальная оценка, поскольку СЧ вызывается не самим событием, а тем, что субъект думает о нем: «Путь от события к состоянию лежит через мысль, интеллектуальную оценку» [Падучева 2004: 274].

Гиперконцепт ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ (ПС) является наиболее сложно структурированным феноменом. К нему относятся такие гипоконцепты, как «аффект», «воля» и «интеллект», формируемые соответствующими мезо- и катаконцептами. Специфика последних заключается в способности человека реагировать на раздражители внешнего мира и переносить их на свой внутренний мир.

Таблица 3.2. Концептополе СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

<i>К о н ц е п т ы</i>					
<i>макроК</i>	<i>гиперК</i>	<i>гипоК</i>	<i>мезоК</i>	<i>ката-К</i>	
				концепты (стенические)	антиконцепты (астенические)
СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА	ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	АФФЕКТ	эмоциональный	ПОКОЙ, РАДОСТЬ, УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ, ВОСТОРГ, ОЧАРОВАНИЕ	БЕСПОКОЙСТВО, ДЕПРЕССИЯ, РАЗОЧАРОВАНИЕ, СТРАХ, ИСПУГ, ЗЛОСТЬ, ГНЕВ, УЖАС
			гуманитарный	ЛЮБОВЬ, БЛАЖЕНСТВО, СТРАСТЬ, СЧАСТЬЕ	НЕНАВИСТЬ, ЯРОСТЬ, ТОСКА, ГРУСТЬ, УНЫНИЕ
		ВОЛЯ	праксический	НАСТОЙЧИВОСТЬ, ГОТОВНОСТЬ, БОДРОСТЬ	ПОДАВЛЕННОСТЬ, ОТЧАЯНИЕ, УСТАЛОСТЬ
			мотивационный	РЕШИТЕЛЬНОСТЬ, УВЕРЕННОСТЬ, ТЕРПЕНИЕ	НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ, НЕУВЕРЕННОСТЬ, НЕТЕРПЕНИЕ
		ИНТЕЛЛЕКТ	ментальный	ЗАДУМЧИВОСТЬ, УДИВЛЕННОСТЬ, ЛЮБОПЫТСТВО	ПОТрясенность, СМУЩЕННОСТЬ, ОЗАБОЧЕННОСТЬ
			перцептивный	ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ, ВНИМАНИЕ	РАССЕЯННОСТЬ, РАВНОДУШИЕ
	ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	биологический	ЗДОРОВЬЕ, БОДРОСТЬ, ТРЕЗВОСТЬ, НЕВРЕДИМОСТЬ	БОЛЕЗНЬ, ПОДАВЛЕННОСТЬ, ОПЬЯНЕНИЕ	
		физиологический	СЫТОСТЬ, СОН	ГОЛОД, ЖАЖДА, БОЛЬ	

Гипоконцепт АФФЕКТ отражает внутренние реакции человека на актуальный раздражитель (эмоциональный признак) или проявление чувств при общении и межличностных отношениях (гуманитарный признак). Он конституируется (ката)концептами с позитивной (FREUDE / РАДОСТЬ, ZUFRIEDENHEIT / УДОВЛЕТВОРЕНИЕ, RUHE / ПОКОЙ, LIEBE / ЛЮБОВЬ, BEGEISTERUNG / ВОСТОРГ, LEIDENSCHAFT / СТРАСТЬ) и негативной маркировкой (ZORN / ГНЕВ, UNRUHE / БЕСПОКОЙСТВО, DEPRESSION, ANGST / СТРАХ, UNZUFRIEDENHEIT / НЕДОВОЛЬСТВО, BELEIDIGUNG / ОБИДА, HASS / НЕНАВИСТЬ, EMPÖRUNG / ВОЗМУЩЕНИЕ, AGRESSION). Концепты, относимые в данной системе к аффективным, традиционно подводятся под рубрику эмоциональных. Среди них выделяют базовые и производные [Городникова 1985; Красавский 2001; Шаховский 2000; Dolnik 1994; Kuehn 1987;

Leewen-Turnovcova 1996]. Базовыми, безусловно, являются СТРАХ / ANGST, РАДОСТЬ / FREUDE, ПЕЧАЛЬ / TRAUER, ГНЕВ / ZORN, тогда как все остальные считаются генетически производными от них, что наводит на мысль о возможности рассмотрения производных в качестве концептивных дериватов базовых, группируемых по принципу градуальности.

Гипоним ВОЛЯ базируется на идее мотивационных и практических реакций человека, объективируемых в лингвокультуре (ката)концептами ВЕНАРР-ЛШКЕИТ / НАСТОЙЧИВОСТЬ, ВЕРЕЙТШАФТ / ГОТОВНОСТЬ, а также мотивационными диадами ЕНТШЕДЕННЕИТ / РЕШИТЕЛЬНОСТЬ – УНЕНТШЕДЕННЕИТ / НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ, ГЕДУЛД / ТЕРПЕНИЕ – УНГЕДУЛД / НЕТЕРПЕНИЕ. Все они связаны с необходимостью вербальной фиксации взаимозависимости СЧ и его поведенческих реакций в тех или иных социодискурсивных ситуациях (ср. [Арутюнова 2003]). Примечательно, что данные концепты не указывают на причины возникновения, а лишь описывают характер протекания обозначенных ими процессов.

Очевидно, на каузальных связях базируется *гипоконцепт ИНТЕЛЛЕКТ*, который отображает идею чувственного восприятия мира и его рационального освоения психикой человека. Он конституируется (ката)концептами как с позитивной (АУФМЕРКСАМКЕИТ / ВНИМАНИЕ, НАХДЕНКЛИШКЕИТ / ЗАДУМЧИВОСТЬ, ИНТЕРЕССИЕРТНЕИТ / ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ, НЕУГИЕР / ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ), так и с негативной маркировкой (ЕРШЮТТЕРУНГ / ПОТЯСАНИЕ, ВЕРВИРРУНГ / ЗАМЕШАТЕЛЬНОСТЬ, ЗЕРСТРЕУТНЕИТ / РАССЕЯННОСТЬ, ГЛЕИХГЮЛТИКЕИТ / БЕЗРАЗЛИЧИЕ). Когнитивно-семантическая дифференциация отмеченных концептов по аксиологическому принципу происходит не на основе гедонического субстрата, а исходя из интенсивности реактивного отражения действительности в сознании человека. Сюда можно отнести и концепт ВЕРВУНДЕРУНГ / УДИВЛЕНИЕ, который, на первый взгляд, является нейтрально оценочным. Как чувственно нейтральное состояние квалифицируют его и психологи. Правда, А. Н. Лук [1982: 48] отмечает, что удивление возникает при резком изменении обстановки, при несоответствии ожидаемого и реального, а потому он нейтрален только поначалу, но, как только человек определился в своей оценке положения вещей, удивление получает либо знак «плюс», либо «минус».

И хотя когнитивная психология в своих исследованиях антропологического состояния ограничивается лишь психической его ипостасью, вполне очевидно, что СЧ является намного более широким явлением. Несомненно, здесь стоит сказать и о *гиперконцепте ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ*, который предполагает как физическую норму, так и отклонение от нее. В сравнении с психическим, физическое состояние характеризуется более простой структурой, выходя

на позитив (GESUNDHEIT / ЗДОРОВЬЕ, UNVERLETZHEIT / НЕВРЕДИМОСТЬ, SÄTTIGKEIT / СЫТОСТЬ) или негатив (TRUNKENHEIT / ОПЬЯНЕНИЕ, HUNGER / ГОЛОД, DURST / ЖАЖДА) без промежуточных мезоконцептуальных звеньев. Корпус негативных (ката)концептов существует в когнитивно-семантическом пространстве для маркирования физиологического дискомфорта человека. Если задаться вопросом о системной организации этого гиперконцепта, то нельзя не заметить, что он устроен несколько проще, потому что ожидаемые таксоны (гипоконцепты) оказываются в нем лакунарными, что свидетельствует о неравномерной концептуализации лингвокультурным сознанием разных фрагментов действительности.

В любом случае физическое состояние тесно и неразрывно связано с психическим: оно может быть вызвано им, быть его результатом, вызывать психический комфорт и дискомфорт [Путий 2006: 100]. Отдельные же концепты оказываются почти индифферентными к своей квалификации в терминах психологии и физиологии (MUNTERKEIT / БОДРОСТЬ, MÜDIGKEIT / УСТАЛОСТЬ, NÜCHTERNHEIT / ТРЕЗВОСТЬ и др.), которая указывает на их диффузный характер. Неслучайно некоторые концепты из обеих сфер могут быть объединены в одном телеономном домене. К таким существенно важным телеономам относятся (ката)концепты с позитивной маркировкой психического и физического состояния человека, например, ПОКОЙ, РАДОСТЬ, ЛЮБОВЬ, СЧАСТЬЕ, ЗДОРОВЬЕ, БОДРОСТЬ, СЫТОСТЬ.

Антропостатальное КП (табл. 3.2) является дискретным когнитивно-семантическим пространством. Концепты, относящиеся к разным парцеллам, интегрируются в макроконцепт по-разному: или через переходные звенья (гипонимы), или без них. Как и в случае с КП времени, здесь опять дает о себе знать асимметрия с ее лакунарностью и частеречной репрезентированностью. Асимметрия в КП «состояние человека» проявляется количественно и качественно. В количественном отношении значительным преимуществом отличается психическое состояние, тогда как ментальная маркировка физического состояния заметно упрощена. Физическое состояние более слабо маркировано и в качественном отношении: наивное языковое сознание почему-то пренебрегает его гипоконцептуальным осмыслением (соответствующие клеточки в табл. 3.2 остаются пустыми). По-видимому, эти наблюдения являются релевантными не только для немецкого языка. В любом случае, они могут послужить стимулом для изучения анализируемого феномена на материале разных лингвокультур.

Другой гранью асимметрии этого КП является межкультурная лакунарность. Ее ярким примером является аффективно-эмоциональный концепт рус. ТРЕВОГА, фр. ANGOISSE, англ. ANXIETY [Харкевич 2007], который, оставаясь без четкой лексической привязки, оказывается рассеянным среди знаков в других

германских языках (ср. нем. *Unruhe* 'обеспокоенность', *Aufregung* 'возбуждение', *Besorgnis* 'озабоченность'; датс. *bekymring* 'обеспокоенность', *ængstelnes* 'обеспокоенность из-за страха'; швед. *òrolig* 'обеспокоенность').

Вполне понятно, что эмоция «тревога» является общечеловеческой и что существует некий ее усредненный или среднестатистический портрет, но почему тогда в одних языках она находит адекватное вербальное обозначение, а в других нет? Не означает ли это, что эмоция в разных языках вербализуется по-разному? Может, расхождение языков при наименовании объектов вообще можно объяснить не только своеобразием лексической системы, заданной характером национального менталитета, но и спецификой номинативной традиции? Целенаправленное сопоставительное изучение концептивных лакун, очевидно, могло бы дать исчерпывающий ответ и на этот вопрос, и на проблему способов объективации состояния человека в лингвокультуре.

Достаточно заметной особенностью анализируемого КП является его освоение в научной и наивной картинах мира. Для последней важным является лишь катаконцептуальный уровень, который объективируется и/или профилируется масштабной палитрой лексических средств разного частеречного статуса (в т. ч. и междометиями), паремиями, метафорическими образами и активно обыгрывается в афоризмах, анекдотах, лудических формах / «играмах» (ср. *Eifersucht ist die Leidenschaft, die mit Eifer sucht, was Leiden schafft*), а также паравербально. Этот уровень широко представлен в текстах и дискурсах – разговорном, художественном, научном, где антропостатальные концепты поддаются индивидуальному, художественному и терминологическому осмыслению, оказываются всем своим естеством пронизанными стилистикой.

Более высокие же уровни ментального освоения состояния человека отдаются языковым сознанием на откуп научной картине мира, а потому о ее мезо-, гипо- и гиперконцептуальном устройстве приходится судить по большей части специалистам. Более того, само имя КП «состояние человека» / «антропологическое состояние» не является достоянием ни языковой, ни научной картин мира, а является попыткой филологического нейминга соответствующего макроконцепта.

Будучи когнитивно и семиотически наиболее разработанной областью человеческого знания, катаконцептуальный уровень КП «состояние человека» образует типологически разветвленный концептокорпус (телеономные, моральные, биовитальные, эмоциональные, физиологические, этно-психо-культурные и др. концепты) с безграничным вербально-упаковочным потенциалом, изучение которого составляет особую системологическую проблему. Однако на сегодняшний

день концептология обладает преимущественно гетерогенным опытом изучения и описания конститuentов данного КП, который представляет собой хотя и добротный, но все же маргинально сфокусированный анализ на отдельных его репрезентантах. Это четко видно в новейших исследованиях как отдельно взятых (ката)концептов, так и их когнитивно-семантических групп. Эти изыскания свидетельствуют, во-первых, о том, что в анализируемом КП основное исследовательское внимание сосредоточено на эмоциональных концептах, а среди них, во-вторых, максимально распределенным является базисный эмоциональный концепт СТРАХ, тогда как три другие базовые эмотивы (РАДОСТЬ, ПЕЧАЛЬ, ГНЕВ) гораздо меньше подкреплены филологическим знанием.

Кроме отмеченных концептов, относимых к КП «состояние человека», в лингвистической литературе довольно глубоко описанными являются и такие антропостатальные концепты, как рус. ЛЮБОВЬ [Воркачев 2003], укр. КОХАННЯ [Огаркова 2005], англ. LOVE [Воркачев 2003; Bierwiaszonek 2002], исп. AMOR [Воркачев 1995], кит. AIQING [Tan Aoshuang 2004], рус. СЧАСТЬЕ [Воркачев 2004], укр. ЩАСТЯ [Братусь 2004], англ. ANGER / ГНЕВ [Вежбицкая 1999]. Квалифицируясь в целом как эмоциональные, все они являются лишь частным случаем холистики КП «состояние человека» [Путий 2010]. Последняя, согласно М. В. Пименовой, входит в паттерн высшего порядка – «внутренний мир человека» [Пименова 1999], но и этот паттерн, скорее всего, не является конечной точкой когнитивно-семантической таксономизации концептов, а является включенным в паттерн высшего порядка, который, вслед за Е. Гуссерлем и Ю. Хабермасом, можно назвать «жизненным миром» или просто «миром человека» [Арутюнова 1999], в центре которого «находятся признанные индивидуумом нормы и ценности, которые детерминирует его действия и поступки» [Habermas 1988: 85].

Сказанное лишней раз подтверждает необходимость изучения в парадигме концептополя тех системорелевантных паттернов макроуровня, которые конституируют языковую и концептуальную модели мира. Так, немецкую и русскоязычную картины мира с учетом их концептуальных составляющих осмелилась смоделировать А. Вежбицкая [Вежбицкая 2001]. Достаточно удачным можно признать опыт А. Д. Шмелева, который попытался воспроизвести национальную картину мира в виде «русской души». Он, в частности, доказывает, что ее лингвокультурный субстрат составляют такие системорелевантные парцеллы, как «строение человека», «время», «пространство», «жизненные установки», «бытовые представления», «философия жизни» [Шмелев 2002: 295–462]. Фактически они представляют собой КП со всеми присущими им признаками и атрибутами. Например, КП «пространственная составляющая русской души»

структурируется мезо- и катаконцептами «пространство как СВОБОДА и ВОЛЯ», «собственно пространство» (ПРОСТРАНСТВО, ПРОСТОР, ДАЛЬ, ШИРЬ, ПРИВОЛЬЕ, РАЗДОЛЬЕ, УЮТ)», «пространство как источник мучений» (НЕПРИКАЯННОСТЬ, МАЯТА, ТОМЛЕНИЕ), «пространство как широта души» (ГУЛЯНЬЕ, ТОСКА, УДАЛЬ, РАЗМАХ, ХЛЕБОСОЛЬСТВО, РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ) и т. д.

В своем концептуальном анализе и А. Вежбицкая, и А. Д. Шмелев выбирают дедуктивный путь (от КП к концепту), но существует и путь индуктивный – от концепта к КП. Его научную состоятельность продемонстрировала М. В. Пименова, сосредоточившая свое внимание на контрастивном исследовании двух гиперконцептуальных пар – ДУША и ДУХ, SOUL и SPIRIT в рамках макроконцепта «внутренний мир человека» [Пименова 2004]. Она, в частности, доказала, что этот макроконцепт объективируется в комплексе своих системных признаков – природных, витальных, зоо- и антропоморфных, предметных, пространственных, временных. Расширив исследовательскую базу за счет вовлечения в орбиту анализа соотносимую немецкую пару SEELE и GEIST [ВКЛ 2005: 186 ff], М. В. Пименова установила, что КП «внутренний мир человека» моделируется по образу и подобию мира внешнего.

Такая интерпретация наводит на мысль, что объективация культурных концептов так или иначе связана с актуализацией концептов категориальных. Очевидно, верным будет и обратное утверждение: категориальные концепты усваиваются языковым сознанием в связи с культурными. Именно в тесном взаимодействии первых со вторыми и формируется концептуальная и языковая картина мира. Изучение последних является на сегодняшний день методологически вполне инновационным, а потому и достаточно перспективным направлением в лингвокультурологии и в ее сопоставительной ипостаси.

Концептополе – достаточно сложно организованная структура. Механизм его организации (паттерн) базируется на константах и переменных. Макро- и гиперконцепты (универсальные, наднациональные константы КП) поддерживаются в состоянии динамического баланса, а переменные (мезо- и катаконцепты) колеблются в допустимых пределах. «По мере того, как мы переносим фокус нашего внимания от макроскопических объектов к атомам и субатомным частицам, природа не демонстрирует никаких изолированных строительных блоков; вместо этого появляется сложная паутина взаимоотношений между разными частями единого целого» [Капра 2003: 45]. Нет ничего удивительного в том, что мысли удастся фиксировать лишь контуры и связи внутри поля, но ей не удастся охватить всю организацию, так как человек не может разложить мир на независимо существующие элементарные единицы.

Как и любые другие системы, концептополя объективируются в языке посредством таких свойств, как изо- и полиморфизм, иерархичность и линейность (подчинение, рядоположенность, соединение в разных разрядах). Существенным признаком КП-систем является такое свойство целого, которым не обладает ни одна из его частей – концептов нисходящих уровней абстракции. Однако, подобно материальному, идеальный мир (в нашем случае – мир концептов) характеризуется как молекулярными, так и атомарными свойствами. Ни первые, ни вторые не являются конечной точкой дискретизации концептосистем, а потому могут поддаваться дальнейшей системологической таксономизации в тех пределах, которые допускает современное состояние научного знания.

Системный подход к изучению концептуальных ценностей позволяет получить достаточно убедительные данные о когнитивных истоках не только отдельных лингвоспецифичных участков, но и всего лингвоментального достояния человечества. Достаточно привлекательные перспективы в этом плане открывают межъязыковые сопоставления и кросс-культурные исследования – наиболее эффективный способ изучения национально-культурного своеобразия жизненного мира человека. Учитывая это, логичным представляется исследование тех специфических свойств концепта, которые обуславливают его субъективное использование, позиционирование и профилизацию в разных типах дискурса.

3.3. ДИСКУРСИВНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ КОНЦЕПТОВ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ

3.3.1. Концепт и дискурс: диалектика взаимодействия

Дискретизация устоявшихся концептосистем приводит к несколько иному формату взаимодействий и взаимоотношений между ее составляющими. Чаще всего следствием таких процессов является возникновение новых свойств и образование новых концептосистем. При этом основополагающим системообразующим фактором становится уже не когнитивно-семантический, а социодискурсивный паттерн. Сегодня уже не подлежит сомнению, что концепты являются неким когнитивным стандартом в организации дискурсов, текстов и жанров, основой лингвокогнитивного моделирования социодискурсивных пространств.

Здесь мы понимаем **дискурс** как вербализованную речемыслительную деятельность в двуединстве, во-первых, процесса (реальное измерение, пространство коммуникативных практик) и, во-вторых, результата (виртуальное измерение,

совокупность порожденных текстов) [Шейгал 2000: 11–13], в рамках которого осуществляется речевое общение в определенной предметно-тематической сфере. Не вдаваясь в споры, мы солидарны с В. Е. Чернявской в том, что «дискурс – это совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики» [Чернявская 2011: 93].

Абстракция «дискурс» материализуется только в связи с конкретно существующими текстами: «Дискурс – текст, погруженный в ситуацию общения, общение при посредничестве текста» [Карасик 2007б: 350]. И в этой своей ипостаси дискурс ненасытен: сколько бы ни существовало в его анналах «единиц хранения», он готов принимать «на постой» все новые и новые тексты. Да и сами они охотно селятся на безбрежных просторах дискурса. «Любой дискурс порождает текст», – говорит Г. Н. Манаенко [2008: 9], но можно ли утверждать обратное? Ответ очевиден: тексты уходят и приходят, а дискурсы остаются.

Противопоставляя закрытость, завершенность, линейность, дискретность, результативность, статичность текста, соответственно, открытости, незавершенности, цикличности, недискретности, процессуальности, динамичности дискурса, отметим, что феномен «дискурс» целесообразно понимать как многомерное социо- и лингвокультурное явление, в пределах которого осуществляется вербальная коммуникация в определенной предметно-тематической сфере.

3.3.1.1. Дискурсивно релевантные типы концептов

Как и любое другое лингвокультурное явление, дискурс можно интерпретировать в пределах трех уровней репрезентации: собственно языкового (форма), социокультурного (содержание) и коммуникативно-прагматического (функция). В экстраполяции на нашу систему социокультурный уровень соотносим со средой общения, он же задает рамки коммуникативно-прагматического устройства дискурса, с которым коррелируют режим и стиль общения. Последние проектируются на собственно-языковой уровень, поставляющий подходящий «строительный материал» для вербальной упаковки дискурса.

В таком ракурсе дискурс предстает как сложное когнитивно-коммуникативное целое процессуально-результатирующего порядка, в котором реализуются, объединяясь, взаимодействуя и растворяясь друг в друге, три основных, конститутивных фактора / регистра общения – среда, модус (режим) и стиль общения (подробнее [Приходько 2009]). Эти три фактора являются рамочной типологией, которая задает лишь общие контуры и направления таксономии дискурсов, в какой-то степени облегчающие дальнейшее движение научной мысли

в лабиринте единства и борьбы противоположностей. Онтология дискурса задается многими взаимодействующими и противодействующими факторами – когнитивного и коммуникативного, процессуального и результирующего, конечного и бесконечного, линейного и циклического, дискретного и недискретного, потенциального и реализованного, определенного и неопределенного и т. д.

Фактор *среда общения* генетически связан с коммуникативным пространством – топосом (место общения) и хроносом (время общения). Топохронные параметры коммуникативного пространства обусловлены состоянием развития общества и культуры в определенном географическом пространстве (ландшафта, по Л. Н. Гумилеву). Различаются древнее, античное, средневековое, новое и новейшее коммуникативные пространства.

Осознавая всю важность изучения коммуникативно-пространственной культуры, филологическая наука пока не пошла дальше анализа дискурсов, приравняемых к определенному литературно-художественному направлению, различая так называемые культурно-исторические дискурсы: дискурсы античности, барокко, классицизма, просветительский, ренессансный, романтический и пр. Это объясняется, во-первых, почти полным отсутствием лингвокультурных данных об эпохах, предшествующих античности. Во-вторых, несоответствием критерию «континуальность», предполагающему, по-видимому, не только письменно фиксированные тексты, но и живое общение, которому указанные дискурсы отвечают лишь в той степени, в какой каждый из них плавно переходит в другой и тем самым продолжает жить в текущей социокультурной эпохе.

Социокультурная среда современности позволяет говорить не только о разноречивых дискурсах, но и об их типах, существующих в рамках определенной субкультуры того или иного этнического сообщества. Напомним лишь некоторые из наиболее известных: дискурсы профессиональных страт (педагогический, дипломатический, спортивный, политический, экономический, юридический, медицинский и пр.), корпоративных и субкультурных страт (банковский, религиозный, эзотерический, сакральный, лаудативный /героический/, революционный, партизанский, террористический, криминальный), дискурсы бытовой (семейный, детский, молодежный, любовный) и виртуальной коммуникации (сказочный, компьютерный, форумный, чат-дискурс), социоспецифические (рекламный, досуговый, базарно-рыночный, праздничный, предвыборный).

По определению, список таких дискурсов является открытым как в цивилизационном плане, так и в плане определенной лингво- и субкультуры, что связано с принципом динамичности: одни дискурсы уходят с исторической арены, а другие приходят им на смену. Примером первых могут быть коричневый

дискурс третьего рейха, красный дискурс советской власти, оранжевый дискурс «незалежной» Украины и пр., а вторых – уже упомянутые дискурсы виртуальной коммуникации, а также более мелкие, в т. ч. и дискурсы сообществ, особо не афиширующих свою деятельность (секты, ордены и пр.). Дискурсы возникают, бытуют и исчезают в лоне определенной социоисторической / социокультурной среды, определяющей и предопределяющей суть, специфику и формы речевой коммуникации.

Фактор *режим / модус общения* предполагает дифференциацию дискурсов по степени искренности, вежливости, официальности, эмоциональности, тактичности, категоричности, доброжелательности, предвзятости, непринужденности и прочих параметров общения. Приблизительно в таких измерениях режим общения описывает М. Н. Макаров, вводя понятие «степень официальности разговора»: он различает непринужденное (фамильярное), нейтральное (неформальное), полуофициальное и официальное общение [Макаров 2003: 207].

Вне сомнения, описание модусов общения предполагает их понимание в виде определенного рода антиномий. Именно этот принцип позволяет говорить о таких дискурсах, как авторитарный и эгалитарный, тоталитарный и демократический, конфликтный, кооперативный, официальный и карнавальский (смеховой), мужской и женский и пр.

Данная система слабо совместима с такими довольно часто выделяемыми дискурсами, как аргументативный, суггестивный, императивный, конфликтный, а также монологический и диалогический. Все они, в сущности, не являются дискурсами, а являются, скорее, дискурсивными стратегиями и/или тактиками общения. По-видимому, аналогичное относится и к некоторым из 12 типов дискурса, выделяемых В. И. Карасиком по признаку «тональности общения»: информативному, фатическому, статусному, шутливому, торжественному, идеологическому, фасцинативному, гипотетическому, агрессивному, эзотерическому, манипулятивному и менторскому [Карасик 2007б: 350].

Толкование дискурсов по *стилю общения* исходит из процессуально-результативного понимания самого стиля как «комплекса когнитивных процедур обработки знаний, находящего соответствующую вербальную реализацию» [Leech 1985: 35] или как «стратегии обработки информации и ее оценки» [Дейк 1989: 295]. Представляя собой определенную технику организации актов общения в соответствии с конкретной прагматикой говорящего, стиль выступает феноменом функционального порядка.

И хотя проблема соотношения понятий «функциональный стиль» и «дискурс» остается все еще далекой от своего решения, специалисты все же считают

возможным говорить о разговорном (разговорно-бытовом), официально-деловом, научном, масс-медийном, художественном и иногда об эпистолярном дискурсах. Солидаризируясь с мыслью о несводимости дискурса к стилю [Дейк 1989: 38], мы не усматриваем противоречия в совпадении имен одного с другим, поскольку убеждены, что дискурс определяет стиль, а не стиль дискурс.

Стиль – это системообразующий фактор дискурса, а дискурс – изотопический континуум, вместителище вербальных средств воплощения социально значимых идей, преломленных в лингвокультурном сознании. В ракурсе, специфическом для каждого коммуникативного модуса и каждой социоисторической среды, тот или иной функциональный стиль выступает в виде определенного набора стилевых черт, приемов и доминант, являющихся наиболее адекватными дискурсу. В этом смысле функциональный стиль суть особый угол конструирования дискурсивной модели мира.

Таким образом, конституируясь благодаря n -множеству текстов определенной предметно-тематической направленности, дискурс материализуется в триединстве среды, режима (модуса) и стиля общения. Именно эти основные факторы позволяют говорить о нем как об объективно существующей данности. При этом типологический профиль дискурса задается главным образом благодаря коммуникативному модусу, который предшествует всем остальным параметрам, поскольку базируется на социокультурной активности субъектов дискурсивной деятельности.

По нашему убеждению, наиболее приемлемым термином для обозначения наполнения дискурса концептами является конфигурация. Указывая на абрис, т. е. на внешне видимое взаиморасположение определенных элементов системы, термин «**конфигурация**» не содержит жесткого требования относительно иерархичности структурных элементов системы и вместе с тем не исключает ее.

Абрисные конфигурации концептов опираются, по меньшей мере, на два типа связей – внутренние и внешние, объективные и субъективные. Первые реализуются в оппозиции «отношения внутри системы – отношения вне системы», вторые – «отношения в дискурсе – отношения в сознании человека». Обусловленные этими отношениями, определенные группировки концептов в разных режимах (временности / постоянства, устойчивости / неустойчивости) открывают широкий простор для исследовательской инициативы.

Дискурсивная конфигурация концептов представляет собой такую разновидность систем, в которой определенное множество концептов оказывается ситуативно упорядоченным по принципу логической целесообразности и уже именно на этой основе включенным в систему более высокого порядка – концептосферу.

ДКК могут конституироваться не иначе как через посредничество систем другого типа – концептополей, поставляющих им надежный «строительный» материал.

Триарность концептуального устройства лингвокультурных пространств в паттерне «КСф – КП – ДКК» вполне согласуется с основными законами системологии, в т. ч. и с постулатом о том, что «всюду в пределах мира существуют системы, вкрапленные в другие системы» [Капра 2003: 43]. Не противоречит она и тем системорелевантным принципам, атрибутам и свойствам, взаимодействие которых принято называть самоорганизацией. Стремясь к сохранению своей целостности, ДКК вместе с тем не может не подвергаться воздействию энтропийных сил, которые приводят не к созиданию, а к разрушению (хаосу), что становится вполне реальным на фоне неизбежных и постоянно действующих в них процессов бифуркации или диссипации.

Можно предположить, что *холистический вектор* связан с особенностями формирования концептосистем в дискурсивном сознании homo loquens и базируется на принципе логичности, тогда как *энтропийный* – на принципе изменчивости, поскольку связан с накоплением опыта и приобретением новых знаний. Регулируя образование и распад ДКК, оба этих принципа могут материализоваться в дискурсивной деятельности в виде констант и переменных. Константными компонентами ДКК выступает типичный (характерный, высоковероятностный, прогнозируемый) и регулярно реализуемый набор концептов, а переменными – нетипичные (нехарактерные, маловероятные, слабо прогнозируемые) концепты, нерегулярно реализуемые в определенном дискурсе.

В. И. Карасик предлагает выделять в каждом типе дискурса три разновидности концептов: генеративные (центральные для этого дискурса, лежат в основе развертывания его смысла и норм), деривативные (производные) и нейтральные [Карасик 2007в: 89–96]. Действенность этой системы продемонстрирована на примере политического дискурса: одним из его генеративных концептов является ВЛАСТЬ, смысл которого разворачивается как уточнение понятийных признаков, организующих политический дискурс (борьба за власть, удержание власти), его образных свойств (проявление силы одного человека по отношению к другому или какого-то могущественного существа по отношению к людям), его ценностных признаков (обоснование необходимости власти, способности подчиняться как условие осуществления эффективной власти, привлекательности власти и ее разрушительных последствий для личности). Одним из деривативно-производных концептов политического дискурса В. И. Карасик считает ЛОЯЛЬНОСТЬ, тогда как дискурсивно нейтральными – КРАСОТУ, ЛЮБОВЬ, СВОБОДУ (ср.: у Н. К. Рябцевой [2005: 106] ВЛАСТЬ – гипоним концепта СИЛА).

Предлагаемая модель соотносится с нашим пониманием концептосистемы дискурса как таковой, что конституируется по принципу «принадлежности», а не «включенности». Тем не менее, в ней есть и определенные недостатки. Во-первых, непонятно, почему генеративным концептом политического дискурса объявляется ВЛАСТЬ, а не ПОЛИТИКА, как, например, у Е. И. Шейгал [2004: 70–85]. Очевидно, подобные точки зрения не случайны, а отображают системное устройство концептосферы. Ведь именно ПОЛИТИКА является той концепт-идеей, которая в данном случае задает тип дискурса и его профиль, из нее же прорастает все ментально-информационное пространство политического дискурса. Во-вторых, в этой модели не совсем четко выписаны критерии и методика выделения и размежевания дискурсообразующих концептов – генеративных, деривативных и нейтральных. В первом случае можно предположить, что здесь применены лингвостатистическое исследование текстов и ассоциативный эксперимент. Различение же деривативных и нейтральных концептов, наверное, имеет налет интерпретативности. Впрочем, вряд ли надо корить в этом исследователя, ведь и сам феномен «дискурс» все еще не до конца выяснен, является расплывчатым, аморфным, а потому и тяжело поддающимся формализации.

Приблизительно в таких же категориях понимает концептосистему дискурса и Г. Г. Слышкин, который различает автохтонные и заимствованные концепты. К автохтонам он относит те концепты, которые В. И. Карасик называет генеративными, к заимствованным – нейтральные, тогда как деривативно-производные нисходящих уровней абстракции (мезо-, гипоконцепты), очевидно, растворяются в первых двух.

Метахтонные концепты (метахтоны) – концепты, образующие имя дискурса. Г. Г. Слышкин считает их «единицами осмысления продуктов предыдущей концептуализации, оформленных как семиотические образования» [Слышкин 2004: 10]. Например, ПОЛИТИКА – для политического, МЕДИЦИНА – для медицинского, СКАЗКА – для сказочного, РЕЛИГИЯ – для религиозного, СПОРТ – для спортивного, РЕКЛАМА – для рекламного (ср. интерпретацию РЕКЛАМЫ как жанрового метаконцепта [Белозерова 2007]) и т. п. Эти имена становятся ведущими концептами, а точнее – концепт-идеями соответствующего типа дискурса (текстовые концепты, «концептуальные доминанты дискурса» [Мальшева 2011: 54]). М. Ю. Олешков считает даже, что концептуальная доминанта дискурса «является «свёрнутой» моделью дискурса или его фрагмента, в которой латентно «присутствуют» все возможные потенциальные реализации» [Олешков 2009: 71]. Среди других метаконцептов одноименных дискурсов можно назвать АВТОРИТАРИЗМ, ТОТАЛИТАРИЗМ, КОНФЛИКТ, КООПЕРАЦИЮ, ДЕМОКРАТИЮ, ИНСТИТУЦИЮ, ГЕНДЕР и др. Одновременно метахтоны выступают и терминологическими фиксаторами основных научных понятий соответствующей области знания.

Автохтонные концепты (автохтоны) исторически сформировались в лоне определенного дискурса и продолжают регулярно в нем воспроизводиться (напр., ВЛАСТЬ и ПОЛИТИК для политического дискурса, УЧЕНИК – для педагогического, ПАСТОР – для религиозного). Автохтоны могут быть: а) *уникальными*, т. е. не быть свойственными какому-либо другому дискурсу (ЦЕРКОВЬ, КРЕЩЕНИЕ, ПАСТЫРЬ, ЖРЕЦ для религиозного); б) *общими*, т. е. частично или полностью совпадающими в нескольких дискурсах (УЧИТЕЛЬ в педагогическом и религиозном). Система концептуальных доминант спортивного дискурса состоит из автохтонов СПОРТСМЕН, ТРЕНЕР, СУДЬЯ, БОЛЕЛЬЩИК, КОММЕНТАТОР, СТАДИОН, КОРТ, ПРАВИЛА, ИГРА, ТРЕНИРОВКА, СОРЕВНОВАНИЕ, СУДЕЙСТВО, ЧЕМПИОНАТ, ОЛИМПИАДА [Малышева 2011: 21]. Иначе говоря, автохтоны являются концептуальными константами дискурса, к которым нужно отнести доминантный (типичный, характерный, высоковероятный, прогнозируемый) и регулярно воспроизводимый набор концептов, называемый «ключевыми концептами».

Аллохтонные концепты (аллохтоны), будучи атрибутами когнитивно-семантического пространства другого дискурса, оказываются перенесенными в данный дискурс для выполнения определенных коммуникативных целей (напр., сравнение политического неприятеля с двоечником, использование спортивных концептов в рекламе) [Слышкин 2004: 106]. Аллохтоны являются концептуальными переменными дискурса, выступают как нетипичные, маловероятные, слабо прогнозируемые, а иногда и нехарактерные, а потому и нерегулярно реализуемые в нем концепты.

Возвращаясь снова к политическому дискурсу, заметим, что, по-видимому, кроме ВЛАСТИ, его автохтонами являются ПАРТИЯ, ФРАКЦИЯ, ПРАВИТЕЛЬСТВО, ПАРЛАМЕНТ, ДЕМОКРАТИЯ, СВОБОДА, ЗАКОН, НАРОД, ВЫБОРЫ и др., а аллохтонами, кроме производной ЛОЯЛЬНОСТИ и нейтральных КРАСОТЫ и ЛЮБВИ, – ЧУДО, МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА, НЕЖНОСТЬ, ЗАБАВА, ЗАВИСТЬ, КУРАЖ, ДЕНЬГИ и многие другие. Аналогичным образом можно охарактеризовать автохтоны сказочного (ЧУДО, ФЕЯ, ВОЛШЕБНИК, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ТРИДЕВЯТОЕ ЦАРСТВО, КОВЕР-САМОЛЕТ), педагогического (УЧЕБА, ВОСПИТАНИЕ, УЧИТЕЛЬ, УЧЕНИК), религиозного (БОГ, ВЕРА, СМИРЕННОСТЬ, МОЛИТВА, ИКОНА, ПОСТ), а также спортивного дискурсов (ЧЕСТНОСТЬ, ПАТРИОТИЗМ, МУЖЕСТВО, ГЕРОИЗМ, СМЕЛОСТЬ / ТРУСОСТЬ, СИЛА, ВЫНОСЛИВОСТЬ, ТЕРПЕНИЕ, КРАСОТА, ЗДОРОВЬЕ, БОЛЕЗНЬ, СТРАДАНИЕ, СВОИ / ЧУЖИЕ, ПОБЕДА / ПОРАЖЕНИЕ, БИЗНЕС, ШОУ и др. Использование в них концептуальных переменных зависит от условий и структуры коммуникативной ситуации.

Список автохтонных концептов того или иного дискурса является по определению закрытым, а аллохтонных – открытым. Он всегда велик и, наверное, произволен: здесь в равной мере встречаются универсальные и этноспецифичные,

регулятивные и нерегулятивные, параметрические и непараметрические единицы концептосферы.

В соответствии с этими двумя паттернами и в зависимости от фокуса исследовательского внимания можно выделить два концептуально релевантных типа дискурсов (закрытые и открытые) и два дискурсивно релевантных типа концептов (моно- и полидискурсивные).

Закрытые и **открытые дискурсы** выделяются на основании их способности к заимствованию концептов, ингерентно свойственных тому или иному дискурсу и, соответственно, возможности отдавать свои концепты «в пользование» другому дискурсу. Наиболее открытыми являются политический, рекламный, сказочный, семейный и др., менее всего открыты – официально-деловой, научный, религиозный и др. **Монодискурсивные** и **полидискурсивные концепты** выделяются на основании их способности к своему преферентному или индифферентному использованию в том или ином дискурсе. К первым относятся автохтоны (напр., КРЕЩЕНИЕ, ИКОНА в религиозном дискурсе), ко вторым – аллохтоны. Первые являются дискурсивно преферентными, вторые – дискурсивно индифферентными ментальными единицами.

Деление дискурсов на закрытые и открытые, а концептов на моно- и полидискурсивные характеризуется количественной асимметрией – наличием в лингвокультуре незначительного количества закрытых дискурсов в сравнении со значительным количеством открытых и, соответственно, незначительного количества монодискурсивных концептов в сравнении с преобладающим большинством полидискурсивных. Этот факт можно, вероятно, объяснить безграничной гибкостью коммуникативного пространства социокультуры, в котором креативная языковая личность стремится выйти за пределы норм, конвенций и условностей, используя в своем речепроизводстве разные стратегии и тактики вербальной аранжировки когнитивной информации.

Когнитивно-коммуникативная асимметрия обладает способностью нейтрализовать «привязанность» концепта к какому-либо одному типу дискурса в пределах определенной среды общения и расчищать путь для его трансфера в другой дискурс, а также переводить автохтонный концепт в иной лингвокультурный статус – например, из ранга автохтонного в ранг аллохтонного или из ранга моно- в ранг полидискурсивного, и наоборот.

3.3.1.2. Концептология дискурса vs дискурсология концепта

Было бы наивно полагать, что внешняя экстраполированность концептов заключается только в симметричной привязке к коммуникативной среде по принципу «такой-то концепт – такой-то дискурс». Как и любой системно релевантный

феномен, концепт может характеризоваться и когнитивно-коммуникативной асимметрией. Она заключается в том, что между определенным концептом и определенным дискурсом нет жесткой коррелятивной зависимости, а потому и не может быть однозначных соответствий: одна и та же ментальная единица, скажем концепт-1 (K_1), может входить в информационное поле нескольких дискурсов (рис. 3.4б), а один и тот же дискурс (например, D_1) – апеллировать к нескольким концептам (рис. 3.4а).

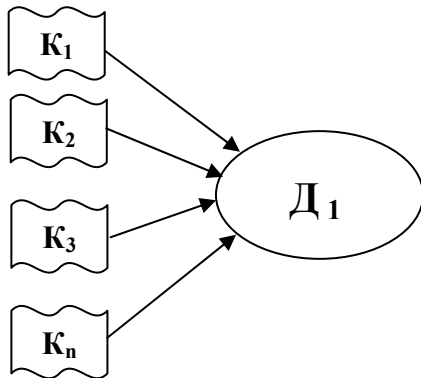

Рис. 3.4а. Паттерн «концепты в дискурсе»

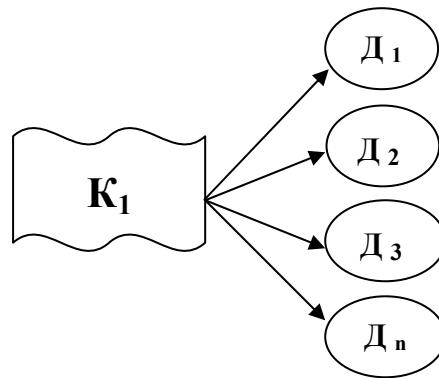

Рис. 3.4б. Паттерн «концепт в дискурсах»

Рассмотрение двух ведущих категорий когнитивно-коммуникативной парадигмы лингвистики – концепта и дискурса – в одной «упряжке» позволяет изучать их, по меньшей мере, в двух исследовательских ракурсах:

- анализ дискурса в апеллировании к разным концептам,
- анализ концепта в апеллировании к разным дискурсам (не всегда реализуется в исследовательских лабораториях, где нередко осуществляется анализ одного концепта в одном дискурсе).

Отталкиваясь от постулата об отсутствии одно-однозначных соответствий между дискурсом и концептом, можно констатировать наличие определенного рода конфигуративного дуализма в концептуальной организации дискурса, который определяет два пути движения научной мысли: *дискурсоцентрический* (от дискурса к концепту) и *концептоцентрический* (от концепта к дискурсу). Первый подход можно условно назвать ‘дискурсивной концептологией’, второй – ‘концептологией дискурса’. Дискурсивная концептология предусматривает изучение ДКК в пределах эпистемической перспективы «от коммуникации к когнитивной семантике», предметом анализа которой является организация социодискурсивных пространств в паттерне ‘концепты в дискурсе’ (рис. 3.4а). Концептология же дискурса с ее подходом «от когнитивной семантики к коммуникации» имеет предметом изучения паттерн ‘концепт в дискурсах’ (рис. 3.4б).

Анализ объектов нашего внимания в паттерне «концепт в дискурсах» базируется на том, что концепт или его идиополе обладает определенного рода когнитивно-семантической избирательностью относительно возможностей своей актуализации в том или ином дискурсе, т. е. способностью или неспособностью сочетаться с себе подобными в процессе своей речевой реализации. Это приводит к тому, что один и тот же концепт может преимущественно использоваться в одном дискурсе и вести себя индифферентно по отношению к другому. Однако подавляющее их большинство не имеет жесткой привязки к какому-то одному, а может функционировать в двух, трех и более дискурсах, что зависит от категориального статуса последнего – модуса, среды или стиля общения. Это является объективной плоскостью корреляции «концепт – дискурс».

Субъективная же плоскость этой корреляции задается опциями анализа – фокусированием внимания на определенной грани дискурсивного профиля концепта, допускающего свое описание как в узкой, так и в широкой перспективах. Будучи обычно замкнутой на корреляции «один концепт – один дискурс», узкая перспектива способствует *интенсивному* изучению концепта в глубину с учетом возможностей его стилизации и метафоризации, привязки к определенному жанру или идиостиллю. Специальная литература располагает достаточно богатым опытом такого анализа: МУЗА в русской поэзии Серебряного века [Бабурин 1998], РЯБИНА в творчестве М. Цветаевой [Морозова 2003], МЕТЕЛЬ в одноименной повести А. С. Пушкина [Хайчевская 2000], ЧУДАК в художественном мире М. Горького [Борисова 2001], ВЕЧНОСТЬ – в поэтическом мире Г. Иванова [Тарасова 2000], СОЛНЦЕ в идиостиле К. Бальмонта [Колокольцева 2003], концепты БЕЛЫЙ и ЧЕРНЫЙ в лирике XX ст. [Кузьмина 2005], концепты САМОВАР и ПОСИДЕЛКИ в идиодискурсе Т. Г. Шевченко [Космеда 2002], концепты ИНТРИГА и ОДИНОЧЕСТВО в драмах Т. Вильямса [Байоль 2008], концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в поэтическом дискурсе [Пономарева 2008] и т. д.

Труды такого рода свидетельствуют о том, что целенаправленное изучение одного концепта в определенном дискурсе совсем не означает низкопробность анализа. Напротив, они способствуют погружению исследователя в глубинные истоки объекта своего внимания, где он (объект) раскрывается новыми гранями, свойствами, чертами и признаками. Особенно наглядно это видно на примере конструирования концептуального пространства определенного дискурса – например, поэтической драмы XX в. [Передерий 2010], спортивного дискурса [Малышева 2011], сказочного дискурса [Путий 2011].

И еще одной особенностью обладает концептуальное пространство дискурса. В отличие от концептополя, в котором представлена, как правило, вся иерархическая цепочка («макроконцепт \subset гиперконцепт \subset гипоконцепт \subset

мезоконцепт \subset (*ката*)концепт»), в дискурсе она может быть *лакунарной*. Это значит, что одно или несколько звеньев в этой системе могут оказаться пропущенными. Так, ДКК немецкой народной загадки не имеет гиперконцептуального звена (табл. 3.3), ДКК викторианского дискурса – гипоконцептуального (табл. 3.4), постмодернистского – мезоконцептуального (табл. 3.5). Неполнота парадигмы имеет, как правило, субъективный характер: она зависит либо от идейно-философского содержания дискурса, либо от теоретической позиции исследователя.

Не менее важен и противоположный ход анализа – *экспансивный*, предполагающий изучение концепта в нескольких дискурсивных формациях. Такой анализ свидетельствует, что концепт оказывается а priori наделенным определенным когнитивно-коммуникативным потенциалом, который обеспечивает его апеллирование к разным дискурсам. При этом демонстрируются процесс и результат реинтеграции человеческих знаний, рассредоточенных в разных социодискурсивных пространствах.

Паттерн ‘концепты в дискурсе’ отражает схему формирования когнитивной карты дискурса путем преферентного использования концептов под «давлением» трех факторов – среды, режима и стиля общения. Каждый дискурс оказывается способным образовывать свою собственную концептосистему, состоящую из конфигураций типологически разных ментальных единиц [Морозова 2006; Огнева 2009; Романова 2005; Шейгал 2006]. Их отбор, комбинирование и компоновка зависят от многих факторов: речевых интенций, социороловой структуры адресанто-адресатных отношений, кодировочных техник агентов и декодировочных компетенций клиентов дискурса и т. д. Вступая между собой в разнообразные связи, приобретая статус метактона, автохтона или аллохтона и при этом градуируясь в виде «инстанций» и/или «эшелонов», такие конфигурации способны воссоздать специфический, а иногда и неповторимый ментально-информационный портрет того или другого дискурса.

Одной из плодотворных возможностей анализа дискурса является изучение его концептосистемы по принципу *концептивной дистрибуции*, который базируется на совместимой встречаемости определенных концептов и на частоте их использования в определенных текстах, жанрах, идиостилях. Здесь можно говорить о трех типах конфигуративных отношений – субординативных, координативных и имплицативных. Эти отношения напоминают то, что в синтаксисе принято называть валентностью. Валентность концепта проявляется в дискурсе в его избирательности к другим концептам, с которыми он может употребляться с разной степенью продуктивности (регулярно, преферентно, случайно) и тем самым образовывать концептивную карту дискурса (или его когнитивную карту).

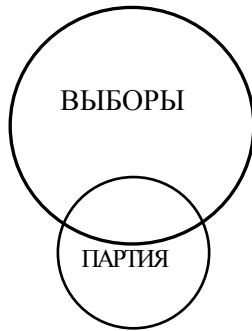

Рис. 3.5а. *Отношение субординации концептов*

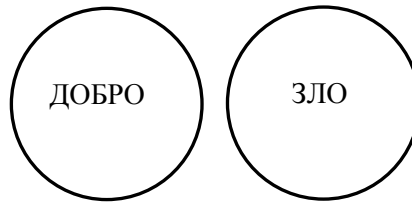

Рис. 3.5б. *Отношение координации концептов*

Рис. 3.5в. *Отношение импликации концептов*

Отношения субординации (подчинения) в ДКК проявляются в пересечении автохтонов с аллохтонами, при котором первые подчиняют, обуславливают, предполагают использование вторых (формула « $X \in M$ »: концепт X принадлежит множеству M). Например, $\text{ВЫБОРЫ} \in \text{ПАРТИЯ}$ (политический Д), $\text{МОЛОДЕЖЬ} \in \text{ДОСУГ}$, $\text{МОЛОДЕЖЬ} \in \text{ОБРАЗОВАНИЕ}$ (молодежный Д), в которых матричный концепт (обычно автохтон) необходимо предусматривает использование нескольких аллохтонов (рис. 3.5а). При этом подчинение не обязательно базируется на принципе поля, т. е. не предполагает жесткой зависимости между концептами восходящего и нисходящего уровней абстракции.

Отношения координации (равноправия, равнозначности, равновесомости) имеют место в дискурсе между концептами с приблизительно одинаковой продуктивностью своего использования. Этот тип отношений характерен для пересечения концептов наподобие ПРАВА & ОБЯЗАННОСТИ в юридическом, УЧИТЕЛЬ & УЧЕНИК в педагогическом, ДОБРО & ЗЛО в религиозном дискурсах (рис. 3.5б). Как правило, отношения координации достаточно прогнозируемы, однако наиболее интересные результаты можно получить при лингвостатистическом исследовании текстовых массивов, в которых обнаруживаются самые разнообразные, а порой и невероятные координативные констелляции концептов. Так, А. А. Павлова установила, что для семейного дискурса одинаково употребительными являются пары ВОЙНА & СМЕРТЬ, ПАМЯТЬ & ДОБРО, РАБОТА & ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ [Павлова 2004: 147–149]. Т. В. Радзиевская сравнивает отношения координации с «конъюнкционными рядами». Анализируя концепт ЗДОРОВЬЕ, она приходит к выводу, что его дистрибутивное окружение в художественном дискурсе составляют такие ментальные единицы, как КРАСОТА, СИЛА, СЧАСТЬЕ, СУДЬБА, МОЛОДОСТЬ, с которыми он находится почти в отношениях тождества [Радзієвська 2006: 163]. Феномен координации может быть осмыслен в терминах толерантности или даже взаимного «симпатизирования» концептов.

Отношения импликации (включения, обусловленности) возникают в тех ДКК, в которых некоторый менее частотный концепт оказывается включенным в некоторый более частотный. Такие отношения возникают, например, между концептами ЗДОРОВЬЕ \supset ДВИЖЕНИЕ в медицинском, ВОЛЯ \supset МАЙДАН в украинском оранжевом дискурсе, ФРАКЦИЯ \supset ПАРЛАМЕНТ в политическом (рис. 3.5в).

Отмеченные типы интерконцептных связей обуславливаются общечеловеческими принципами мышления, сопряженными с движением мысли в пределах таких категорий логики, как иерархичность – линейность, общее – частное, множественное – единичное, тождественное – отличное, а также конъюнкцию (оператор «и») и импликацию («из p вытекает q », оператор \supset). Отсутствие в этой системе дизъюнкции (оператор «или») вовсе не означает, что разделительная схема функционирования концептов, при которой один из них исключает использование другого, не работает в дискурсе. Очевидно, процессы «отталкивания», «антипатии», «нетерпимости» концептов также имеют место в ДКК.

Выделение трех типов дистрибутивных связей имеет важное значение для концептуального анализа текстов в целом и для процесса концептивного прогнозирования в частности. Так, переход от одного концепта к другому представляется более вероятным в том случае, когда они находятся в отношениях включения, поскольку актуализация одного почти неминуемо вызывает актуализацию другого, что приводит к процессу **конгломерации** – объединения и пересечения отдельных концептов в пределах определенной дискурсивной формации, при котором каждый из них сохраняет свои черты и свойства.

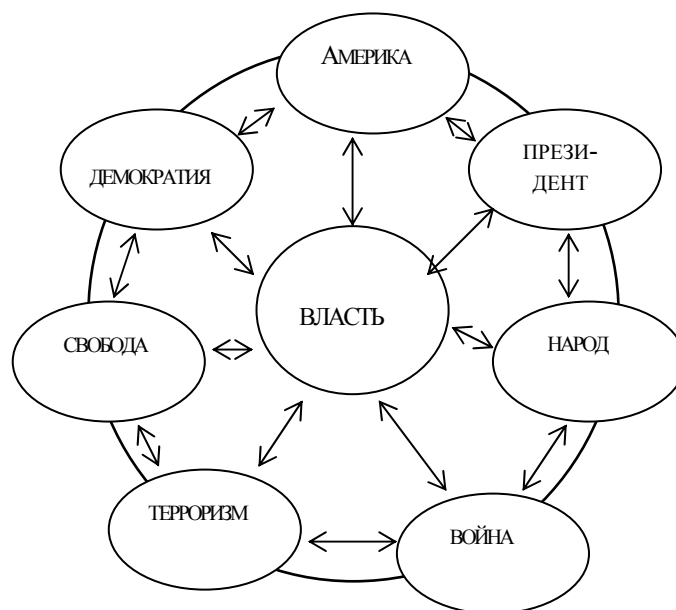

Рис. 3.6. Конгломерация концептов в электоральном дискурсе США

Типичным случаем конгломерации является повышенная частотность использования определенных ментальных единиц в определенных дискурсах. Например, высокая активность концептов АМЕРИКА, ВЛАСТЬ, ДЕМОКРАТИЯ, СВОБОДА, НАРОД, ПРЕЗИДЕНТ и антиконцептов ТЕРРОРИЗМ, ВОЙНА в электоральном дискурсе США, по данным О. В. Даньшиной, [2007: 34]) позволяет, с одной стороны, рассматривать их как определенного рода дискурсообразующий конгломерат, а с другой, – признать, что каждый из них сохраняет свою собственную ментальную специфику (рис. 3.6).

Конгломерация отражает процессы вовлечения концептов во множество разнообразных связей и отношений. Однако выявление степени конгломерации некоторых концептов не всегда позволяет сделать достаточно убедительные выводы относительно меры их «сцепленности» в той или иной ДКК, поскольку тесная межконцептная связь может свидетельствовать лишь о ситуативной близости соответствующих явлений.

Конгломерация является процессом, в котором ДКК конституируются путем вовлечения некоторых концептов в систему разнообразных отношений, для чего используются концепты-связки. Последние опосредуют и/или способствуют получению одним из соединяемых концептов некоторого нового для него дискурсивного статуса. Это происходит путем «сцепления» одного концепта с другим через промежуточное концептивное звено. Принцип коннекции способствует объединению как одно-, так и разностатусных (обычно автохтона и аллохтона) ментальных единиц в пределах одного дискурса. Так, в спортивной коммуникации в конфигурации «СОРЕВНОВАНИЯ & РАДОСТЬ» связкой может выступать концепт ПОБЕДА (рис. 3.7а), в ДКК семейной коммуникации «СЕМЬЯ & ОБРАЗОВАНИЕ» – концепт ДЕТИ, в ДКК «БОЛЬНИЦА & СЧАСТЬЕ» – концепт ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ (медицинский дискурс), а в ДКК немецкого романтизма «ПРИРОДА / NATUR & ЧЕЛОВЕК / MENSCH» – концепт ИДЕАЛ / IDEAL (рис. 3.7б – см. § 3.3.2.3).

Рис. 3.7а. Спортивный дискурс

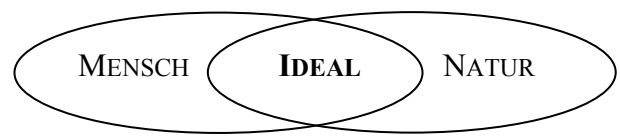

Рис. 3.7б. Романтический дискурс

Рис. 3.7. «Сцепление» концептов с помощью концепта-связки

Эшелонизация является способом разворачивания концептов разного дискурсивного статуса (метахтоны, автохтоны, аллохтоны) в определенной последовательности, при которой происходит вербальная актуализация (обыгрывание)

последнего звена в цепи ментальных единиц, тогда как первые звенья остаются для клиентов дискурса невербализованными, оказываясь релевантными лишь для исследователя, стремящегося выяснить и описать когнитивную карту (систему) определенного текстотипа, текста, жанра или идиостиля. Эшелонной организацией своей концептосистемы характеризуются преимущественно дискурсы закрытого типа. Ярким примером последних являются дискурсы «карнавального» жанра – анекдоты, афоризмы, фельетоны, загадки (см. § 3.3.3.1).

В целом паттерн «концепты в дискурсе» в таких своих ипостасях, как дистрибуция, конгломерация и эшелонизация базируется на одном общем принципе – принципе *интерконцептных корреляций*. Механизм таких корреляций может быть описан с помощью лингвостатистического анализа. Например, воплощаясь в различных формациях сказочного дискурса, концепты, подчиненные идее СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, обнаруживают определенную когнитивно-семантическую сочетаемость [Путий 2009]. Последняя реализуется в отсутствии регулярных взаимосвязей антропостатальных концептов, а значит, и невозможности их актуализации по моделям «сцепления» (более 50% площади пересечения концептов) [Павлова 2004: 147–149].

Высокой продуктивностью отличаются комбинаторные связи эмоциональных и физиологических концептов как между собой (GESUNDHEIT / ЗДОРОВЬЕ – SCHLAF / СОН, ANGST / СТРАХ – TOD / СМЕРТЬ, FREUDE / РАДОСТЬ – LIEBE / ЛЮБОВЬ), так и с другими ментальными единицами, не включенными в антропостатальный континуум (TRÄNEN / СЛЕЗЫ, SCHWEIß / ПОТ, KIND / ДЕТИ, ZEIT / ВРЕМЯ и др.). Преферентный характер таких дискурсивных конфигураций свидетельствует о наличии отношений объединения (10-50% площади пересечения), отражающих психофизиологические свойства феномена ‘состояние человека’: инактивность субъекта, временную локализованность, фазовость, амбивалентность, взаимообусловленность состояний (рис. 3.8а).

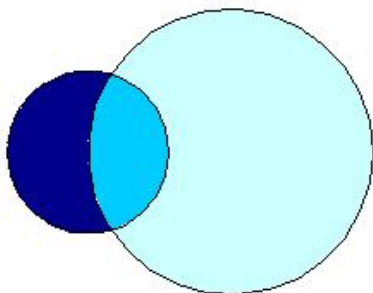

Рис. 3.8а. Объединение концептов
УСТАЛОСТЬ – СОН (39%)

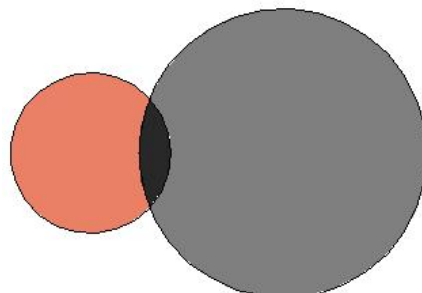

Рис. 3.8б. Совместимость концептов
РАДОСТЬ – ВОЛШЕБСТВО (10%)

Подавляющее же большинство зафиксированных межконцептных связей демонстрирует совместимость антропостатальных концептов с автохтонами скажочного дискурса (HERZ, ZAUBER, WASSER, HEXE, TEUFEL и др.), раскрывающую мифологические представления немецкоязычного этноса о детерминированности состояния человека явлениями природы, а также веру в возможность воздействия на него сверхъестественных сил. Невысокая продуктивность таких корреляций (до 10% площади пересечения) позволяет квалифицировать их исключительно как окказиональные (рис. 3.8б). Таким образом, степень продуктивности дискурсивных конфигураций концептов позволяет судить об устойчивости их когнитивно-семантических связей.

Обнаружение типов дистрибутивных интерконцептивных отношений вносит определенный вклад в разработку когнитивной карты дискурса в целом и в его концептуальной архитектоники в частности. С учетом этого целесообразными представляются такие подходы к лингвоконцептологическому изучению дискурса: анализ дискурса как совокупности апелляций к разным концептам и анализ концептов в апеллировании к разным дискурсам.

3.3.2. Концептуальное пространство дискурса: концепты в дискурсе

Изучение концептологической специфики дискурса в паттерне организации «концепты в дискурсе» тождественно движению научной мысли «*от дискурса к концепту*». Эта тождественность опирается на идею о том, что определенный тип дискурса образует свою собственную концептосистему, т. е. между типом дискурса и концептом устанавливаются прямые логико-семантические параллели. В этом понимании дискурс представляет собой совокупность апелляций к разным концептам, определяет их отбор (селекция и адсорбция), а также их актуализацию в соответствии со своей типологической принадлежностью как социокультурно маркированного продукта коммуникации. Когнитивно-семантическим ресурсом для дискурсивной селекции служит концептосфера и ее концептополевые сегменты.

Создание концептуального портрета дискурса – это выведение его внутреннего содержания на поверхность. В этом случае методика концептивной инвентаризации дискурса напоминает рыбалку, когда с помощью расставленных рыбаком сетей с разным диаметром ячеек (удочек с разными размерами крючка) вылавливаются и сортируются по группам разные рыбешки (большие – малые, морские – речные, щуки – карпы и пр.). Так и лингвист: с помощью условных «ментальных сетей», закидываемых в текстовое пространство, «отлавливает»

попавшие в них концепты, и систематизирует их по рубрикам. Эти рубрики и дают право осуществлять таксономию концептов на основе различных мировоззренческих принципов – лингвофилософских, психолингвистических, социокультурных, идейно-художественных, общепилологических и пр. В любом случае, способ каталогизации концептов того или иного дискурса задает материал; он же и предполагает два метода анализа – дедуктивный и индуктивный.

Дедуктивный метод с его движением научной мысли от общего к частному предполагает, прежде всего, уяснение идеологических установок исследуемого дискурса. Это установки, направленные на реализацию определенной идеи, которая движется от концептов высшего уровня (макро-, гипер- и гипо-) к концептам низшего уровня абстракции (мезо- и ката-). Так, для определения макро- и гиперконцептуальных доминант дискурса можно отталкиваться от ключевых философских взглядов относительно социокультурных императивов времени, в которых бытует дискурс (напр., модернистский, постмодернистский дискурсы), либо от зафиксированных литературой и/или искусствоведением его идейно-художественных постулатов (романтический, реалистический, драматургический и др. дискурсы), а также и того, и другого вместе взятых. Для этого могут оказаться полезными не только соответствующие монографические работы, но и специализированные словари – философские, культурологические, литературоведческие и пр.

Вслед за выделением макроконцептуальных рубрик можно приступать к отбору и систематизации коррелирующих с ними мезо- и (ката)концептов, что осуществляется путем обработки эмпирических источников и деления их на (мезо)группы. Критерием отбора (ката)концептов является их частотность и продуктивность, а также парадигматическая соотнесенность с восходящими категориями. В целом же весь этот процесс напоминает сканирование дискурса на предмет установления списка его аллохтонов.

Аналогичный процесс происходит и при использовании *индуктивного метода* концептивного портретирования дискурса, только в этом случае исследование идет в обратном направлении – от частного к общему. Этот метод базируется также на идее иерархии концептосферы [Никонова 2008; Огнева 2009; Пименова 2009], позволяющей постепенно абстрагироваться от конкретного автохтона (лингвокультурной доминанты жизненного мира человека) и приблизиться к некой метафизической идее (макроконцепту), воплощением которой всем своим естеством как раз и призван служить тот или иной дискурс. Логическая связь между этими крайними ментальными точками опосредуется через промежуточные звенья-таксоны, благодаря чему концептуальная иерархия разворачивается как постулируемая здесь последовательность ката-, гипо-, гипер-

и макроконцептов. При этом каждый из репрезентантов обозначенной концептуальной цепи может выступать аттрактором, т. е. феноменом, который «притягивает» к себе и группирует вокруг себя другие концепты – как когнитивно-иерархического, так и дискурсивного статуса. В последнем случае речь идет об аллохтонах – концептах, исключительно зависимых от дискурсивных доминант.

В результате преферентного отбора дискурс образует свою собственную концептосистему по схеме конфигурации (ДКК), которая состоит из типологически разных концептов – автохтонных, аллохтонных, нейтральных. Их отбор, комбинирование и реализация зависят от многих коммуникативных факторов – речевых интенций, социороловой структуры адресантно-адресатных отношений, тактико-стратегических установок и т. п., но определяющими среди них являются три упомянутые выше дискурсивные категории: среда, модус и стиль общения (§ 3.3.1.1). Обусловленные этими факторами, ДКК способны создать специфический, а иногда и неповторимый ментально-информационный портрет того или другого дискурса.

3.3.2.1. ДКК, обусловленные средой общения

Как и любой феномен культуры, единица языка или речи может быть основой для образования в коллективном сознании лингвокультурного концепта. Это касается и дискурса. Носители языка имеют четкие представления о коммуникативном поведении в разных ситуациях институционального и личностного общения. Все это формирует не только понятийную составляющую концепта, но и телеологическую компетенцию дискурсивной среды.

У членов этносоциума есть также наглядно-ассоциативные представления об общении в той или иной коммуникативной ситуации (например, педагогическая – классная комната, учитель возле доски; медицинская – врач с фонендоскопом, рецепт, аптека; религиозная – храм, священник, молитва). С разными видами дискурса соотносятся высказывания, содержащие прямую или косвенную оценочность. Такие феномены, как БЕЗОПАСНОСТЬ, ДОСТОИНСТВО, ЕДИНСТВО, СПЛОЧЕННОСТЬ, НАДЕЖНОСТЬ, ЛИДЕРСТВО, РАВНОПРАВИЕ, СВОБОДА, ПОРЯДОК, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СТАБИЛЬНОСТЬ, УВЕРЕННОСТЬ, ХРИСТИАНСТВО [Кравченко 2007], рекламируемые Евросоюзом как главные ценности для создания идеального образа европейского сообщества, являются набором автохтонных концептов нового типа дискурса – евроинтеграционного.

В дискурсах, конституируемых по принципу коммуникативной среды, четко прослеживается наличие определенных ценностно-концептуальных преференций, обуславливающих селекцию только им присущих автохтонов и почти индифферентно относящихся к своим концептуальным аллохтонам. В частности,

константами политического дискурса будет один набор концептов (ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ, ПАРТИЯ, ПИАР, РЕФОРМА, ВЫБОРЫ, НАРОД, ЭЛЕКТОРАТ), рекламного – другой (РЕКЛАМА, ТОВАР, КАЧЕСТВО, ЦЕНА, ЭКОНОМИЯ, ПОЛЬЗА), а криминального – третий (причем, совершенно очевидно какой). Здесь можно говорить о константах религиозного (РЕЛИГИЯ, КОНФЕССИЯ, БОГ, ХРАМ, БИБЛИЯ, МОЛИТВА, ИКОНА, ДУША, ЛЮБОВЬ, ГРЕХ, СВЯЩЕННИК), праздничного (ПРАЗДНИК, ПАСХА, НОВЫЙ ГОД, ПОДАРОК, РАДОСТЬ, ЗАСТОЛЬЕ, ОТДЫХ), спортивного (СПОРТ, ФУТБОЛ, ГОЛ, ПЬЕДЕСТАЛ, БОКС, КУБОК, ВЫИГРЫШ), сказочного (СКАЗКА, ВОЛШЕБНИК, ФЕЯ, ЧУДО, ПРИНЦ, КОЛДУН, ВЕДЬМА, ТРОЛЛЬ) дискурсов и даже об идиодискурсе отдельно взятого человека.

Вопреки тому, что большинство из названных констант можно признать наднациональными, они привносят в дискурс и этноспецифичные рефлексии, связанные с социокультурными особенностями жизни той или иной страны, особенностями национального менталитета, политической ситуацией, конфессиональными расхождениями, традициями и обычаями народа. Использование концептуальных переменных в этих дискурсах связано, как правило, с текущей ситуацией общения, привлечением других дискурсивных сфер, стремлением говорящего к усилению образности и т. п.

М. А. Ларькина показывает это на примере ДКК немецкого *институционального дискурса*, а точнее – на примере текстов внутренне- и внешнеинституциональных объявлений разного фреймового формата [Ларькина 2012]. Очерчивая концептуальное пространство данных текстов, она отмечает, что оно является относительно закрытым и имеет устойчивую иерархическую структуру, которая образуется ментальными единицами разных уровней абстракции – мета-, гипер-, гипо- и (ката)концептов. Метаконцептом является собственно ОБЪЯВЛЕНИЕ. Ему подчиняются три других ментальных слоя, два из которых – гипер- и гипоконцепты – сливаются в своеобразный домен. Вместе они определяют способ и тон концептуализации институционального дискурсивно-текстового пространства (см. табл. 3.3).

Ценностные доминанты текстов немецкого газетного объявления объективируются концептуальными доменами ATTRAKTIVES / ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЕ, BRAUSHBARES / ПОЛЕЗНОЕ и ERFOLGREICHES / УСПЕШНОЕ, отображающими жизненный опыт личности, где материальное часто ущемляет духовное. Это наиболее ярко представлено в концептах двух последних уровней иерархии. Так, ATTRAKTIVES группирует социокультурные ценности вокруг гипонимов PRIVILEGIEN, PERSPEKTIVEN, MÖGLICHKEITEN, воплощаемых при помощи концептов STARTHILFE, REISE, FÜHRUNGSPPOSITION, ZEITEINTEILUNG, BLICK, AUFZUG, SPITZWEGSTRAßE и др.

Гиперконцепт BRAUCHBARES охватывает ментальные единицы культурно-специфического порядка, сконцентрированные вокруг гипоконцептов SPARSAMKEIT, PROFIT и VORTEIL (концепты FAIRE PREISE, GÜNSTIG, RATENZAHLUNG, SPAREN, GEBÜHREN, VERDIENST, PRÄMIE и др.). Гиперконцепт ERFOLGREICHES, валоризируя PROFESSIONALISMUS, EFFEKTIVITÄT и KOMPETENZ, представлен (ката)концептами ERFAHRUNG, KENNTNISSE, FERTIGKEIT, FLEXIBILITÄT, DURCHSETZUNG, INITIATIVE, GESCHICK. Доминирование материального достигает своего апогея во внешнеинституциональных объявлениях, где он трансформируется в ведущую идею общества потребления – философию консьюмеризма.

Таблица 3.3. Концептуальное пространство немецкого газетного объявления

↓ Дискурсивный статус концептов ↓				
Мета-хтон	Концептивные домены		Автохтоны	
ОБЪЯВЛЕНИЕ	АТТРАКТИВНОЕ / ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЕ	MÖGLICHKEITEN	MÖGLICHKEIT, WOHNEN, AUFSTIEG, WACHSTUM	
		PRIVILEGIEN	KUNDENDIENST, SOMMER-SPECIAL, CLUBKARTE, BETREUUNG, SPAß, ERHOLUNG	
		PERSPEKTIVEN	STARTHILFE, EINARBEITUNG, REISE, FÜHRUNGSPPOSITION, ZEITEINTEILUNG, PARK, SANITÄRANLAGE, BLICK, CITYLAGE, VERKEHRSANBINDUNG, AUFZUG, SPITZWEGSTRASSE, SOFORTEINZIEHUNG	
	BRAUCHBARES / НУЖНОЕ	SPARSAMKEIT	PREIS, GÜNSTIG, RATENZAHLUNG, BERATUNG, KOSTEN, GEBÜHREN	
		PROFIT	EINKOMMEN, VERDIENST, BEZAHLUNG, GEHALT, LOHN, VERDIENEN	
		VORTEIL	LEISTUNG, NUTZEN, BONUS, VORTEIL	
	ERFOLGREICHES / УСПЕШНОЕ	KOMPETENZ	KOMPETENZ, ERFAHRUNG, KENNTNISSE, FERTIGKEIT, AUSBILDUNG	
		PROFESSIONALISMUS	FACH, GARANTIE, ZUVERLÄSSIGKEIT, ERFOLG, ENGAGEMENT	
		EFFEKTIVITÄT	FLEXIBILITÄT, DURCHSETZUNG, INITIATIVE, EINSATZ, FÄHIGKEIT, PRÄMIE, GESCHICK	
	макроК	микроК	мезоК	(ката)К
	↑ Когнитивный (системологический) статус концептов ↑			

АЛЛОХТОНЫ

Концептуальные доминанты текстов немецких объявлений ограничиваются концептами с исключительно позитивным оценочным компонентом. Стандартизированность оформления таких текстов, а также расчёт их агентов на

адекватное декодирование со стороны клиентов способствует их интенциональной завершённости и повышает шансы на достижение искомого посткоммуникативного эффекта.

Представляя мир в сознании человека под определенным углом зрения, ДКК актуализируются в контексте реальной коммуникативной ситуации, рациональная привязка к которой осуществляется в дейктическом триединстве *ego – nunc – hic*. Логически связывая определенные концепты между собой, *homo loquens* выстраивает концептосистемы, актуальные в определенном месте, в определенное время и в определенных обстоятельствах. В более широком контексте ДКК конструируются, моделируются и модифицируются человеком непрерывно, но при этом набор констант остается строго заданным соответствующей коммуникативной средой и остается количественно и качественно стабильным в тех границах, что очерчены дискурсивным узусом. Симметричная привязка определенных концептов к определенной речевой среде является необходимым условием для создания когнитивной карты дискурса.

Полидискурсивные связи концепта как этнокультурно заданного ценностного ориентира этноса, текста или личности открывают способность конструировать системы не только отдельного, но и сразу нескольких дискурсов. Например, если концепты ЧУДО, ФЕЯ, ПРИНЦ образуют конфигурацию сказочного, то ПРЕСТУПЛЕНИЕ / англ. CRIME / нем. VERBRECHEN и НАКАЗАНИЕ / англ. PUNISHMENT / нем. STRAFE с высокой степенью вероятности входят в концептосистемы криминального и юридического дискурсов, а ПАСХА, РОЖДЕСТВО, ТРОИЦА, СВЯТКИ оказываются органически вплетенными в религиозный, праздничный и ритуальный дискурсы практически каждой из упомянутых лингвокультур. Аналогичное можно сказать и о мультикультурных концептах ДУША / англ. SOUL / нем. SEELE и ДУХ / англ. SPIRIT / нем. GEIST, встречающихся во всех мыслимых и немыслимых средах общения.

Некоторые концепты имеют особый статус – *общедискурсивный*. Потенциально они могут входить на правах или констант, или переменных в ментальное пространство если не всех, то большинства дискурсов. По нашим предварительным наблюдениям, такими свойствами наделены категориальные нерегулятивные концепты (ЧЕЛОВЕК, ВЕЩЬ, СОСТОЯНИЕ, ПРИЧИНА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ), большинство универсальных регулятивов – собственно телеономы (УСПЕХ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СВОБОДА, МИР), эмотивные телеономы (СЧАСТЬЕ, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, ЧЕСТЬ). Общей чертой таких концептов является их универсальный, наднациональный характер.

Общедискурсивным статусом могут быть наделены и отдельные культурно-специфичные концепты. Например, практически невозможно определить,

в какие дискурсы заказан вход для таких дорогих немецкому сердцу регулятивов, как PÜNKTlichkeit, SPAREN, VEREIN, но это специфика немецкой лингвокультуры, а вот соотносимые с ними ПУНКТУАЛЬНОСТЬ, БЕРЕЖЛИВОСТЬ, ТОВАРИЩЕСТВО в нашей культуре едва ли имеют общедискурсивную значимость. Такие свойства в ней, скорее всего, будут иметь концепты СОВЕСТЬ, ИСКРЕННОСТЬ, ПРАВДА, ДОСТОИНСТВО. Наверное, для русской лингвокультуры общедискурсивными являются те концепты, которые А. Вежбицкая определяет как константы русского этнического менталитета – ДУША, ТОСКА, СУДЬБА, АВОСЬ. При этом последний редко используется в дискурсе в форме своей прямой номинации, а проникает «сквозь стены» любого дискурса в виде определенной идеи.

Возвращаясь снова к *политическому дискурсу*, одного из популярнейших ныне объектов исследовательской рефлексии, отметим, что его актуальными ценностными доминантами (константами) выступают РАВЕНСТВО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ПАТРИОТИЗМ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, которые, очевидно, являются общезначимыми безотносительно к конкретному языку, в то время как для немецкой политической коммуникации весьма положительные смыслы разворачиваются вокруг их производных VERÄNDERUNG / ПРЕОБРАЗОВАНИЕ, ENTWICKLUNG / РАЗВИТИЕ, ERNEUERUNG / ВОССТАНОВЛЕНИЕ, ORDNUNG / ПОРЯДОК, FLEXIBILITÄT / ГИБКОСТЬ, TOLERANZ, которые едва ли могут задевать струны русской души. Определенную ценность для немца представляет и концепт POLITISCHE HERAUSFORDERUNG [Бабаева 2004: 152], для которого очень сложно подыскать эквивалент в русском языке («политический императив»?). Если в немецком политическом дискурсе широко обыгрываются в манипулятивных целях концепты ВСЕОБЩЕЕ БЛАГО (*zum Wohle der Sozialgemeinschaft, zum allgemeinen Besten*), МЫСЛЬ НАРОДА (*Volksentscheide, Entscheidungsbefugnisse der Bürger*), ВОЛЯ НАРОДА (*Volksbegehren*), то для русского менталитета они являются малозначимыми.

Несмотря на то что механизм формирования концептосистем сводится не столько к этнокультурному, сколько к социодискурсивному фактору, есть основания полагать, что ДКК одной и той же коммуникативной среды могут существенным образом расходиться в разных лингвокультурах. Так, ПРИКАЗ есть общепризнанный регулятив для россиян, поскольку он имеет юридическую силу во всех сферах институциональных отношений, а его немецкоязычный коррелят ВЕФЕНЛ – только в военной (после 1945 г.). Однако это вовсе не означает, что в Германии нет механизмов упорядочивания правовых отношений между учреждением и гражданином (прием на работу, увольнение, командировка, отпуск и т. п.). Они здесь основаны на идее VERTRAG / КОНТРАКТ. Это

означает, что концепт ПРИКАЗ является лакунарным для гражданской сферы немецкоязычной картины мира, для россиян же КОНТРАКТ, видимо, не имеет особой институциональной ценности, поскольку без ПРИКАЗА он не имеет юридической силы.

Лингвокультурные расхождения особенно заметны в таких дискурсах, как ритуальный, досуговый, бытовой. Более того, конфигурации концептов в типологически родственном дискурсе могут существенным образом расходиться в разных языках. Например, в досуговой коммуникации россиян непременно будут фигурировать автохтоны КОСТЕР, ШАШЛЫК, ГИТАРА, ВОДКА, ПРИКОЛ, КАЙФ, ТУСОВКА, тогда как в немецкоязычной с высокой долей вероятности – ZELT / ПАЛЛАТКА, FAHRRAD / ВЕЛОСИПЕД, PICKNICK / ПИКНИК, GRILL / ГРИЛЬ, BIER / ПИВО. Понятно, что такого рода расхождения обусловлены социокультурными факторами, однако едва ли имеются основания считать эти расхождения глобальными.

Случаи расхождения и даже сближения концептов в разных лингвокультурах не так уж редки. Так, в современном *молодежном дискурсе* имеют место унификационные тенденции, усиливающиеся в виртуальном общении. Процессы глобализации и универсализации, сопровождаемые технологизацией коммуникативного пространства, способны существенным образом изменить языковые и концептуальные картины мира. Благодаря им становится возможным «импорт» концептов, который способствует этнокультурной интеграции в рамках определенных дискурсивных пространств.

Один и тот же концепт, попадая из одной коммуникативной среды в другую, может менять и свою аксиологическую ориентацию. Пример тому – уже давно заклеянный мировым сообществом концепт АНАРХИЯ, весьма позитивно воспринимаемый в соответствующей социодискурсивной среде. Аналогичное касается и таких концептов, как НАРКОТИК, АЛКОГОЛЬ, ХАКЕР, КАЙФ, шкала использования которых в определенных социальных стратах колеблется от знака «минус» к знаку «плюс».

Амплитуда аксиологических колебаний в различных ДКК во многом зависима от индивидуальной системы ценностей, воплощенной в дискурсе, где особенно четко просматривается характерная для любых системных образований диалектика единства и борьбы противоположностей. ДКК тоже не являются исключением: они непротиворечивы в социодискурсивном и противоречивы в этнокультурном планах, что позволяет квалифицировать их как целостные и относительно устойчивые группировки в рамках определенной коммуникативной среды.

3.3.2.2. ДКК, обусловленные модусом общения

ДКК в ракурсе модуса / режима общения отражают принципы, нормы и состояние коммуникативной культуры общества по степени искренности, вежливости, официальности, эмоциональности, тактичности, категоричности, доброжелательности, предвзятости, непринужденности и прочих параметров общения.

Коммуникативная культура – неотъемлемый атрибут существования *homo loquens*. При постоянстве телеологического содержания – достижение взаимопонимания / консенсуса – ее формы находятся в постоянной динамике, сопровождаемой перманентными социокультурными трансформациями. Крайними точками этой динамики можно признать авторитаризм и демократизм: авторитарное государство разрушает человека, а человек расшатывает государство; демократическое государство уважает человека, и человек строит государство. Однако очевидно, что любое общество имеет в своем коммуникативно-культурном багаже опыт разных взаимоотношений: авторитарного и эгалитарного, конфликтного и кооперативного, официального и неофициального, институционального и персонального, мужского и женского.

Коммуникативная культура общества является сегодня объектом особого внимания научной мысли, которая провозглашает вербальную коммуникацию универсальной реальностью общественного существования. Ю. Хабермас подчеркивает, что демократически организованный социум может достичь консенсуса только через дискурс, который является практикой коммуникативных взаимоотношений при достижении общественного согласия [Habermas 1984: 115].

Исходя из этого, дискурс в ракурсе коммуникативного модуса общения конституируется как явление и глобального, и локального порядка. В глобальном плане модус является общенациональной канвой межличностных отношений и сценариев лингвокультурного поведения. В локальном плане модус общения выступает актуализатором тех типов дискурса, которые конституируются в паттернах «среда» и «стиль» и оказываются открытыми для речевых стратегий и тактик. Разномодусные коммуникативные построения нередко объективируются в дискурсе в виде интратекстовых вкраплений (ср. ПЕЙЗАЖ, ИНТЕРЬЕР или ПОРТРЕТ в художественном дискурсе).

Будучи ведущей идеей соответствующего типа дискурса, автохтонные концепты становятся каркасом его ментально-информационного «портрета». Последний же характеризуется, с одной стороны, специфическим набором приоритетно используемых концептуальных констант, а с другой, – неразборчивостью по отношению к своим аллохтонам, т. е. концептуальным переменным. Не меньшую значимость автохтоны имеют и для определенных дискурсивных жанров.

Так, в жанре мелодрамы таким является ЛЮБОВЬ, в жанре детектива – ТАЙНА, а в жанре трагедии – НЕСЧАСТЬЕ.

В отличие от институционального с его жестко фиксированной статусно-ролевой структурой бытовой дискурс характеризуется эгалитарными установками. Он реализуется, как правило, в интерактивном режиме коммуникации – неофициальных разговорах, дружеских беседах, досуговой активности. Его исследование может осуществляться в ракурсе «карнавализации», т. е. погружения в «смеховую культуру», которая, как никакая другая, связана с этническим менталитетом и национальным характером [Шейгал 2006]. Типичными текстовыми представителями такого дискурса считаются городской фольклор, фельетоны, анекдоты, шарады и пр., жанровое своеобразие которых определяет специфику ментально-информационного пространства и, соответственно, их особые ДКК.

Фольклорный жанр АНЕКДОТ, относящийся к карнавальному модусу, характеризуется относительной закрытостью своей концептосистемы. Новейшие исследования [Копылкова 2006; Чиркова 1997; Шмелева 2002 и др.] свидетельствуют о том, что смеховая картина мира неразрывно связана с этнической психологией. В. А. Самохина прямо пишет о родстве менталитета и стиля, состоящей в том, что «менталитет – это невербальный, хранящийся в памяти способ мышления, а стиль – его вербальная манера, способ эксплицитного выражения мысли» [Самохина 2008: 299]. Концептосистема анекдота, как никакая другая, является ярчайшим образцом иерархичного устройства ее базовых ментальных единиц, отражающих упомянутый в § 3.3.1.2 принцип *эшелонизации*.

Вместе с тем, эшелонизация смехового общения с привлечением анекдотов задается в основном тематико-идеографическим принципом – анекдоты следуют циклически по навеянным ассоциациям и ключевым словам. В отличие от анекдота, ДКК **народной ЗАГАДКИ** строится по принципу *калейдоскопии* – быстрой симметричной смены «концептуальных узоров». Будучи одним из паремиологических жанров дискурсивного пространства языка (детского, педагогического, карнавального), загадка представляет собой относительно закрытый список текстов малой формы. Этот жанр реализуется преимущественно в интерактивном режиме эгалитарной коммуникации – неофициальных разговорах, кухонных посиделках, дружеском «трёпе» и пр.

Поскольку загадка является словесно-поэтическим способом отражения мира, приоритетное место в ней занимает идея жизнеобеспечения человека в его естественном окружении – природе (то, в чем он существует) и материальном мире (то, что его обслуживает) [Мамедова 2006; 2008]. Социодискурсивное

пространство загадки определяется постоянным набором автохтонных доминант, среди которых неизменным на протяжении всей ее эволюции остаются домены ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ВЕЩИ и ВРЕМЯ / ПРОСТРАНСТВО (рис. 3.9, табл. 3.3).

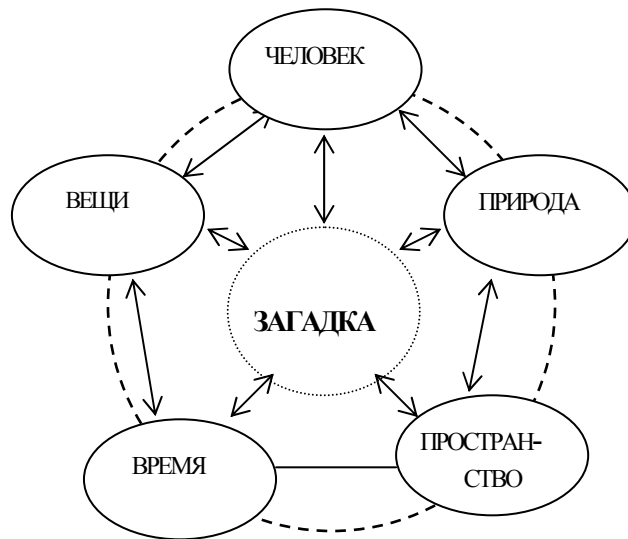

Рис. 3.9. Калейдоскопия ДКК народной загадки

Концептосистема загадки складывается из ментальных единиц трех типов – метахтонов (ЗАГАДКА), автохтонов и аллохтонов, среди которых ведущее место занимают автохтоны – приоритетные концепты, образующие каркас ментально-информационного портрета загадки. Последний же характеризуется не только специфическим набором автохтонов, но и неразборчивостью по отношению к аллохтонам, способным появляться в загадке нерегулярно, случайно, окказионально. Например, концепты телеономного (КРАСОТА, ЛЮБОВЬ, МЕЧТА), эмоционального (НЕНАВИСТЬ, СТРАХ), морально-этического (СОВЕСТЬ) порядка являются скорее исключением, чем правилом. Внимание загадки к одним концептам и пренебрежение к другим свидетельствует о ее преферентном отношении к ментальным единицам, генерирующим педагогический и смеховой дискурсы.

Концептокорпус загадки организован иерархически: «метаконцепт \subset гипоконцепт \subset мезоконцепт \subset (ката)концепт». Для загадки данная цепочка является усеченной по сравнению с общей иерархией (рис. 3.2), поскольку она выходит на концептосистему без такого звена, как гиперконцепт. Рассмотрим сказанное на примере немецкой народной загадки (ННЗ), концептуальное пространство которой представлено в табл. 3.4.

Концептивный домен ЧЕЛОВЕК предстает в ННЗ либо в своей физической ипостаси, либо как биосоциальная и/или биовитальная сущность. Вероятно, в те древние времена, когда шло становление основного корпуса ННЗ, конкретно-предметное мышление воспринимало и, соответственно, валоризировало человека только в его физических измерениях и меньше всего обращало внимание на его

духовную и социальную сущность. Очевидно, поэтому специфической особенностью концептуализации человека в ННЗ является его синкретическая репрезентация одновременно как гипо-, мезо- и (ката)концепта, так как основным вербальным способом отражения этой ментальной единицы становится существительное *Mensch*, наделенное статусом имени концепта.

Таблица 3.4. Концептосистема народной загадки

↓ Дискурсивный статус концептов ↓				
Мета- тон	Концептивные домены		Автонимы	
ЗАГАДКА	ЧЕЛОВЕК	ВОЗРАСТ, ГЕНДЕР	МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА, РЕБЕНОК, СТАРИК	
		РОДСТВО	БАБУШКА, МАМА, ПАПА, СЫН, ДОЧЬ, ВНУК	
		ПРОФЕССИИ	ПОВАР, ПАСТОР, МЯСНИК, ХУДОЖНИК	
		ПСИХОТИПЫ	ДУРАК, ЛЕНТЯЙ, КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ	
		ПЕРСОНАЖИ	СНЕГОВИК, ТРИ МУЗЫКАНТА	
	ПРИРОДА	ЛАНДШАФТ	РЕКА, ОЗЕРО, МОРЕ, ЛУГ, ОСТРОВ	
		ФЛОРА	ДЕРЕВО, ВИШНЯ, ЯБЛОНЯ, ДУБ, ЛАНДЫШ, КРАПИВА	
		ФАУНА	КОРОВА, КОШКА, ЕЖ, МЕДВЕДЬ, ВОЛК, ЗАЯЦ, РАК, ЛЯГУШКА, СОРОКА, ПЕТУХ, ПЧЕЛА, БЛОХА	
		ПР. ЯВЛЕНИЯ	ТЕНЬ, ЭХО, ГРОМ, ДОЖДЬ, СНЕГ, ВЕТЕР, ТУМАН	
	ВЕЩИ	ИНТЕРЬЕР	КОМНАТА, ДВЕРИ, ПЕЧЬ, СТОЛ, СТУЛ, КРОВАТЬ	
		ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ	БОЧКА, БУТЫЛКА, ВЕДРО, СКОВОРОДКА, ВИЛКА, СИТО, ЗЕРКАЛО, СВЕЧА, ТРУБКА, ЧАСЫ	
		ОРУДИЯ ТРУДА	СЕРП, ПЛУГ, ВИЛЫ, УДОЧКА, СЕТЬ, РУЖЬЕ, ИГОЛКА, НОЖНИЦЫ, КНИГА, ТЕТРАДЬ, ПИСЬМО, ОЧКИ	
		ОДЕЖДА, ГИГИЕНА	РУБАШКА, БРЮКИ, ШЛЯПА, РУКАВИЦЫ, БОТИНКИ, ЩЕТКА, МОЧАЛКА, ПОЛОТЕНЦЕ	
		ТРАНСПОРТ	КОРАБЛЬ, ВЕЛОСИПЕД, САМОЛЕТ, ТРАКТОР	
	ХРОНОТОП	ВРЕМЯ	ВРЕМЯ, ГОД, ЗИМА, ЛЕТО, ФЕВРАЛЬ, МАЙ, УТРО, ДЕНЬ, ВЕЧЕР, НОЧЬ, СУББОТА	
		ПРОСТРАНСТВО	ДОМ, ПОГРЕБ, САРАЙ, МЕЛЬНИЦА, ОКНО, ЦЕРКОВЬ,	
		КОСМОС	СОЛНЦЕ, ЛУНА, ЗВЕЗДЫ, НЕБО, ЗВЕЗДНОЕ НЕБО	
	макроК	гипоК	мезоК	(ката)К
	↑ Когнитивный (системологический) статус концептов ↑			

АЛЛОТРОНЫ

Социальная сущность человека объективируется посредством биовитального (*Wer weint, wenn die anderen singen?* {KIND}), гендерного (*Was ist das für ein*

Kind, das nie zum Mann werden wird? {MÄDCHEN}) или посредством обоих параметров одновременно. Прямые номинанты гендерных концептов MANN и FRAU, активно обыгрываемых в пословицах и поговорках других языков, афоризмах и анекдотах, вообще чужды ННЗ. Биосоциальные и биовитальные репрезентации человека дают основания считать соответствующие ментально маркированные единицы автохтонами ННЗ, от которых отпочковываются все другие антропоморфные концепты. К ментальным единицам с мезоконцептивным статусом относятся: «родня» (OPA, OMA, MUTTER, VATER, SOHN, TOCHTER, GESCHWISTER, ENKEL), «прецедентные личности» (BRÜDER GRIMM), «сказочные персонажи» (SCHNEEMANN, WEIHNACHTSMANN), «профессии» и «черты характера».

В сфере «профессия» фигурируют либо панактуальные концепты (KOCH, METGZER, PFARRER), либо концепты, дезактуализированные для этнокультурного сознания (BARBIER, KUTSCHER, REITER, SCHUHMACHER, WINDMÜLLER), тогда как современные профессии среди них отсутствуют. В границах «черт характера» преимущество оказывается на стороне антиконцептов, которые иногда могут получать в ННЗ достаточно специфические номинации (BÜCHERNARR, DUMMKOPF, FAULPELZ, HALUNKE), что связано с дидактической телеологией загадки, с ее целеустановкой на воспитание подрастающего поколения (основной клиент загадки) в духе нетерпимости ко злу.

Концептивный домен ПРИРОДА также достаточно широко представлен в текстах ННЗ, хотя имя макроконцепта NATUR тут не фигурирует. Здесь находят свое воплощение мезоконцепты, организующие такие промежуточные ментальные сущности, как ландшафт, животный и растительный мир и пр.

Мезоконцепт «ландшафт» включает в себя концепты, достаточно важные для жизненного мира человека (FLUSS, SEE, WIESE, INSEL). Все они оказываются наделенными антропоморфными свойствами, в которых особое значение имеет метафора движения (*Einer, der Tag und Nacht weiterstreitet und doch nicht müde wird* {FLUSS}) или эмотивная метафора (*Sie ein Wasser, er ein Wasser. | Sie oft wild, er meist wild. | Sie am Strand, er im Land, | wem sind diese zwei bekannt?* {DER SEE, DIE SEE}).

Мезоконцепт «флора» также включает в себя существенные для человека концепты: BAUM, KIRSCHEN, EICHE, ERDBEERE, MAIGLÖCKCHEN, BRENNNESSEL. Наиболее распространенный способ их профилизации в ННЗ – антропоморфная метафора: *Als ich lebendig war, nährte ich Lebenden; als ich tot war, trug ich Lebendige. Was ist das?* {EICHE}. Такие концепты не просто сравниваются с живыми существами, но и наделяются важными человеческими качествами: они могут говорить, думать, творить, двигаться и т. д.

Мезоконцепт «фауна» охватывает ментальные репрезентанты домашних (KUH, KATZE, KATER) и диких животных (IGEL, FROSCH, BÄR, WOLF, HASE, HIRSCH, SCHNECKE), большинство из которых используется в дидактическом режиме «взрослый – ребенок», что обуславливает особый способ профилизации концептов: персонификацию (*Es geht ein Mann im Wald herum | und hat einen braunen Mantel um {BÄR}*), акцентирование самых существенных признаков (*Lange Ohren, stumpfe Nase | hat das Tierchen namens... {HASE}*) или прямой вопрос (*Wer kann spazieren gehen, ohne sein Haus zu verlassen? {SCHNECKE}*). ННЗ также активно валоризирует домашних (HAHN, HUHNE, HENNE, PFAU, GANS, TAUBE) и диких птиц (KUCKUCK, ELSTER, STORCH), а также насекомых (BIENE, FLOH, SCHMETTERLING). Особую значимость имеет в ННЗ концепт BIENE / ПЧЕЛА, который наделяется исключительно позитивными качествами. С другой стороны, в паремиифонде немецкой лингвокультуры прочно удерживается и антиконцепт FLOH / ВОШЬ, несмотря на то, что соответствующий ему референт, кажется, утратил свою актуальность в современном постиндустриальном обществе.

Есть основания полагать, что концептуализация фауны в ННЗ происходит по образу и подобию сказки. Ядро концептов для обозначения мира животных загадки и сказки одинаково не только в количественном отношении, но и с точки зрения образности, путей и способов персонификации и метафоризации.

Предположение о параллелизме концептосистем сказки и загадки находит свое подтверждение и в том, как субъективируются в ННЗ «природные явления» (ECHO, SCHATTEN, DONNER, BLITZ, REGEN, SCHNEE), наиболее распространенным способом метафоризации которых является антропоморфизм. Для дискурсивного пространства ННЗ характерна неоднозначная презентация атмосферных явлений. Так, осадки могут получать в ней как положительную (*Was fällt vom Himmel leicht und weich, | ist kleinen weißen Sternlein gleich? {SCHNEE}*), так и отрицательную оценку (*Ein weißer Hund auf Dachziegeln {SCHNEE}*). Например, концепт WIND профилируется исключительно как негативное явление и всегда ассоциируется с наглым одушевленным существом, наделенным способностью кричать, выть, лаять, кусать и пр. Аналогично отношение и к солнечному свету, который вопреки ожиданиям получает в ННЗ отрицательную оценку.

Мезоконцепт «стихия» конституируется концептами НЕБО, ВОДА, ЗЕМЛЯ, ОГОНЬ, являющимися именами четырех первостихий, что фиксируют представления о космогонии мира с четким пафосом превращения хаоса в космос. Квартет этих стихий оказывается в пространстве ННЗ лакунарным, поскольку для него релевантным оказываются только два концепта – WASSER и FEUER, широкая представленность которых в ННЗ объясняется их ролью в жизнедеятельности

человека. Какой бы метафорический профиль ни получал концепт WASSER, в нем всегда фиксируется уважительное отношение загадки к соответствующему референту. Наиболее выпукло это проявляется в ННЗ *Die Mutter gebar mich, ich gabäre die Mutter* {WASSER – EIS, EIS – WASSER}, где вода сравнивается с матерью.

Не менее важным компонентом жизненного мира человека предстает в ННЗ и первостихия огня. Являясь аллохтоном детско-педагогического дискурса, концепт FEUER предстает в образе рассказчика, позиционирующего себя как личность (*Einen Mund habe ich nicht, aber fressen kann ich; gib mir Branntwein, so fresse ich es; gib mir Wasser, so sterbe ich*) или инструктирующего других относительно обращения с собой (*Wenn du mich festhältst, werde ich dein Sklave sein, wenn du mich loslässt, werde ich dein Grab graben*). Здесь FEUER профилируется как активно действующее начало, имеющее особую значимость только в условиях «мирного сосуществования» с человеком. В противном случае активируются качества, представляющие серьезную угрозу для человека: *Wohin das türkische Pferd schreitet, wächst kein Gras mehr* {FEUER}.

Концептивный домен ПРИРОДА предстает в пространстве ННЗ как живое и определенным образом социализированное существо, наделенное разумом и психикой, а его объекты – эмоциями и языком. Особенно активно он субъективируется через метафорические ассоциации и рефлексии, что делает возможным передачу общего и частного, типичного и атипичного, гармоничного и дисгармоничного.

Концептивный домен ВЕЩИ содержит ментальные единицы культурно-специфического порядка (реистические концепты). Они являются способом такого квантирования когнитивно-семантического пространства, в котором переплетаются и взаимодействуют регулятивные и нерегулятивные, параметрические и непараметрические начала. Домен состоит из таких мезоконцептов, как «интерьер», «утварь», «орудия труда», «одежда и гигиена» и пр. (табл. 3.3).

Мезоконцепт «интерьер» включает в себя единицы, обозначающие внутреннее убранство помещения (TÜR, OFEN, ZIMMER) и мебель (TISCH, STUHL, SESSEL, BETT), наиболее часто профилируемые путем персонификации. Другим действенным способом является наделение соответствующих референтов качествами и свойствами одушевленных предметов, но при этом не выполняющих функции последних: иметь ноги и не ходить (STUHL, TISCH), иметь перья и не летать (BETT) и т. д. Ср.: *Füße hat es, doch gehen kann es nicht; Federn hat es, doch fliegen kann es nicht; es steht ganz still in seiner Ecke* {BETT}.

Мезоконцепт «домашняя утварь» охватывает широкий круг вещей, окружающих человека в его повседневности: посуда (FASS, FLASCHE, EIMER), кухонные предметы (PFANNE, GABEL, SIEB, FLEISCHWOLF), аксессуары (SPIEGEL, KERZE, SEIFE,

GLOCKE, PFEIFE, RING), приборы (UHR, WECKER) и пр., которые могут, например, активно действовать или менять свой облик. Мезоконцепт «орудия труда» – это широкий круг инструментов, приспособлений и материалов, без которых нельзя обойтись в самых разных сферах – в сельском хозяйстве (SICHEL, EGGE, PFLUG, GABEL, SATTEL), на охоте и рыбалке (GEWEHR, ANGEL, NETZ), в рукоделии (NADEL, SCHERE), в интеллектуальной деятельности (BUCH, BRIEF, NEFT, BRILLE). Корпус таких концептов состоит из двух массивов: один из них образуется актуальными для культуры артефактами, другой – теми, что утратили свою актуальность в ходе социокультурной эволюции. Последние, оставаясь в паремиифонде, продолжают играть значительную роль в интеллектуальном развитии ребёнка, осваивающего их в контексте валоризации труда. Вероятно, их бытование в ННЗ отображает потребность человека в обращении к первоисточникам, в которых он черпает свою жизненную силу.

Мезоконцепт «одежда и гигиена» охватывает референты, актуальные во все времена (HEMD, NOSE, HUT, HANDSCHUH, SCHUH, BÜRSTE, SCHWAMM, HANDTUCH). Они предстают как ментальные единицы, существенные признаки которых подчеркиваются их утилитарным предназначением (*Er schützt vor Leid uns allerwegen, | er schützt uns nur vor Sonne und vor Regen* {HUT}), парадоксальными свойствами (*Es kommt vom Leben, hat kein Leben und muss doch Leben tragen* {SCHUH}) и абсурдными утверждениями (*Was enthält Wasser, obwohl es voller Löcher ist?* {SCHWAMM}). Все они построены по принципу когнитивного диссонанса, нейтрализуемом в отгадке, т. е. в номинанте концепта.

Являясь своеобразным набором артефактов, валоризирующихся наивным сознанием, домен ВЕЩИ содержит в себе свод знаний народа о внешнем мире для обеспечения нормального существования человека в его постоянном стремлении к «порядку», «благосостоянию», «труду», «старательности», являющихся решающим для немецкого этнического менталитета.

Концептивный домен ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО относится к тем онтологическим сущностям, с помощью которых человек структурирует и упорядочивает свой жизненный мир. Обе они сложились как естественные категории: во-первых, в их основании еще сохраняется определенное чувственное начало и, во-вторых, они развивались согласно принципам фамильного сходства.

Мезоконцепт «время» сопряжен с идеей движения событий, определенным промежутком этого движения, периодом. В лингвистической литературе принято различать два вида времени – метрическое и экзистенциальное, однако в ННЗ закреплено только первое. Очевидно, это связано с общей установкой загадки на конкретно-предметное мышление, в котором отражается наивная картина мира, где нет места для чувственно-образного (экзистенциального) восприятия времени.

Более привычным способом фиксации изменений в мире является метрическое время с его идеей количества. В ННЗ обыгрывается только конвенциональное время, в котором отображается условно-метрическая периодизация в виде точных календарных дат: времена года (WINTER, SOMMER), месяцы (MÄRZ, MAI), дни недели (SONNABEND), время суток (MORGEN, TAG, ABEND, NACHT) и их локализация относительно момента речи (HEUTE, GESTERN).

Мезоконцепт «пространство» выступает базовой категориальной величиной и может быть интерпретирован как концепт-идея. В лингвокультурном сознании немцев он объективируется как «место» и «направление». В текстах ННЗ в бóльшей степени представлен феномен «место», постулируемый концептами GEBÄUDE, KELLER, SCHEUNE, WINDMÜHLE, т. е. актуальными для хозяйственной деятельности человека референтами. В ННЗ оно выступает как жилище, место работы и ритуалов.

Определенное место в пространственной концептуализации мира занимает и «направление», репрезентируемое преимущественно концептами WEG и STRASSE / ПУТЬ. Ср.: *Was geht breitbeinig durch das Holz?* {WEG}; *Was geht durch alle Lande und bleibt doch, wo es ist?* {STRASSE}; *Höher als alle Berge und niedriger als ein Heidekraut* {FUßWEG}. WEG и STRASSE отражаются в ННЗ как часть обжитого предметного пространства, в границах которого не только происходят различные события, но и осуществляется движение человека вперед навстречу цели.

Таким образом, будучи сосредоточенной вокруг натур- и артефактов, концептосистема ННЗ конституируется как идея социокультурного освоения мира в тех его границах, которые способствуют или препятствуют нормальному существованию человека, стремящегося к труду, благосостоянию, порядку и умиротворению, являющихся определяющими для этнического менталитета [Мамедова 2008: 11].

Несмотря на то, что загадка – это интеллектуальный продукт фольклорного происхождения, имеются основания полагать, что алгоритм формирования ее концептосистемы базируется скорее на наднациональных, чем на этноспецифичных принципах. Вероятно, это связано с модусом эгалитарного общения, для агентов и клиентов которого первостепенными оказываются общечеловеческие ценности. Дополнительно об этом свидетельствует и тот факт, что в национальных загадках редко встречаются культурные реалии и концепты, не имеющие эквивалентов в других языках. По этой же причине концептосистему загадки следует признать консервативной, ведь со сменой социально-экономических приоритетов человечества и трансформацией коммуникативной культуры общества загадка остается фактически такой, каковой она была в отдаленные архаичные времена.

Дискурс в параметрах модуса общения оборачивается именно той ипостасью, которую называют «речью, погруженную в жизнь» [ЯБЭС 2000: 137], а концепты – «понятиями, погруженными в культуру» [Маслова 2004: 155], а точнее – в коммуникативную культуру. Примером когнитивно-дискурсивной интеграции может послужить мультикультурный концепт ВЕЖЛИВОСТЬ / англ. POLITENESS / нем. HÖFLICHKEIT, который настолько овладел массовым сознанием [Felderer 2002; Ide 2002; Macho 2002], что, хочется верить, стал индикатором паттерна вежливости – одной из главных тактико-стратегических моделей дискурсивного поведения современного человека.

3.3.2.3. ДКК, обусловленные стилем общения

Своим собственным набором преферентно используемых концептов отличаются и функциональные стили. Погружаясь в ткань функционального стиля, абстракция «дискурс» актуализируется через конкретные тексты во всем их структурно-типологическом и жанрово-стилевом разнообразии. Возникая в местах пересечения узлов ассоциативных сетей, концепты актуализируются в дискурсе как «сгустки» смысла, как экстрат определенной идеи. Группируясь путем включения, дополнения, контраста и пр., они не только образуют концептуальную структуру текста, но и становятся важным фактором формирования всего ментально-информационного пространства дискурса, речевого жанра, идиостиля, идиодискурса, текстотипа и даже отдельного текста.

Определенную проблему представляют собой концептосистемные свойства тех текстотипов, имеющих привязку к тому или иному функциональному стилю. Например, Н. Г. Наумова [2005: 8] доказывает, что **англоязычный коммерческий контракт** как жанровый представитель официально-делового дискурса имеет специфическую, только ему присущую концептосистему во главе с метактоном CONTRACT (эшелон первого порядка). К нему иерархически подключаются автохтонные дериваты PARTIES, GOODS, DELIVERY, PAYMENT, COLLISIONS (эшелон второго порядка) и дискурсивные переменные BUYER, SELLER, PRICE, QUANTITY, SHIP, LOAD, ADVANCE, DEPOSIT, FORCE MAJEURE, DELAY, SHORTAGE, VIOLATION (эшелон третьего порядка). ДКК коммерческого контракта упорядочивается по гипо-гиперонимическому принципу и конституируется на стыке разных коммуникативных сред – деловой, экономической, юридической.

Дискретно сформировавшись в лоне разных функциональных стилей, ДКК коммерческого контракта превратилась в консервативную, закрытую, тесно сплоченную систему, не допускающую в свои ряды никакие другие концепты. Она отображает менталитет делового сообщества, источник которого кроется в идее

сотрудничества в сурово очерченных рамках экономико-правовых отношений. Концептосистемы, привязанные к определенному текстотипу, являются по своей сути изоморфными его смысловому алгоритму, который в основных своих чертах отражает когнитивную матрицу соответствующего дискурса.

Анализ ДКК официально-делового дискурса подтверждает факт смыслового сближения разнотипных концептов по родо-видовому принципу и их превращение в некоторую синкретическую конфигурацию. Между ДКК «коммерческого контракта» и КП «коммерческий контракт» возникают отношения изоморфизма: в одной системе CONTRACT выступает метаконцептом, в другой – гиперконцептом; контуры ДКК-подсистемы второго порядка и набора мезоконцептов (PARTIES, GOODS, DELIVERY) совпадают. Изоморфизм двух концептосистем становится тогда закономерным, когда контуры ДКК стираются и начинают совпадать с границами концептополей.

Особый узел проблематики составляет художественный мир и его концептуальное пространство, изучение которого допускает две перспективы – узкую и широкую. Если первая имеет довольно богатый опыт своего анализа, то вторая все еще остается мало охваченной исследовательской инициативой. Здесь речь идет не просто о концептуальном пространстве дискурса, а о художественно-концептуальном, к изучению которого филологи лишь приступают.

Похожее явление наблюдается и в художественной коммуникации. А. В. Романенко это убедительно показывает на примере одной из ее разновидностей – **немецкого романтического дискурса**. Этот дискурс является частью одноименного типа культуры – художественного направления, зародившегося и сложившегося в Германии в конце XVIII ст., где оно охватило почти все стороны общественной жизни, а со временем появилось и в других странах.

Специфика романтического дискурса заключается в том, что его референтным пространством выступает не объективная действительность, а квазиреальность [Романенко 2006: 10]. Романтики создали свою собственную модель мира, которая постулирует отрицание объективной и утверждение идеальной реальности. Именно потому доминантными для нее стали концепты-категории WELT / МИР, NATUR / ПРИРОДА, MENSCH / ЧЕЛОВЕК в романтической рефлексии: жизненный мир человека есть мир идеала. В результате IDEAL / ИДЕАЛ возникает в этом дискурсе как концепт-связка (см. рис. 3.7б), выступающая объединяющим началом, вокруг которого сплачиваются все другие концептуальные единицы дискурса (пример такого рода связей показан на рис. 3.6). Понятно, что аналогичным образом можно смоделировать и другие типы или виды межконцептуальных связей в дискурсе.

На фоне такого рода связей в романтическом дискурсе выстраивается и концептосистема второго порядка, в которой актуализируются культурные константы – валоративы романтизма: MOND / МЕСЯЦ, NACHT / НОЧЬ, WALD / ЛЕС, BLUME / ЦВЕТОК, HEXE / ВЕДЬМА, STIMMUNG / НАСТРОЕНИЕ, SEHNSUCHT / ТОСКА, LIEBE / ЛЮБОВЬ, SPIEGEL / ЗЕРКАЛО, TOD / СМЕРТЬ, MUSIK, POESIE. Они являются микроструктурными элементами, находящимися в отношениях изоморфизма к макроструктуре (концептосистеме) и репрезентирующие ее как единое целое.

Особенно важными для данного дискурса являются HEXE / ВЕДЬМА, BLAUE BLUME / СИНЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК, SPIEGEL / ЗЕРКАЛО, MOND / МЕСЯЦ, WALD / ЛЕС, LIEBE / ЛЮБОВЬ, которые по своей глобальной значимости для романтического мировосприятия возводятся в статус концептосимволов. Они создают объемные семантические сущности, содержащие в себе систему релевантных художественных смыслов в свернутом виде и несущие конденсированную информацию о когнитивно-семантическом пространстве всего дискурса [Романенко 2006: 156]. Романтические концептосимволы отличаются абсолютной эготивностью, абстрактностью и амбивалентностью, характеризуются высокой номинативной плотностью и метафорической диффузностью.

Показательным в этом отношении является концепт HEXE / ВЕДЬМА. Он олицетворяет в романтическом дискурсе прообраз, эквивалент и идеал ЖЕНЩИНЫ как символа плотского соблазна и вместе с тем угрозы для МУЖЧИНЫ (ср. образ Лорелеи), о чем лишний раз свидетельствуют его многочисленные синонимические номинации (*Lore Lay / Loreley / Lorelei, Venus, Göttin Diana, Fee Abunde, Prinzessin Herodias, tote Braut, schöne Teufelin, Sphinx*), среди которых особое амбивалентное значение имеет концептосимвол SPHINX как изофункциональное соответствие образа ведьмы, объединяющей мир природы и мир человека.

Не менее показательным является и тенденциозное использование концепта MOND / МЕСЯЦ. Он отвечает эстетическим взглядам романтиков на действительность, идеализированной в виде ночных, залитых лунным светом ландшафтов. Высокой частотностью своего появления в романтических текстах характеризуется и концепт WALD / ЛЕС, символизирующий некое антисоциумное пространство. Он почти всегда персонифицируется и часто демонизируется.

Особую валоративную значимости для романтического дискурса имеет телеоном LIEBE / ЛЮБОВЬ, способный образовывать в дискурсе романтизма свое собственное идиополе. Нисходящими таксонами этого поля являются две subsystemы, возглавляемые гипоконцептами ТЕЛЕСНАЯ ЛЮБОВЬ и ДУХОВНАЯ ЛЮБОВЬ. Первая реализуется набором (ката)концептов TOD / СМЕРТЬ, KRANKHEIT / БОЛЕЗНЬ, SÜNDE / ГРЕХ, WUNDE / РАНА, FRAU VENUS / ГОСПОЖА ВЕНЕРА, вторая – RELIGION,

HEILUNG / ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ, TUGEND / ДОБРОДЕТЕЛЬ, SOPHIA / СОФИЯ, JUNGFRAU MARIA / ДЕВА МАРИЯ [Романенко 2006: 58]. Они представляют собой как бы третий эшелон ДКК, состоящий из концептов, импортированных из разных дискурсов (бытового, медицинского, религиозного, сакрального), которые были адсорбированы романтическим менталитетом в процессе своего онтогенеза. Микрополе концепта LIEBE является закрытой системой, в ней нет места ни для каких вариаций на тему любви, а особенно плотской.

Впрочем, закрытость является инвариантным признаком всей концептосистемы романтического дискурса, что делает ее самодовлеющей. Как таковая она стала квинтэссенцией романтического мировоззрения, инструментом создания художественно-романтической картины мира, цементирующим началом множества художественных и философских текстов, важным механизмом памяти культуры и интеграции разных ее пластов в синхронном разрезе. В ней заложены ростки концептосистем будущих типов и жанров художественного дискурса, например, дискурсов реализма и (пост)модернизма.

Конфигурации концептов **позднего викторианского дискурса**, считает М. С. Левищенко [2011], отражают систему речемыслительного взаимодействия представителей британского общества конца XIX в., что осуществляется с помощью ментальных репрезентаций его ценностных, этических и эстетических приоритетов. Совокупность всех актуализированных в нем ментальных единиц в единстве и многообразии их когнитивно-семантических свойств и лингвокультурных черт образует концептуальное пространство дискурса, формируемое в основных своих чертах системой концептуальных доминант (табл. 3.5).

Совокупность автохтонов ПВД создаёт иерархическую систему, в которой собственно концептуальные доминанты являются единицами наиболее приближенными к жизненному миру агентов и клиентов позднего викторианского дискурса. Семантический объем понятийных компонентов их ментальной структуры определяет подчиненность трем гиперконцептам – EMPIRE, HUMAN, THINGS. Конечной точкой таксономизации, а значит, и единицей наивысшего уровня абстракции, является мегаконцепт / метахтон ВИКТОРИАНСТВО.

Гиперконцепт EMPIRE реализуется как ментальный образ целостного географического и политического пространства, представители которого объединены общим языком, общими интересами и общей идеологией. Эти черты обуславливают интеграцию гипоконцептов ENGLISHNESS, SPACE и HOLIDAY, каждый из которых конституируется конкретными (ката)концептами. Так, ENGLISHNESS является продуктом той эпохи, когда были начаты новые традиции, основана новая система образования, приняты новые стандарты английского языка. При этом неприязнь ко всему иностранному и превознесение родного стало признаком

английского национального характера. Именно эти черты объединяют концепты POLITENESS, PUNCTUALITY, MORALITY и лингвокультурные типажи GENTLEMAN, LADY в структуре гипоконцепта ENGLISHNESS. Не менее важными для викторианского дискурса являются и концепты типа WEDDING и CHRISTMAS. В частности, приятные ассоциации, связанные в викторианском сознании с Рождеством, определяются его ценностной составляющей (отдых, прощение, единение) и связанными с этим эмоциями, которые объединяют CHRISTMAS с HAPPY.

Таблица 3.5. Концептосистема позднего викторианского дискурса

↓ Дискурсивный статус концептов ↓				
Мета-хтон	Концептивные домены		Автохтоны	
ВИКТОРИАНСТВО	ИМПЕРИЯ / EMPIRE	ENGLISHNESS	GENTLEMAN, LADY, POLITENESS, PUNCTUALITY, MORALITY	
		SPACE	CITY, LONDON, HOME	
		HOLIDAY	CHRISTMAS, WEDDING	
	ЧЕЛОВЕК / HUMAN	FAMILY	WIFE – HUSBAND, MOTHER – FATHER, DAUGHTER – SON, BROTHER – SISTER, PARENTS – CHILDREN	
		WEALTH	MONEY, WORK, SELF-MADE MAN, HAPPY	
		SPORT	FAIR-PLAY	
	ВЕЩИ / THINGS	INTERIOR	FIRE-PLACE, PICTURE	
		FOOD	BAKED BEANS, PUDDING, TEA	
		CLOTHES	HAT, BONNET, HANDKERCHIEF, GLOVES	
	<i>макроК</i>	<i>гипоК</i>	<i>мезоК</i>	<i>(ката)К</i>
	↑ Когнитивный (системологический) статус концептов ↑			

А Л Л О Х Т О Н Ы

Гиперкоцепт HUMAN отражает идею того, что человек является мерой всех вещей, творцом материальных и духовных благ, а поэтому по праву выступает одной из ключевых фигур дискурса. Поскольку викторианский дискурс имеет отпечаток классового неравенства (является коммуникативным пространством представителей среднего и высшего классов [Шевченко 2010: 76]), гиперконцепт HUMAN закрепляет, прежде всего, социальные роли и функции индивида, а также формы его общественной активности и формируется гипоконцептами FAMILY, WEALTH, SPORT и др.

Указанные домены обнаруживают чёткие корреляции с элементами *гиперконцепта THINGS* – гипоконцептами INTERIOR, FOOD, CLOTHES. Эти межконцептные связи обуславливаются представлениями об артефактах, наполняющих жизненное пространство человека (SPACE), ассоциируемых с праздниками (HOLIDAY), намекающих на типичную английскую (ENGLISHNESS) личность (LADY или GENTLEMAN), а также воплощающих идею благополучия (WEALTH) как особого состояния человека, компонентами которого является финансовая стабильность, профессиональный успех и положительные эмоции.

Целостность системы концептуальных доминант позднего викторианского дискурса определяется не только общностью их когнитивно-аксиологических параметров (понятие, образ, оценка), но и наличием развитых внутрисистемных связей между её элементами. Речь идет о том, что одни концепты могут формировать образные компоненты других (GENTLEMAN, LADY → FAIR-PLAY, MORALITY), а также влиять на характер и динамику их ценностного субстрата (MORALITY → BONNET, GLOVES). Концептуальные доминанты ПВД имеют конститутивные свойства двух порядков – когнитивного и коммуникативного. Их иерархические взаимосвязи упорядочивают викторианские ценности в сознании агентов и клиентов позднего викторианского дискурса, а линейные корреляции организуют речевую аранжировку этих ценностей.

Оригинальное осмысление когнитивно-семантического пространства **немецкого постмодернистского дискурса (ПмД)** предлагает М. В. Стулина [2011]. Она приходит к выводу, что это пространство формируется конфигурациями типологически разных ментальных единиц – метахтона, автохтонов и аллохтонов, которые, вступая между собой в разнообразные связи (в т. ч. и трансдискурсивные), способны воссоздать специфический информационный портрет ПмД. Этот портрет представляет собой иерархически упорядоченную систему, конституируемую ментальными единицами восходящего и нисходящего порядка. Ядро этого пространства представлено метахтоном ПОСТМОДЕРНИЗМ, которому подчинены нисходящие единицы разного иерархического статуса – гипер, гипо- и (ката)концепты (см. табл. 3.5).

Гиперконцепт СМЕРТЬ СУБЪЕКТА, воплощая идею устранения внутренней определенности и отказа от устоявшейся ментальной модели «субъект vs объект», манифестируется гипоконцептами / доменами ФЕМИННОСТЬ и МАСКУЛИННОСТЬ, отражающими сдвиг гендерного центра с субъекта «мужчина» на объект «женщина».

Домен **ФЕМИННОСТЬ / АНИМА** манифестирует изменение гендерных акцентов, расставленных допостмодернистской культурой, считающейся фаллоцентрической. Он объективируется рядом (ката)концептов разного типологического

статуса – гендерных (FRAU, TOCHTER, MUTTER, GROBMUTTER), биовитальных (KIND), ритуальных (HOCHZEIT / СВАДЬБА, MOND / ЛУНА, ECHO / ЭХО) и концептов, фиксирующих патриархальную подчиненность женщины (HILFSLOSIGKEIT / БЕСПОМОЩНОСТЬ, DUMMHEIT / ГЛУПОСТЬ, ZUGÄNGLICHKEIT / ДОСТУПНОСТЬ, PASSIVITÄT / ПАССИВНОСТЬ, OPFER / ЖЕРТВА). ПмД репрезентирует сугубо «женское» отношение к проблемам собственной идентификации в «мужском» обществе, оценивающем женщину с точки зрения ее сексуальности и возраста, что отражается в немецком ПмД посредством отрицательных аксиологических признаков kalt 'холодная' и alt 'старая'. Ведущие черты женственности сводятся здесь к атрибутивному ряду «*dumm / глупая – vielbenutzt / номасканная – blind / слепая – unterentwickelt / недоразвитая – unwesentlich / несущественная – unmenschlich / нечеловеческая – gefühlsunfähig / бесчувственная – klein / незначительная – tot / мертвая – hirnlos / безмозглая – kochend / готовящая пищу*». В ассоциативно-образном слое ФЕМИНОСТИ просматриваются практики отождествления женщины с вещами, животными и неопределенными объектами.

Таблица 3.6. Концептосистема немецкого постмодернистского дискурса

↓ Дискурсивный статус концептов ↓			
Мета-тон	Концептивные домены		Автотоны
ПОСТМОДЕРНИЗМ	СМЕРТЬ СУБЪЕКТА	ФЕМИННОСТЬ / АНИМА	ЖЕНЩИНА, ДОЧЬ, МАТЬ, ЖЕРТВА, РЕБЕНОК, СВАДЬБА, ЛУНА, ЭХО, КРАСОТА, БЕСПОМОЩНОСТЬ, ГЛУПОСТЬ, ДОСТУПНОСТЬ, НАИВНОСТЬ, ПАССИВНОСТЬ
		МАСКУЛИННОСТЬ / АНИМУС	МУЖЧИНА, СИЛА, НАСИЛИЕ, ОХОТНИК, СОБЛАЗНИТЕЛЬ, КИПАРИС, КАСТРАЦИЯ
	СМЕРТЬ БОГА	ГЕНИАЛЬНОСТЬ	ГЕНИЙ, ВЛАСТЬ, ЧЕРТ, МИР, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК, ЗАПАХ, СЛУХ, ЧУЖАК, СУМАСШЕСТВИЕ
		МАРГИНАЛЬНОСТЬ	ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ, МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬ, НАРКОТИК, ГРЕХ, УБИЙЦА, ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ИЗГАННЫЕ
	ДЕЦЕНТРАЦИЯ	ДУХОВНОСТЬ	ДУХ, ДУША, СТРАХ, ГРУБОСТЬ, ОТВРАЩЕНИЕ, НЕНАВИСТЬ, РАВНОДУШИЕ, ПРЕЗРЕНИЕ, ЗАВИСТЬ, АЛЧНОСТЬ, ГНЕВ, АНАРХИЯ
		ТЕЛЕСНОСТЬ	ТЕЛО, ГОЛОВА, ГЛАЗ, ГЕНИТАЛИИ, ГРУДИ, СЕКС, ПОРНОГРАФИЯ, БЕСЧУВСТВЕННОСТЬ, МАТРИАЛ, СМЕРТЬ, ЖИЗНЬ, УДОВОЛЬСТВИЕ, ЖЕЛАНИЕ, ПРИНУЖДЕНИЕ, ИЗВРАЩЕНИЕ, САМОУДОВЛЕТВОРЕНИЕ
	ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ	СУМАСШЕДШИЙ ГЕНИЙ, НОМАД, МУЖЧИНА-АНДРОГИН, ФРИГИДНАЯ ЖЕНЩИНА, МАТЬ-ТИРАН	
макро	гипоК	мезоК	(ката)К
↑ Когнитивный (системологический) статус концептов ↑			

МАСКУЛИННОСТЬ / АНИМУС объективирует взгляд женщины на место и роль мужчины в постмодернистском обществе, которое предусматривает отмену маскулиноцентричности и переориентацию мировоззренческих установок на женское мировосприятие. Этот домен связан с гендерными концептами MANN, CYPARISSUS, YASON, с которыми ассоциируется господствующая роль мужчины (KRAFT / СИЛА, GEWALT / НАСИЛИЕ, JÄGER / ОХОТНИК, VERFÜHRER / ОБОЛЬСТИТЕЛЬ), что требует его символической демаскулинизации (ENTMANNUNG). Постмодернистский взгляд объекта-женщины на действительность неизменно приводит к рассмотрению положительных качеств мужчины как разрушительных. Основным валоративным атрибутом здесь является jung 'молодой', который выступает доминантной чертой мужчины в отличие от alt 'старый', характерного для оценочной квалификации женщины.

Гиперконцепт СМЕРТЬ БОГА олицетворяет отказ немецкого ПмД от традиционных религиозных и духовных ценностей, в частности от внешней каузальности, детерминированности и причинно-следственных связей. Эта идея реализуется в гипоконцептуальных доменах ГЕНИАЛЬНОСТЬ и МАРГИНАЛЬНОСТЬ.

ГЕНИАЛЬНОСТЬ отражает сомнение немецкого ПмД относительно роли и места выдающейся личности (GENIE) в обществе (WELT / МИР, GESELLSCHAFT / ОБЩЕСТВО). Этот дискурс не усматривает в гениальности ничего позитивного: гений выступает в нем не иначе как диктатор (MACHT / ВЛАСТЬ, WAHNSINN / СУМАСШЕСТВИЕ) и злодей (TEUFEL / ЧЕРТ, FREMDE / ЧУЖОЙ), что иронически обыгрывается концептами GERUCH и GENÖR. Гениальность приобретает в ПмД ряд признаков, несовместимых с традиционным ее пониманием: «уродливость» (GENIE = *Scheusal, Zeck, Monster*), «сомнительность происхождения» (GENIE = *Bastard*), «демоничность» (GENIE = *Kind des Teufels, Hexenmeister, Finstermann*), «преступность» (GENIE = *Mörder, Verbrecher*), «нечеловечность» (GENIE = *Tier, Spinne, Gnom, Gestalt*). Отстраненность гениальности в ПмД усиливается за счет атрибутивных номинаций с отрицательной семантикой (*fürchterlich, hässlich, abscheulich; gebuckelt; primitiv, schwachsinnig, gierig, vorlaut*).

МАРГИНАЛЬНОСТЬ продолжает предшествующий ряд, в котором эксплицирована идея изъятия субъекта из общественных отношений, в результате чего основная смысловая нагрузка приходится на незначительное и случайное (*grau, gewöhnlich, üblich, durchschnittlich*), поскольку, считает ПмД, именно мелочи порождают масштабные изменения в системе. Тем самым актуализируется запретное (DROGE / НАРКОТИК), греховное (SÜNDE / ГРЕХ), криминальное (MÖRDER / УБИЙЦА, VERBRECHEN / ПРЕСТУПЛЕНИЕ) и восхваляются парии (VERTRIEBENE / ИЗГНАННИК), переносимые из сферы маргинального в сферу гениального. Полное

свое проявление такой трансфер получает в концептах MITTELMÄßIGKEIT / ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ и LANGSAMKEIT / МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬ. Следовательно, маргинальность становится в немецком ПмД феноменом, которому делегировано право объяснения глобальных процессов в обществе и мире.

Гиперконцепт ДЕЦЕНТРАЦИЯ является одной из вех философской доктрины постмодернизма, базирующихся на ризоморфной модели мира и пропагандирующих размытость центра. Ярчайшее проявление этого – перенесение внимания с духовного на телесное, что находит свое воплощение в двух ключевых доменах – ДУХОВНОСТЬ и ТЕЛЕСНОСТЬ.

Вопреки ожиданиям гипоконцепт **ДУХОВНОСТЬ** иллюстрирует в ПмД не устоявшиеся человеческие ценности (любовь, дружба, счастье, радость и др.), а их полную противоположность. Вокруг отрицательно оцениваемых концептов GEIST / ДУХ и SEELE / ДУША концентрируется конфигурация таких «антиконцептов», как ANGST / СТРАХ, BRUTALITÄT / ГРУБОСТЬ, EKEL / ОТВРАЩЕНИЕ, HASS / НЕНАВИСТЬ, GLEICHGÜLTIGKEIT / РАВНОДУШИЕ, VERACHTUNG / ПРЕЗРЕНИЕ, NEID / ЗАВИСТЬ, GIER / АЛЧНОСТЬ, ZORN / ГНЕВ. Однако основной целью постмодернистской «духовности» является изменение акцентов: отрицательное отношение к материальному миру и положительное – к его телесному проявлению. Смысловые характеристики души в немецком ПмД выделяются через такие ее качества, как *dunkel* / темный, *vernebelt* / затуманенный, *verworren* / запутанный, *falsch* / фальшивый, *niedergeschlagen* / пришибленный.

Гипоконцепт **ТЕЛЕСНОСТЬ** – один из центральных в постмодернистской модели мира. Повышенное внимание к телу и к экспериментам над ним определяет и повышенное внимание к проблемам телесности (KÖRPER / ТЕЛО, KOPF / ГОЛОВА, AUGE / ГЛАЗ) и гипертрофированной сексуальности (SEX, BRÜSTE, GENITALIEN), в т. ч. и к ее крайним проявлениям (PORNOGRAPHIE, PERVERSION). Тело воспринимается как материал (MATERIAL), как объект желания (WUNSCH), принуждения (ZWANG) и источник удовольствия (GENUSS), поэтому его сравнение с другими объектами формирует ряд типичных для ПмД метафор: «KÖRPER = чувства», «KÖRPER = вещь», «KÖRPER = сознание», «KÖRPER = личность». Вопреки тому, что концепты телесности для немецкой этнокультуры являются глубоко отрицательным, ПмД провозглашает их своими ценностными доминантами.

Особое место в ментальном пространстве немецкого ПмД занимают синкретические концепты – **ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ**, объединяющие системные признака гипер-, гипо- и (ката)концептов. В этом дискурсе бытует по меньшей мере пять таких типажей: три мужских (VERRÜCKTER GENIUS / СУМАСШЕДШИЙ ГЕНИЙ, NOMADE / НОМАД, ANDROGYNER VANN / МУЖЧИНА-АНДРОГИН) и два

женских (FRIGIDE FRAU / ФРИГИДНАЯ ЖЕНЩИНА, MONSTERMUTTER / МАТЬ-ТИРАН). Как мужские, так и женские типажи излучают здесь довольно мощную отрицательную энергетику. Мужские типажи, с одной стороны, отражают абсолютно амбивалентное видение постмодернизмом мужской природы, а с другой, – предлагают себя в качестве объектов для осуждения и отторжения. В частности, вербальный портрет типажа СУМАСШЕДШИЙ ГЕНИЙ репрезентируется немецким ПмД в единстве таких его признаков, как гений-тиран, гений-захватчик, гений-убийца и гений-одиночка. Женские типажи объективируются в немецком ПмД как определенный сексуальный символ с гипертрофированной телесностью, которая позиционирует себя или как безличная, бесполоя кукла, или как озлобленная деструктивная фурия. По сравнению с мужскими женские типажи наделены в немецком ПмД крайне отрицательной оценкой, позиционируясь в нем как антиконцепты.

Поскольку современная культура – явление плюралистическое, эклектическое и стереоскопическое, типажные концепты объединяют в себе несовместимое, а иногда и парадоксальное: тиранию и гениальность, материнство и жестокость, сексуальность и фригидность, чувственность и холодность. Действуя по принципу иронического восприятия действительности, ПмД искажает типажи, созданные массовой культурой, и делает их гротескными.

Постмодернистский дискурс следует признать открытым для новых ментальных единиц. Этот дискурс чутко реагирует на социокультурные изменения, порождающие новые реалии, ценности и антиценности. Например, в английском ПмД в последнее время появился целый ряд таких ментальных единиц, как BLOOD, MIRROR, LABYRINTH, MAP, JOURNEY, ENCYCLOPEDIA, ADVERTISING, TELEVISION, PHOTOGRAPH [Бехта 2010]. Высокая продуктивность их использования в ПмД является, очевидно, свидетельством социального неблагополучия в техногенном обществе, что служит причиной появления новых поведенческих стереотипов и очерчивает контуры принципиально нового мышления.

Постмодернистские тексты, как достойные представители соответствующего дискурса, отличаются своеобразными, стабильными и относительно закрытыми концептосистемами, а потому они являются весьма проблемными в плане трансфера в другие культуры. При этом наибольшие переводческие трудности связаны не с самими текстами, а с их концептами как ценностными репрезентантами постмодернизма. Здесь с большой долей вероятности можно прогнозировать, что такого рода психо-лингво-культурные понятия не будут иметь своих однозначных соответствий в других лингвосистемах.

Говоря о концептосистемах литературно-художественных текстов, нельзя не отметить работы В. Г. Никоновой, посвященные исследованию **трагедийного дискурса Шекспира** [Никонова 2008] и содержащие абсолютно новую методологическую установку, которую можно охарактеризовать как «концептосистема идиодискурса Шекспира». Решение таких проблем, как способы экспликации концептуального содержания трагедий Шекспира на фоне когнитивной поэтики в единстве жанрового, текстового и лингвокультурного аспектов, метафорическая профилизация концептуального пространства трагедийной картины мира, толкование ассоциативно-смыслового поля художественного мира Шекспира как совокупности доминантных для него концептов, выстраивающихся на основе системогенных и межполевых связей в художественном мире Шекспира, – все это представляет собой весьма инновационный подход.

Опыт В. Г. Никоновой свидетельствует о том, что идиодискурс Шекспира образует свою собственную концептосистему, которая состоит из конфигураций типологически разных ментальных единиц. Их отбор и комбинаторика зависят от многих факторов: речевых интенций, социороловой структуры адресанто-адресатных отношений, кодирующих техник агентов и декодирующих компетенций клиентов дискурса. Вступая между собой в разнообразные связи, приобретая статус автохтона (LOVE, ESSENCE, LIFE, DEATH, FATE) или аллохтона и при этом конгломеративно выстраиваясь, такие ДКК создают специфический и неповторимый ментально-информационный портрет идиостиля Шекспира.

Концепты, как составляющие картин мира, актуализируются и, соответственно, объективируются в разных культурах и в разных дискурсах по-разному. Но несомненным является тот факт, что когнитивный каркас дискурса образуется определенной, четко очерченной группой концептов и что сам он концентрируется вокруг определенных концептов, создавая тот общий социальный контекст, в котором могут быть описаны объекты, действующие лица, обстоятельства, время, поступки и т. п.

3.3.3. Дискурсивное пространство концепта: концепт в дискурсах

Дискурсологическое изучение концептов в паттерне «концепт в дискурсах» опирается на идею о том, что концепт или поле, к которому он относится, владеет определенного рода когнитивно-семантической избирательностью относительно возможностей своей актуализации в той или другой дискурсивной

формации. Эта избирательность напоминает валентность слова – его ингерентную способность сочетаться или не сочетаться с другими единицами в процессе своей коммуникативной реализации.

Последняя может быть обязательной (облигаторной) и свободной, необязательной (факультативной). Таким же свойством обладает и концепт с той лишь разницей, что эта сочетаемость не имеет жестких предписаний, а напоминает лишь тенденцию. Например, автохтоны БОГ, ВЕРА, ИКОНА как облигаторные единицы религиозного дискурса могут выборочно актуализироваться как аллохтоны политического, медицинского, спортивного и других дискурсов, тогда как для досугового они будут маловероятными.

С другой стороны, концепт может преферентно актуализироваться в одном дискурсе и вести себя индифферентно по отношению к другому. Впрочем, преобладающее большинство концептов не имеет привязки к какому-либо одному дискурсу, а может использоваться в двух, трех и более его типах. Очевидно, последнее зависит еще и от категориального статуса дискурса – обусловленностью средой, модусом и стилем общения. Концепт имеет в себе определенного рода потенциал, в котором заложена возможность его апеллирования к разным дискурсам – социокультурно маркированным продуктам коммуникации. В этом случае целесообразно говорить не о концептосистеме по модели ДЖК, а о моделях дискурсивной реализации концептов.

Изучение дискурсивных реализаций концепта чрезвычайно важно прежде всего для моделирования его структуры. Поскольку дискурс является одновременно и средой бытования, и инструментом объективации концептов, в нем происходит расширение и углубление их структуры, актуализация их скрытых свойств, становление их стилового и/или метафорического профиля. Дискурс позволяет включить в сферу исследования вариативную компоненту концепта, что создается его функционированием в разных типах вербальной коммуникации, в разных речевых жанрах, идиостилях и социокультурных стратах.

Для наглядности обратимся к **концепт-идее ВРЕМЯ** с целью проследить пути и способы ее актуализации в разных дискурсивных формациях (рис. 3.10).

Способ членения топохронного континуума в целом и временного в частности является одной из основных характеристик дискурса. Изучение концепт-идеи ВРЕМЯ в пределах дискурсивной категории **«стиль общения»** связано с анализом путей и способов ее когнитивно-семантической профилизации, а также с выяснением эргономических и синергетических основ взаимодействия разноуровневых средств темпоральной аранжировки дискурса и влияния функционально-коммуникативных факторов на выбор временных маркеров.

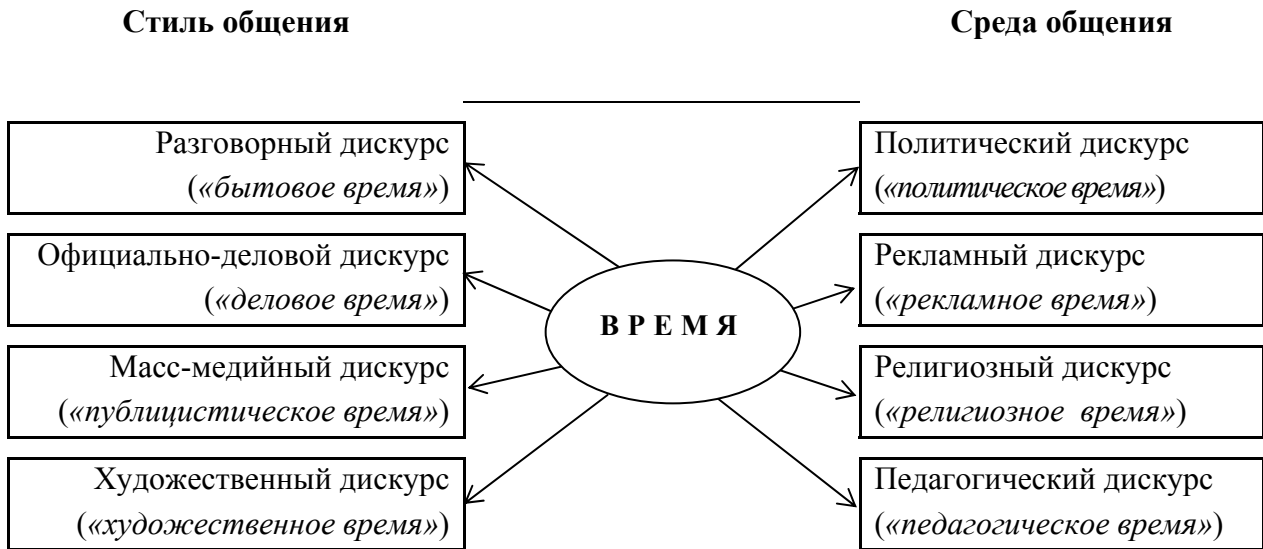

Рис. 3.10. Концепт-идея ВРЕМЯ в корреляции с разными дискурсами

В целом использование временных форм в разных типах дискурса задается общей тенденцией к экономии языковых средств и речевых усилий, что способствует аранжировке временной информации в материально упрощенной, а потому и в оптимально благоприятной для декодирования форме, что в значительной мере обуславливается тактиками и стратегиями речевого общения.

Упорядочивая использование разноуровневых средств, тактико-стратегические принципы общения способствуют равновесию и гармонизации темпоральной карты дискурса. Особенно заметным это становится при реализации экзистенциального и метрического времени, а также механизмов их метафоризации. Так, разговорный дискурс с преобладанием хронолексем экзистенциальности тяготеет к ассоциативно-образному, а официально-деловой с преобладанием показателей метрического времени – к рационально-логическому представлению временной информации, тогда как в масс-медийном дискурсе использование индексов экзистенциального и метрического времени оказывается пропорционально сбалансированным.

В разговорном дискурсе выбор лексических темпоральных маркеров определяется соображениями экономии, сжатости и прозрачности, что отражает тенденцию к структурной компактности и прагматической эффективности в организации темпоральной сетки дискурса. Однако основной акцент здесь делается на эмоционально-субъективной оценке событий и состояний в плане их временной локализации, а потому в обыденном общении преобладают метрические маркеры времени. При этом «линейность», «отдаленность» и «цикличность» становятся доменами временной перспективы этой среды общения, а сама темпоральная идея сводится к бытовому времени.

В деловом дискурсе речь идет о деловом времени. Здесь его метрический аспект преобладает над экзистенциальным, так как именно его количественные показатели в наибольшей степени поддерживают ту максимальную формализованность и фактуальную конкретику, которые являются имманентным свойством любого делового документа. Здесь особую значимость имеют гипоконцепты «длительность» и «конвенциональность», поскольку именно они являются объективными показателями реального времени, позволяя избегать тех недоразумений и/или двусмысленностей, которые категорически противопоказаны деловому общению.

Лексические маркеры концепта ВРЕМЯ в масс-медийном дискурсе характеризуются документальной точностью, смысловой прозрачностью и лаконичностью, к которым присоединяются эмоциональность, образность и авторская оценка. Благодаря этому, релевантными здесь оказываются лексические индексы как экзистенциального, так и метрического времени. В ракурсе первого доминируют гипоконцепты «линейность», «отдаленность», второго – «длительность» и «конвенциональность». Такое уравновешенное соотношение двух временных сфер диктуется когнитивно-коммуникативной спецификой публицистики, требующей, с одной стороны, объективности в (ре)презентации временной информации, а с другой, – наличия эмотивных импульсов относительно субъективной презентации событий, в т. ч. и метафорического порядка. Такое время есть время публицистическое.

Активный процесс метафоризации временных отношений наблюдается в разговорном дискурсе с его повышенной экспрессивностью. Менее активно, но довольно последовательно используется когнитивная метафора в масс-медийной коммуникации, особенно в авторской речи, которой присущи эмоционально-оценочные импульсы. Ассоциативно-образное осмысление ВРЕМЕНИ как субъекта (*время радуется*) или объекта действия (*воровать / транжирить / отвоевывать время*), его акциональная характеристика (связь с идеей движения, потока – *время проходит / бежит / течет*) нацелены в обыденном общении, художественной речи и публицистике на осуществление персуазивного влияния. Для официально-делового дискурса метафоризация времени не характерна.

Речевые реализации концепт-идеи ВРЕМЯ регулируются законами синергетики. Взаимодействие разноуровневых средств его аранжировки в дискурсе является результатом самоорганизации системы, которая ставит всяческие преграды на пути энтропийных процессов, в т. ч. и тех, что приводят к дезактуализации темпоральной информации. Согласовывая использование грамматических, лексических и лексико-грамматических маркеров, синергетические силы

уравновешивают и гармонизируют пути и способы реализации временных отношений в темпоральной карте дискурса.

Дискурсивная специфика времени в рамках категории «*среда общения*» отличается еще большей своеобразностью: подобно «двуликому Янусу», ВРЕМЯ предстает здесь в виде собственно концептивного и дискурсивного феноменов. Дискурсивное время – один из инструментов выполнения более или менее отдаленных коммуникативных задач, регулятор интенсивности текстопорождения и качества порождаемых текстов, концептивное же ВРЕМЯ связано, скорее, с общественным идеалом, провозглашаемым в рамках определенной социокультуры. Ниже приводится краткая характеристика концепта ВРЕМЯ по Г. Г. Слышкину [2004: 107–109] в экстраполяции на разные дискурсы.

В политическом дискурсе концептивное ВРЕМЯ является линейным и дискретным. Основной меткой на шкале времени этого дискурса является такое событие, как выборы. Выборы – это важный элемент концепта ВРЕМЯ: выборы любого уровня представлены здесь как якобы поворотное событие, от результата которого зависит будущее клиентов политических текстов (на самом деле, результаты влияют не на бытие клиентов, а на судьбу агентов этого дискурса). Линейность времени в этом случае сопровождается потенциальная возможность как прогрессивного его движения (победа своей партии), так и регрессивного (победа соперников). Выборы являются также значимым фактором дискурсивного «политического времени»: по мере их приближения текстовый поток становится все более интенсивным, происходит ряд содержательных изменений в порождаемых текстах. «Политическое время» – циклическое: после выборов интенсивность коммуникативных событий резко падает, чтобы снова возрасти при приближении новых выборов.

В рамках рекламного дискурса концептивное ВРЕМЯ также делится как бы на два периода: до покупки рекламируемого товара / услуги (время колебаний и проблем), после покупки (время наслаждения или разочарования). Однако, в отличие от политического, этот дискурс ориентирован не на осуществление коллективным его клиентом глобального одномоментного поступка (голосование), а на бесконечный ряд идентичных действий отдельных индивидов (покупки), поэтому дискурсивное время здесь недискретно, а интенсивность его влияния постоянна. Единый фактор членения «рекламного времени» связан с паразитарной природой рекламного дискурса: реклама стремится захватить именно те точки времени-пространства, в которых количество потенциальных реципиентов максимально. Отсюда – повышение объема телевизионных рекламных текстов в вечерние часы и в праздничные дни (прайм-тайм).

Концепт ВРЕМЯ в религиозном дискурсе зависит от ценностей конкретной религии (напр., для христианства – это линейное время с начальной и конечной точками). Превалирование ритуальности задает регулярность повтора всех коммуникативных действий с помощью фиксированных отрезков времени (воскресная МЕССА в католицизме, интервализация жизненного мира от САББАТА до саббата в иудаизме, НАМАЗ в мусульманстве – молитва пять раз в день). Регулярная интенсификация общения происходит также во время религиозных праздников. «Религиозное время» также циклично, но, в отличие от политического, начало и конец которого ориентированы не на будущее событие (выборы), оно зациклено на событиях, которые уже состоялись в прошлом (ПАСХА – воскресение Иисуса, САББАТ – последний день недели, РАМАДАН – месяц, когда Коран был явлен Мухаммеду).

Для педагогического дискурса характерно двойное ценностное отношение к идее времени. С одной стороны, будучи направленным на социализацию индивида, этот дискурс придерживается принятых в обществе идеологических установок, что не может не отразиться на формировании концепта ВРЕМЯ. С другой стороны, независимо от правящей идеологии, здесь имплицитно наличествует представление о времени как о линейном движении в направлении прогресса, поскольку сама идея образования основывается на возможности положительного развития индивида во времени. Эта поступательная линейность отражается и в «педагогическом времени»: постепенно усложняется содержание общения, вводятся новые жанры общения, которые требуют более высокой коммуникативной компетенции, и пр.

Таким образом, концепт ВРЕМЯ в коммуникативной среде распадается в точке бифуркации на две ипостаси – собственно концептивное время и дискурсивное время. В каждой из них он становится объектом специфической рефлексии со стороны агентов и клиентов дискурса и подвергается регулярному дискурсивному осмыслению, в результате чего приобретает дальнейшую специализацию (политическое время, деловое время, рекламное время, бытовое время, религиозное время, юридическое время, педагогическое время), модифицируется и даже терминологизируется (художественное время). В разных дискурсах концепт ВРЕМЯ профилируется по-разному за счет широких аранжировочных возможностей языка, в т. ч. и метафоризации. Актуализируя в дискурсе скрытые от непосредственного наблюдения свойства, концепт-идея ВРЕМЯ пополняется дополнительными понятийными признаками, обогащается яркими образами, расширяет свой ценностный слой. Таким образом, концепт ВРЕМЯ оборачивается новыми гранями, коннотациями и ассоциациями.

По аналогии с вышеизложенным можно осмысливать и другие концепты. При этом предметом научной рефлексии может стать дискурсивно обусловленная вариативность концепта, воплощенная разными языковыми средствами; в то же время научное исследование в паттерне «концепт в дискурсах» возможно в нескольких направлениях:

- отдельно взятый концепт одной лингвокультуры в разных дискурсах;
- отдельно взятый концепт разных лингвокультур в разных дискурсах;
- несколько идеографически родственных концептов в разных дискурсах.

В рамках первого направления целесообразно упомянуть весьма глубокое и оригинальное исследование Г. В. Токарева «Дискурсивные лики концепта», посвященное русскому регулятиву ТРУД. Просканировав пути и способы его субъективации в обыденном, религиозном, правовом, педагогическом и медицинском дискурсах, он приходит к выводу о чрезвычайной актуальности категории труда для лингвокультурного сознания, в котором трудовая деятельность осмысливается как в морально-этическом, так и в утилитарно-практическом ключах [Токарев 2004: 80].

Изучению специфики дискурсивной реализации теософского валоратива рус. КРАСОТА и англ. BEAUTY посвятила свое исследование Ю. В. Мещерякова, в котором основным предметом анализа стала их эстетическая оценка в четырех типах коммуникации – художественном, масс-медийном, разговорном и карнавальном [Мещерякова 2004].

В рамках третьего направления, где объектом анализа становится группа идеографически родственных антропостатальных концептов (состояние человека), заслуживающим внимания является исследование Е. С. Путий [2010].

Коммуникативная релевантность **макроконцепта СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА** проявляется в актуализации его репрезентантов в дискурсивных фрагментах микро- (идиомы, пословицы, поговорки, афоризмы, анекдоты) и макротекстового уровня (разговорный, сказочный, религиозный, рекламный и др. дискурсы). В зависимости от прагматической специфики текста версификация СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА определяется частотностью антропостатальных концептов, характером их дискурсивных конфигураций, способом вербальной аранжировки, а также номинативной плотностью (дисперсностью).

Микротекстовая актуализация макроконцепта СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА связана с реализацией антропостатальных концептов в паремиях (идиомы, пословицы, поговорки, афоризмы и т. п.), где они могут приобретать характер утилитарной или карнавальной версий.

Утилитарно-паремийная версификация антропостатальных концептов в идиомах, поговорах и поговорках имеет целью ориентирование индивида в мире его собственных чувств, в связи с чем тяготеет к преферентному использованию противоречивых телеономов LIEBE / ЛЮБОВЬ, GLÜCK / СЧАСТЬЕ, FREUDE / РАДОСТЬ и антиконцептов ANGST / СТРАХ, TRAUER / ПЕЧАЛЬ, ZORN / ГНЕВ, KRANKHEIT / БОЛЕЗнь, TOD / СМЕРТЬ. Вместе с тем чрезмерная рационалистичность и недостаточная разработанность образно-ассоциативного фона концептов интеллектуальных состояний GLAUBE / ВЕРА, WISSEN / ЗНАНИЕ, NACHDENKLICHKEIT / ЗАДУМЧИВОСТЬ и др. ограничивает возможности их актуализации в паремиях.

Утилитарная аранжировка СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА осуществляется посредством соответствующей лексики (*ihm quollen vor Staunen fast die Augen aus dem Kopf*), соматизмов (*ganz Auge und Ohr sein*), зоонимов (*wie die Gans, wenn's donert*), фитонимов (*blau sein wie ein Veilchen*), топонимов (*über den Jordan gehen*), эвфемизмов (*ins ewige Leben eingehen*) и пр. Будучи воплощением рациональной утилитарной оценки, немецкие идиомы, поговорки и поговорки концептуализируют преимущественно волевые, эмоциональные и физические состояния как непосредственно связанные с трудовой активностью человека.

Карнавальное-паремийное версификация антропостатальных концептов в афоризмах и анекдотах состоит в высмеивании и искажении утилитарных ценностей LIEBE, GLÜCK, FREUDE и антиценностей TRAUER, TOD, ANGST, KRANKHEIT. Таким образом, механизм достижения приятных ощущений и избавления от неприятных оказывается в НЭМ максимально отрефлексируемым (*An alle unglücklich Liebende: Es ist mit dem Herzen halt genau so wie mit dem Telefon – manchmal ist es eben schon belegt*). Высокая продуктивность концептов LIEBE / ЛЮБОВЬ, KRANKHEIT / БОЛЕЗнь и TOD / СМЕРТЬ в анекдотах вызывает активизацию их когнитивно-семантических связей с другими как антропостатальными, так и неантропостатальными концептами, которые воплощаются в ряде анекдотов соответствующей тематики – амурных, медицинских, алкогольных и пр.

Смеховая версия макроконцепта СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА возникает благодаря буквализации поговора (*Liebe geht durch den Magen, aber leider achten zu viele auf ihre Figur*), парадоксу (*Das Leben ist eine der wichtigsten Todesursachen*), каламбуру (*Die Machthungrigen sind leider mehr an der Macht interessiert als am Hunger*), эффекту обманутого ожидания (*Ein langer Blickkontakt kann ein sicheres Zeichen sein. Für Betrunkenheit*), спунеризму (*Lieber Frost am Morgen als Frust am Abend*) и другим речевым девиациям.

Макротекстовая актуализация антропостатальных концептов связана с их полиапеллируемостью, т. е. с возможностью входить в различные типы дискурсов в статусе автохтона или аллохтона. При этом имеет место персонально-дискурсивная

версификация концепта, вызванная тем, что участники общения свободно раскрывают друг другу свой внутренний мир, чем определяется мотивация, тематика и тональность их общения в полисубъектном (разговорный) и моносубъектном (сказочный) дискурсах.

Разговорный дискурс тяготеет к идентификации, дескрипции, экспликации и (авто)каузации состояния человека, а потому отдает предпочтение телеономам GLÜCK, FREUDE, LIEBE, эпистемическим концептам WISSEN, GLAUBE и антиконцептам ANGST, TOD и TRAUER. Разговорный дискурс апеллирует к СОСТОЯНИЮ ЧЕЛОВЕКА посредством соответствующей лексики, паремий, эвфемизмов и визуализации графическими средствами.

Сказочный дискурс, четко коррелирующий с архаичной картиной мира, отражает одиночество и страх первобытного человека перед смертью, враждебными природными и сверхъестественными силами, что объясняет высокую продуктивность концептов негативных состояний ANGST, TRAUER, ZORN, HUNGER и TOD и их конфигураций с автохтонами HERZ / СЕРДЦЕ, ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО, SONNE / СОЛНЦЕ, WASSER / ВОДА, BRUNNEN / КОЛОДЕЦ, HEXE / ВЕДЬМА, TEUFEL / ЧЕРТ. Профилизация СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА в сказочном дискурсе осуществляется преимущественно с помощью антропостатальной лексики, однако специфическим средством его репрезентации является персонификация, связанная с мифологическим мышлением древнего человека, в восприятии которого живой и неживой мир выступали нераздельно.

Институционально-дискурсивная версификация антропостатальных концептов связана со спецификой институционального общения, которая обусловливается стремлением коммуникантов к реализации задач определенного общественного института с опорой, например, на моральные нормы (религиозный дискурс) или витальные ценности (рекламный дискурс).

Религиозный дискурс с его телеологией на приобщение человека к вере в рамках определенной конфессии тяготеет к актуализации концептов GLAUBE, LIEBE, WISSEN, LEBEN и TOD и избегает ментальных единиц типа FEINDLICHKEIT, HASS, которые могли бы помешать реализации его задач. Концепт GLAUBE имеет статус автохтона, благодаря чему группирует вокруг себя другие, (не)антропостатальные единицы в совокупности их взаимосвязей и способствует формированию различных дискурсивных конфигураций типа «GLAUBE / ВЕРА – GOTT / БОГ – HERZ / СЕРДЦЕ – LIEBE / ЛЮБОВЬ – WISSEN / ЗНАНИЕ – TOD / СМЕРТЬ – LEBEN / ЖИЗНЬ». К средствам субъективации СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА в религиозном дискурсе относятся его лексические репрезентанты, грамматические формы императива и конъюнктива, образные сравнения, фатические вопросы, эвфемизмы и пр.

Рекламный дискурс, направленный на привлечение внимания, интереса и осуществления эмоционального воздействия на клиента, тяготеет к эксплуатации ментальных единиц AUFMERKSAMKEIT / ВНИМАНИЕ, INTERESSIERTHEIT / ИНТЕРЕС в статусе автохтонов и FREUDE / РАДОСТЬ, RUHE / ПОКОЙ, LIEBE / ЛЮБОВЬ, GESUNDHEIT / ЗДОРОВЬЕ, WISSEN / ЗНАНИЕ в статусе аллохтонов, а также избегает концептов с негативно-ценностной маркировкой AGGRESSION / АГРЕССИЯ, BELEIDIGUNG / ОСКОРБЛЕНИЕ, ENTTÄUSCHUNG / РАЗОЧАРОВАНИЕ, EKEL / ОТВРАЩЕНИЕ, TOD / СМЕРТЬ и др., актуализация которых могла бы воспрепятствовать реализации его интенциональных установок. Приоритетные межконцептные корреляции макроконцепта СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА образуют конфигурации типа «AUFMERKSAMKEIT / INTERESSIERTHEIT – SCHÖNHEIT – GESUNDHEIT – FREUDE – LIEBE – RUHE». Аранжировка СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА в рекламном дискурсе осуществляется с помощью интенсификаторов, градуальных форм детерминативов, эллиптических предложений, языковой игры, цитации и пр.

Макроконцепт СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА версифицируется в различных видах персонального и институционального дискурса по характеру и продуктивности реализуемых (ката)концептов, частотности их внутри- и внесистемных корреляций, а также способности образовывать дискурсивные конфигурации. Эти различия обуславливаются, с одной стороны, спецификой каждой отдельной дискурсивной формации, а с другой – ее целями и функциями, выполнению которых может содействовать или препятствовать апелляция к определенным антропостатальным концептам [Путий 2010: 13–16].

Итак, дискурсивная субъективация отдельно взятого концепта свидетельствует о многогранности и потенциальной неисчерпаемости его ассоциативных и ценностных свойств. Это обуславливается двумя синергетическими факторами: с одной стороны, концепт всегда богаче тех признаков и свойств, которые обнаруживает в нем апеллирующий к нему субъект; с другой стороны, концепт является объектом постоянной рефлексии агентов дискурса, а потому он непременно подвергается регулярному осмыслению и переосмыслению. В результате постоянных «интеллектуальных атак» со стороны агентов и клиентов дискурса концепт обогащается новыми свойствами, признаками и качествами.

Поскольку концепты могут быть социальными, личностными, национально-специфичными и общечеловеческими, они «живут» в контекстах разных типов сознания – бытового, научного, официально-делового, художественного и пр. Отсюда вытекает, что анализ контекстов / дискурсов, в которых функционирует слово, является приемлемым и даже необходимым условием для выяснения его концептуальной специфики. Вопреки тому, что эту специфику

практически невозможно охватить применительно ко всем видам дискурсов, жанров, текстов и контекстов, она все-таки может быть смоделированной на определенных методологических основаниях.

Дискурсивная реализация концепта опирается, по меньшей мере, на два его ингерентных свойства – парадигматическое (совокупность признаков, формирование которых протекает естественно, без целенаправленного влияния какого-нибудь социального института) и синтагматическое (складывается в результате интенциональных действий, направленных на формирование нового профиля). Основными способами синтагматической «перепрофилизации» концепта является стереотипизация путем постоянных повторов (рекурренция), манипуляция словарным значением и регламентация языкового узуса.

Очерченная специфика ситуативно устойчивых дискурсивных конфигураций концептов в рамках режима, среды и стиля общения является вполне дееспособной в синхронном срезе, но сам по себе дискурс не есть застывший коммуникативный феномен. В своей поступательной динамике он живет и развивается по объективным законам природы, общества и мышления, вместе с которыми непрерывно уточняются, модифицируются, видоизменяются и сами концепты, и их дискурсивные диспозиции.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТОСИСТЕМ И ТРАНСФЕР КОНЦЕПТОВ

4.1. САМООРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОСИСТЕМ: СТАТИКА И ДИНАМИКА

Описание концептосистем в рамках феноменов «концептополе» и «конфигурация» способствует более глубокому проникновению научной мысли в понимание процессов концептуализации. Однако, оно не дает полного представления о всей параметрической палитре концептосистем, поскольку за рамками интерпретации остаются такие их свойства, как устойчивость / неустойчивость и противоречивость / непротиворечивость. Особенно отчетливо это видно, когда в силу тех или иных причин нарушаются когнитивно-логические связи внутри целого, а сама система рассекается на изолированные элементы.

Стабильность и текучесть, эволюция и инволюция концептосистем оказываются в значительной степени зависимыми от аттрактора – доминирующего смысла, который следует рассматривать как зону гармонизации симметрии и асимметрии, организации и дезорганизации, как относительно стойкое состояние систем, которые «словно притягивают к себе все множество траекторий ее развития, независимо от первоначальных условий» [Семенец 2004: 20].

В том, как меняется когнитивная карта дискурса, отображается принцип самоорганизации концептосистемы, связанный с исчезновением одних категорий, слов, концептов и появлением в лингвокультурном ландшафте новых, что происходит в соответствии с алгоритмом петли обратной связи Н. Винера [Wiener 1950: 24]. В экстраполяции на речевые сообщения этот алгоритм можно изобразить в виде рис 4.1 с тремя узлами («когнитивными точками»): **Н** – замысел говорящего сообщить некую информацию; **О** – оценка им же осуществленного сообщения на предмет его полной информативности и соответствия первоначальному замыслу; **К** – коррекция (принятие решения относительно исправления информативной неполноты).

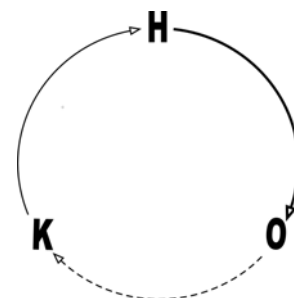

Рис. 4.1.
Петля обратной связи

Петля обратной связи представляет собой кольцевую систему взаимосвязанных элементов, в которой начальное влияние распространяется вдоль узлов таким образом, что каждый элемент влияет на последующий. Результатом такого влияния является то, что первое звено («вход») поддается влиянию последнего («выход»). При этом вход, в свою очередь, снова поддается оценке и, в зависимости от того, удовлетворяет или не удовлетворяет говорящего результат информирования, процесс может возобновиться. Тогда петля приобретает вид спирали: к уже использованным сообщениям добавляются новые. Это и есть саморегуляция, так как начальный сигнал модифицируется каждый раз, когда проходит всю петлю.

На фоне перманентной изменчивости научных и языковых картин мира происходят изменения и в структуре самих концептов, а также в концептосистемах. Принцип изменчивости концептосистем детерминирован законами онто- и филогенеза. Эти законы суть единство и борьба противоположностей – конструкции и деструкции, конвергенции и дивергенции. Любая система всегда является средоточием действий энтропийных сил, сопровождаемых процессами бифуркации и диссипации, которые приводят к хаосу и разрушениям.

Вместе с тем, система является вполне жизнеустойчивой, она постоянно сопротивляется энтропии, в ней заложено стремление к равновесию и сбалансированности структуры. Внутреннее напряжение системы – это состояние борьбы двух разнонаправленных векторов, конструктивного и деструктивного. Их взаимодействие представляет собой самоорганизацию системы, которая уводит ее от удара энтропии и направляет ее развитие в сторону приобретения новых качеств, в результате чего происходит не разрушение, а саморазвитие системы по эволюционной спирали. Последняя представляет собой неразрывное единство статического (стабильного) и динамического (изменчивого).

Паутина взаимоотношений концептов в дискурсе объясняется такой их особенностью, как способность к изменчивости в лингвокультурном сознании. Исходя из того, что концепт никогда не существует сам по себе, а мыслится как элемент какой-нибудь системы, он всегда находится под влиянием своих «побратимов». Со временем меняется и количество концептов, и объем их содержания. Н. А. Красавский называет среди прочих две основные причины изменчивости структуры концепта – экстра- и интралингвистические. Первые (внешнеязыковые) базируются на социокультурных и социоэкономических трансформациях, на изменении моральных ценностей, на выборе валоративных приоритетов, а вторые (внутриязыковые) – на заимствованиях, деривационных процессах и на процессах тропеизации [Красавский 2001: 68].

Интралингвистические факторы самоорганизации концептосистем связаны, в первую очередь, с лексической вариативностью тела концепта. С точки зрения когнитивной семантики, лексическая вариативность не является изменчивостью, а только подвижностью семантической структуры, которая бытует одновременно в двух планах – виртуальном (существует как потенциальная семантическая структура) и актуальном (существует только в связи со своим структурно-семантическим целым). Однако эволюцию концепта не следует рассматривать как процесс самостоятельного наращивания объема. Наряду с обогащением концепта новыми ассоциациями происходит утрата старых. Это обусловлено как ограниченностью человеческой памяти, так и изменениями во внеязыковой действительности, подлежащей концептуализации.

Как и любое лингвокультурное явление, концепт не может быть статичным. В ходе поступательного развития языкового коллектива его структура непрерывно меняется, поскольку меняется внешний мир для человека и внутренняя система ценностей. Н. Н. Болдырев сравнивает концепт с комом снега, который катится, постепенно обрастая новыми слоями. Так же и содержание концепта постоянно насыщается новыми импульсами, а его объем увеличивается за счет приращивания новых качеств [Болдырев 2001: 30].

Управляемый законами онто- и филогенеза, принцип изменчивости способствует устранению из системы концептов, утративших свою актуальность для индивидуального или коллективного сознания, и введению в нее новых ментальных единиц, в том числе и тех, что усваиваются не из эмпирического опыта, а при помощи языка. О том, что количество концептов и объем содержания многих из них непрерывно меняется, свидетельствует и сама возможность их бесконечных интерпретаций в разных коммуникативных ситуациях. «Поскольку мир постоянно изменяется, люди должны постоянно узнавать новые вещи. Человеческое знание должно иметь форму, которая быстро приспосабливается к этим изменениям, поэтому единица передачи и хранения знания также должна быть гибкой и подвижной» [Маслова 2004: 154].

Изменчивость концептов и их систем обуславливается факторами социокультурного и социодискурсивного порядка: изменения во внеязыковой действительности, колебания степени актуальности, трансформация или потеря понятийного субстрата, ассоциативного адстрата и валоративного эпистрата, изменение аксиологического полюса, функциональная переориентация вплоть до полного извлечения концепта из социокультурного обращения.

При таких условиях срабатывает один из ведущих принципов синергетики – подчинение всех элементов сложной системы наиболее неустойчивому элементу [Герман 2000: 37]. В нашем случае неустойчивым элементом является

тот концепт, который в определенный период саморазвития этноса начинает утрачивать свою актуальность для лингвокультурного сознания. Постепенно отделяясь от системы ценностных доминант, он наделяется определенной регулятивной силой, так как выводит систему из хаотичного, информативно неупорядоченного состояния и приводит ее в состояние информативной сбалансированности. Информативно сбалансированному трансферу знаний способствуют процессы эволюционной динамики: митигация, интенсификация, аккомодация.

Механизм *митигации* отражает стремление концептосистемы избавиться от тех единиц, которые утратили свою актуальность для социокультуры. Изменения в структуре концепта могут быть связаны с колебаниями степени актуальности. Такие колебания связаны с увеличением или уменьшением количества языковых единиц, являющихся средствами (ре)презентации концепта. В связи с этим Г. Г. Слышкин говорит о возникновении большого количества номинаций насильственной смерти в период войн и революций. Так, во время гражданской войны появились неологизмы со значением «растреливать»: *поставить к стенке, пустить в тираж, отправить на раскаяние, отправить на Машук фиалки нюхать, отправить на шлепку*. Во время Великой французской революции возникло однословное обозначение для такого действия, как «вешать на фонаре» – глагол *lanternier*, который когда-то имел значение «качаться». В языке нацистской Германии распространились многочисленные эвфемизмы, имеющие значение «ликвидация»: *Ausschaltung* 'изъятие', *Aussiedlung* 'выселение', *Umsiedlung* 'переселение' [Слышкин 2004: 47].

Между тем в генезисе концептосистем не менее важным моментом может быть и утрата понятийного субстрата. Чаще всего это происходит в разговорном дискурсе, который отличается довольно активными динамичными процессами на фоне постоянно действующих социокультурных трансформаций общества. В диахронии, так же как и в синхронии, концепт остается подчиненным процессам категоризации, которые могут повлиять и на его лексическое воплощение. Так, именно изменения, произошедшие в лексических средствах, инкорпорируются в когнитивные структуры, замещая или дополняя уже существующие смежные элементы, и могут, в свою очередь, стать причиной изменений, происходящих на концептуальном уровне. Если изменения в лексико-семантической системе обусловлены экстралингвистическими факторами, новая информация о мире подвергается категоризации на основе прототипических черт, что может повлиять на выбор лексического знака для нового номинанта.

Эти трансформации сопровождаются либо утратой какого-либо оттенка ценностной составляющей (ср., например, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ПРОФЕССОР, УЧИТЕЛЬ, ОФИЦЕР в дореволюционную эпоху, во времена «зрелого социализма»

и ныне), либо изменением аксиологической полюсности. В последнем случае концепт полностью изменяет свой оценочный знак с положительного на отрицательный. Достаточно вспомнить, что такие когда-то позитивно воспринимаемые концепты, как ДУРЕНЬ (валах, пастух), СВОЛОЧИ / СВОЛОТА (люди, собиравшиеся в определенном месте), ЗАРАЗА (привлекательность, очаровательность), РЯХА (опрятно одетый человек) и другие переосмыслились как негативные. Процессу переоценки поддаются не только отдельные концепты, но и концептополя. В частности, ведущая концепт-идея советских времен КОЛЛЕКТИВИЗМ с ее производными КОЛХОЗ, БРИГАДА, СЕЛЬСОВЕТ, ОРГАНЫ, ПАРТКОМ, ТОВАРИЩ оказались нивелированными концепт-идеей ИНДИВИДУАЛИЗМ, импортированной из клуба западных менталитетов.

История знает и случаи полного изъятия концептов из социокультурного обращения. Анализируя социодискурсивные последствия Великой французской революции 1789–1792 гг., Р. Барт пишет: «... устранение или возвышение слов обладает едва ли не магической действенностью. С устранением слова как будто устраняется и референт: запрет на слово *дворянство* был воспринят обществом как ликвидация самого дворянства» [Барт 1989: 526]. Несомненно, можно найти немало примеров и обратного процесса, когда возникновение слова дает толчок к возникновению в сознании некоего нового для него референта, который со временем обретает статус концепта.

Перманентные динамические процессы, происходящие во время эволюционного развития материи и духа, имеют не только биологические и социальные последствия, сказываются они и на явлениях социодискурсивного и лингвокультурного порядка. Вместе с дискурсивной трансформацией лингвокультурного континуума происходят и кардинальные изменения в языковых картинах мира, сопровождающиеся переоценкой концептуальных единиц. Канули в Лету наши СУББОТНИК, ОЧЕРЕДЬ, МАЕВКА, ПОЛИТИНФОРМАЦИЯ, СОБРАНИЯ, ДОСТАВАТЬ, КОВРЫ-ХРУСТАЛИ, немецкие ARBEITEN, BETEN, SPAREN или KINDER, KÜCHNE, KIRSCHEN, японские ПОКОРНОСТЬ и СДЕРЖАННОСТЬ. Им на смену пришли новые концептуальные ценности (ДЕМОКРАТИЯ, РЫНОК, ОФИС, КАЗИНО, БРЕНД, ПРЕЗЕНТАЦИЯ, ФУРШЕТ, ТУСОВКА, МАЖОР и др.), а также антиценности (БОМЖ, ПРИВАТИЗАЦИЯ, ПРОИЗВОЛ, ДЕРИБАН, ОТКАТ, ОТМОРОЗОК, БРАТКИ, НОВЫЙ РУССКИЙ и др.).

Изменчивый характер концептокорпуса особенно четко виден в политическом дискурсе. Достаточно сравнить набор концептов эпохи СССР (ЛЕНИН, ПОЛИТБЮРО, СЪЕЗД, СЛЕТ, ПРОЛЕТАРИАТ, СОВЕТСКИЙ НАРОД, ДРУЖБА НАРОДОВ, ХОЛОДНАЯ ВОЙНА), его развала (ГОРБАЧЕВ, ГЛАСНОСТЬ, ПЕРЕСТРОЙКА, РАЗРЯДКА НАПРЯЖЕННОСТИ), постсоветских государств (ДЕМОКРАТИЯ, ПАРЛАМЕНТ, РЫНОЧ-

НАЯ ЭКОНОМИКА, СВОБОДА СЛОВА, ФИРМА, НЕЗАВИСИМОСТЬ, ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ). Нет больше в нашем лексиконе и таких концептивных идеологов, как ПИОНЕР, КОМСОМОЛ, ПАРТКОМ, НОМЕНКЛАТУРА, а КОММУНИСТ совсем поменял свою аксиологическую полюсность. В таких случаях нивелируется одна из существенных характеристик концепта – валоративная, тогда как понятийная составляющая характеризуется появлением в языковых единицах какого-либо нового оттенка значения, демонстрирующего изменение отношения социума к тому, что подвергается концептуализации.

Противоположный принцип – *интенсификация* – связан со способом введения в лингвокультурное обращение тех концептов, которые начинают приобретать определенную актуальность в новых социальных условиях. Это связано с тем, что степень актуальности концепта может как уменьшаться, так и возрастать. Некоторые концепты с течением времени не только «устаревают», но и как бы обретают второе дыхание, набирая все бóльшую и бóльшую социодискурсивную значимость. В первую очередь, это касается телеономов СЕМЬЯ, ЗДОРОВЬЕ, СЧАСТЬЕ, БЛАГОСОСТОЯНИЕ, БОГАТСТВО, РАДОСТЬ, УСПЕХ и, конечно, ДЕНЬГИ. Эти и другие не меняющиеся столетиями ценности довольно хорошо вписываются в набор тех пожеланий, которые размещают на праздничных открытках. Как правило, именно такие единицы имеют транскультурную значимость. Например, немецкие энциклопедии предлагают в подобных случаях такие пожелания, как *gegenseitige Liebe / Achtung; viel Glück; feste Gesundheit, glückliche Zukunft; erdenklich alles Gute* и др. [BGRS 1989: 50–61]. Они являются одновременно и общечеловеческими (*взаимная любовь / уважение; счастье; крепкое здоровье; счастливое будущее; всего наилучшего*).

Суть *аккомодации* заключается в приспособлении концепта к новым условиям функционирования. В условиях техномедиакратизации общества и, соответственно, его социодискурсивной трансформации имеют место активные процессы функциональной переориентации определенных лингвокультурных ценностей. Например, такие некогда концептуальные понятия, как КОНЬ, СЧЕТЫ, ИНСПЕКТОР уступили место своим новым функциональным коррелятам (МАШИНА, КАЛЬКУЛЯТОР, КОМПЬЮТЕР, МОНИТОРИНГ), а гоголевский и постгоголевский РЕВИЗОР – АУДИТОРУ. Водоворот времени может не только сметать с исторической сцены одних концептуальных актеров и заменять другими, но и «реанимировать» уже практически забытые.

Нет ничего удивительного в том, что некоторые ценности вчерашнего дня актуализируются в дискурсе дня сегодняшнего. Например, такие «неконцептуальные» когда-то понятия, как ХОЗЯИН и ПРИСЛУГА, позднее стыдливо замалчиваемые советской пропагандой, обретают сегодня словно второе дыхание и становятся

концептуальными (некоторые, правда, в несколько подретушированном виде – *ямщик, извозчик, кучер* → ШОФЕР). Изменение вербальных ярлыков может сопровождаться не только «выбраковкой» концептов, но и расширением набора функционально значимых элементов (ПЕЧАТНАЯ МАШИНКА → КОМПЬЮТЕР, ПРИНТЕР, СКАНЕР).

Интересные размышления в связи с этим предлагает А. Д. Шмелев в отношении «примирения с действительностью в советскую эпоху». Он, в частности, отмечает, что такая христианская ценность, как ПРИМИРЕНИЕ, была надолго изгнана из лексикона человека, а ее аналогом стало отрицательно оцениваемое ПРИМИРЕНЧЕСТВО, вместо которого приветствовался его идеологически выдержанный антипод – НЕПРИМИРИМОСТЬ [Шмелев 2002: 375]. В постсоветское время негативное отношение к ПРИМИРЕНИЮ опять сменилось на позитивное (ср. знаковый фильм Т. Абуладзе «Покаяние» из трилогии «Древо желаний»).

Динамические процессы функционального и этнопсихологического порядка могут существенно затрагивать не только идеологическую сферу, но и сценарии лингвокультурного поведения. Например, «покупки» в сознании советского человека четко ассоциировались с гиперконцептом МАГАЗИН и концептами ГАСТРОНОМ, ПРОМТОВАРЫ, КОМИССИОНКА, БАЗА, СТОЛОВАЯ и др. На глазах одного поколения они переосмыслились в кросс-культурные феномены СЕРВИС, СУПЕРМАРКЕТ, БУТИК, КАФЕ. Процесс приобретения товаров и предоставления услуг, который имел ранее довольно детализированную вербальную маркировку видового порядка (*достать, отстоять, отхватить, вырвать, выбросить*), сменился маркетинговым понятием родового порядка – *покупать* (ШОППИНГ). Одни концепты уходят в небытие, другие остаются дискурсивными маргиналами (ЧЕРНИЛА, ПЕРО, БЛАТ), третьи перековываются на новый лад (ПАРИКМАХЕРСКАЯ → САЛОН, СТОРОЖ → ОХРАННИК, ФИЗКУЛЬТУРА → ФИТНЕСС, ШЕЙПИНГ, РАБОТНИК → МЕНЕДЖЕР, ИЗБИРАТЕЛИ → ЭЛЕКТОРАТ и др.).

В связи со сказанным отметим и те социокультурные трансформации, которые произошли с эпистолярным стилем, широко распространенным с античных времен и до XX ст. (метахтоны рус. ПИСЬМО, укр. ЛИСТ, англ. LETTER, нем. BRIEF). В западной культуре этот дискурс распался на отдельные жанры по сферам использования – приватная (*Einladungen, Dankaussagungen, Absagen, Anzeigen, Entschuldigungen*), деловая (*Werbebrief, Anfrage, Bestellung, Reklamation, Mahnung*), общественная (*Briefe an Bahn, Post, Polizei, Schule*) переписка – и сблизился фактически с текстотипом «заявление». В нашей же лингвокультуре эпистола оказалась вытесненной из системы функциональных стилей, растворившись в официально-деловом, разговорном и художественном дискурсах.

Под давлением узуса и в одной, и в другой культурах самоликвидировалась и когда-то мощная ДКК эпистолярного стиля, а ее отдельные репрезентанты валоративно переосмыслились в концепты MESSAGE, E-MAIL, ATTACH, INTERNET, CHAT, SITE и др., ставшие мощной платформой для развития ментально-информативного пространства виртуального дискурса.

Образование и функционирование концептосистем разного типа идут бок о бок с образованием и функционированием соответствующих дискурсов. Это процессы когнитивно-коммуникативного порядка, которые позволяют homo loquens легко преодолевать трудности, связанные с изо- и полиморфизмом, противоречивостью и непоследовательностью тех концептов и дискурсов, которые уже существуют в социокультуре, и тех новых, которые появляются на ее горизонте. Они же определяют и логику переходов от одного концепта к другому, выведение одних концептов через другие, а также построение новых концептосистем на основе уже имеющихся. Это явление А. П. Бабушкин называет «обновлением концептосферы» [Бабушкин 1997].

В процессе своей исторической динамики ДКК могут изменяться не только на протяжении какого-то неопределенного промежутка времени, но даже на глазах у одного поколения. Очевидно, концептуальный мир человека претерпевает довольно ощутимые трансформации в течение всей его жизни: одни концепты, не успев исчезнуть, сменяются другими, а на повестке дня – уже кардинальные переосмысления третьих. В последнем случае показательным является понятие *налог*, которое из малозначительного для советского человека превратилось в наше время в достаточно серьезную юридическую силу. Скинув с себя оболочку капиталистической ценности, концепты НАЛОГ и СТРАХОВКА в один миг приобрели в глазах постсоветских граждан ту кросскультурную значимость, которая принадлежит им (концептам) по праву. Мир мультикультурных концептов эпохи глобальной технологизации коммуникативного пространства все больше интернационализируется. Правда, вопрос о том, в какой мере и как долго продержатся те или иные ДДК этой эпохи, остается открытым.

Задавая фактуру дискурсивного целого, дискурсивные конфигурации концептов являются диссипативными комплексами, их констелляции характеризуются изменчивостью и текучестью, а концепты – способностью к *миграции* из одной коммуникативной среды в другую, из одной лингвокультуры в другую. При этом их когнитивно-семантические связи меняются, пересекаются, сходятся и расходятся, разъединяются и объединяются. Они могут быть логическими и алогическими, стойкими и нестойкими, а их историческая динамика – прогнозируемой и непрогнозируемой.

Процессы концептуализации внеязыкового мира возводят на пьедестал логосферы одни лингвокультурные ценности и скидывают с него другие. Новые качества приобретают и концептуальные картины мира, которые в ракурсе своей социодискурсивной динамики характеризуются калейдоскопической изменчивостью. Нельзя не согласиться с В. А. Масловой в том, что концепты являются определенными культурно значимыми сущностями только в начале своего появления, но потом, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и видоизменяются [Маслова 2004: 154]. Вместе с ними видоизменяются и концептополя, и дискурсивные конфигурации концептов, тогда как их матрица – концептосфера – остается синергетически стабильной в той мере, в какой она способна регулировать исчезновение и поступление в нее определенных концептоединиц, то есть самоорганизовываться.

4.2. ТРАНСФЕР И МЕРА ТРАНСЛИРОВАННОСТИ КОНЦЕПТОВ

Трансфер концептов связан с тремя возможностями его сообщения / передачи – способностью переходить в процессе общения а) из одной культуры в другую; б) из одной онтологической сферы в другую (напр., миграция из научной в обыденную картину мира); в) от одного говорящего к другому. Поскольку миграция концептов из одной дискурсивной среды в другую уже была нами частично затронута, а проблема индивидуальных заимствований является, скорее, парафией когнитивной психологии, чем лингвоконцептологии, целесообразно остановиться на проблеме межкультурного трансфера концептов.

Межкультурный трансфер концептов предусматривает их *экспорт* или *импорт*. Разграничение этих двух феноменов зависит от угла зрения наблюдателя: если он является представителем лингвокультуры А, то концепт этой культуры К, передаваемый в культуру Б, будет экспортированным. Если наблюдатель принадлежит к культуре Б, то полученный ею в пользование концепт К будет импортированным. Ярким примером экспорта концептов в период распада СССР были ПЕРЕСТРОЙКА и ГЛАСНОСТЬ, а также САМОВАР, импортированные в принимающие лингвокультуры без перевода (в немецкую, в частности – ср.: *die Perestrojka, die Glasnost*). Они же могут быть одновременно и примером различения экспортно активных и экспортно пассивных лингвокультур: к первым относится англо-американская, ко вторым – немецкая, русская, украинская и др. Зато модус активности / пассивности со временем меняется (французская и немецкая лингвокультуры до конца XIX ст. были активными, а английская – пассивной).

Случаи экспорта-импорта концептов без последующей аккомодации в другой этнокультуре наподобие ПЕРЕСТРОЙКИ и ГЛАСНОСТИ довольно редкие. Иногда они обуславливаются тем, что авторы, которые пишут о другой стране, не могут найти в своем языке достойный эквивалент, как, например, в классических случаях использования в английском публицистическом дискурсе русскоязычных вкраплений: *blat*, *besporyadok*, *nomenklatura*, *bespartiiny*, *obshchestvennaya rabota*, *samizdat*, *vozhd*, *vlasti*, *nyekulturno* и др. Узуальный способ заимствования – аккомодация, его «приручение» в инокультурной среде. **Интеркультурная трансляция** концептуального содержания – это его передача, перекодирование, перевербализация средствами другого языка с разной степенью полноты интериоризации понятийного, перцептивного или валоративного компонентов концепта, а иногда и всех вместе.

Чаще всего камнем преткновения для переводчика становится тот фактор, что в разных языковых сознаниях по-разному формируются перцептивно-образные и валоративные компоненты концептов, которые, как правило, редко или совсем не фиксируются словарями, поскольку направлены в основном на лексикографирование понятийного (денотативного) компонента концепта. Тогда его ассоциативная и валоративная составляющие усваиваются только через индивидуальный опыт переводчика, приобретенный им в процессе коммуникативной практики. С другой стороны, из трех структурно релевантных компонентов концепта в той или иной лингвокультуре могут либо актуализироваться не все (и тогда концептуальная квалификация языковой единицы становится проблематичной), либо актуализироваться по-другому (и тогда вопрос об объективации концепта переходит в плоскость контрастивной концептологии). Живое пульсирование концепта в триедином ритме «понятие – ассоциация – ценность» становится методологической предпосылкой переводоведения.

Содержание, подлежащее трансляции в другую лингвокультуру, преломляется в сознании переводчика в соответствии с его знаниями об устройстве когнитивной базы принимающей лингвокультуры. Являясь этноспецифично окрашенными ментальными образованиями, концепты представляют собой значительную проблему при межкультурной трансляции. Очевидно, когда ученые говорят о возможности перевода какого-либо концепта при помощи его презентации в другой вербальной упаковке [Фесенко 1999: 5], они имеют в виду на-национальный характер понятия – логико-когнитивный субстрат концепта. Этноспецифичный же характер концепта может причинять значительные трудности при трансляции в другую лингвокультуру. Не находя своего отражения в новой инофонной среде, такой концепт лишен каких-либо соответствий в другом языке.

В этом случае возникает проблема отсутствия / наличия компарабельных соответствий, что позволяет говорить, по крайней мере, о трех основных моделях кросс-культурной трансляции концептов:

- универсальность концептуального содержания транслированного концепта для двух лингвокультур – производной и принимающей (полная транслированность);
- наличие у принимающей лингвокультуры вербальных репрезентантов, способных частично передавать содержание транслированного концепта (частичная транслированность);
- отсутствие вербальных репрезентантов концепта в принимающей лингвокультуре (лакунарная транслированность).

Полная (эквивалентная), частичная (пересекающаяся) и лакунарная (безэквивалентная) модели трансляции концептов прямо или косвенно затрагивают проблему совпадения / несовпадения семантических признаков в трехслойной структуре концепта. За основу анализа целесообразно взять идею В. Н. Манакина [2004: 129] о типах межъязыковых семантических отношений между лексическими единицами, которая в экстраполяции на концептологический материал базируется на трех основных моделях трансляции концептов (рис. 4.2).

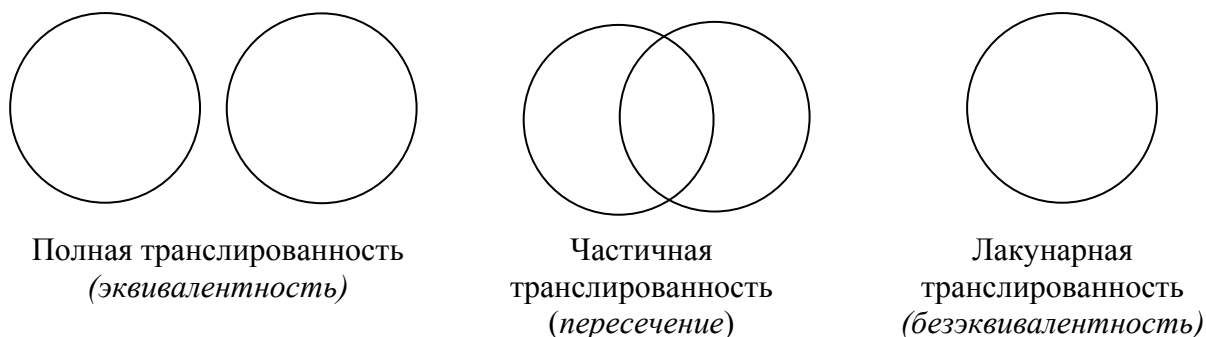

Рис. 4.2. Модели межъязыковых отношений при трансляции концептов

Полная транслируемость (эквивалентность) возможна тогда, когда концепт является универсальным, а в целевой лингвокультуре имеются его четкие и однозначные вербальные репрезентанты. Последние представляют собой те концептуальные ценности, которые являются наднациональными. Трансляция универсальных (категориальных, теософских, телеономных, морально-этических) концептов вообще не составляет особых трудностей до тех пор, пока они функционируют в пределах общечеловеческих представлений о мире. Примерами полной транслированности могут быть категориальные концепты (ПРИЧИНА → URSACHE / CAUSE / CAUSE, ПРОСТОР → RAUM / SPACE / ESPACE, ВРЕМЯ → ZEIT /

TIME / TEMPS), теософские (ВЕЧНОСТЬ → EWIGKEIT / ETERNITY / ÉTERNITÉ, ДОЛЯ → SCHICKSAL / DESTINY / DESTAN, ДУША → SEELE / SOUL / ÂME, ДУХ → GEIST / SPIRIT / ESPRIT), телеономные (ЗДОРОВЬЕ → GESUNDHEIT / HEALTH / SANTÉ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ → GERECHTIGKEIT / JUSTICE / JUSTICE, УСПЕХ → ERFOLG / SUCCESS / SUCCES, РАДОСТЬ → FREUDE / JOY / JOIE, СЧАСТЬЕ → GLÜCK / HAPPINESS / BONHEUR). Однако, когда универсальный концепт получает определенную национально-специфичную коннотацию, переводчик должен решать проблему его адекватной передачи средствами целевого языка.

Частичная транслируемость (пересечение) концепта является самым распространенным способом перевода концептуальных единиц с одного языка на другой. Он основывается, по меньшей мере, на двух возможностях – идиосинкразической и мозаической. Первый случай реализуется тогда, когда концептуально дискретные единицы одного языка коррелируют с ментально недискретными единицами другого. Это касается, например, идиосинкразических пар ПРАВДА и ИСТИНА (англ. *truth* / нем. *Wahrheit* / фр. *vérité* / исп. *verdad*), ВОЛЯ и СВОБОДА (англ. *freedom* / нем. *Freiheit* / фр. *liberté* / исп. *libertad*), ДРУГ и ПРИЯТЕЛЬ (англ. *friend* / нем. *Freund* / фр. *l'ami* / исп. *amigo*), ВЛАСТЬ и СИЛА (англ. POWER, MIGHT, FORCE / нем. MACHT, KRAFT), представленными в указанных языках синкретически.

Подчеркивая, что в связанных в тесную пару словах *правда* и *истина* в русской культуре заложена своеобразная духовная ценность, Ю. С. Степанов пишет: «У других европейских народов им соответствует по одному слову <...>, более или менее прямо передающему значение русского «истина», и, следовательно, значительная доля русского парного понятия остается там не концептуализированной» [Степанов 1997: 318]. Нет четких и однозначных соответствий между нем. SÜNDE, SCHULD и LASTER и рус. ГРЕХ, ВИНА и ПОРОК, а также рус. ПРИЧИНА и нем. URSACHE, GRUND, BEWEGGRUND. Даже в пределах близких культур, формировавшихся в тесном взаимодействии, объем понятий, заложенных в слове, не всегда совпадает. Так, английский язык не разводит принципиально важные для нас понятия ЗАКОН и ПРАВО, а выражает их одним номинантом LAW, тогда как родственный ему немецкий – двумя (GESETZ и RECHT). Аналогично с рус. ЛЮБОВЬ и укр. ЛЮБОВ и КОХАННЯ.

Любой межкультурный контакт предполагает обязательную передачу концептуального содержания средствами принимающей лингвокультуры. В зависимости от большей или меньшей степени сходства культурных и языковых кодов контактирующих культур может быть установлен тип эквивалентности для языковых единиц, при помощи которых культура-реципиент вербализует концепт. Репрезентанты инофонного концепта – это либо частичные,

либо абсолютные (полные) его эквиваленты. Чаще всего такую проблему создают этноспецифичные концепты.

В зависимости от природы транслированной концептуальной информации и условий протекания коммуникации результат перевода может быть разным. Так, если транслируется универсальная или общая для двух лингвокультур концептуальная информация, содержательных потерь и коммуникативных сбоев, как правило, не бывает. При передаче же культурно маркированного содержания возможны и сбои, и утрата части транслированного содержания.

Объяснением этому, возможно, может служить тот факт, что картины мира двух контактирующих культур разные, поскольку, как известно, в них по-разному происходит языковое членение мира. Соответственно, разными являются и когнитивные базы, а потому несходные концептуальные смыслы, реализующиеся в них, оязыковываются иначе. Оптимальный вариант интеркультурной трансляции концептов обуславливается не только общностью смыслового содержания на входе и на выходе (эквивалентностью), но и наличием соответствующей установки транслятора на этноспецифичность концептуальной системы реципиента, являющегося представителем другого лингвоментального комплекса (адекватность).

Когда в принимающей культуре имеются вербальные репрезентанты, способные лишь частично доносить смыслы транслированного концепта, то в этом случае последний реализуется *мозаически*, т. е. мозаикой смыслов нескольких концептов принимающей лингвокультуры. Тут возникает проблема или частичного отсутствия, или, наоборот, наличия нескольких компарабельных соответствий. Так, перевод концепта НАЧАЛЬНИК возможен несколькими способами, например, на немецкий (*Vorstand, Obrigkeit, Chef*), на английский (*head, chief, boss, foreman, superior, supervisor*), на французский (*chef de l'entreprise, patron, le PDG /président directeur général/*), но ни один из них не соответствует тому специфическому содержанию, с которым он ассоциируется у нас. То же самое касается ПРАВДЫ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, СОГЛАСИЯ и других этноспецифичных единиц, с большими трудом поддающихся перекодированию на другие языки.

Широкий анализ трансляционных возможностей русского концепта ТОСКА во французскую лингвокультуру приводит Е. В. Димитрова. Исходя из того что этот концепт не имеет своего однозначного соответствия, она доказывает, что практика его перекодирования затрагивает не саму понятийную базу, а эмотивные начала, актуализирующиеся в русском языке опосредованно. При трансляции во французскую лингвокультуру переводчики обычно концентрируют свое внимание на эмотивно-образном компоненте концепта ТОСКА, что вызывает

его значительные трансформации, а потому до франкофонного реципиента доходит только часть того целого, каковыми являются связанные между собой эмотивные смыслы ТОСКИ в русской лингвокультуре. Из-за расхождения концептуальных систем двух языков нарушаются внутренние связи между отдельными смыслами этого концепта, в результате чего эмотивная лакунарность его французских эквивалентов заполняется или компенсируется чем-то таким, чего нет в исходной культуре [Димитрова 2001: 135].

Е. В. Димитрова подчеркивает, что в структуре русского концепта ТОСКА имеют место такие коннотации, как «томление», «грусть», «печаль», «скука», «уныние», «тревога», «ностальгия», «сожаление об утраченном», «стремление к чему-то, что пока не происходит», «тоска по любимым, близким людям». Для этих эмотивных по своей природе смыслов можно найти вербальную оболочку и во французском языке, но лексикализированного концепта (слова), способного объединить в своей семантике всю смысловую палитру русского концепта, во французском не существует. Не существует таких эквивалентов и в английской, немецкой, испанской и других лингвокультурах. Это же касается и украинского языка, так как семантически наиболее близкие к рус. ТОСКА украинские ТУГА и ЖУРБА не могут быть признаны его эквивалентами.

Е. В. Димитрова демонстрирует это на конкретном материале. В зависимости от того, какой смысл доминирует в исходном высказывании, транслятор подбирает наиболее выразительный его эквивалент именно по той причине, что для каждого из эмотивных проявлений концепта ТОСКА можно найти французскую вербальную оболочку («томление» → *tourments, angoisse*; «грусть» → *tristesse*; «печаль» → *chagrin*; «скука» → *ennui*, «уныние» → *abattement, tristesse, idées noires*; «хандра» → *spleen, cafard*; «тревога» → *anxiété, angoisse, inquiétude*; «тоска по Родине» → *nostalgie, mal du pays*; «сожаление об утраченном» → *regret de qch*; «тоска по любимым, близким людям» → *s'ennuyer de qn.*). Концепт ТОСКА и его французские эквиваленты имеют разный смысловой потенциал, который покрывается лишь суммой потенциалов его эквивалентов [Димитрова 2001: 104].

Предложенный Е. В. Димитровой анализ и наблюдения над эмпирическим материалом подтверждают, что в пределах этой трансляционной модели эквивалентность компарабельных концептов можно квалифицировать как частичную и говорить о концептуальной асимметрии, проявляющейся в возможности перекодирования концептов одной лингвокультуры в концепты другой. В пределах этой модели происходит калейдоскопически вариативная репрезентация соответствующего концепта в другой лингвокультуре.

Лакунарная транслированность концепта имеет прямое отношение к «нулевой» эквивалентности (безэквивалентность) и затрагивает сферу отсутствия в целевой культуре подходящих вербальных репрезентантов. Лакуна – это «виртуальная лексическая сущность, семема, которая не имеет материального воплощения в виде лексемы, но способна проявляться на уровне синтаксической объективации в случае возникновения коммуникативной потребности концепта» [Быкова 1999: 42]. Поэтому не случайно В. П. Нерознак [1998: 85] считает концептами только те семантические образования, которые стоят за словами, не нашедшими однословных эквивалентов при переводе на другие языки.

Наличие определенного концепта в одной лингвокультуре и его отсутствие в другой дает право говорить о категории *лакунарности* и характеризовать ее в параметрах несоразмерности, непонятности, необычности, экзотичности, неточности и даже ошибочности. О лексических лакунах, обнаруживаемых только на фоне других языков, пишет и О. А. Корнилов, но его мысль релевантна и для концептивных лакун: «Определенным концептам того или иного языка в других языках может не находиться даже приблизительных соответствий, т. е. определенные информемы в одних языках, становясь поименованными, переходят в разряд концептов, а в других – нет. Лексические лакуны становятся очевидными только при сопоставлении с другими языками. Вне сопоставления они не осознаются носителями языка» [Корнилов 2003: 180].

Классическим примером безэквивалентного построения концептов в европейских культурах являются рус. GLASNOST, PERESTROIKA, VODKA, SPUTNIK, MATRIOSHNKA, APPARATCHIK, DACHA, BORTSCH, SAMOVAR, TROIKA, BALALAIKA (относятся к десяти самым распространенным в мире русскими концептам), укр. ГОПАК, ВИШИВАНКА, РУШНИК, ПИСАНКА, КУМ, БУДЬМО и др. Наоборот, в этих языках отсутствуют такие немецкие концепты, как GESCHWISTER «брат и сестра вместе», PLÄDOYER «речь перед судом» и др. Не имеют в русском и украинском своих лексических эквивалентов фр. ÉDITORIALISTE, ÉCHANGISTE, CHAPERON, а их передача возможна лишь вольными словосочетаниями: «тот, кто пишет передовицы в газете», «тот, кто обменивается» (напр., квартирами), «пожилой человек, сопровождающий девушку в целях безопасности или пристойности». Другими примерами лакунарных концептов (ксенонимов) являются: рус. УМИЛЕНИЕ, ЛУКАВСТВО, РАЗГУЛ, СКЛОКА, фр. BOUILLABAISSE, нем. GEMÜT, брит. DERBY, амер. CHALLENGE, PRIVACY, EFFICIENCY. Последние, вероятно, можно объективировать в других лингвокультурах через их атрибуты (*materialistic, self-righteous, self-made, competitive, cooperative*), отражающие типовые характеристики американцев. И. А. Голубовская, анализируя китайские концепты QI, YIN, YANG,

MING, заявляет, что они могут быть актуализированы в других языках только описательным способом [Голубовська 2004: 135].

Вне сомнения, все трудности при «переодевании» того или иного концепта в убранство другой лингвокультуры связаны с его многомерностью, а точнее, с его трехслойностью. Понятия можно ввести в другой язык либо при помощи прямого трансфера, подобно уже упомянутым *Perestrojka* и *Glasnost*, либо при помощи калькирования (нем. *Umbau, Transparenz*), но две другие ипостаси – материал для творческих мук переводчика. Прежде всего ими будут окутаны трансляционные решения, касающиеся валоративов той или иной лингвокультуры.

То обстоятельство, что концепт, который существует в одном языке, не имеет прямого эквивалента в другом, свидетельствует об отсутствии в последнем соответствующего расчлененного понятия. В. Набоков в свое время детально описал русский концепт ПОШЛОСТЬ в биографии Гоголя, предназначенной для американских читателей. Он отмечает, что английские слова *cheap, sham, common, smutty, pink-and-blue, in bad taste; inferior, trashy, scurvy, tawdry, gimcrack* отражают классификацию ценностей определенного периода времени, тогда как рус. ПОШЛОСТЬ неподвластно времени (цит. по [Леонтович 2005: 117]).

Декодирование / понимание эквивалентов инофонного концепта в целевом языке осуществляется в соответствии с общими законами восприятия: реципиент трансформирует полученную информацию из вербального кода в когнитивные структуры и соотносит их со своей когнитивной (эпистемической) базой, а потом – в зависимости от актуальности и значимости этого содержания – либо фиксирует в структурах долговременной памяти, либо постепенно утрачивает. В большинстве случаев эквиваленты этнокультурного концепта не осознаются как таковые носителями целевой лингвокультуры. «Инокультурность» может ощущаться только при реализации той трансляционной стратегии, при которой в полном объеме передается содержание культурных коннотаций, т. е. ставится цель максимально полного отображения национальной специфики и делается особый акцент на эквивалентности и адекватности.

Таким образом, трансфер концептов из одной лингвокультурной среды в другую, в основе чего лежит идея экспорта-импорта, может опираться на абсолютные, частичные или нулевые вербальные эквиваленты. Наличие в целевой лингвокультуре абсолютных вербальных эквивалентов свидетельствует об общности исходного и целевого концептуальных смыслов. Трансфер концепта через частичные эквиваленты свидетельствует, с одной стороны, о наличии его определенных признаков в целевой культуре, а с другой, – о структурно-смысловой асимметрии взаимодействующих концептуальных систем. В том случае, когда

инокультурный концепт не имеет ни полных, ни частичных эквивалентов, можно говорить об отсутствии такого концепта в целевой лингвокультуре и о единственно возможном способе его передачи – описательном. Полный, частичный или дескриптивный результат трансляции концептов из одной лингвокультуры в другую прямо пропорционально зависит от степени их универсальности и градуса этноспецифичности.

Стратегическая миссия перевода состоит не только в пропаганде некоторой культуры на общецивилизационной арене, но и в усвоении духовных ценностей одного народа другим. Переводчик всегда должен принимать во внимание и свое основное кросс-культурное предназначение – способствовать взаимообогащению национальных культур для достижения консенсуса и взаимопонимания народов. Функция межкультурной трансляции концептуальных смыслов – сохранение общечеловеческих ценностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к феномену «(лингво)концепт» стимулировалось осознанием того факта, что вопреки наличию многочисленных работ соответствующей тематики, его когнитивно-дискурсивная природа все еще не нашла удовлетворительного освещения. Необходимость всестороннего описания когнитивно-коммуникативного статуса этого ментального образования в трихотомии «форма – содержание – функция» с позиций новейших достижений языкознания связана с анализом его системно-языковых свойств, а также путей и способов реализации в речи.

В настоящей работе *лингвокогнитивная модель концепта* рассматривается как синтез трех составляющих – понятия, образа и оценки. Понятийный субстрат отражает денотативную основу концепта, перцептивно-образный фиксирует его ассоциативный и метафорический фон, поддерживая его в языковом сознании, а ценностный (валоративный) указывает на место, которое он занимает в лингво- и этнокультуре этноса. Концепт возникает как идеальный феномен психо-лингво-культурного порядка, понятийное начало которого, проходя сквозь сито перцептивно-образных ассоциаций, органически сочетается с ценностным и находит свое материальное воплощение в знаковых формах.

Между идеальной сутью концепта и его материально-семиотическим воплощением нет изоморфизма: языковая реализация определенного концепта не имеет привязки к определенному слову. В этом смысле концепт является дисперсным ментальным образованием: будучи «рассеянным» среди языковых знаков, он может быть выраженным целым рядом вербальных и даже невербальных средств и возникать как кодово-вариативное явление, которое в каждом акте реализации сохраняет свое тело, но меняет «одежду».

Кодовая вариативность концепта опирается на два типа его отношений со знаком – апелляцию и (ре)презентацию. С точки зрения техники кодирования информации говорящим концепт возникает как акт апелляции к знаку, и в этом смысле он является принципиально открытым для альтернативных средств своей реализации (паттерн «концепт > знак/и»). Из декодирующей перспективы адресата концепт является результатом своей знаковой (ре)презентации (паттерн «знак/и > концепт»). Между обоими паттернами существуют отношения взаимодетерминированности: концепт апеллирует к знаку, знак (ре)презентирует концепт, а процесс опредмечивания последнего является процессом поиска входа в него и выхода из него.

Обращенность концепта к знаку, а знака к концепту свидетельствует о симбиозе процесса и результата трех когнитивно-дискурсивных свойств этой ментальной единицы: концепт как результат процесса познания, концепт как результат процесса языкового ассоциирования, концепт как движение от лингвокультурной потенции к текстовой реализации. В алгоритме языковой реализации концептов отражена диалектика общего и частного, особого и специфичного, возможного и действительного, а их системное описание достигается путем анализа всего потенциала средств их семиотической репрезентации.

Семиотическая репрезентация концепта осуществима благодаря разветвленному вербальному ресурсу, предлагаемому языковой системой и речевой практикой. Концепт может апеллировать к целому ряду синонимов, лексико-семантических полей, паремий, прецедентных имен, символов, произведений искусства, ритуалов, объектов материальной и духовной культуры и пр. Широкая семиотическая гамма концепта прямо связана с его значимостью для лингвокультурного коллектива, а также с аксиологической или теоретической ценностью того внеязыкового явления, которое воплощено во всем его когнитивно-семантическом объеме.

Однако не все концепты имеют вербальную оболочку, но в той или иной мере они всегда могут быть верифицированы в дискурсе, когда в этом возникает необходимость. Поскольку слова сигнализируют в общении актуальные признаки концептов, то ни одно слово, использованное в коммуникативном акте, не может выразить все содержание концепта, да и само это содержание в силу своего глобального объема едва ли может быть востребованным в полной мере. Для лингвиста это означает, что исчерпывающего описания концепта не бывает в принципе, а бывает лишь более или менее максимальное приближение субъективной исследовательской мысли к нему (анализ словарных дефиниций, паремийных текстов, описание индивидуально-авторских расширений содержания с учетом этимологии слов – носителей концепта, эйдемичных средств (тропов, метафор, аллюзий, ассоциативных экспериментов и т. п.). При этом исследователь должен осознавать ту истину, что объект его наблюдения всегда богаче тех признаков, свойств и черт, которые в нем обнаруживает субъект наблюдения.

Вместе с тем субъективная исследовательская рефлексия позволяет не только сосредоточить внимание на каком-то одном концепте, но и подняться в своем обобщении на ступеньку выше и охватить весь концепткорпус. Одним из возможных путей такого охвата является осмысление последнего в спектре устоявшейся трихотомии «синтактика – семантика – прагматика». Это допускает интерпретацию концепта как дискретно-холистической единицы в триединстве ее структурных, когнитивно-семантических и функционально-коммуникативных

измерений, что допускает рассмотрение типологической организации концептокорпуса в рамках таких бинарных оппозиций, как «параметричность» / «непараметричность», «универсальность» / «специфичность», «регулятивность» / «нерегулятивность», «позитивность» / «негативность».

Использование этих признаков в разных конstellациях позволяет выделять классы и подклассы концептов типа однословных и многословных, категориальных, фило- и теософских, телеономных и антропоморфных, эмотивных и биовитальных, ритуальных и профессиональных, а среди них – базовые и символичные константы культуры, идеологемы и мифологемы, натур- и артефакты, прецедентные онимы и этнокультурные типажи. При решении специфических исследовательских задач можно также оперировать такими понятиями, как метаконцепты, архиконцепты, суперконцепты, антиконцепты, текстоконцепты, концептосимволы, концепт-идеи и пр. Тем не менее, таксономическая экспансия не может быть бесконечной, а должна оставаться в сурово определенных рамках избранной и надлежащим образом обоснованной исследователем своей теоретико-методологической позиции, иначе возникает риск выплеснуть с водой ребенка или впасть в грех научного субъективизма.

Общая природа концептивного содержания задается соотношением универсальных и этноспецифичных компонентов семантики, определяющих мультидисциплинарное описание концепта с помощью таких феноменов, как «культура», «менталитет», «этнос», которые в состоянии предоставить более или менее исчерпывающую информацию о ментальности соответствующего этно- и лингвокультурного сообщества, его национальном своеобразии и его неповторимости. Они же позволяют интерпретировать концепт как мерную единицу менталитета, наиболее существенные свойства которой определяются ценностными ориентирами социокультурного и этнопсихологического порядка.

Лингвокультурная интерпретация концепта как ментальной единицы напрямую связана с феноменом «менталитет». Он глубже и сложнее тех представлений о нем в наивной картине мира, которые отождествляют его со странным и непонятным ей в характере, привычках и традициях других народов. Менталитет есть а priori заданная склонность и внутренняя готовность человека совершать что-либо именно так, как принято в среде его обитания. Он является симбиозом потенциального и реального, сферой автоматических поведенческих реакций и привычек, обусловленных этнической психологией. Этнический менталитет базируется на системе национальных ценностей, которые интериоризируются языковым сознанием в виде концептуальных доминант – ценностных ориентиров этно- и лингвокультуры, ставших приоритетными для всех ее представителей.

Несмотря на то что концептуальный референт коррелирует обычно с высокоабстрактным понятием, ценностные доминанты отличаются эмоциональностью содержания, насыщенностью ассоциативного ряда, глубиной валоративного освоения. Они определяются как этническим менталитетом, так и особенностями социокультурной эволюции этноса. Предлагаемый в работе анализ концептуальных доминант немецкой этнокультуры – абсолютных и регулятивных – свидетельствует о таких транскультурных свойствах, как конвенциональность, прескриптивность, дидактичность, психологичность.

Конвенциональная природа концептуальных доминант связана с кодексом жизненных установок человека, способных упорядочивать его поступки и действия в мире и определять их прескриптивно-регулятивный характер (ориентир на определенный шаблон, предписание, правило, норму). Будучи регулятивно-нормативно-оценочными концептами с целевой основой, они излучают своеобразные дидактико-воспитательные импульсы, которые определяют жизненный мир человека и тем самым содействуют выработке культурных и фреймовых сценариев его поведения в социуме. Основанные на системе установок и прогнозируемых поведенческих реакций, концептуальные доминанты коррелируют с определенными архетипными образами, укоренившимися в коллективном подсознательном, где они наделяются большой психической энергией, а потому способны приобретать символичные черты и разрастаться до масштабов идеала. Задавая ценностные ориентиры этноса, концептуальные доминанты очерчивают специфические особенности этнического менталитета и позволяют судить о параметрических признаках соответствующего типа культуры с его особыми представлениями о мироустройстве и правилах поведения в нем.

Указанные принципы иллюстрируются в работе на примере доминантной идеи немецкого лингвокультурного пространства – телеономного валоратива *ORDNUNG*, высшей лингво-психо-культурной ценности, которая воплощает тот идеал, что создает моральную и духовную оправданность бытия. Через знаковый код языка он входит в духовный мир человека, становится одной из важнейших констант формулы немецкой ментальности, нередко сакрализируется и служит своеобразным энергетическим стимулом для отдельных ее носителей. В этом смысле *ORDNUNG* есть «зонтичный» концепт по отношению к другим лингвокультурным единицам, определяющим специфику немецкой ЯКМ.

Авторское видение проблемы концептуальных доминант никоим образом не претендует на истину в последней инстанции, а во многом оказывается и спорным, но ясно одно: то, что задевает струны души, можно и нужно изучать ради познания этнических ценностей. И в этом отношении существует

довольно значительный пласт концептивных единиц, который еще должен быть осмыслен с учетом разных тематических доменов, региональных отличий и вариантов кодифицированных литературных языков, где могут актуализироваться одни ценности, воплощенные в слове, и нивелироваться или игнорироваться другие.

Концепты, отличаясь друг от друга степенью абстрактности, ассоциативной гаммы и валоративной насыщенности, существуют в картине мира не хаотически и не изолированно, а только через взаимосвязи с другими концептами – через паттерн организации, в котором они пересекаются, комбинируются и взаимодействуют. Они бытуют и функционируют в социокультурном пространстве в четко определенных рамках системы, алгоритм которой задается принципами множественности, связи, целостности и структурированности, а механизм – принципами линейности и иерархичности, изо- и полиморфизма, симметрии и асимметрии, статики и динамики.

Системная организация концептокорпуса с ее алгоритмом, механизмами и принципами поддерживает существование концептов в логосфере этноса в виде определенным образом упорядоченных групп – концептосистем. Последние включают в себя, по меньшей мере, три типа субсистем – объект-систему первой инстанции (концептосфера), систему однородных объектов второй инстанции (концептополе) и множество объектов-систем третьей инстанции (дискурсивные конфигурации концептов). Но существуют подсистемы и четвертой (набор концептов, характерный для определенных социальных страт) и даже пятой инстанции (индивидуальный набор концептов отдельной личности).

Концептосфера представляет собой совокупность всех имеющихся в том или ином языке ментальных единиц, выработанных ее носителями в ходе этно- и лингвокультурной эволюции. Будучи своеобразным «банком» объективно существующих и таксономически разных ментальных единиц этноса, она является феноменом гетерогенного порядка, в котором вся концептивная палитра упорядочивается в виде участков, формируемых по принципу структуры и системы. Двумя основными субсистемами концептосферы являются концептополя и концептоконфигурации.

Полевое устройство концептокорпуса описывается в терминах иерархических структур, хранимых в памяти носителей языка в виде прототипических ядер / эталонов и подчиненных им элементов. При таком подходе когнитивно-семантическое пространство предстает в виде определенного континуума, в котором можно выделить своеобразные семантические «сгустки». С учетом этого факта можно различать два принципиально разных явления – концептополе

макро- и микроуровня. Первое имеет черты идиополя отдельно взятого концепта, тогда как второе и есть собственно концептивное поле. Оно включает в себя определенное множество ментальных единиц, имена которых объединены некоторым общим, сквозным семантическим стержнем.

Концептополе микроуровня (идиополе концепта) представляет собой совокупность ментальных единиц, объединенных общностью содержания и сгруппированных вокруг одного ядерного концепта (архиконцепт). Все они отражают понятийную и функциональную близость обозначаемых явлений, но отличаются от архиконцепта степенью своего ассоциативно-образного и валоративного освоения. В силу этого идиополе предстает как способ упорядочения набора синонимических вариантов определенного концептуального инварианта.

Концептополе макроуровня есть ментально и семиотически разработанная область когнитивно-семантического пространства, являющаяся таким интегрированным целым, существенные признаки которого формируются взаимосвязью частей по модели центра и периферии. Концептополевые (суб)системы представляют собой иерархически структурированные группировки концептов, организованные по принципу матрешки – включенности друг в друга таксонов высшего и низшего порядка (макроконцепт \subset гиперконцепт \subset гипоконцепт \subset мезоконцепт \subset (ката)концепт), где каждая сопредельная пара образует по принципу «матрица – конституент» автономную подсистему – концептивный домен. Интегрирующим моментом полевых систем макроуровня является качество связей, которое позволяет говорить о концептополях времени, пространства, состояния человека, эмоций, ритуалов, астрала и пр.

Дискурсивная конфигурация концептов – подсистема третьей инстанции – является способом ситуативного упорядочения определенного множества концептов на основе когнитивно-коммуникативной целесообразности. Речь идет о таком наборе концептов, которому вольно или невольно отдается предпочтение в соответствующей коммуникативной ситуации. При этом их отбор зависит от трех дискурсивных факторов – среды, режима и стиля общения. В отличие от концептополей, ДКК формируются на основе социодискурсивных факторов. Они и запускают механизм перегруппировки концептов в дискурсе по схеме внешнего контура (абрис). Такие ДКК образуют концептивную карту / каркас дискурса и определяют его когнитивно-информационный профиль.

Дискурсивные конфигурации возникают и функционируют как группировка концептов в рамках определенных концептополей и входят вместе с ними в систему высшего порядка – концептосферу. Когнитивно-коммуникативный

дуализм концептосферы согласуется с основными законами системологии, в т. ч. и с постулатом о том, что всюду в мире существуют системы, вкрапленные в другие системы. В экстраполяции на объект нашего внимания это означает, что концептополя относятся к уровню языка и покрывают когнитивно-семантические пространства, а концептоконфигурации – к речи, где они «обслуживают» социодискурсивные пространства культуры.

Концептивное пространство дискурса образуют ментальные единицы разного когнитивно-коммуникативного статуса – метакхтонные, автохтонные и аллохтонные концепты. Метакхтоны маркируют имя дискурса и выступают терминологическими фиксаторами основных понятий соответствующей области знания. Автохтоны (генеративы) – системообразующие константы дискурса, которые, реализуясь в нем с регулярным постоянством, образуют узуальный, типичный, характерный, высоковероятный и прогнозируемый их набор. Аллохтоны являются ментальными переменными дискурса, используемыми в нем окказионально, произвольно и нерегулярно. Имея «прописку» в когнитивно-семантическом пространстве другого дискурса, они оказываются ситуативно перенесенными (импортированными, заимствованными) в данный дискурс для выполнения определенных когнитивно-коммуникативных функций, т. е., говоря метафорически, для оркестровой поддержки сольной партии автохтонов.

На фоне отсутствия одно-однозначных соответствий между концептом и дискурсом в когнитивно-коммуникативной организации последнего можно отметить наличие определенного рода конфигуративного дуализма, обнаруживающего два пути его изучения – дискурсоцентрический и концептоцентрический. Первый допускает движение научной мысли от дискурса к концепту (дискурсивная концептология), второй – от концепта к дискурсу (концептология дискурса). В зависимости от фокуса исследовательского внимания целесообразно различать два концептуально релевантных типа дискурсов – закрытые и открытые и два дискурсивно релевантных типа концептов – моно- и полидискурсивные.

Одним из плодотворных направлений когнитивно-коммуникативного анализа является изучение концептивной организации дискурса по дистрибутивному принципу, который предполагает совместную встречаемость концептов и, соответственно, частотность их использования в конституированных дискурсом текстах, жанрах и стилях. Здесь можно говорить, по крайней мере, о трех типах конфигуративных отношений между концептами – субординативных, координативных и имплицативных. Дистрибутивная сочетаемость одного концепта в дискурсе с другим напоминает тот тип связей, который называют валентностью.

В отличие от валентных свойств слова, парадигматические и синтагматические связи которого могут быть обязательными, факультативными и свободными, сочетательные свойства концепта лежат в плоскости эпидигматики и чаще всего реализуются путем конгломерации – объединения и пересечения концептов в пределах определенной дискурсивной формации, где каждый из них сохраняет свои черты и свои свойства. Конгломерация является феноменом функционального порядка: она способна вовлекать концепты во множество разнообразных отношений, конфигураций и связей, в результате чего возникает такое явление, как концепт-связка – условное промежуточное звено, опосредующее логико-смысловое сцепление автохтонов и аллохтонов. Объединенные таким способом концепты получают некоторую новую дискурсивную функцию, а актуализация одного из них неизбежно вызывает актуализацию другого. Системологическая специфика интерконцептных отношений существенно важна не только для осознания когнитивной сети дискурса, но и для всей его логико-смысловой и структурно-композиционной архитектоники.

Рассмотрение двух ведущих категорий когнитивно-коммуникативной парадигмы лингвистики – концепта и дискурса – в одной «упряжке» позволяет изучать их по меньшей мере в двух исследовательских ракурсах: анализ дискурса в апеллировании к разным концептам; анализ концепта в апеллировании к разным дискурсам. Первый конституирует концептуальное пространство дискурса, второй – дискурсивное пространство концепта.

Когнитивно-коммуникативный паттерн *«концепты в дискурсе»* связан со схемой формирования когнитивной карты дискурса путем преимущественного использования ментальных единиц под «давлением» трех селективно релевантных факторов (дискурсивных категорий) – среды, модуса и стиля общения. Каждый дискурс оказывается способным образовывать свою собственную концептосистему из конфигураций типологически разных ментальных единиц. Их отбор и комбинирование зависят от многих факторов: речевых интенций, социороловой структуры адресантно-адресатных отношений, техник кодирования агентов и декодирования клиентов дискурса и пр. Вступая между собой в разнообразные связи (дистрибутивные, конгломеративные), приобретая статус метахтона, автохтона или аллохтона и при этом градуируясь в виде «инстанций» и/или «эшелонов», такие конфигурации способны создавать специфический, а иногда и неповторимый ментально-информационный портрет дискурса.

Анализ в паттерне *«концепт в дискурсах»* базируется на идее того, что концепт или его идиополе обладает определенного рода когнитивно-семантической

избирательностью относительно возможностей своей актуализации в том или ином дискурсе, т. е. способностью или неспособностью сочетаться с себе подобными в процессе своей реализации. Это приводит к тому, что один и тот же концепт может преферентно использоваться в одном дискурсе и вести себя индифферентно по отношению к другому. Однако преобладающее большинство концептов не имеет жесткой привязки к какому-либо одному дискурсу, а может функционировать в двух, трех и больше, что опять-таки зависит от категориального статуса дискурса – модуса, среды или стиля общения. Концепт оказывается а priori наделенным таким потенциалом, который обеспечивает его апеллирование к разным дискурсам. В этом смысле концепты являются неким когнитивным стандартом в организации дискурсов, текстов и жанров, основой лингвокогнитивного моделирования социодискурсивных пространств.

Изучение дискурсивных реализаций концепта чрезвычайно важно прежде всего для моделирования его структуры. Поскольку дискурс есть одновременно и среда бытования, и инструмент реализации концептов, в нем происходит актуализация их скрытых свойств (синонимическая объективация, метафорическая субъективация, стилевая версификация и т. п.). Дискурс позволяет вовлечь в сферу анализа вариативную компоненту концепта, которая возникает в результате его функционирования в разных типах вербальной коммуникации, в разных речевых жанрах, в разных социокультурных стратах и в разных идио-стилях. В результате постоянных «интеллектуальных атак» со стороны агентов и клиентов дискурса концепт обогащается новыми свойствами, признаками и чертами и тем самым расширяет и углубляет свою структуру. Однако дискурсивная практика имеет и оборотную сторону медали: она может приглушить, нейтрализовать и даже нивелировать отдельные признаки концепта, а в некоторых случаях и деканонизировать сам концепт как лингвокультурную ценность.

Существование концептов в лингвокультуре, объективируемое в виде поля, и их субъективная реализация в виде дискурсивных конфигураций опирается на основной принцип синергетики – единство и борьбу противоположностей, регулирующий самоорганизацию сложных систем в пределах антиномии порядка и хаоса. Вопреки стремлению к сохранению своей целостности (порядок), концептосистемы подвергаются неизбежному влиянию энтропийных сил (хаос), что становится вполне понятным на фоне постоянно действующих процессов бифуркации и диссипации. Вызывая разрушение одних концептосистем и возникновение на их месте других, эти процессы суть диалектика статики и динамики концептов и их системных группировок.

Принцип динамики концептосистем детерминируется законами онто- и филогенеза, способствующих устранению из системы концептов, которые потеряли свою актуальность для индивидуального или коллективного сознания, и введению в нее новых единиц, в т. ч. и тех, что усвоены не через эмпирический опыт, а через язык. Механизм эволюционной динамики концептов и концептосистем работает в режиме non-stop. Он действует в пределах таких синергетических процессов, как митигация, интенсификация, аккомодация. Митигация способствует избавлению системы от единиц, актуальность которых для социокультуры или утрачена, или начинает «хромать» (деконцептуализация слова). Прямо противоположным принципом является интенсификация – введение в лингвокультурных обиход тех концептов, которые начинают приобретать актуальность в новых условиях развития общества (концептуализация слова). Аккомодация же имеет промежуточный статус и состоит в приспособлении концепта к новым условиям функционирования.

Концептосистемы возникают и актуализируются для объективации фактуры дискурсивного целого. Они являются хотя и относительно стойкими, но все же диссипативными комплексами, а их атомарные элементы – (ката)концепты – наделены способностью к импорту / экспорту как из одной дискурсивной среды в другую, так и из одной лингвокультуры в другую. При этом их логические связи изменяют друг друга, пересекаются, сходятся и расходятся, соединяются и разъединяются. Они могут быть логичными и алогичными, устойчивыми и неустойчивыми, а их историческая динамика – прозрачной и непрозрачной, прогнозируемой и непрогнозируемой.

В ракурсе социокультурной динамики калейдоскопической динамикой характеризуются и языковые картины мира, а процессы концептуализации и деконцептуализации сопровождаются возведением на пьедестал логосферы одних этнокультурных ценностей и свержением с него других. Тем не менее алгоритм образования концептосистем нельзя «ухватить» без анализа процессов дивергенции и конвергенции, которые регулируют схождение и расхождение дискурсов в пределах определенной культуры.

Будучи ознаменованной когнитивно-коммуникативным подходом к речемыслительной деятельности, современная парадигма лингвистики предполагает интегративное изучение единиц языка и речи. Понимание того, что концептология, изучающая психо-лингво-культурную надстройку естественных языков, не может существовать изолированно от дискурсологии, изучающей социо-лингво-культурную среду человеческого общения, является ведущим принципом современного языкознания. Дискурс немислим вне концептосферы с ее

стабильными концептополями и ситуативно изменчивыми концептосистемами, а концептосфера, бесперебойно поставляющая ему лингвоэтнокультурный материал, – без дискурса.

Предложенный взгляд на место и роль концептуальных единиц этносоциума – одна из возможных проекций концептосферы на коммуникацию. Системный подход к изучению концептуальных ценностей лингвокультуры позволяет получить убедительные данные о когнитивных схемах национально специфичного мышления и согласованных с ним схем коммуникативного поведения того или иного этнолингвокультурного сообщества.

Интегративный когнитивно-дискурсивный подход к изучению концептуальных единиц языка может определенным образом приблизить нас к решению той кардинальной проблемы, которую классик философской мысли XX ст. Б. Рассел высказал в виде убеждения в том, что путем изучения языка мы можем получить полное знание относительно структуры мира. Основная телеология лингвистических изысканий в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы именно в том и состоит, чтобы приблизиться к решению проблемы человеческого мировосприятия и миропонимания, осознать алгоритмы категоризации, стереотипизации и концептуализации действительности, постигнуть пути и способы репрезентации знания. Все это, в свою очередь, позволяет глубже проникнуть в тайны устройства, функционирования и взаимодействия механизмов лого-, концепто- и ноосферы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абакарова Н. М. «Круг» как концепт в контексте творчества Д. Донна и Т. Элиота / Н. М. Абакарова // Филология и культура : материалы III междунар. науч. конф. – Тамбов, 2001. – Ч. 1. – С. 45–47.

Абрамова Ю. В. Регулятивний потенціал британських прислів'їв як засобів мовного втілення концептів ЧОЛОВІК та ЖІНКА : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / Ю. В. Абрамова. – Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2007. – 20 с.

Адолина О. С. К вопросу о структуре понятийного слоя знаний концепта *гроза* в языковой и научной картинах мира / О. С. Адолина // Этногерменевтика и антропология. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. – С. 213–225.

Акунин Б. Аристонимия / Б. Акунин (Г. Чхартишвили). – М. : Захаров, 2012. – 432 с.

АК: Антология концептов / под ред В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма. – Т. 1 (2005). – 347 с. ; Т. 2 (2005). – 355 с. ; Т. 3 (2006). – 381 с. ; Т. 4 (2006). – 357 с. ; Т. 5 (2007). – 332 с. ; Т. 6 (2007). – 332 с.; Т. 7 (2009). – 336 с.; Т. 8 (2011). – 328 с.

Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.

Алимурадов О. А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций : дис. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.19 / О. А. Алимурадов. – Ростов н/Д, 2004. – 557 с.

Алтабаева Е. В. Семантические параметры концепта «желание» в современном русском языке / Е. В. Алтабаева // Русский язык вчера, сегодня, завтра. – Воронеж, 2000. – С. 32–33.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Школа «ЯРК», 1999. – 896 с.

Арутюнова Н. Д. Воля и свобода / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка. – М. : Индрик, 2003. – С. 73–100.

Арутюнян Н. Л. Понятие «сверхконцепт» / Н. Л. Арутюнян // *Vita in lingua* : К юбилею профессора С. Г. Воркачева. Сб. ст. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 11–18.

Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология ; под ред. В. Н. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.

Бабаева Е. В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / Е. В. Бабаева. – Волгоград : ВГПУ, 1997. – 24 с.

Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : автореф. дис. доктора филол. наук : спец. 10.02.20 / Е. В. Бабаева. – Волгоград : ВГПУ, 2004. – 40 с.

Бабурина М. А. Концепт «муза» и его ассоциативное поле в русской поэзии Серебряного века : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / М. А. Бабурина. – СПб., 1998. – 19 с.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : ВГУ, 1996. – 104 с.

Бабушкин А. П. Общеязыковые концепты и концепты языковой личности / А. П. Бабушкин // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. – Воронеж, 1997. – № 2. – С. 114–118.

Бабушкин А. П. Объективное и субъективное в категоризации мира / А. П. Бабушкин // Общие проблемы строения и организации языковых категорий. – М. : РАН, 1998. – С. 28–31.

Базылев В. Н. Обособленные концепты русской культуры : свобода – воля / В. Н. Базылев / Филология и культура : материалы III междунар. науч. конф. – Тамбов, 2001. – Ч. 3. – С. 125–126.

Байоль О. В. Драматургічний дискурс Теннессі Вільямса : комунікативно-когнітивний аспект : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О. В. Байоль. – К. : КНУ ім. Т. Г. Шевченка, 2008. – 21 с.

Балашова Е. Ю. Лингвокультурный концепт «любовь» в христианском православном дискурсе (на материале анализа притчи о блудном сыне) / Е. Ю. Балашова // Единицы языка и их функционирование : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Научная книга, 2006. – С. 150–155.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Иностранная литература, 1955. – 416 с.

Банкова Л. Л. Труд / Л. Л. Банкова // Антология концептов ; под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2007. – Т. 6. – С. 254–269.

Бардина Н. В. Античная матрица нашей души : монография / Н. В. Бардина. – О. : Астропринт, 2009. – 288 с.

Барт Р. Избранные работы : Семиосфера. Поэтика : пер. с франц. / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.

Белова А. Д. Языковые картины мира в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы / А. Д. Белова // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 29. – С. 17–23.

Белова А. Д. Лінгвістичні перспективи і прогнози у ХХІ столітті / А. Д. Белова // Лінгвістика ХХІ століття : нові дослідження і перспективи. – К. : Логос, 2006. – № 1. – С. 22–32.

Белозерова Е. В. Метаконцепт «реклама» в сознании пожилых носителей русского языка : гендерные особенности / Е. В. Белозерова // Единицы языка и их функционирование : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Научная книга, 2006. – С. 160–167.

Белозерова Е. В. Реклама как жанровый метапонятие (на материале современной русской лингвокультуры) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 / Е. В. Белозерова. – Волгоград : ВГПУ, 2007. – 13 с.

Беляевская Е. Г. Концептуальный анализ : модифицированная версия методов структурной лингвистики? / Е. Г. Беляевская // Концептуальный анализ языка : современные направления исследования : сб. науч. тр. – М. : Эйдос, 2007. – С. 60–69.

Бенвенист Э. Общая лингвистика : пер. с франц. / Э. Бенвенист ; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – 2-е изд., стереот. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.

Бенкендорф Г. Д. Концепти лібералізм та індивідуалізм як ідентифікатори ворожих світоглядів у світобаченні тоталітарних суспільств / Г. Д. Бенкендорф // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. – Донецьк : ДонНУ, 2005. – Вип. 11. – С. 141–157.

Бенкендорф Г. Д. Соціалізм / Sozialismus як тоталітарно детерміновані концепти в російській і німецькій мовах / Г. Д. Бенкендорф // Вісник Київського міжнародного ун-ту. Іноземна філологія. – К. : Правові джерела, 2005. – Вип. 3. – С. 8–19.

Берестнев Г. И. Иконичность добра и зла / Г. И. Берестнев // Вопр. языкознания. – 1999. – № 4. – С. 99–113

Бердникова А. Г. Концепт БЛАГОДАРНОСТЬ в русской языковой картине мира / А. Г. Бердникова // Проблемы интерпретационной лингвистики. – Новосибирск, 2000. – С. 34–41.

Бехта І. А. Концептосистема англomовного дискурсу постмодернізму / І. А. Бехта // Наук. записки Кіровоградського держ. пед. у-ту ім. В. Винниченка. Філологічні науки. Мовознавство. – Кіровоград, 2010. – № 89 (5). – С. 167–173.

Благодарна О. М. Об'єктивація концепту РОБОТА у сучасному британському та американському художньому дискурсі : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / О. М. Благодарна. – Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2009. – 20 с.

Бойко Т. В. Лінгвокультурний концепт MINNE / КОХАННЯ в німецькій поезії мінезангу XII–XIV століть : структурний і семантичний аспекти : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Т. В. Бойко. – К. : КНЛУ, 2011. – 20 с.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. – 123 с.

Бондаренко Е. В. Картина мира : опыт лингвокогнитивного синтеза / Е. В. Бондаренко // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2004. – Вип. 635. – С. 8–13.

Бондаренко Е. В. Время как лингвокогнитивный феномен в англоязычной картине мира : монографія / Е. В. Бондаренко. – Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2009. – 377 с.

Бондаренко О. С. Концепти чоловіка і жінки в українській та англійській картинах світу : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.17 / О. С. Бондаренко. – Донецьк : ДонНУ, 2005. – 20 с.

Борзенкова М. О. Концепт «благо» в диалоге культур / М. О. Борзенкова // Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000. – Ч. 2. – С. 43–45.

Борисов О. О. Мовні засоби вираження емоційного концепту *страх*: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі сучасної англomовної художньої прози) : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / О. О. Борисов. – Донецьк, 2005. – 20 с.

Борисова М. Б. Концепт «чужак» в художественном мире М. Горького / М. Б. Борисова / Говорящий и слушающий : языковая личность, текст, проблемы обучения : материалы Междун. научн.-метод. конф. – СПб. : Союз, 2001. – С. 362–370.

Борисович О. В. Концепт «Діккенс» у мас-медійному літературно-критичному дискурсі / О. В. Борисович // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. пр. – К. : Київський університет, 2006. – Вип. 17. – С. 43–47.

Бородько Д. А. Репрезентация концепта «вооруженный конфликт» в немецкоязычном дискурсе (на материале новостного Интернет-дискурса) / Д. А. Бородько : автореф. дис. канд. филол. наук / Д. А. Бородько. – Пятигорск : ПГЛУ, 2012. – 24 с.

Бочегова Н. Н. Объективация национально-культурного своеобразия в английском языке США : автореф. дис. докт. филол. наук : спец. 10.02.04 / Н. Н. Бочегова. – СПб., 2006. – 37 с.

Бранский В. П. Теоретические основания социальной синергетики / В. П. Бранский // Вопросы философии. – М., 2000. – № 4. – С. 112–129.

Братусь Т. В. К вопросу о методике анализа концепта «счастье» (на материале английского языка) / Т. В. Братусь // Нова філологія. – 2004. – № 1 (20). – С. 28–33.

Бусурина Е. В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е. В. Бусурина. – СПб. : СПбУ, 2004. – 22 с.

БЭС : Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – СПб. : Форионт ; М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 1456 с.

Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии : дис. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.19 / Г. В. Быкова. – Воронеж, 1999. – 349 с.

Вальчук Г. В. Мовне втілення концепту «європейська інтеграція» : семантико-когнітивний аспект (на матеріалі англomовних документів Євросоюзу та публікацій газети The Times) : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / Г. В. Вальчук. – К., 2003. – 273 с.

Ваніна Г. В. Особливості вербалізації концепту PR / ПІАР / ПІАР в англійському (американський варіант), українському та російському газетному дискурсі : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.17 / Г. В. Ваніна. – К., 2011. – 20 с.

Ваховская О. В. Концептуальное пространство греха в современном англоязычном дискурсе / О. В. Ваховская // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2011. – № 65, Вип. 953. – С. 79–86.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; пер. с англ. и отв. ред. М. А. Кронгауз. – М. : Русские словари, 1996. – 412 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков : пер. с англ. / А. Вежбицкая. – М. : Школа «ЯРК», 1999. – 780 с.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М. : ЯСК, 2001. – 272 с.

Вежбицкая А. Еврейские культурные скрипты и понимание Евангелия / А. Вежбицкая // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 533–54.

Вильмс Л. Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «любовь» (на материале немецкого и русского языков) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.17 / Л. Е. Вильмс. – Волгоград, 1997. – 24 с.

Вишаренко С. В. Принципы структурирования концепта «honour» и текстовая реализация его ядерных компонентов (на материале ранненовоанглийского периода) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / С. В. Вишаренко. – СПб., 1999. – 23 с.

ВКЛ : Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособ. / [Попова З. Д. и др.]. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. – С. 61–105.

Волобуєва А. С. Вербалізація концепту «жінка» у британському анекдоті / А. С. Волобуєва // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2005. – Вип. 667. – С. 116–119.

Волохина Г. А. Синтаксические концепты русского языка / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2003. – 131 с.

Воркачев С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 56–66.

Воркачев С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности. Опыт сопоставительной паремиологии / С. Г. Воркачев // Вопросы языкознания. – М., 1997 – № 4. – С. 115–124.

Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт : становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

Воркачев С. Г. Концепт счастья : понятийный и образный компоненты / С. Г. Воркачев // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – 2001. – Т. 60, № 6. – С. 47–58.

Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Перемена, 2003. – 164 с.

Воркачев С. Г. Права человека к русской и латинской афористике и паремиологии : концепт «правосудие / справедливость» / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – М. : МГУ, 2003а. – Вып. 24. – С. 50–53.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : Гнозис, 2004. – 236 с.

Воркачев С. Г. Вариативные и ассоциативные свойства телеономных лингвоконцептов / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 214 с.

Воркачев С. Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии : поиски метода / С. Г. Воркачев // Vita in lingua : К юбилею профессора С. Г. Воркачева : сб. ст. ; отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 39–60.

Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология : современное состояние, проблемы, вектор развития / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – М., 2011. – Т. 70, № 5. – С. 64–74.

Воркачев С. Г. Концепт «оскорбление» и его этимологическая память / С. Г. Воркачев, Г. В. Кусов // Теоретическая и прикладная лингвистика. Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000. – Вып. 2. – С. 90–101.

Воробйова О. П. Концептологія в Україні : здобутки, проблеми, прорахунки / О. П. Воробйова // Вісник КНЛУ. Серія «Філологія». – К. : КНЛУ, 2011. – Т. 14, № 2. – С. 53–64.

Воронін Д. І. Ми та вони : від моделі простору до моделювання соціокультурної взаємодії (на матеріалі російської мови) / Д. І. Воронін // Мовознавство. – 2003. – № 5. – С. 50–55.

Воронова Т. А. Концепты терпимость, бесконфликтность, толерантность в русском сознании / Т. А. Воронова // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2000. – Вып. 7. – С. 60–61.

Всеволодова М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка / М. В. Всеволодова // Вопросы языкознания. – М., 2009. – № 3. – С. 76–99.

ВТССУМ : Великий тлумачний словник сучасної української мови / укл. В. Т. Бусел. – К., Ірпінь : ВТФ «Перун», 2003. – 1440 с.

Гайдученко Л. В. Концепт влада в сучасній німецькій лінгвокультурі : автореф. дис. канд. філол. наук : 10.02.04 / Л. В. Гайдученко. – К. : КНУ ім. Тараса Шевченка, 2009. – 20 с.

Гак В. Г. От хаоса к порядку и от порядка к хаосу («Анархия мать порядка, порядок – отец хаоса») / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2003. – С. 286–293.

Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. Д. А. Керимов, В. С. Нерсеянц / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

Герман И. А. Лингвосинергетика / И. А. Герман. – Барнаул : Алтайская акад. экономики и права, 2000. – 168 с.

Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу / І. О. Голубовська. – К. : Логос, 2004. – 284 с.

Гоннова Т. В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 / Т. В. Гоннова. – Волгоград, 2003. – 257 с.

Гончарова Н. Ю. Концепт «факт» в представлении человека / Н. Ю. Гончарова // Связи языковых единиц в системе и реализации : Когнитивный аспект. – Тамбов, 1999. – Вып. 2. – С. 48–52.

Горобець І. С. Мовні засоби відтворення концепту злочинець у сучасній американській художній прозі та газетній публіцистиці : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / І. С. Горобець. – Донецьк, 2007. – 20 с.

Городникова М. Д. Эмотивные явления в речевой коммуникации / М. Д. Городникова. – М. : МГПИИЯ, 1985. – 167 с.

Гофман О. В. Концепт «муж» в русской картине мира / О. В. Гофман // Этногерменевтика : фрагменты языковой картины мира. – Кемерово, 1999. – С. 25–29.

Габарова Э. В. Лингвокультурологические характеристики концепта «смерть» / Э. В. Габарова // Языковая личность : проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград : Перемена, 2001. – С. 71–78.

Габарова Э. В. Концепт «savoir-vivre» во французской лингвокультуре и его русские соответствия : автореф. дис. канд. филол. наук / Э. В. Габарова. – Волгоград, 2004. – 20 с.

Григорьев В. П. Образы порядка и беспорядка у В. Хлебникова / В. П. Григорьев // Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2003. – С. 504–518.

Григорук С. И. Концепт синего цвета в поэзии Георгия Иванова / С. И. Григорук // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 44. – С. 125–129.

Гришина Н. Б. Актуализация концепта *Америка* в современном русском языке (на материале публицистических текстов) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.01.01 / Н. Б. Гришина. – Архангельск, 2004. – 23 с.

Грушина Н. Б. Концепт «время» в дискурсе современных художественно-публицистических журналов (на материале журнала «Новый мир») : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.01.01 / Н. Б. Грушина. – СПб, 2002. – 19 с.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – Л. : ЛГУ, 1989. – 276 с.

Гумилев Л. Н. От Руси до России. Очерки этнической истории / Л. Н. Гумилев. – СПб. : Кристалл, 2002. – 352 с.

Гуреева Е. И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте объекта : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Е. И. Гуреева. – Челябинск: ЧГУ, 2007. – 22 с.

Данилов К. В. Англо-американские правовые концепты Crime и Punishment в лингвокультурном освещении : учеб. пособ. / К. В. Данилов. – Саратов : Научная книга, 2005. – 128 с.

Данькова Т. Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Т. Н. Данькова. – Воронеж, 2000. – 18 с.

Даньшина О. В. Ключові концепти електорального дискурсу республіканців США / О. В. Даньшина // Вісник Харківськ. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2007. – № 773. – С. 32–34.

Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке / В. З. Демьянков // Вопр. филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47.

Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

Димитрова Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Е. В. Димитрова. – Волгоград : ВГПУ, 2001. – 19 с.

Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века : автореф. дис. докт. филол. наук / О. А. Дмитриева. – Волгоград : Волгоградский гос. пед. ун-т, 2007. – 24 с.

Дмитрюк С. В. Этнокультурная специфика образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / С. В. Дмитрюк. – М., 2001.

Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (1) / Д. О. Добровольский // Вопр. языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.

Довелец С. Н. Динамика морально-этических концептов скупость и щедрость в русском литературном языке XIX – начала XXI веков : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / С. Н. Довелец. – Ростов н/Д : Южный федеральный ун-т, 2008. – 29 с.

Донец П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации / П. Н. Донец. – Х. : Штрих, 2001. – 386 с.

Донец П. Н. Концепт «GRENZE» в немецком языке : семасиологический угол зрения / П. Н. Донец // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия Филол. науки. – Волгоград, 2005. – № 3 (12). – С. 18–22.

Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / Н. В. Дорофеева. – Волгоград, 2002. – 19 с.

Евтушенко Е. Н. Концепт «пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / Е. Н. Евтушенко. – Волгоград, 2004. – 24 с.

Егорова Е. В. Концепт «белая ворона» в русском сознании / Е. В. Егорова // Языковая структура и социальная среда. – Воронеж, 2000. – С. 75–78.

Егорова Е. В. Экспериментальные исследования концепта «белая ворона» в русском сознании / Е. В. Егорова // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2000. – Вып. 7. – С. 59.

Елохова Г. В. Долг / Г. В. Елохова // Антология концептов ; под ред. В. И. Карасика и И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006. – Т. 3. – С. 260–279.

Ермакова О. П. Концепты «совесть» и «зависть» в их языковом выражении / О. П. Ермакова // Русский язык сегодня : сб. тр. ; отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 375–385.

Ефимова Н. Н. Онтологизация концепта «рис» в английской фразеологии : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / Н. Н. Ефимова. – Иркутск, 2000. – 20 с.

Єсипенко Н. Г. Вербальний профіль і концептуальна структура англосаксонських культурних концептів : когнітивно-квантитавний підхід / Н. Г. Єсипенко. – Чернівці : Золоті литаври, 2012. – 320 с.

Жаботинская С. А. Концептуальный анализ языка : фреймовые сети / С. А. Жаботинская // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. Проблеми прикладної лінгвістики. – О. : Астропринт, 2004. – Вип. 9. – С. 81–92.

Жаботинская С. А. Модели репрезентации знаний в контексте различных школ когнитивной лингвистики : интегративный подход / С. А. Жаботинская // Когнитивные исследования языка. Типы знаний и проблема их классификации : сб. научн. трудов. – М.; Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – Вып. 3. – С. 61–74.

Жайворонок В. В. Етнолінгвістика в колі суміжних наук / В. В. Жайворонок // Мовознавство. – 2004. – № 5–6. – С. 23–32.

Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури : Словник-довідник / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.

Жданова В. Концепт причины в русской языковой картине мира / В. Жданова // Beitrage der Europaischen slavistischen Linguistik (POLYSLAV). – München, 1999. – Bd. 2. – С. 314–320.

Жулавська О. О. Актуалізація концепту ТЕРОРИЗМ у сучасному британському газетному дискурсі : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О. О. Жулавська. – Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2011. – 20 с.

Заикина С. В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Теория языка» / С. В. Заикина. – Волгоград : ВГПУ, 2000. – 188 с.

Зайдениц Ш. Эти странные немцы : пер. с англ / Ш. Зайдениц, Б. Баркоу. – М. : Эгмонт Россия Лтд., 2001. – 72 с.

Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : ВорГУ, 2001. – С. 36–44.

Затеева Г. А. Концепт «лабиринт» в прозе Дюрренматта / Г. А. Затеева // Филология и культура : материалы III Междун. науч. конф. – Тамбов, 2001. – Ч. 1. – С. 79–82.

Зеленов Л. А. Русский менталитет / Л. А. Зеленов // Культура и мир : Восток – Запад : тезисы докладов междун. научн. конф. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1995. – С. 165–167.

Злобина Ю. А. Концепт «пища» в рекламном дискурсе / Ю. А. Злобина // Аксиологическая лингвистика : проблемы изучения культурных концептов и этносоциализации. – Волгоград : ВГПУ, 2002. – С. 130–135.

Змиева И. В. Понятийное пространство добра в английской языковой картине мира / И. В. Змиева // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2005. – Вип. 667. – С. 119–126.

Змиева И. В. Радиальная структура категории *добро* в английской ЯКМ / И. В. Змиева // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2006. – Вип. 725. – С. 25–28.

Змиева И. В. Лингвокогнитивные характеристики средств вербализации концепта *добро* в английской ЯКМ : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Змиева. – Х., 2006. – 228 с.

Зубкова Л. И. Национально-культурная специфика концепта БОГ в русской и английской паремиологии / Л. И. Зубкова, Ю. Т. Листрова // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1998. – С. 49–50.

Зубкова Л. И. Концепты «бог» и «царь» в религиозном сознании русских / Л. И. Зубова // Язык и национальное сознание. – Воронеж : ВГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 22–29.

Зубкова Я. В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / Я. В. Зубкова. – Волгоград, 2003. – 22 с.

Ивашенко О. В. Концепт «вера» как отражение национальной культуры русского народа / О. В. Ивашенко // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX–XXI веков. – Воронеж, 2001. – С. 133–135.

Игнаткина А. Л. Концепт PUBLIC RELATIONS : лингвокультурологический аспект / А. Л. Игнаткина. – Саратов : Научная книга, 2006. – 131 с.

ИМ : Иная ментальность / [В. И. Карасик, О. Г. Прохвачена, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова]. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.

Ипполитов О. О. Концепт ДОРОГА в русской концептосфере / О. О. Ипполитов // Русский язык вчера, сегодня, завтра. – Воронеж, 2000. – С. 81–82.

Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / пер. с англ. В. Г. Трилиса / Ф. Капра. – К. : София; М. : ИЗ София, 2003. – 336 с.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке [Электронный ресурс] / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск : Перемена, 1996. – С. 3–16. – Режим доступа : <http://www.vspu.ru/~axiology/vik/vikart2.htm>

Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

Карасик В. И. Этноспецифические концепты / В. И. Карасик // Введение в когнитивную лингвистику ; отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. – С. 61–105.

Карасик В. И. Лингвокультурный типаж / В. И. Карасик // Язык. Текст. Дискурс : Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК ; под ред. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь : ПГЛУ, 2007 (а). – Вып. 5. – С. 86–89.

Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007 (б). – 520 с.

Карасик В. И. Институциональные концепты / В. И. Карасик // Vita in lingua : К юбилею профессора С. Г. Воркачева : сб. ст. ; отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007(в). – С. 87–97.

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 422 с.

Карнауков О. Н. Концепт «Marketing» и его эквиваленты в немецком языке (на материале англо-американских заимствований реализации). Когнитивный аспект / О. Н. Карнауков. – Тамбов, 1999. – Вып. 2. – С. 115–120.

Карпов В. А. Язык как система / В. А. Карпов. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.

Карпова К. С. Лингвокультурный концепт Microsoft в системі американських символів успіху / К. С. Карпова // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. пр. – К. : ВПЦ «Київський університет», 2006. – Вип. 17. – С. 181–185.

Каштанова Е. Е. Лингвокультурологические основания русского концепта *любовь* (аспектный анализ) : автореф. дис. канд. филол. наук / Е. Е. Каштанова. – Екатеринбург, 1997. – 23 с.

Кегеян С. Э. Лингвориторические параметры политического дискурса (на материале текстов идеологов большевизма) : монография / С. Э. Кегеян, А. А. Вержбитова. – Сочи : РИЦ СГУТиКД, 2011. – 156 с.

Керимов Р. Д. Способы репрезентации концепта ЕВРОПА в немецкой политической речи / Р. Д. Керимов // Язык. Этнос. Картина мира. – Кемерово : КемГУ, 2003. – С. 116–120.

Кибрик А. Е. Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. – СПб. : Алетейя, 2003. – 720 с.

Киуру К. В. Концепты «женственность» и «мужественность» в массовом сознании : кроссгендерное исследование / К. В. Киуру // Вестник Челябин. ун-та. Сер. 2 : Филология. – Челябинск, 2000. – № 1. – С. 207–211.

Козина Н. О. Концепт ГРЕХ : этический аспект [Электронный ресурс] / Н. О. Козина // Ивановский государственный университет. – Режим доступа : <http://www/isuct.ru/etc/antropos/section/2/kozina/htm>

Колесник О. С. Лінгвосоціотика міфологічного простору : автореф. докт. філол. наук : спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» / А. С. Колесник. – К. : КНУ ім. Тараса Шевченка, 2012. – 36 с.

Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.

Колокольцева Т. Н. Генерализующий концепт «солнце» в идиостиле К. Бальмонта / Т. Н. Колокольцева // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. – Волгоград : Перемена, 2003. – Ч. 2. – С. 242–245.

Колосова Л. И. Концепт «совесть» в концептосфере русского и французского языков / Л. И. Колосова // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1998. – С. 88–89.

Кононенко В. І. Концепти українського дискурсу : монографія / В. І. Кононенко. – К.; Івано-Франківськ : Плай, 2004. – 248 с.

Копылкова Е. А. Анекдот как средство переживания национальной идентичности (на материале анализа еврейских анекдотов) : дис. ... канд. психол. наук : спец. 10.00.05 / Е. А. Копылкова. – М. : РАО ЦСО, 2006. – 202 с.

Коротун О. В. Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / О. В. Коротун. – Омск : ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2002. – 20 с.

Коротун О. В. Ассоциативный словарь внешнего человека / О. В. Коротун. – Омск : Вриант-Омск, 2010. – 376 с.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.

Космеда Т. А. Русские культурные концепты в «Дневнике» Т. Г. Шевченко *посиделки, самовар* / Т. А. Космеда // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского : Науч. журнал. Серия «Филология». – Симферополь, 2002. – Т. 15 (54), № 1. – С. 80–84.

Космеда Т. А. Аксиология концепта *Петербург* в языковом сознании Шевченко (на материале «Дневника» писателя) / Т. А. Космеда // Мова і культура : Мова і художня творчість. Сер. «Філологія». – К. : ВД Дмитра Бураго, 2002. – Вип. 5. – Т. IV, Ч. 1. – С. 19–204.

Космеда Т. А. Концептосфера дневника Т. Г. Шевченко : концепт *Україна* / Т. А. Космеда // Мова: науково-теоритичний часопис з мовознавства. – О. : Астропринт, 2003. – № 8. – С. 122–126.

Кочерган М. П. Основы зівставного мовознавства / М. П. Кочерган. – К. : Академія, 2006. – 424 с.

Кошарная С. А. Миф и язык : Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. – Белгород : БелГУ, 2002. – 288 с.

Кошелев А. Д. О языковом концепте *долг* / А. Д. Кошелев // Логический анализ языка. Языки этики. – М. : Наука, – 2000. – С. 119–124.

Кравченко В. Л. Семантичні та лінгвопрагматичні характеристики концепту Європа у сучасному англомовному політичному дискурсі : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.20 / В. Л. Кравченко. – К. : КНЛУ, 2007. – 20 с.

Красавский Н. А. Эмоциональная концептосфера немецкого языка (этимологический анализ базисных номинантов эмоций) / Н. А. Красавский // Языковая личность : проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И. В. Сентенберг : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 65–72.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

Крючкова Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н. В. Крючкова. – Саратов : Научная книга, 2005. – 164 с.

КСКТ : Краткий словарь когнитивных терминов / [Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина]. – М. : МГУ, 1997. – 245 с.

Кузьміна О. Б. Поетична семантика концептів «БІЛИЙ» – «ЧОРНИЙ» (на матеріалі української лірики першої третини ХХ сторіччя) : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.01 / О. Б. Кузьміна. – Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2005. – 21 с.

Культурология. ХХ век. Словарь. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 640 с.

Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Г. В. Кусов. – Краснодар : КГТУ, 2004. – 245 с.

Лавриненко О. О. Когнітивний аспект функціонування алюзивних імен казкових героїв у англомовному публіцистичному тексті / О. О. Лавриненко // Вісник Черкаського ун-ту. Філологічні науки. – Черкаси : ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2007. – Вип. 102. – С. 113–117.

Лапотько А. Г. Концепт «береза» в сознании носителей современного русского языка / А. Г. Лапотько // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999. – Вып. 2. – С. 62–64.

Ларина М. Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка»; 10.02.04 «Германские языки» / М. Б. Ларина. – Кемерово : КемГУ, 2011. – 19 с.

Ларькіна М. О. Когнітивні та комунікативні особливості текстотипу «інституційне оголошення» в сучасній німецькій мові : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / М. О. Ларькіна. – К. : КНЛУ, 2012. – 19 с. (репринт: *Ларькіна М. А.* Когнитивные и коммуникативные особенности текстотипа «институциональное объявление» в современном немецком языке : автореф. дис. канд. филол. наук. – К. : КНЛУ, 2012. – 19 с.).

Левин Ю. И. Об обценных выражениях русского языка / Ю. И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М. : ЯРК, 1998. – С. 809–819.

Левин-Штайтманн А. Некоторые соображения о методологии определения «картины мира» (на примере стереотипов «порядок-Ordnung» в русском и немецком языках. Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка / А. Левин-Штайтманн ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2003. – С. 221–231.

Левицкий В. В. Опыт использования количественных методов на кафедре германского, общего и сравнительного языкознания Черновицкого университета / В. В. Левицкий // Проблемы количественной лингвистики. – Чернівці : Рута, 2005. – С. 111–133.

Левіщенко М. С. Лінгвокультурні особливості пізнього вікторіанського дискурсу (на матеріалі англійської художньої прози кінця ХІХ ст.) : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / М. С. Левіщенко. – Херсон : ХДУ, 2011. – 20 с. (репринт : *Левіщенко М. С.* Лингвокультурные особенности позднего викторианского дискурса (на материале англоязычной художественной прозы конца ХІХ в.) : автореф. дис. канд. филол. наук. – Херсон, 2011. – 20 с.).

Левонтина И. Б. Антология концептологии : Рецензия на книгу «Антология концептов» / И. Б. Левонтина ; под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина (М. : Гнозис, 2007). – Вопр. языкознания. – М., 2008. – № 4. – С. 122–126 (репринт : Антология концептов. – Волгоград : Парадигма, 2008. – Т. 6. – С. 17–26).

Леонова Е. П. Концепт «order» («порядок») в английской языковой картине мира / Е. П. Леонова // Концептуальные и семантико-грамматические исследования : памяти проф. Е. А. Пименова : сб. научн. ст. – М. : ИЯ РАН, 2011. – Сер. : Филологический сборник. – Вып. 11. – С. 178–183.

Леонтович О. А. Русские и американцы : парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.

Леонтьев Д. А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999. – 487 с.

Ликіна М. О. Діалектична єдність референтної та поетичної функцій концепту «Конвент-Гарден» / М. О. Ликіна // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. пр. – К. : ВПЦ «Київський університет», 2006. – Вип. 17. – С. 247–253.

Лисицын А. Г. Концепт свобода – воля – вольность в русском языке : автореф. дис. канд. филол. наук / А. Г. Лисицын. – М., 1996. – 17 с.

Лисицька О. П. Концепти «добро» і «зло» в російській мовній картині світу : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.02 / О. П. Лисицька. – Х. : Харк. держ. пед. ун-т ім. Г. Сковороди, 2001. – 17 с.

Листрова-Правда Ю. Т. Концепты МАТЬ и ОТЕЦ в русских пословицах и поговорках / Ю. Т. Листрова-Правда // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999. – Вып. 2. – С. 23–24.

Литвиненко Ю. Ю. Концепт *возраст* в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира : автореф. дис. канд. филол. наук / Ю. Ю. Литвиненко. – Омск : ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2006. – 22 с.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : Антология. – М. : Asademia, 1997. – С. 280–287.

Ларина М. Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка»; 10.02.04 «Германские языки» / М. Б. Ларина. – Кемерово : КемГУ, 2011. – 19 с.

ЛК : Лингвокультурный концепт : типология и области бытования : монография / под общ. ред. С. Г. Воркачева. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – 400 с.

Лобкова Е. В. Образ-концепт «любовь» в русской языковой картине мира : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Е. В. Лобкова. – Омск : ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2005. – 18 с.

Ломоносова Ю. Е. Гештальт-анализ в изучении фразеологических составляющих концепта «вода» / Ю. Е. Ломоносова // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2007. – Вип. 773. – С. 50–52.

Ломоносова Ю. Е. Концептуальное поле «атмосферные явления» во французской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.05 / Ю. Е. Ломоносова. – Белгород, 2008. – 196 с.

Лук А. Н. Эмоции и личность / А. Н. Лук. – М. : Знание, 1982. – 176 с.

Лукашкова О. Ю. Концепт «дружба» в русском языке / О. Ю. Лукашкова // Культура общения и ее формирование. – Воронеж: ВГУ, 2001. – Вып. 8. – С. 84–85.

Лукин В. А. Концепт истины и слово *истина* в русском языке (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) / В. А. Лукин // Вопросы языкознания. – М., 1993. – № 4. – С. 63–86.

Луньова Т. В. Лексикалізований концепт *гармонія* в сучасній англійській мові : категорії описи та принципи моделювання / Т. В. Луньова // Наук. вісник Херсонського держ. ун-ту. Лінгвістика. – 2005. – Вип. 2. – С. 363–371.

Луньова Т. В. Лексикалізований концепт ГАРМОНІЯ в сучасній англійській мові : структура і комбінаторика : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / Т. В. Луньова. – К. : КНЛУ, 2006. – 352 с.

Любезная Е. В. Антиномия «тьма – свет» в культурно-аксиологической парадигме русской ментальности (по рассказам Татьяны Толстой) / Е. В. Любезная // Национально-культурный компонент в тексте и языке : материалы докл. III Междун. научн. конф. в 3-х т. – Минск: МГЛУ, 2005. – Ч. 1. – С. 213–215.

Ляпин С. Х. Концептология : к становлению похода [Электронный ресурс] / С. Х. Ляпин // Научные труды Центроконцепта. – Архангельск : ПомГУ, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35. – Режим доступа: http://www.crc.pomorsu.ru/library/articles/Sbornik3/sbornik3_1.htm

Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.

Малахова С. А. Личностно-эмоциональные концепты «гордость» и «стыд» в русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 – теория языка / С. А. Малахова. – Волгоград : ВГПУ, 2009. – 22 с.

Малишевская Д. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина / Женщина») / Д. Малишевская // Фразеология в контексте культуры. – М. : Школа «ЯРК», 1999. – С. 180–184.

Мальшева Е. Г. Русский спортивный дискурс : теория и методология лингвокогнитивного исследования : автореф. дис. доктора филол. наук : спец. 10.02.01 / Е. Г. Мальшева. – Омск : ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2011. – 47 с.

Мальцев А. Д. Национальная специфика концепта «деньги» в русском и английском языках / А. Д. Мальцев // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999. – Вып. 2. – С. 56–58.

Мамедова А. І. Концептосистема німецької народної загадки / А. І. Мамедова // Гуманітарний вісник. Іноземна філологія. Число 10. – Черкаси : ЧДТУ, 2006. – Т. 2. – С. 323–326.

Мамедова А. І. Когнітивно-семантична і комунікативно-функціональна організація німецької народної загадки : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / А. І. Мамедова. – Донецьк : ДонНУ, 2008. – 20 с.

Манаенко Г. Н. Значение «мира текста» и смыслы «мира дискурса» / Г. Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс : Научн. альманах. – Ставрополь; Краснодар : АПСН, Кубанское региональное отделение, 2008. – С. 9–23.

Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – К. : Знання, 2004. – 326 с.

Манакін В. М. Мова і міжкультурна комунікація / В. М. Манакін. – К. : Академія, 2011. – 288 с.

Мартинюк А. П. Концепт у дискурсивній парадигмі / А. П. Мартинюк // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2006. – № 725. – С. 9–12.

Мартинюк А. П. Перспективи дискурсивного напряму дослідження концептів / А. П. Мартинюк // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2009. – № 837. – С. 14–18.

Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

Маслова В. А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. – Витебск : Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2004. – 214 с.

Медведева А. В. Образы дома в английской и русской концептосферах / А. В. Медведева // Когнитивная лингвистика. – Тамбов, 1998. – Ч. 2. – С. 78–80.

Медведева Т. С. Репрезентация концепта ORDNUNG в немецкой языковой картине мира / Т. С. Медведева // Вестник Удмуртского ун-та. Филологические науки. – 2007. – № 5 (2). – С. 105–114.

Медведева Т. С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры : монография / Т. С. Медведева, М. В. Опарин, Д. И. Медведева. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 160 с.

Межжеріна Г. В. Мовна картина світу часів Київської Русі (на матеріалі писемних пам'яток XI–XIII ст.) : автореф. дис. доктора філол. наук : спец. 10.02.01 / Г. В. Межжеріна. – К. : Ін-т укр. мови НАНУ, 2006. – 36 с.

Мельник Р. М. Прикметники зі значенням «старанний, працьовитий» у німецькомовній картині світу : дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / Р. М. Мельник. – Чернівці : ЧНУ ім. Ю. Федьковича, 2006. – 220 с.

Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности / А. А. Мельникова. – СПб. : Речь, 2003. – 320 с.

Мельникова Е. А. Метафорическая реализация концепта «время» в художественном дискурсе / Е. А. Мельникова // Вісник Харківськ. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2005. – № 667. – С. 3–9.

Мещерякова Ю. В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / Ю. В. Мещерякова. – Волгоград, 2004. – 235 с.

Мирошниченко Л. М. Труд / Л. М. Мирошниченко // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2007. – Т. 5. – С. 218–236.

Михеев М. Ю. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) / М. Ю. Михеев // Фразеология в контексте культуры. – М. : Школа «ЯРК», 1999. – С. 145–158.

Мізін К. І. Людина в дзеркалі компаративної фразеології / Л. І. Мізін : монографія. – Кременчук : ПП Щербатих, 2011. – 448 с.

Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование : лингвокогнитивный аспект / Е. И. Морозова. – Х. : Экограф, 2005. – 300 с.

Морозова Е. И. Активизация концепта ложь в дискурсе / Е. И. Морозова // Вісник Харківськ. нац. ун-ту ім. В. Каразіна. – Х., 2006. – № 725. – С. 13–16.

Морозова И. А. Концепт «рябина» в стихотворениях М. Цветаевой / И. А. Морозова // Филология и культура. – Тамбов : ТГУ, 2003. – С. 450–452.

Мошина Е. А. Сопоставительный анализ способов объективации концептов надежда и hope в русской и английской языковых картинах мира : автореф. дис. канд. филол. наук / Е. А. Мошина. – Волгоград, 2006. – 19 с.

Мякшева О. В. Концепт «окно» в художественном и публицистическом тексте / О. В. Мякшева // Язык и национальное сознание. – Воронеж: ВГУ, 1998. – С. 53–54.

Набиева Я. А. Концепт «страх» и лексико-семантический вариант слова «fear» / Я. А. Набиева // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : тез. Междунар. научно-практич. конф. – Челябинск : Челябинский гос. ун-т, 2001. – С. 55.

Нагибина Е. В. Концепт «слава» в русском языке (лингвокультурологический аспект) : автореф дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Е. В. Нагибина. – Барнаул, 2002.

Наумова Н. Г. Англомовний комерційний контракт : лінгвопрагматичний і лінгвокогнітивний аспекти : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / Н. Г. Наумова. – Запоріжжя, 2005. – 20 с.

Нерознак В. П. От концепта к слову : к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск : ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 1998. – С. 80–85.

Несветайлова И. В. «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / И. В. Несветайлова. – Волгоград : ВГПУ, 2010. – 18 с.

Никитин М. В. Основание когнитивной семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Из-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 277 с.

Никитин М. В. Российский уклон в когнитивной лингвистике / М. В. Никитин // Интерпретация, понимание, перевод. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – С. 278–285.

Никитина Л. Б. Образ-концепт «*homo sapiens*» в русской языковой картине мира : автореф дис. доктора филол. наук : спец. 10.02.01 / Л. Б. Никитина. – Омск : ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2006. – 52 с.

Никонов А. П. Конец феминизма. Чем женщина отличается от человека / А. П. Никонов. – М. : ЭНАС; СПб. : Питер, 2008. – 368 с.

Никонова В. Г. Концептуальное пространство трагического в пьесах Шекспира : поэтико-когнитивный анализ : автореф. дис. доктора филол. наук : спец. 10.02.04 / В. Г. Никонова. – К. : КНЛУ, 2008. – 37 с.

Никонова В. Г. Трагедійна картина світу в поезиці Шекспіра : монографія / В. Г. Ніконова. – Дніпропетровськ : ДУЕП, 2007. – 364 с.

НМ : Народы мира: историко-этнографический справочник / гл. ред. Ю. В. Бромлей. – М. : Сов. энциклопедия, 1988. – 624 с.

НЭС : Новый энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Большая российская энциклопедия, 2001. – 1456 с.

Огаркова Г. А. Вербалізація концепту «кохання» в сучасній англійській мові : когнітивний та дискурсивний аспекти : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / Г. А. Огаркова. – К. : КНУ ім. Тараса Шевченка, 2005. – 20 с.

Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – Белгород : БелГУ, 2009. – 280 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / под. ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереот. – М. : Русский язык, 1986. – 797 с.

Олешков М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) / М. Ю. Олешков // Дискурс, концепт, жанр : коллективная монография ; отв. ред М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. – С. 68–86.

Олійник Т. С. Семантичні та функціональні характеристики символічних власних імен в сучасній англійській мові : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / Т. С. Олійник. – К. : КНУ ім. Тараса Шевченка, 2001. – 21 с.

Онищук І. Ю. Емоціогенність концепту ВАРПР в англійській мові й мовленні (на матеріалі словників та англійських романів-трилерів) : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / І. Ю. Онищук. – О. : ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2006. – 20 с.

Орлова О. Г. Актуализация концепта *Russia* (Россия) (на материале американского еженедельника Newsweek) : автореф дис. канд. филол. наук : спец. 10.01.01 / О. Г. Орлова. – Волгоград, 2005. – 20 с.

Отин Е. С. «Все менты – мои кенты»... (Как образуются жаргонные слова и выражения) / Е. С. Отин. – М. : Элпис, 2006. – 384 с.

Павленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.

Павлова А. А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных) / А. А. Павлова. – Белгород: БелГУ, 2004. – 162 с.

Павлова О. В. Концепт «воровство» в русской и немецкой лингвокультурах : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / О. В. Павлова. – Волгоград : ВГПУ, 2009. – 25 с.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : ЯСК, 2004. – *Studia philologica*. – 608 с.

Палашевская И. В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. канд. филол. наук / И. В. Палашевская. – Волгоград, 2001. – 23 с.

Панова Л. Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато» / Л. Г. Панова // Логический анализ языка. Языки этики ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 2000. – С. 167–177.

Панченко Н. Н. Средства объективации «обмана» (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / Н. Н. Панченко. – Волгоград, 1999. – 20 с.

Передерий Г. М. Концептуальний простір англомовної поетичної драми ХХ століття : жанрово-стилістичний аспект : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Г. М. Передерий. – Херсон : ХДУ, 2010. – 20 с.

Передриенко Т. Ю. Концепты БОГ и ДЬЯВОЛ в русской и английской лингвокультурах (на материале паремий и афоризмов) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / Т. Ю. Передриенко. – Челябинск : ЮУрГУ, 2006. – 23 с.

Пименов Е. А. Концепт Gemüt в немецком языке / Е. А. Пименов // Язык. Культура. Человек. Этнос. Серия «Филологический сборник». – Кемерово : Графика, 2002. – Вып. 3. – С. 79–82.

Пименов Е. А. Особенности репрезентации концепта ANGST в немецком языке / Е. А. Пименов // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. – М.; Калуга : Кошелев, 2007. – С. 231–236.

Пименова М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека / М. В. Пименова. – Кемерово : Кузбассвузиздат; Landau : Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с.

Пименова М. В. Дух и душа : особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово : Графика, 2004. – 386 с.

Пименова М. В. Концептосфера внутреннего мира человека / М. В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. – С. 133–185.

Пименова М. В. Концепт *сердце* : Образ. Понятие. Символ : монография / М. В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2007. – 500 с.

Пичугина Е. В. Когнитивная организация и прагматическая реализация концепта FEAR : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / Е. В. Пичугина. – СПб., 2003. – 17 с.

Покровская Я. А. Метафора как средство обозначения концепта гнева / Я. А. Покровская // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. ВГПУ, ПМПУ. – Волгоград; Архангельск : Перемена, 1996. – С. 183–189.

Полина А. В. Историческое варьирование семантического прототипа концепта «бог» / А. В. Полина // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2003. – Вип. 609. – С. 169–173.

Пономарева Е. Ю. Концептуальная оппозиция «жизнь – смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 / Е. Ю. Пономарева. – Тюмень : ТюмГУ, 2008. – 24 с.

Пономарева О. Б. Векторная семантика концепта / антиконцепта *РЕВОЛЮЦИЯ* (на материале романа Ч. Диккенса «Повесть о двух городах») / О. Б. Пономарева // Когнитивные исследования языка. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – Вып. 9 : Взаимодействие когнитивных и языковых структур. – С. 191–196.

Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 192 с.

Попова З. Д. Полевая модель концепта / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005-а. – С. 12–45.

Попова З. Д. Семантико-когнитивный поход как направление когнитивной лингвистики / З. Д. Попова, И. А. Стернин // *Vita in lingua* : К юбилею профессора С. Г. Воркачева : сб. ст. ; отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 171–180.

Потапенко С. И. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу / С. И. Потапенко. – К. : КНЛУ, 2004. – 360 с.

Присяжнюк Л. Ф. Свій / Чужий в образній системі романів Г. Гріна : семантико-когнітивний аспект : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / Л. Ф. Присяжнюк. – К. : КНЛУ, 2007. – 19 с.

Прихода Я. В. Концепт ЄВРОПА в українській публіцистиці : когнітивно-лінгвістичні аспекти : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.01.18 / Я. В. Прихода. – Львів : Львів. нац. ун-т ім. І. Франка, 2005. – 19 с.

Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запоріжжя: Прем'єр, 2008. – 332 с.

Приходько А. Н. Таксономические параметры дискурса [Электронный ресурс] / А. Н. Приходько // Язык. Текст. Дискурс : Научн. альманах Ставроп. отд. РАЛК ; под. ред. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь: СГПИ, 2009. – Вып. 7. – С. 22–30. – Режим доступа: http://www.russcommwww.ru/rca_biblio/issue/index.shtml

Приходько Г. В. Концепт «огонь» в картине мира русского народа / Г. В. Приходько // Материалы 6-й науч. конф. : сб. н. тр. – Новосибирск : Наука, 2005. – С. 86–89.

Прохвачева О. Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / О. Г. Прохвачева. – Волгоград, 2000. – 24 с.

Прохоров Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта; Наука, 2009. – 176 с.

Путий Е. С. Концептополе «антропологическое состояние» (на материале немецкого языка) / Е. С. Путий // Нова філологія. – Запоріжжя : ЗНУ, 2006. – Вип. 24. – С. 95–102.

Путий О. С. Репрезентація макроконцепта «стан людини» в сучасній німецькій мові : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / О. С. Путий. – Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2010. – 20 с. (репринт: *Путий Е. С.* Репрезентация макроконцепта «состояние человека» в современном немецком языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Е. С. Путий. – Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2010. – 20 с.).

Путий Е. С. Концептосистема немецкой фольклорной сказки [Электронный ресурс] / Е. С. Путий // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. трудов. – Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2011. – № 3. – С. 53–63. – Режим доступа : <http://www.sites.google.com/site/cognitiondiscourse>

Радзиевская Т. В. Предствление о труде по данным украинского языка, или о концептах ПРАЦЯ и РОБОТА / Т. В. Радзиевская // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура. – М. : Языки русской культуры, 2004. – С. 632–639.

Радзієвська Т. В. Концепт ШЛЯХУ в українській мові : поєднання ідей простору і руху / Т. В. Радзієвська // Мовознавство, 1997. – № 4–5. – С. 17–26.

Рахилина Е. В. О тенденциях развития когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Известия АН. Серия литературы и языка. – Т. 59, № 3. – 2000. – С. 3–15.

РКП : Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь / [И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных]. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.

Романова Т. В. Интерпретация концептуальной структуры публицистического текста (на материале дневниковых заметок О. Павлова «Бывшие люди») / Т. В. Романова // Вопросы филологии, 2005. – № 1 (19). – С. 23–28.

Романенко А. В. Маркированная лексика любовной поэзии немецкого романтизма / А. В. Романенко // Вестник Севастопольского гос. техн. ун-та. Филология. Севастополь : СевГТУ, 2000. – Вып. 28. – С. 56–64.

Романенко О. В. Сильові доміанти німецького романтичного дискурсу та їх мовна об'єктивація : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / О. В. Романенко. – Запоріжжя, 2006. – 239 с.

Рудакова А. В. Концепт «быт» в русской концептосфере / А. В. Рудакова, И. А. Стернин // Концептуальные сферы «мир» и «человек». – Кемерово : Графика, 2005. – С. 14–29.

Русина Е. В. Бинарные концепты «glory» и «disgrace» в американской лингвокультуре : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е. В. Русина. – Волгоград : ВГПУ, 2008. – 18 с.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – 640 с.

Сабадашева М. Г. Лексико-фразеологические способы выражения семантического единства «память / забвение» в русском и английском языках : автореф. дис. канд. филол. наук : сер. 10.02.20 / М. Г. Сабадашева. – Волгоград : ВГПУ, 2009. – 16 с.

Садохин А. П. Этнология / А. П. Садохин. – М. : Академия, 2002. – 314 с.

Савенкова А. Б. Концепт «судьба» и его реализация в русских пословицах / А. Б. Савенкова // Язык и национальное сознание. – Воронеж: ВГУ, 1998. – С. 45–46.

Самохина В. А. Современная англоязычная шутка / В. А. Самохина. – Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2008. – 356 с.

Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.

Селиверстова Л. П. Лингвокультурный типаж «звезда Голливуда» : автореф. дис. канд. филол. наук / Л. П. Селиверстова. – Волгоград : Волгоградский гос. ун-т., 2007. – 19 с.

Семенчук А. Б. Інноваційні засоби об'єктивації концепту ТЕРОРИЗМ (на матеріалі англійської мови) : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / А. Б. Семенчук. – Херсон : ХерДУ, 2010. – 20 с.

Синячкин В. П. Концепт *хлеб* в русском языке. Лингвокультурологические аспекты описания : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / В. П. Синячкин. – М., 2002. – 20 с.

Скобликова Е. С. Концептосфера человека и модели предложения / Е. С. Скобликова // Филологические науки. – 2001. – № 4. – С. 45–54.

Скорнякова Р. М. Концептуализация труда в современных немецких афоризмах / Р. М. Скорнякова // *Ethnohermeneutik und kognitive Linguistik*. – Landau : Empirische Pädagogik, 2007. – S. 314–319.

Слышкин Г. Г. Концепт чести в американской и русской культурах (на материале толковых словарей) / Г. Г. Слышкин // Языковая личность : культурные концепты : сб. науч. тр. – Волгоград; Архангельск : Перемена, 1996. – С. 54–60.

Слышкин Г. Г. От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.

Слышкин Г. Г. Концепт фильма «Семнадцать мгновений весны» в русской лингвокультуре / Г. Г. Слышкин // Вестник Самарского гос. ун-та. Гуманитарный выпуск. – 2004. – № 1 (31). – С. 179–188.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 290 с.

Слышкин Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М. : Водолей Publishers, 2004. – 153 с.

Соболева И. А. Когнитивно-языковая характеристика лексемы КРЫША в современном газетном дискурсе / И. А. Соболева // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999. – Вып. 2. – С. 28–31.

Солохина А. С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах : автореф. дис. канд. филол. наук / А. С. Солохина. – Волгоград, 2004. – 20 с.

Солощук Л. В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англомовному дискурсі / Л. В. Солощук. – Х. : Константа, 2006. – 300 с.

Сорокин Ю. А. Две дискуссионные реплики по поводу когнитивного «бу-ма» / Ю. А. Сорокин // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. – Волгоград : Перемена, 2003. – Ч. 1. – С. 283–294.

Степанов Ю. С. Концепт «причина» и два подхода к концептуальному анализу языка – логический и сублогический / Ю. С. Степанов // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука. – 1991. – С. 5–14.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «ЯРК», 1997. – 824 с.

Степанов Ю. С. Семиотика концептов / Ю. С. Степанов // Антология «Семиотика». – М. : Наука, 2001. – С. 603–612.

Степанов Ю. С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике / Ю. С. Степанов // Концептуальный анализ языка : современные направления исследования : сб. науч. тр. – М.; Калуга : ИП Кошелев, 2007. – С. 19–26.

Стернин И. А. Как описывать концепты / И. А. Стернин, В. И. Карасик // Антология концептов. – Волгоград : Парадигма, 2008. – Т. 6. – С. 26–35.

Столярська Т. Pünktlichkeit як норма поведінки у німецькому лінгвокультурному просторі / Т. Столярська // Мовні і концептуальні картини світу. – 2007. – Вип. 21. – Ч. 3. – С. 164–169.

Стуліна М. В. Лінгвокультурні типи німецького постмодерністського дискурсу / М. В. Стуліна // Вісник Харківськ. нац. ун-ту імені В. Н. Каразіна. – Х., 2010. – № 897. – С. 149–154.

Стуліна М. В. Німецький постмодерністський дискурс : лінгвоконцептуальний і лингвопоетичний аспекти : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / М. В. Стуліна. – О. : ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2011. – 20 с. (репринт: *Стуліна М. В.* Немецкий постмодернистский дискурс : лингвоконцептуальный и лингвопоэтический аспекты : автореф. дис. канд. филол. наук / М. В. Стуліна. О. : ОНУ им. И. И. Мечникова, 2011. – 20 с.).

Сукаленко Н. И. Пошлость как концепт русской культуры / Н. И. Сукаленко // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2000. – Вип. 471. – С. 255–260.

Суродина Н. Р. Лингвокультурологическое поле концепта «пустота» (на материале поэтического языка московских концептуалистов) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Н. Р. Суродина. – Волгоград, 1999. – 18 с.

Сусов А. А. Размышления о концептах / А. А. Сусов, И. П. Сусов // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2006. – Вип. 726. – С. 14–20.

Тарасова И. А. Концепт «вечность» в поэтическом мире Г. Иванова / И. А. Тарасова // Предложение и слово : парадигматический, текстовый и коммуникативные аспекты. – Саратов : Изд-во Сар. пед. инст., 2000. – С. 215–221.

Тарбаева О. В. Сопоставительный анализ концептов друг / friend в английском и русском языках (на материале пословиц) / О. В. Тарбаева // Вестник МГУ. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 2. – С. 2–11.

Тарнакина С. И. Синтаксический концепт «небытие объекта» (к вопросу к национальной специфике) / С. И. Тарнакина // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX–XXI веков. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 59–61.

Тахтарова С. С. Концепт «Ordnung» как культурная доминанта / С. С. Тахтарова // Национально-культурное пространство и проблемы коммуникации : материалы междунар. науч.-практ. конф. (25–26.09.2007). – СПб. : ИВЭСЭП, 2007. – Ч. 1. – С. 59–62.

Тахтарова С. С. Концепт «Ordnung» как культурная доминанта в немецкой лингвокультуре / С. С. Тахтарова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Майкоп, 2009. – Вып. 3. – С. 229–234.

Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) : автореф. дис. докт. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка». – Волгоград : ВГПУ, 2010. – 38 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «ЯРК», 1996. – 286 с.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Диалог-МГУ, 2000. – 438 с.

Токарев Г. А. Дискурсивные лики концепта / Г. А. Токарев. – Тула : ТГПУ, 2003. – 109 с.

Толочко О. В. Образ как составляющая концепта «школа» / О. В. Толочко // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сб. научн. тр. / ВГПУ. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 178–181.

Топорова В. М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка : автореф. дис. канд. филол. наук / В. М. Топорова. – Воронеж, 2000. – 19 с.

Топорова Т. В. Древнегерманские представления о праве и правде / Т. В. Топорова // Логический анализ языка : Истина и истинность в культуре и языке. – М. : Наука, 1995. – 19 с.

Усачева А. Н. Лингвистические параметры концепта «состояние здоровья» в современном английском языке : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / А. Н. Усачева. – Волгоград, 2002. – 20 с.

Урысон Е. В. Еще раз о СВОБОДЕ и ВОЛЕ / Е. В. Урысон // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 694–703.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с., Т. 2 – 672 с. ; 1987. – Т. 3. – 832 с. ; Т. 4. – 864 с.

Федоренко Л. В. Вербальна репрезентація комічного у драматургічному дискурсі Фрідріха Дюрренматта : автореф. дис. канд. філол. наук / Л. В. Федоренко. – Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2012. – 18 с. (репринт: *Федоренко Л. В.* Вербальная репрезентация комического в драматургическом дискурсе Фридриха Дюрренматта : автореф. дис. канд. филол. наук / Л. В. Федоренко. – Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2012. – 18 с.).

Фесенко Т. А. Этноментальный мир человека : опыт концептуального моделирования : автореф. дис. докт. филол. наук / Т. А. Фесенко. – М., 1999. – 54 с.

Филатова А. Концепт *интеллигенция* в смысловом пространстве современной русской культуры / А. Филатова // Логос. – 2005. – № 6(51). – С. 206–217.

Филиппова М. А. Базовые признаки концепта «democracy» в американской лингвокультуре / М. А. Филиппова // Единицы языка и их функционирование : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Научная книга, 2006. – С. 167–171.

Флакман А. А. Немецкий менталитет как отражение ментальности его носителей : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / А. А. Флакман. – Н-Новгород : НГУ им. Н. А. Добролюбова, 2005. – 172 с.

ФКК : Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Школа «ЯРК», 1999. – 336 с.

ФС : Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1986. – 590 с.

Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты : автореф. дис. докт. филол. наук : спец. 10.02.01 / Л. А. Фурс. – Тамбов : Тамбовск. гос. ун-т, 2004. – 36 с.

ФЭС : Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. – М. : ИНФРА-М, 1997 ; 2002. – 576 с.

Хайчевская Т. А. Концепт «метель» и его диалектическое осмысление в одноименной повести А. С. Пушкина / Т. А. Хайчевская // Менталитет. Концепт. Гендер. – Кемерово : Кузбассвузиздат; Landau : Empirische Pädagogik, 2000. – С. 145–147.

Харитоновна В. Ю. Эвфемистическая репрезентация концептов в англоязычной речевой культуре : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / В. Ю. Харитоновна. – Воронеж : ВГУ, 2008. – 22 с.

Харитончик З. А. К методологии когнитивных исследований в лингвистике / З. А. Харитончик // Одиниці та категорії сучасної лінгвістики : зб. наук. пр., присв. ювілею В. Д. Каліущенка. – Донецьк : Юго-Восток Лтд, 2007. – С. 284–296.

Харкевич Г. І. Відображення стану тривоги персонажа в англomовній художній прозі : семантико-когнітивний та наративний аспекти : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / Г. І. Харкевич. – К. : КНЛУ, 2007. – 21 с.

Хатунцева Т. Ю. «Смерть» в русском и англо-американском языковом сознании / Т. Ю. Хатунцева // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999. – Вып. 2. – С. 41–43.

Хижняк Л. Г. Концепты «свобода» и «воля» в современной коммуникации / Л. Г. Хижняк // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000. – С. 69–75.

Храмова Ю. А. Концептуальная диада «лицемерие – искренность» (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Ю. А. Храмова. – Волгоград : ВГПУ, 2010. – 21 с.

Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии : учеб. пособ. / А. Т. Хроленко. – М. : Флинта; Наука, 2004. – 184 с.

Чабан Н. А. Образ суверенної України у вербальному втіленні (на матеріалі публікацій газети «The New York Times») : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / Н. А. Чабан. – К. : КНЛУ, 1997. – 19 с.

Чернявская В. Е. Дискурс как фантомный объект : от текста к дискурсу и обратно? [Электронный ресурс] / В. Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс : сб. науч. тр. – Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2011. – Вып. 3. – С. 86–95. – Режим доступа : <http://www.sites.google.com/site/cognitiondiscourse>.

Чесноков И. И. Концепт «секс» в русской лингвокультуре / И. И. Чесноков // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия «Филологические науки», 2006. – № 5 (18). – С. 79–84.

Чиркова О. А. Поэтика современного народного анекдота : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / О. А. Чиркова. – Волгоград, 1997. – 265 с.

Чорновол-Ткаченко О. О. Вербалізація концепту ВЛАДА у сучасному британському газетному дискурсі : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / О. О. Чорновол-Ткаченко. – Х. : ХНУ ім. В. В. Каразіна, 2007. – 20 с.

Чмир О. Р. Концепт «порядок» у мовній свідомості середньовіччя (на матеріалі старослов'янської та давньоруської мов) / О. Р. Чмир // Мовознавство, 2005. – № 6. – С. 57–63.

Чумак О. С. Концепт *жизнь* в поэтических текстах романа «Доктор Живаго» как отражение нравственного идеала Б. Л. Пастернака / О. С. Чумак // Филологические этюды : сб. статей. – Саратов : СГУ, 2001. – С. 211–214.

Шагаль В. Э. Арабский мир : пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык / В. Э. Шагаль. – М. : Институт востоковедения РАН, 2001. – 288 с.

Шамаева Ю. Ю. Когнитивная структура концепта «радость» (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / Ю. Ю. Шамаева. – Х. : ХНУ им. В. В. Каразина, 2004. – 261 с.

Шаманова М. В. Национальная специфика отражения концепта «общение» в лексикофразеологической системе русского языка / М. В. Шаманова // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999. – Вып. 2. – С. 52–54.

Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М. : Просвещение, 1994. – 490 с.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : ВГУ, 1987. – 190 с.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

Шаховский В. И. Национально-культурная специфика концепта «обман» во фразеологическом аспекте / В. И. Шаховский, Н. Н. Панченко // Фразеология в контексте культуры. – М.: Школа «Языки рус. культуры», 1999. – С. 285–288.

Шафигов С. Г. Категории и концепты в лингвистике / С. Г. Шафигов // Вопр. языкознания, 2007. – № 2. – С. 3–17.

Шевченко И. С. Подходы к анализу концепта в современной когнитивной лингвистике / И. С. Шевченко // Вісник Харківського нац. ун-ту. – Х., 2006. – № 725. – С. 192–195.

Шевченко И. С. Дискурсообразующие концепты викторианства : скромность vs ханжество [Электронный ресурс] / И. С. Шевченко // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электронный сб. н. тр. – Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2010. – № 2. – С. 73–84. – Режим доступа : <http://www.sites.google.com/site/cognitiondiscourse>

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.

Шейгал Е. И. Карнавализация концептов в жанре политического фельетона / Е. И. Шейгал, А. Е. Слепцова // Человек в коммуникации : концепт, жанр, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2006. – С. 39–46.

Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании символа / Е. В. Шелестюк // Вопросы языкознания. – М., 1997. – № 4. – С. 125–142.

Ши Ся. Концепт КИТАЙ в русском обыденном языковом сознании : автореф. канд. филол. наук / Ши Ся. – М. : МГУ, 2008. – 23 с.

Шиишгина О. Ю. Отражение гендерных стереотипов в языке (на материале английских паремий с лексемой «wife») [Электронный ресурс] / О. Ю. Шиишгина. – Режим доступа: <http://www.language.psu.ru/bin/veiw.cgi/art=0130=rus>

Шмелев А. Д. Русский язык и неязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М. : ЯСК, 2002. – 496 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира / А. Д. Шмелев. – М. : ЯСК, 2002. – 224 с.

Шмелев А. Д. Дружба в русской языковой картине мира / А. Д. Шмелев // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 704–715.

Шмелева Е. Я. Русский анекдот : Текст и речевой жанр / Е. Я. Шмелева, Д. А. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.

Щеглова И. В. Лингвокультурный типаж «чиновник» (на материале русского языка) : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.19 «Теория языка» / И. В. Щеглова. – Волгоград : ВГПУ, 2010. – 23 с.

Юдина Е. А. Лексический темпоральный ориентир как элемент языковой картины мира / Е. А. Юдина // Романо-германская филология : сб. науч. тр. – Саратов : СГУ, 2000. – С. 93–97.

Юнацька А. Б. Вербалізація стереотипів іспаномовної культури в американському варіанті англійської мови : автореф. дис. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / А. Б. Юнацька. – Запоріжжя : ЗНУ, 2006. – 16 с.

Юнгер Ф. Г. Язык и мышление / Ф. Г. Юнгер. – СПб. : Наука, 2005. – 300 с.

Юрьева И. Ф. Концепт РОССИЯ как фрагмент русской национальной картины мира периода XX–начала XXI вв. : автореф. канд. филол. наук / И. Ф. Юрьева. – Челябинск : ЧГПУ, 2008. – 23 с.

ЯБЭС : Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – 684 с.

Яворская Г. М. О концепте ДОМ в украинском языке / Г. М. Яворская // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 716–728.

Armstrong I. A. Ukrainian Nationalism : 3rd Edition / I. A. Armstrong. – Eaglewood, Colorado (USA) : Ukrainian Academic Press, 1990. – 271 p.

Bausinger H. Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen? / H. Bausinger. – München : C. H. Beck, 2000. – 175 S.

Beyer H. Sprichwörterlexikon / H. Beyer, A. Beyer. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1985. – 712 S.

BGRS : Briefe gut und richtig schreiben. Ratgeber für ein richtiges und modernes Schreiben / Red. Mitarb. W. Eckey. – Mannheim [u. a.] : Dudenverlag, 1989. – 818 S.

Behagel-Thomsen H. Typisch deutsch? Arbeitsbuch zu Aspekten deutscher Mentalität / H. Behagel-Thomsen, A. Lundquist, P. Mog. – Mannheim : Dudenverlag, 1993. – 144 S.

Bierwiazzonek B. A Cognitive Study of the Concept of LOVE in English / Boguslaw Bierwiazzonek. – Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2002. – 228 p.

Borisenko M. «Ordnung muss sein...» – Betrachtungen zu einem Klischee über deutsche Mentalität / Marlen Borisenko // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах : зб. наук. пр. – Донецьк : ДонНУ, 2011. – Вип. 24. – С. 56–63.

Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. – Düsseldorf : Schwann, 1962. – 654 S.

Bulitta E. Wörter der Synonyme und Antonyme / E. Bulitta, H. Bulitta. – Frankfurt/M : Fischer Taschenbuch Verlag, 1990. – 795 S.

Clausner T. C. Domains and image schemas / T. C. Clausner, W. Croft // Cognitive Linguistics. – 1999. – Vol. 10, No. 1. – P. 1–31.

Dinzelbacher P. Zu Theorie und Praxis der Mentalitätsgeschichte / P. Dinzelbacher // Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen. – Stuttgart : Kröner, 1993. – S. XV–XXXVII.

DL 1997 : Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka. – B. : Directmediapublishing GmbH, 1997. – Digitale Bibliothek : NT CD-ROM-Laufwerk mit 8 MByte RAM.

Dolnik J. Das axiologosche System und die axiologoschen Wortfelder / J. Dolnik // Zeitschrift für Slavistik, 1994. – Bd. 39, Nr. 4. – S. 504–513.

Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / F Dornseiff. – Berlin; N.Y. : Walter der Gruyter, 1970. – 922 S.

Duden/6 : Das große Wörterbuch der deutschen Sprache (in 6 Bdn) / Hrsg. von G. Drosdowski. – Mannheim [u. a.] : Dudenverlag, 1978. – 2992 S.

Duden/10 : Das große Wörterbuch der deutschen Sprache (in 10 Bdn.) – Mannheim [u. a.] : Dudenverlag, 1999. – Электронный ресурс. – Режим доступа. – http://www.xipolis.net/28aed21be8717d70dc8ab5ae5423005af/werke/werk_info.php?shortname=felix

Duden-ZuA : Der Duden in 12 Bdn. – Bd. 12. «Zitate und Aussprüche». – Mannheim, Wien, Zürich : Dudenverl., 1993. – 960 S.

DUW : Deutsches Universalwörterbuch / unter Leitung von G. Drosdowski. – Mannheim, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1989; 1997. – 1816 S.

Eismann W. Nationales Stereotyp und sprachliches Klischee- Deutsche und Slaven im Lichte ihrer Phraseologie und Parömiologie / W. Eismann // Tendenzen in der Phraseologieforschung (Europhras1992). – Bochum: B. Sandig, 1994. – S. 81–107.

Felderer B. Höfliche Politiker in Fernsehgesprächen / B. Felderer // Höflichkeit : Aktualität und Genese von Umgangsformen / Hrsg. B. Felderer, Th. Macho. – München : Wilhelm Flink, 2002. – S. 263–288.

Fleischer M. Das System der polnischen Kollektivsymbolik. Eine empirische Untersuchung / M. Fleischer. – München : Flink, 1995. – Reihe : Specimina Philologiae Slavicae. – Bd. 39. – 280 S.

Fleischer M. Das System der deutschen Kollektivsymbolik. Eine empirische Untersuchung / M. Fleischer. – Bochum : B. Sandig, 1996. – Reihe : Bochumer Beiträge zur Semiotik. – 200 S.

Fleischer M. Das System der russischen Kollektivsymbolik. Eine empirische Untersuchung / M. Fleischer. – München : Flink, 1997. – Reihe : Specimina Philologiae Slavicae. – Bd. 116. – 160 S.

Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – Leipzig : Bibliographisches Institut, 1975. – 394 S.

Grech M. Kognitywna i lonstruktivna semantyka 'prawdy' / M. Fleischer, M. Grech, A. Ksiażek // Kultura i Komunikacja, 2003. – № 2. – S. 18–23.

Grimm J. Deutsches Wörterbuch (in 33 Bdn.) / J. Grimm, W. Grimm. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1991. – Bd. 3. – 1903 S.

Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas. – Frankfurt/M. : Suhrkamp, 1984. – 607 S.

Habermas J. Handlungen, Sprechakte, sprachlich vermittelte Interaktionen und Lebenswelt / J. Habermas // J. Habermas. Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze. – Frankfurt/M. : Suhrkamp, 1988. – S. 63–104.

Habermas J. Vorbereitende Bemerkungen zur Theorie der kommunikativen Kompetenz / J. Habermas // J. Habermas, N. Luhmann. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie. Was leistet die Systemforschung? – Frankfurt/M. : Suhrkamp, 1990. – S. 101–141.

Hall E. T. The Hidden Dimension. Garden City. – N.Y. : Doubleday, 1990. – 217 p.

Henting H. Pflicht und Neigung / H. Henting // Deutschland in keinen Geschichten. – München : Deutscher Taschenbuchverlag, 1996. – S. 59–62.

Hoffmann E. Ethnostereotype in der russischen Werbekommunikation / E. Hoffmann // Wirtschaftssprache : anglistische, germanistische, romanistische und slavistische Beiträge. – Frankfurt am Main [u. a.] : Peter Lang, 1998. – S. 229–247.

Hofstede G. A summary of my ideas about national culture differences [Электронный ресурс] / G. Hofstede // Режим доступа : <http://www.spectrum.troyst.edu/~vorism/hofstede.htm>

Humboldt W., von. Schriften zur Sprache / W. von Humboldt. – Stuttgart : Philipp, 1980. – 256 S.

Ide S. Sprachliche Höflichkeit im Chinesischen, Japanischen und Englischen aus sozialgeschichtlicher Perspektive / S. Ide // Höflichkeit : Aktualität und Genese von Umgangsformen / Hrsg. B. Felderer, Th. Macho. – München : Wilhelm Flink, 2002. – S. 253–262.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – B.; N.Y. : Walter de Gruyter, 1989. – 822 S.

Klujeva T. V. National-kulturelle Spezifika im Luxemburger Deutsch / T. V. Klujeva // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch, 2004. – S. 63–76.

Kuehn P. Bedeutungserklärungen im Wörterbuch : Angaben zum Verwendungsdurchschnitt oder zur Verwendungsvielfalt? Ein Beitrag zur Lexikographie des Gefühlswortschatzes am Beispiel.

Eifersucht / P. Kuehn // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1987. – Bd. 40. – S. 267–278.

Lado R. Linguistics across cultures / R. Lado. – The University of Michigan Press, 1995. – 124 P.

Langacker R. W. Foundation of Cognitive Grammar / R. W. Langacker. – Vol. 1 : Theoretical prerequisites. – Stanford CA : Stanford University Press, 1987. – 515 p.

Langacker R. Concept, Image and Symbol : The Cognitive Basis of Grammar / R. Langacker. – B.; N.Y. : Mouton de Gruyter, 1990. – 546 p.

Larousse : Petit Larousse illustré / Larousse. – Paris : Librairie Larousse, 1989. – 1678 p.

LD : Longman Dictionary of English Language and Culture. – Edinburgh : Longman, 1998. – 1568 p.

Leech G. N. Style in Fiction. A Linguistik Introduction to English Fictional Prose / G. N. Leech, M. H. Short. – L.; N.Y. : Longman, 1985. – 402 p.

Leewen-Turnovcova J., van. Rationalität und Irrationalität als Linearität du Zirkularität : Zur Konzeptualisierung der *Verrücktheit* und der praktischen *Vernunft* / J. van Leewen-Turnovcova // Zeitschrift für Slavistik, 1995. – Bd. 41, Nr. 3. – S. 305–337.

Macho Th. Höflichkeit als Sprache der Weltgesellschaft? / Th. Macho // Höflichkeit : Aktualität und Genese von Umgangsformen / Hrsg. B. Felderer, Th. Macho. – München : Wilhelm Flink, 2002. – S. 9–21.

Münch P. Zucht und Ordnung / P. Münch. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1978. – 4232 S.

Münch P. Ordnung, Fleiß und Sparsamkeit. Texte und Dokumente zur Entstehung der «bürgerlichen Tugenden» / P. Münch. – München : Langen Möller, 1984. – 412 S.

Nuss B. Das Faust Syndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen / B. Nuss. – Bonn, Berlin : Borvier, 1993. – 213 S.

OED : The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. – Oxford : Clarendon Press, 1993. – 3801 p.

Olbrich A. Kulturelle Differenzen / A. Olbrich // Режим доступа : <http://www.maibox.univie.ac.at/Andreas.Olbrich/kultur.htm>.

Paul H. Deutsches Wörterbuch : Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes / H. Paul. – Tübingen : Max Niemeyer, 2002. – 1243 S.

Plutchik R. The Psychology and Biology of Emotion / R. Plutchik. – N.Y. : Harper Collins College Publishers, 1994. – 396 p.

Rickheit G. Grundlage der kognitiven Sprachverarbeitung / G. Rickheit, H. Strohner. – Tübingen : Niemeyer, 1993. – 325 S.

Robert : Le nouveau petit Robert / Robert. – Paris : Dictionnaires le Robert, 1993. – 2552 p.

Rosch E. Cognitive Representation of Semantic Categories / E. Rosch // Journal of Experimental Psychology, 1975. – Vol. 104. 1975. – P. 192–233.

Ruoff A. (Hrsg). Häufigkeitswörterbuch gesprochener Sprache: gesondert nach Wortarten, alphabetisch, rückläufig alphabetisch und nach Häufigkeit geordnet / A. Ruoff. – Tübingen : Max Niemeyer, 1981. – 517 S.

Rupprecht-Stroell B. Fleißige Frauen arbeiten – kluge machen Karriere : alles ist möglich / B. Rupprecht-Stroell. – München : Langen Möller, 1997. – 324 S.

Schmid H.-J. Zum kognitiven Kern der Prototypentheorie / J-H Schmid // Rostocker Beiträge zur Sprachwissenschaft. – 1998. – Nr. 5. – S. 9–28.

Schmidt-Lauber B. Gemütlichkeit. Eine kulturwissenschaftliche Annäherung / B. Schmidt-Lauber. – N.Y. : Campus, 2003. – 275 S.

Schulz J. Angst : Urgefühl (Angst : a primeval feeling) / J. Schulz. – München : dtv, 1995. – 312 S.

Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik / M. Schwarz. – Tübingen / Basel : Francke, 1996. – 238 S.

Shevchenko I. S. Meaning as discursive construal in cognitive-pragmatic paradigm / I. S. Shevchenko // Нова філологія, 2005. – № 2 (22). – С. 182–186.

Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik / M. Schwarz. – Tübingen : Francke, 1992. – 219 S.

Schwarz M. Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität / M. Schwarz. – Tübingen, Basel : Francke, 1996. – 163 S.

Schwarz-Friesel M. Kognitive Linguistik heute – Metaphernverstehen als Fallbeispiel / M. Schwarz-Friesel // Deutsch als Fremdsprache. – 2004. – H. 2. – S. 83–89.

Sucharowski W. Sprache und Kognition. Neue Perspektiven in der Sprachwissenschaft / W. Sucharowski. – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1996. – 298 S.

Tan Aoshuang. The Chinese Concept of Love in the Light of Western Linguistics / Tan Aoshuang // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 654–664.

TD : Typisch deutsch? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.web.unic.ca/geru/400/students/project3.html>

Trier J. Sprachliche Felder / J. Trier // Zeitschrift für deutsche Bildung, 1932. – H. 9. – S. 417–427.

Trompenaars F. The Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business [Электронный ресурс] / F. Trompenaars. – Режим доступа: http://www.home.sandiego.edu/~dimon/Reims_Class2.pdf

Wagner W. Kulturschock Deutschland : Empirische Betrachtungen [Электронный ресурс] / W. Wagner, H. Berth. – 1962. – 432 S. – Режим доступа : <http://www.rcswww.urz.tu-dresden.de/~berth/daw/kulturschock.html>

Wahrig 1997 : Deutsches Wörterbuch / R. Wahrig. – Gütersloh, München: Bertelsmann, 1997. – 1420 S.; 2000 – 1451 S.

WdGS : Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (In 6 Bänden) / Hrsg. R. Klappenbach, W. Steinitz. – Berlin : Akademie, 1978. – 4579 S.

WdGm : Wörter, die Geschichte machen. Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts / Hrsg. S. Kromer. – Gütersloh, München : Bertelsmann, 2001. – 224 S.

Wikiquote: Deutsche Sprichwörter. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.de.wikipedia.org/wiki/Deutsche_Sprache

Werlen E. Sprache, Kommunikationskultur und Mentalität: zur sozio- und kontaktlinguistischen Theoriebildung und Methodologie / E. Werlen. – Tübingen : Niemeyer, 1998. – 366 S.

Wiener N. The Human Use of Human Beings / N. Wiener. – N.Y. : Houghton Mifflin, 1950. – 312 p.

Wille C. Stereotype in Deutschland und Frankreich – Aspekte zur Bewusstwerdung [Электронный ресурс] / C. Wille. – Режим доступа: <http://www.wille.20m.com/druckstereotype.htm>

Wolf F. Moderne deutsche Idiomatik. Alphabetisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen / F. Wolf. – München : Max Hueber, 1995. – 565 S.

Научное издание

Приходько Анатолий Николаевич

КОНЦЕПТЫ И КОНЦЕПТОСИСТЕМЫ

Монография

Издание печатается в авторской редакции

Ответственный редактор *Белая Е. А.*
Дизайн обложки *Косолапов А. В.*
Оригинал-макет *Белая Е. А., Епишко М. Г.*
Технический редактор *Капуш О. Е.*

Подписано к печати 24.01.13. Формат 60x84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,42. Тираж 300 пр. Зак. № 0113-02.

Издатель и изготовитель СПД Белая Е. А.
Свидетельство о внесении в Государственный реестр
субъектов издательской деятельности ДК № 3618 от 06.11.2009

Отпечатано на полиграфической базе издателя Белой Е. А.
Почтовый адрес: Украина, 49087, г. Днепропетровск,
п/о 87, а/я 4402

тел. +38 (067) 972-90-71

www.confcontact.com
e-mail: conf@confcontact.com

